GOETHE-INSTITUT MOSKAU

Общество «Мемориал»

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Наказанный народ

По материалам конференции
«Репрессии против российских немцев
в Советском Союзе в контексте советской национальной политики»,
проведенной Немецким культурным центром им. Гете в Москве
совместно с Обществом «Мемориал»
18-20 ноября 1998 года

"ЗВЕНЬЯ"

Москва, 1999

ББК 63.3(2)6-36
Р41

Издательская программа Общества «Мемориал»

Редакционная коллегия:
А.Ю.Даниэль, Л.С.Еремина, Е.Б.Жемкова, Т.И.Касаткина, М.М.Кораллов,
Н.Г.Охотин, Я.З.Рачинский, А.Б.Рогинский (председатель)

Редактор-составитель И.Л.Щербакова

Издание осуществлено при поддержке
Немецкого культурного центра
им. Гете в Москве

Издательство «Звенья» работает при поддержке
Ассоциации «Дорога свободы»

ISBN 5-7870-0035-8

© НИПЦ «Мемориал», составление, 1999
© А.Н.Афанасьев, оформление, 1999

Содержание

От составителя 7

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

В.Шайдуров, *Барнаул.* Российские немцы: трагедия одного народа 9

А.Герман, *Саратов.* Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам 17

Д.Брандес, *Дюссельдорф.* Защита и сопротивление российских немцев (1917–1930-е гг.) 26

РЕПРЕССИИ 1937 ГОДА

Н.Охотин, А.Рогинский, *Москва.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. 35

В.Хаустов, *Москва.* Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. 75

ДЕПОРТАЦИИ И РЕПРЕССИИ В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ СССР

Н.Бугай, *Москва.* Автономия немцев Поволжья: проблемы деструктурирования и социальной натурализации 84

В.Бруль, *Геттинген.* Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ 95

Т.Чебыкина, *Томск.* Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) . . 118

Г.Маламуд, *Челябинск.* Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. 128

В.Кириллов, *Нижний Тагил.* Советские немцы в Тагиллаге . . 146

Т.Плохотнюк, *Ставрополь.* Немецкое население Северного Кавказа в условиях тоталитарной системы в середине 1920-х–1930-х гг. 149

СУДЬБЫ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Л.Белковец, *Новосибирск.* Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.) 158

Л.Бургарт, *Усть-Каменогорск.* Судьба человека – судьба народа. Личные дела немцев-спецпоселенцев как источник по проблеме депортации и режима спецпоселения 180

Т.Сабурова, *Архангельск.* Этнические немцы на Севере . . 187

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

О.Лиценбергер, *Саратов.* Репрессии против лютеранских и католических священнослужителей в СССР 200

Е.Эйхельберг, *Тюмень.* Преследование по религиозным причинам немцев Тюменской области 211

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕПОРТАЦИИ

Н.Смольникова, *Москва.* Национальные репрессии и их влияние на современные этнополитические проблемы немцев Поволжья. 221

Т.Иларионова, *Москва.* Реабилитация: трудный путь из тупика. Проблема российских немцев в советско-западногерманских переговорах 1957–1958 гг. 237

А.Паповян, Е.Паповян, *Москва.* «Проводить профилактическую, разъяснительную работу...» (КГБ перед проблемой немецкой эмиграции. Эпизод 1957 г.). 253

ИСТОРИОГРАФИЯ

Т.Чернова, *Москва.* Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии). 261

Kurze Inhaltsangaben zu den Aufsätzen in diesem Buch 279

Repression gegen die Rußlanddeutschen

Vorwort des Herausgebers 7

ALLGEMEINES

W. Schajdurow, *Barnaul.* Die Rußlanddeutschen. Tragödie eines Volkes. . 9

A. German, *Saratov.* Repressionen als integraler Bestandteil der Rußlanddeutschen-Politik des politischen Regimes 17

D. Brandes, *Düsseldorf.* Resistenz, Abwehr und Widerstand von Rußlanddeutschen 1917–1941 26

REPRESSIONEN VON 1937

N. Ochotin, A. Roginskij, *Moskau.* Zur Geschichte der «deutschen Operation» des NKWD 1937/38 35

W. Chaustow, *Moskau.* Repressionen gegen die Rußlanddeutschen bis zum Beginn der Massenverhaftungen von 1937 75

VERTREIBUNG UND REPRESSION IN VERSCHIEDENEN REGIONEN DER UDSSR

N. Bugaj, *Moskau.* Das autonome Staatsgebiet der Wolgadeutschen. Probleme der zerstörten Struktur und der Neuaneignung des Territoriums . 84

V. Bruhl, *Göttingen.* Vertriebene Völker in Sibirien 1935–1965 Vergleichende Analyse 95

T. Tschebykina, *Tomsk.* Die Vertreibung der deutschen Bevölkerungsgruppe aus der europäischen UdSSR nach Westsibirien 1941–1945 118

G. Malamud, *Tscheljabinsk.* Die rußlanddeutschen «Arbeitsarmisten» im Ural 1942–1948 128

W. Kirillow, *Nishnij Tagil.* Rußlanddeutsche im *Tagillag* 146

T. Plochotnjuk, *Stavropol.* Die deutsche Bevölkerungsgruppe des Nordkaukasus unter dem totalitären System in den zwanziger und dreißiger Jahren 149

DAS SCHICKSAL DER SONDERUMSIEDLER IM SPIEGEL VON ARCHIVDOKUMENTEN

L. Belkowez, *Novosibirsk.* Die Sonderansiedlung der Deutschen in Westsibirien (1941–1955) 158

L. Burgart, *Ust-Kamenogorsk.* Das Schicksal des Einzelnen und seines Volkes. Die Personalakten der Sonderumsiedler als Quellen zu Deportation und Sonderansiedlung 180

T. Saburowa, *Archangelsk.* Rußlanddeutsche in Nordrußland 187

VERFOLGUNG AUS RELIGIÖSEN GRÜNDEN

O. Linzenberger, *Saratov.* Repressionen gegen lutherische und katholische Geistliche in der UdSSR 200

Je. Ejchelberg, *Tjumen.* Die religiös motivierte Verfolgung der Deutschen im Gebiet Tjumen 211

FOLGEN DER VERTREIBUNG

N. Smolnikowa, *Moskau.* Repressionen mit nationalem Hintergrund und ihre Bedeutung für die derzeitigen ethnopolitischen Probleme der Wolgadeutschen 221

T. Illarionowa, *Moskau.* Rehabilitierung, ein schwieriger Weg aus einer aussichtslosen Situation. Das Problem der Rußlanddeutschen in den sowjetisch-deutschen Verhandlungen 1957/58 237

A. Papowjan, E. Papowjan, *Moskau.* «Vorbeugende Maßnahmen ergreifen, aufklären...» Der KGB und das Problem der deutschen Emigration im Jahr 1957 253

GESCHICHTSSCHREIBUNG

T. Tschernowa, *Moskau.* Das Problem der politischen Repressionen gegen die deutsche Bevölkerungsgruppe in der UdSSR. (Übersicht über die sowjetische und russische Geschichtsschreibung) 261

Kurze Inhaltsangaben zu den Aufsätzen in diesem Buch 279

От составителя

Предлагаемый читателям сборник «Репрессии против российских немцев» – итог углубленной исследовательской работы как российских, так и немецких историков. Собственно, итогом явилась научная конференция «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», организованная Немецким культурным центром им. Гёте при участии Общества «Мемориал» и прошедшая в Москве в ноябре 1998 г. Материалы конференции и легли в основу этого сборника.

За минувшее десятилетие было сделано много: опубликовано большое число статей, вышли монографии, посвященные истории советских немцев. Ведь даже на фоне многих иных лакун в нашей советской истории о судьбе советских немцев было известно крайне мало, в сущности, почти ничего. А между тем судьба этого народа сложилась столь же трагично и несправедливо, как и судьба крымских татар. Но татары в конце концов все-таки добились возвращения на свою историческую родину, а с российскими немцами этого так и не произошло. Они – и это огромная культурная и экономическая потеря – постепенно покидают Россию навсегда.

Авторы сборника исследуют причины, обстоятельства и последствия того, что произошло. Они не ограничиваются событиями 1940-х гг., то есть периодом депортации. Теперь можно в достаточной степени ясно представить себе историю российских немцев в период гражданской войны, в 1920-е гг. и во время коллективизации (статьи В.Шайдурова, А.Германа, Д.Брандеса).

Репрессиям 1930-х гг. (до начала и в период национальных операций 1937 г.) посвящены статья Н.Охотина и А.Рогинского и статья В.Хаустова. Из этих публикаций отчетливо видно, как росла подозрительность и шпиономания, как формулировались обвинения, как постепенно раскручивался маховик репрессий, словом, как складывалось все то, что было осуществлено в массовом порядке летом 1941 г., когда всех советских немцев объявили «пятой колонной» и огульно обвинили в измене Родине и пособничестве врагу.

В других работах сборника (статьи Н.Бугая, В.Бруля, Т.Чебыкиной, Г.Малламуда и других) подробно освещается сам механизм депортации, размещения, организации трудармии в разных регионах СССР – от Поволжья до Сибири, от Северного Кавказа до Урала.

Особую ценность представляют содержащиеся в статьях Л.Белковец, Т.Сабуровой и Л.Бургарта сведения, почерпнутые из личных и следственных дел немцев-спецпоселенцев. Эти документы, хранящиеся в местных архивах УВД, позволяют понять, как реально действовала репрессивная машина – не только на уровне постановлений, указов и директив, а применительно к конкретным людям и частным судьбам. Система оперативного учета, тотальной слежки, насаждения агентов и осведомителей – именно так формировался режим спецпоселения.

В исследовании любой тоталитарной модели чрезвычайно острым и болезненным является вопрос о Сопротивлении. Возможно ли оно и в каких формах проявляется? Этой проблеме посвящена статья немецкого историка Д.Брандеса. Если применительно к эпохе гражданской войны и коллективизации можно говорить об организованном, а иногда и вооруженном сопротивлении российских немцев, то в период депортации и в более поздние годы сопротивление режиму приобретало формы ухода в религию, борьбы за сохранение культурных и языковых ценностей в противовес насаждавшейся ассимиляции. (Именно о религиозных преследованиях пишут в своих работах О.Линценбергер и Е.Эйхельберг.)

Собранные вместе, материалы сборника свидетельствуют о том, что этап освоения неизвестных и недоступных прежде архивных документов пройден. Не все статьи равноценны по степени глубины анализа, научному уровню. Однако очевидно, что накоплен большой фактографический материал, поставлены многие вопросы. Очевидно также, что разоблачительные страсти начала 1990-х гг. в какой-то мере улеглись. Большинство историков осознали, что полемически заостренное употребление таких терминов, как геноцид, в конечном итоге ничего не дает для понимания характера и механизма репрессий. Наступает, как нам кажется, период более глубокого и спокойного осмысления трагической судьбы российских немцев. Пришло время более глубокого и комплексного анализа всех доступных источников – мемуаров, устных свидетельств, архивных документов и т.п.

Проблему российских немцев нельзя рассматривать в чисто академическом ключе, ведь до сих пор не найдено ее политическое решение. (В статье Т.Иларионовой, помещенной в сборнике, рассказывается, как и почему это произошло.) Однако не стоит недооценивать значения исторической работы, – только вдумчивый и внимательный анализ событий прошлого поможет освободиться от предубеждений, ложных представлений и стереотипов, ведущих в конечном итоге к национальной розни и этническим конфликтам, поможет сохранить то ценное, что еще можно сохранить.

Общие проблемы

В.Шайдуров, *Барнаул*

Российские немцы: трагедия одного народа

Кто такие российские немцы? Какова история их существования в России? На этот и многие другие вопросы ответить достаточно сложно без рассмотрения различных аспектов российской истории. Не затрагивая всего спектра проблем, остановимся лишь на некоторых из них, а именно на вопросах государственной политики по отношению к немцам.

К середине XVIII в. Россия оформилась как многонациональное государство, проводившее определенную национальную политику. Достаточно отчетливо ее последствия видны на примере российских немцев-колонистов, массовое переселение которых в Россию продолжалось на протяжении второй половины XVIII–первой половины XIX в. Именно в период царствования Екатерины II, Павла I, Александра I в отношении российских немцев проводилась открытая протекционистская политика, выражавшаяся, в частности, в предоставлении различных налоговых послаблений.

Середина прошлого века в истории России характеризуется изменениями во всех областях общественной жизни. Особенно отчетливо это прослеживается на примере буржуазно-демократических реформ в период правления Александра II. Либеральные реформы, несомненно, имели положительное значение для последующего развития российской государственности. Однако проводившиеся в те годы мероприятия в некоторой степени имели негативные последствия для определенных групп населения, в том числе и для российских немцев. Нарушение сложившегося равновесия между данной субнациональной группой и государством привело к возникновению национального конфликта особого рода. В основе его была несовместимость интересов сторон, вовлеченных в противостояние. Но этот процесс разворачивался не совсем обычно – немецкое население ответило на меры, принимаемые по отношению к нему (реформа немецкой колонии по Закону от 4 июля 1871 г., введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. и др.), началом массовой эмиграции за пределы Российской империи. Основными местами нового поселения российских немцев (Rußlanddeutschen, german russian) стала Северная и Южная Америка. По данным Ш.А.Богиной, в течение 70–80-х гг. прошлого века только в США переселилось около 10 тыс. выход-

цев из поволжских и южнороссийских колоний[1]. В Канаду же в течение последней трети XIX в. выехало около 75 тыс. меннонитов, 10 тыс. лютеран и католиков, более 5 тыс. представителей прочих вероисповеданий, которые составили около 40% эмигрантов-немцев на Среднем Западе[2]. В 1870-е гг. возникают немецкие колонии также в ряде стран Южной Америки, куда выехало немало бывших колонистов. Какие последствия имела эта акция для экономики и культуры, объяснять не приходится.

Наступление на немецкие поселения на этом не закончилось. В 1890-е гг. российские власти начали вмешиваться в систему образования. 24 февраля 1897 г. Государственный Совет министерства народного просвещения распорядился по мере возможности вводить в школах бывших иностранных колонистов преподавание на русском языке, оставив изучение родного языка и Закона Божьего их исповедания в числе уроков, необходимых для усвоения этих предметов. С одной стороны, данный шаг был направлен на введение единой с русскими школами программы образования, что давало бы возможность немцам продолжать обучение в учебных заведениях последующих ступеней вплоть до университетов. С другой – это означало и давление на национальную школу, и немцы опасались, что будут лишены возможности обучать своих детей на родном языке. Это вызвало новую волну эмиграции из России за океан.

События начала XX в. не обошли стороной немецкое население России. Сначала правительство П.А.Столыпина инициировало кампанию по ограничению гражданских прав иностранных граждан, в том числе немецких колонистов в вопросах землевладения в трех губерниях Западного края (Киевской, Волынской и Подольской). Однако внесенный в Государственную думу в 1910 г. законопроект вызвал недовольство у думского большинства, а потому в мае 1911 г. правительство вынуждено было забрать его «на доработку». Но уже в 1912 г. он был повторно внесен в Думу с некоторыми поправками и на этот раз принят. Согласно этому закону, немецкие колонисты, принявшие российское подданство после 1888 г., ограничивались в праве приобретения земельной собственности. К упоминавшимся ранее губерниям на этот раз была добавлена Бессарабская.

1914 год... С этой датой связана еще одна трагедия немецкого народа. Начавшаяся первая мировая война дала повод шовинистически настроенной части общества начать антинемецкую кампанию в России. Она нашла свое выражение, в первую очередь, в депортации немецкого населения из 100-километровой приграничной с Австро-Венгрией и Германией зоны. Произошли погромы в крупнейших городах, в том числе Петрограде и Москве, были

введены так называемые ликвидационные законы. Эти шаги правительства, поддержанные, а иногда и инициированные частью общества в лице, например, депутатов Государственной думы, государственных чиновников, представителей предпринимательских кругов, шовинистически настроенными представителями интеллигенции и простого народа, усилили латентный национальный конфликт. Немцы видели две возможности выхода из этой ситуации: эмиграция за рубеж или миграция на окраины России, как можно дальше от политического Центра. Говорить о соотношении этих возможностей достаточно сложно, но одно известно – число мигрировавших в Сибирь, Центральную Азию и на Дальний Восток превысило численность эмигрантов.

Пришедшие к власти большевики не оставляли без внимания национальный вопрос. Уже в первые послевоенные годы при ЦК РКП(б) были образованы бюро национальных секций для работы с национальными меньшинствами. Главная задача этих структур сводилась к тому, чтобы облегчить распространение большевизма среди народов России, в том числе и среди немецкого населения, осуществить его советизацию, поставив тем самым под жесткий политический контроль. Однако политическая работа среди немцев не давала должной отдачи. Об этом свидетельствуют, например, следующие данные. В Западносибирском крае в первой половине 1920-х гг. проживало 86 759 немцев, из которых лишь 214 состояли в партии, 215 – в комсомоле, а 182 были пионерами[3]. В работе крестьянских комитетов принимало участие всего 6% немецкого населения региона. Все это говорит о том, как неохотно немцы воспринимали новые политические веяния. При этом следует помнить, что часть немцев-активистов была либо прислана на места из центра, либо совсем недавно находилась в качестве военнопленных в лагерях. В целях усиления работы с национальными меньшинствами в 1923 г. партийные и советские власти пошли на создание национальных сельских советов. К 1925 г. в Сибирском крае было образовано 56 немецких и 30 смешанных сельсоветов. Однако эти шаги не принесли желаемых результатов.

Необходимо было принимать более радикальные меры, а потому уже в середине 1925 г. заговорили о возможном создании национальных районов, в частности немецких. Сказалась здесь и ситуация, которая сложилась к тому времени в среде немецких крестьян. По одну сторону стояли достаточно сильные в экономическом и организационном плане меннонитские общества, не терпевшие вмешательства в свои дела, а с другой стороны им противостояли партийные и советские органы, стремившиеся к полному контролю за их жизнью. И именно создание немецких национальных районов, по замыслу властей, должно было сначала осла-

бить, а затем и вовсе исключить меннонитские организации из общественной жизни немецкого населения.

4 июля 1927 г. ВЦИК принял решение: выделить в Славгородском округе Немецкий район с центром в селе Гальбштадт. То есть созданная сверху квазиавтономия имела конкретную задачу – привлечь экономические и людские ресурсы для построения социализма в отдельно взятой стране. Немецкие районы должны были стать механизмом советизации деревни, население которой, по словам современников, было сплошь кулацким[4]. Каково было отношение рядовых немцев к данной акции? Сегодня говорить об этом достаточно трудно. Вероятно, многие из них надеялись, что в рамках национального района у них появится возможность сохранить традиционную культуру, язык, верования и в целом привычный жизненный уклад. Являясь консерваторами по натуре, они надеялись остаться в стороне от тех акций, которые проходили в СССР, ибо в течение более чем ста лет у них выработалась такая черта, как невмешательство в большую политику и привычка безропотно, по крайней мере внешне, переносить тяготы, выпадающие на их долю по вине власть предержащих. Однако на этот раз события развернулись несколько иначе.

Смена политического курса после смерти Ленина не замедлила сказаться на всех сторонах жизни советского общества. Экономические дискуссии закончились победой Сталина и сторонников ускоренной индустриализации. А для этого необходимо было выжать все средства из деревни. «Новый курс» в сельском хозяйстве после кризиса хлебозаготовок 1928–1929 гг. был нацелен на коллективизацию индивидуальных хозяйств.

Немецкий крестьянин в Сибири традиционно был весьма зажиточным. Достаточно сказать, что доля средне- и крупнокапиталистических хозяйств составляла до 60%[5]. Немецкая деревня являлась на тот момент одной из самых обеспеченных машинами и механизмами, главным образом американского производства. К середине 1920-х гг. немецкое хозяйство начинает восстанавливаться от нанесенного ему гражданской войной и экономической разрухой урона. В 1928 г. по основным хозяйственным показателям немецкий крестьянин достиг довоенного уровня. Наблюдается заметный рост сельскохозяйственного производства: в конце 1920-х гг. на одно хозяйство в Немецком районе производилось свыше 422 руб. товарной продукции (средний показатель для Славгородского округа составлял 270 руб.), товарное производство зерна достигло 80%, до 50% к площади посева составлял пар (по округу – 8%); обеспеченность сложными машинами также была выше, чем в целом по округу – 0,45 трактора на 100 га посева (по округу – 0,24).

Для хозяйственного развития немецкой деревни первой трети XX в. характерной чертой является высокий уровень кооперированности. Уже накануне 1917 г. охват немецких хозяйств различными формами кооперации составлял от 30 до 100%, к концу 1920-х гг. этот уровень был достигнут вновь. Основными формами кооперации в немецкой деревне были кредитные, племенные, семеноводческие, мелиоративные, машинные товарищества, маслодельческие артели. Немецкие крестьяне являлись основными производителями высококачественного сливочного масла северо-запада Алтая (9 маслоартелей, в которых на 1929 г. было занято 2816 человек), до 80% произведенного ими масла вывозилось за пределы Сибири (Москва, Ленинград), до 50% вывезенного масла отправлялось на экспорт в Великобританию и Германию[6].

Это была не извращенная кооперация, навязываемая коммунистическим режимом, а подлинная кооперация свободных крестьян на истинно добровольных началах. Крестьянам были понятны выгоды от такой кооперации. А потому, полагая, что они имеют уже достаточно высокую степень коллективизации, немцы не проявили рвения в осуществлении планов «большого скачка». Не стоит много говорить о том, что насильственная коллективизация встретила по всей стране упорное сопротивление. В немецкой деревне эта акция также вызвала недовольство, которое нашло свой выход в открытой и латентной формах. Не касаясь первой, под которой подразумеваются вооруженные выступления, например в Гальбштадте в 1930 г., остановимся на эмиграционном движении 1929–1930 гг. как одной из форм скрытого сопротивления укрепляющемуся в СССР тоталитарному режиму. Для немецкого населения, несогласного с политикой партии и правительства, это был выход из продолжающегося национального конфликта. В чем заключалась причина противостояния сибирских немцев и властей? Причины были очевидны: коллективизация и раскулачивание; пятилетка; большие налоги и высокий уровень хлебозаготовок; антирелигиозная пропаганда; призывы юношей-меннонитов в армию; насильственное внедрение русского языка в национальных школах. Участие в антисоветских мероприятиях не только кулаков, но также середняков и бедняцкой части населения свидетельствует о том, что недовольство властями носило действительно общенародный характер.

К сожалению, немцы не имели возможности повлиять каким-то образом на проводимые акции. Им не оставалось ничего иного, как прибегнуть к уже ставшей привычной для них мере неповиновения – эмиграции за пределы Советского Союза. О том, насколько массовым было эмиграционное движение на этот раз, говорит тот факт, что только в Славгородском округе эмигранты состави-

ли 25,6% немецкого населения, из которых 29% были зажиточные крестьяне, 56,4% — середняки и 14,6% — бедняки и батраки[7]. Еще более наглядно о массовости движения говорит то, что осенью 1929 г. оно охватило 1477 хозяйств. Далеко не всем желающим удалось покинуть СССР, многие вынуждены были вернуться на прежнее место жительства. Но эта акция нанесла серьезный удар по экономике региона.

«Немецкий кулак, сопротивляясь нашему наступлению, не стал стрелять из обреза, но дал политический бой, который куда сильнее по своему действию, чем тяжелая утрата отдельных активистов деревни от кулацкого обреза... Кулацкий террор – чепуха по сравнению с такой политической кампанией, которую провел немецкий кулак... ведь организовать и повести за собой в Америку на 13 году существования Советской власти бедняцко-середняцкие массы куда сложнее и эффективнее, нежели пристрелить темной ночью одиночку-активиста», – писали в своих сводках тех дней партийные деятели[8].

Вот как выглядели последствия эмиграционной кампании 1929–1930 гг. в экономике (см. табл.1).

Таблица 1. **Экономическое состояние деревни по Немецкому району***

Скот и орудия труда	февраль 1929 г.	март 1930 г.
Лошади рабочие	4327	1990
Лошади нерабочие	2043	730
Коровы дойные	5045	1571
Плуги	1217	535
Молотилки	169	65

* Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф.38. Оп.7. Д.37. Л.96.

Какова была реакция властей, чем они ответили на выступления немецкого населения? В первую очередь, они сделали все возможное, дабы выехало как можно меньшее число желающих. Из 1477 хозяйств Немецкого района, пожелавших эмигрировать, 1034 вынуждены были под давлением властей вернуться в Сибирь. После водворения немцев на места прежнего проживания поначалу были предприняты шаги по сглаживанию противоречий: была оказана финансовая помощь, выделялись материалы для восстановления порушенного хозяйства и т.д. Однако и в этих условиях мнимого либерализма партийные и советские органы проводили мероприятия по идеологической обработке населения.

Необходимо было оторвать массы от идеологов эмигрантского движения, в качестве которых выступали религиозные проповед-

ники. Власти не нашли иного способа воздействия, кроме репрессий. Недаром секретарь Славгородского РК ВКП(б) отмечал, что «одни меры воспитательного порядка – убеждения, без сочетания с административно-судебным воздействием, являются бессильными»[9].

После убийства Кирова 1 декабря 1934 г. началось новое наступление на все, чуждое сталинскому режиму. Вновь вспомнили и о немцах, об их желании эмигрировать, о том, что они до сих пор получают денежные переводы из-за границы и не передают их в МОПР (Международная организация помощи борцам революции). Реакция на все это была однозначно репрессивной — велась работа по чистке партячеек: в них старались выявить как можно больше кулацких и прочих социально чуждых элементов. В 1934–1935 гг. по Немецкому району прокатилась волна антинемецких кампаний в рамках этнических чисток (дело Гальбштадтской МТС, дело контрреволюционной фашистской организации и т.д.). Репрессии 1937–1938 гг., военных лет утопили в крови стремление немецкого народа к независимости и самостоятельности.

Относительное потепление в отношениях между российскими немцами и властями наблюдается в годы хрущевской «оттепели». В это время с немцев были сняты обвинения, выдвинутые против них в годы войны, начали восстанавливаться институты национальной культуры. Но потепление это было кажущимся, ибо допускались лишь те мероприятия, которые не противоречили политике партии, да и протекать они должны были так, как укажут власти, т.е. без лишней самостоятельности и под контролем. Однако многие немцы во второй половине 1950-х гг. это недопоняли, приняв стремление властей реабилитировать их народ за чистую монету, за что и поплатились. В первую очередь это коснулось тех, кто заговорил о восстановлении автономии немцев в Поволжье как о главном реабилитационном мероприятии. Но это не входило в программу властей и потому было пресечено самым суровым образом. Вплоть до конца 1980-х гг. немцы фактически никак не заявляли о себе на общественно-политической арене СССР.

Перестройка во внутренней и внешней политике в корне изменила существующую ситуацию. Получив право говорить, немцы заявили о том, что в условиях данного политического режима у них нет возможности сохраниться как самостоятельной национальной группе, т.е. развивать национальную культуру и язык. Начался новый этап эмиграции немецкого населения из республик Союза. Только с 1987 по 1990 г. СССР покинуло 1056 тыс. немцев[10]. Столь высокие темпы эмиграции заставляли определенные круги задуматься: по данным всесоюзной переписи населения 1989 г., в СССР проживало 2 035 807 немцев[11]. При таких тем-

пах выезда на постоянное место жительства в ФРГ к началу XXI в. субнациональная немецкая группа могла просто исчезнуть. А потому нужна была идея, которая удержала бы немцев в СССР. И эта идея была вскоре найдена – в очередной раз, но уже в совершенно иных политических условиях, заговорили о восстановлении немецких автономий, которые были ликвидированы в годы сталинизма. В ряде исследований последних лет основная заслуга в инициировании и реализации данной идеи приписывается исключительно обществу «Wiedergeburt» – «Возрождение»[12]. Даже при поверхностном изучении документов в глаза бросается то, что идея восстановления Немецкого района на Алтае каждой из сторон – немцами и властями края – наполнялась разным содержанием. Если население, горя идеей воссоздания национального района, подразумевало под ней в первую очередь создание механизмов возрождения и сохранения немецкого языка и культуры, то представители краевых органов, поддерживая стремление немецкого населения, говорили прежде всего об экономических выгодах, которые принесет это решение. Для большей иллюстративности позволим себе привести два высказывания, прозвучавшие на сельских сходах. Первое принадлежит сельскому учителю, второе – представителю номенклатуры. «Неважно, что мы будем иметь от немецкого района в экономическом плане, давайте подумаем о своей культуре, о своих детях...»[13]. «Край тоже за район. Мы отлично видим экономическую выгоду от создания немецкого района...»[14].

Таким образом, в основу негласной концепции создания и развития Немецкого района была заложена идея преуспевающей экономической зоны. Однако был совершенно упущен культурный аспект, хотя лишь параллельное развитие экономики и культуры позволило бы удержать коренное население от выезда в Германию. Но этого не произошло, а потому все ожидания немцев, связанные с восстановлением национальной автономии, не оправдались. Немцы, прибывающие из республик Центральной Азии, из-за высокой степени их ассимилированности не в состоянии воспринять идеи национальной культуры. Именно этим и объясняется провал в работе по сохранению культуры и языка немцев в России. В результате процесс эмиграции продолжился.

Таким образом, уже в течение более ста лет немцы России – СССР – России живут в состоянии латентного национального конфликта, основа которого кроется в первую очередь в непонимании государством их устремлений. К сожалению, до сих пор государство старалось решить все методом диктата. На самом же деле выход из создавшейся ситуации необходимо искать сообща, идти к достижению общей цели одной дорогой.

Примечания:

[1] Богина Ш. А. Иммигрантское население США. Л.: Наука, 1976. С.24.
[2] Stumpp K. Das Rußlanddeutschtum in Übersee // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. Stuttgart, 1966. S.12.
[3] Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. В 2 ч. Ч. 1. Топчиха, 1995. С.25.
[4] Краткий отчет ВЦИКу о положении немецкого крестьянства в Сибири члена ВЦИК, заместителя наркома просвещения РСФСР В.А.Курца // Новое время (Neue Zeit). 1994. № 35. 22 марта.
[5] Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф.233. Оп.1. Д.799–803, 805, 808, 810, 812. Подсчет.
[6] Там же.Подсчет.
[7] Там же. Ф.38. Оп.7. Д.37. Л.96.
[8] Там же. Д.41. Л.1.
[9] Там же. Оп.6. Д.57. Л.9.
[10] Deutschland : Rückgang des Zuzugs von Ausländern // http://www.Demographie.de./newsletter/deutschland/azssiedlerrueckgang.htm. S.2.
[11] Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты) / Под ред. А.И.Подберезкина. М.: Агентство «Обозреватель», 1994. С.33.
[12] Шлейхер И. И. К вопросу о восстановлении Немецкого района на Алтае // Немцы Сибири: история и современность : Материалы междунар. науч.-практ. конф., Омск, 17–19 апр. 1996 г. Омск: Омский филиал ОИИИФФ СО РАН, 1994. С.44.
[13] Текущий архив Немецкого национального района Алтайского края. Ф.8. Оп.1. Д.282.
[14] Там же. Ф.23. Оп.1. Д.276.

А.Герман, *Саратов*

Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам

Подавляющее большинство российских немцев появилось в России после 1763 г. из германских и некоторых других соседних государств, где к тому времени уже вполне сложилась западноевропейская цивилизация с такими основополагающими ценностями, как абсолютизация частной собственности, индивидуализм, рационализм, протестантская этика, возвеличивающая мирской профессиональный труд как богоугодное дело (подавляющее большинство переселенцев, как известно, были протестантами).

Естественно, что это сформировало ментальность переселенцев, с целым рядом своеобразных национальных черт: высокой религиозностью, строгим следованием христианским заповедям, организованностью, дисциплинированностью, исключительным трудолюбием, любовью к порядку, рачительностью, развитым чувством хозяина своей собственности, почтительным отношением к собст-

венности ближнего и т.п. В России реакция на такой образ немца, как известно, была разная: от уважения и восхищения до неприязни и ненависти.

Российские немцы, в силу объективных и субъективных причин, в течение многих десятилетий смогли сохранить свою национальную идентичность, традиции и обычаи старой родины. С конца XIX в. в обстановке обострения отношений с объединившейся и усилившейся Германией это стало играть роль известного раздражителя для националистически настроенной части российского общества и ухудшило положение немцев в России. В годы первой мировой войны на волне великорусского шовинизма российские немцы подверглись прямым гонениям, «борьба с немецким засильем» санкционировалась и во многом проводилась самим государством.

Идеология большевизма и национальная психология российских немцев имели очень мало точек соприкосновения. Их противостояние после установления большевистской диктатуры становилось неизбежным. Однако на первых порах немцы, как и другие малые народы России, оказались в плену иллюзий, вызванных провозглашением «Декларации прав народов России». Известно, в частности, что представители немецких колоний Поволжья на своем съезде в феврале 1918 г. приняли решение ходатайствовать перед Советским правительством о создании национально-территориальной автономии немцев Поволжья[1].

На деле большевики руководствовались не стремлением к свободному и суверенному развитию наций, а лишь тактическими соображениями: желанием заручиться поддержкой нерусских народов и облегчить тем самым развертывание революционного процесса. Нарком по делам национальностей Сталин втолковывал делегатам одного из национальных совещаний в мае 1918 г., что дать автономию для того, чтобы внутри нее вся власть принадлежала национальной буржуазии, советская власть не может. Она за такую автономию, «где бы буржуа всех национальностей были устранены не только от власти, но и от участия в выборах правительственных органов»[2]. Именно по такому сценарию создавалась Автономная область немцев Поволжья в 1918 г. Об этом свидетельствует вся деятельность по ее созданию, которую осуществлял Поволжский комиссариат по немецким делам. Ему прямо предписывалось стать «идейным центром социалистической работы среди немецкого трудового населения», обеспечить «народное самоуправление на советских началах»[3].

Кроме того, большевики рассматривали национальную идею, приверженность национальным интересам как главное препятствие на пути социалистического или коммунистического универ-

сализма, пролетарского интернационализма и тоталитарной государственности. Поэтому установка на постепенное исчезновение национального начала входила как неотъемлемый элемент в социальную, социокультурную и политическую программу большевистского режима. Реализация такой установки предполагалась именно через национально-территориальный тип автономии и федерации, поскольку в этом случае обеспечивались централизм коммунистической партии, ее цементирующая роль между всеми этнополитическими образованиями, возможность осуществления ею властных и управленческих функций в интересах создания всемирного бесклассового общества без государств и национальных различий.

Автономия советского типа получила гарантии территориальной целостности, создания образовательных и культурных институтов на собственных национальных языках. В ней стимулировались местные кадры, проводилась так называемая «коренизация», в общем русле развития страны осуществлялась насильственная модернизация экономики и др.

Вместе с тем все эти меры находились в подчиненном положении по отношению к «классовой» политике, которая всегда доминировала. На примере истории АССР немцев Поволжья, немецких национальных районов очень хорошо видно, что автономия советского типа была лишена фактического политического суверенитета, все провозглашенные ее национально-государственные права на практике являлись чистейшей фикцией. Достаточно сказать, что в 1937 г. по Конституции СССР Республика немцев Поволжья должна была подчиняться высшим органам государственной власти РСФСР, а фактически подчинялась обкому ВКП(б) соседней с нею Саратовской области[4].

Эфемерность национально-государственных прав союзных и автономных республик стала особенно заметна с середины 1930-х гг., когда постепенный отход от концепции мировой революции, утверждение курса на построение и, возможно, длительное существование социализма в одной стране, привели к существенным изменениям национальной и, в частности, языковой политики. Русский язык стал рассматриваться в качестве единственного универсального средства общения. На смену административной кампании «коренизации» пришла противоположная по своей направленности, более жесткая кампания «борьбы с национализмом». Именно в русле данной кампании в конце 1930-х гг. были ликвидированы немецкие национальные районы.

Глобальные социальные эксперименты, перевернувшие весь уклад жизни населения бывшей России после 1917 г., широкомасштабные репрессии и насилие, всевластие ВКП(б) уравняли

между собой в Советском Союзе все нации и народности, союзные и автономные республики, края и области, всех граждан в своем национальном и человеческом бесправии. В этом плане советские немцы и их национально-территориальные образования никогда не были исключением из общих правил.

Анализ фактического материала позволяет сделать вывод, что в автономии немцев Поволжья, в немецких районах и селах Украины, Сибири, Кавказа и других регионов имели место те же процессы, вызывавшиеся политикой центрального большевистского руководства, те же негативные проявления тоталитарной системы, что в других местах советской страны на различных этапах ее существования. Вместе с другими народами России и Советского Союза немцы пережили военный коммунизм, продразверстку и голод, коллективизацию и раскулачивание, колхозно-крепостническую систему 1930-х гг. и порожденный ею новый голод, «большой террор» и тяготы войны, послевоенную нужду.

Однако в политике государства по отношению к немцам имелась и своя специфика. Она порождалась, прежде всего, их ментальностью, сложившимися представлениями о немецком этносе. В частности, у большевистского руководства страны, особенно в первые годы, очевидно еще с дореволюционных и довоенных времен, существовало мнение, что все колонисты – в основном зажиточные крестьяне, «крепкие хозяева», а немецкие колонии – «кулацкие гнезда». Отсюда – более интенсивное и жесткое, чем у других, «выкачивание» у немецких крестьян продовольствия, иных материальных ценностей в годы гражданской войны. Особенно досталось поволжским немцам, которые все годы гражданской войны находились под властью большевиков. Не случайно именно Область немцев Поволжья стала эпицентром голода в Поволжье и понесла самые тяжелые людские потери[5].

Следует отметить еще и такой существенный момент. Одной из главных особенностей национально-государственной системы, сложившейся в послеоктябрьской России, была ее направленность на уничтожение фактического неравенства народов. Механизм территориальной автономии подавался как средство оказания помощи малым и отсталым народам со стороны более развитого – русского. «Выравнивание» обеспечивалось за счет перераспределения центром материальных и финансовых средств между различными регионами страны. В этом процессе Автономия немцев Поволжья была едва ли не единственным исключением. Поскольку немцев считали «культурной и развитой нацией», их автономия в большой мере выполняла донорские функции, являясь одним из важных поставщиков продовольствия в общесоюзный фонд. Что же касается помощи центра, то она предоставлялась республике, все

по той же причине, на общих со всеми губерниями, краями и областями РСФСР основаниях. Исключения делались крайне редко, неохотно, как правило, когда ситуация требовала принятия неотложных мер, например, выделения средств на развитие национального образования в самом начале 1930-х гг. По этой причине АССР немцев Поволжья до конца 1930-х гг. отставала в своем развитии от многих других автономий РСФСР. Примерно такая же ситуация существовала и в немецких районах.

В свою очередь, немцы тоже относились к режиму с недоверием. Именно ментальностью российских немцев объясняется то, что они оказались в числе народов нашей страны, наиболее долго, сложно и трудно адаптировавшихся к созданному большевиками общественному строю. В годы гражданской войны немцы Украины и некоторых других регионов активно участвовали в борьбе с большевистской властью[6]. В белой армии существовали даже немецкие национальные формирования (например, бригада немецких колонистов и военнопленных, численностью 3 тыс. человек, в армии Врангеля)[7]. Поволжские немцы, правда, мобилизовывались в Красную Армию, однако рвения к службе не проявляли. Их дезертирство достигало беспрецедентных размеров. Немецкие красные формирования существовали недолго и нигде не отличились. Более того, 2-й Бальцерский полк был расформирован за отказ идти в атаку и уход с боевых позиций[8]. Причем это не было связано с какими-то идеологическими соображениями. Просто поволжские колонисты, в большинстве своем, отвергали саму войну, необходимость убивать, им претил отрыв от привычного крестьянского образа жизни. Вместе с тем они активно участвовали в крестьянском восстании 1921 г., отстаивая свое право на собственность, традиционный образ жизни. Большевики в ответ, после подавления восстания, учинили массовую расправу над его участниками, подвергнув расстрелу сотни людей[9].

Неприятие немцами большевистской идеологии после гражданской войны настолько бросалось в глаза, что режиму приходилось принимать в этом направлении специальные меры. Так, в январе 1924 г. пленум обкома РКП(б) АССР немцев Поволжья на специальном заседании вынужден был отметить «политическое отставание» немецкого крестьянства от русского, более слабое восприятие им «коммунистических идей». Пленум определил ряд мероприятий, направленных на усиление «политической работы» среди крестьян-немцев[10].

Большевистские эксперименты вызывали, как правило, негативную реакцию немцев, которые отвечали упорным сопротивлением на попытки взломать их традиционный жизненный уклад. А это, естественно, приводило к жестоким карательным мерам

со стороны режима. Характерным примером может служить коллективизация. Немецкие крестьяне яростно сопротивлялись ей, хорошо понимая, что это означает разрушение их жизненных устоев. Уже к началу 1930 г. волнения охватили десятки сел в Поволжье, на Украине, в Сибири и других регионах. В ряде случаев волнения перерастали в восстания, на какое-то время свергалась советская власть в тех или иных селах (Мариенфельд в Поволжье, Гальбштадт на Алтае и др.)[11]. Характерным явлением для немецких сел была совместная защита крестьян, подлежавших раскулачиванию. В иных селах их жители по два-три дня не давали раскулачить и вывезти своих односельчан. Это удавалось сделать только с применением вооруженной силы. Но даже после этого крестьяне продолжали требовать возврата высланных из села, возвращения отобранного имущества.

Конечно, нельзя обойти того факта, что большевикам удалось расколоть немецкое население страны. Среди немцев был слой людей, безоглядно принявших большевистский режим, служивших ему верой и правдой. Коллективизацию и раскулачивание в немецких селах проводили те же немцы-односельчане, а не кто-то со стороны. Эти же люди писали и доносы на своих соседей, коллег по работе, принимали участие в репрессиях, подчас сами становясь их жертвами. Объективности ради, надо отметить, что слой таких людей среди немецкого населения был не слишком многочислен[12]. Однако свою малочисленность эти люди компенсировали недюжинным упорством и педантизмом в достижении цели, особой жестокостью и непреклонностью. Именно такого рода деятелям удалось к лету 1931 г. поставить на колени немецкую деревню в Поволжье, еще зимой 1929/1930 г. бушевавшую массовыми протестами против коллективизации. По всей стране было объявлено, что Республика немцев Поволжья первой в СССР завершила сплошную коллективизацию крестьянства[13]. В данном случае мы имеем пример проявления некоторых черт немецкой ментальности на службе тоталитаризма, ведь сходным образом себя вели и нацистские функционеры в Германии.

Необъективными и эмоционально односторонними являются утверждения некоторых политиков и историков из среды российских немцев о том, что у большевистского режима к советским немцам была особая ненависть, что по отношению к ним и к их национально-территориальным образованиям (Республике немцев Поволжья, национальным районам) проводилась особая политика геноцида, сходная с той, что проводили германские нацисты в отношении евреев.

Объективные исследования показывают, что к антинемецким репрессиям правящий режим прибегал лишь тогда, когда немцы

СССР, становясь, как и другие народы нашего государства, жертвами социальных экспериментов и попадая в связи с этим в тяжелое положение, пытались найти выход из него, используя некоторые специфические возможности этноса, имевшего исторические корни за пределами страны (это стремление вернуться на историческую родину, апелляция за помощью к эмигрировавшим родственникам и знакомым, получение материальной помощи и моральной поддержки из-за границы и т. д.).

Понятно, что на такие попытки немцев советское руководство реагировало крайне негативно, поскольку они дискредитировали большевистский режим перед мировым сообществом, раскрывая истинное положение дел в «государстве рабочих и крестьян», осложняли отношения Советского Союза с Германией и другими странами, т. е. «играли на руку мировому империализму». Ярким примером такого рода могут служить жестокие репрессии против советских немцев в 1934–1935 гг., так называемая борьба против фашистов и их пособников, направленные против получения немцами СССР гуманитарной помощи из-за рубежа. Вспомним, как обосновал ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 5 ноября 1934 г. необходимость этих репрессий: «...в районах, населенных немцами, за последнее время антисоветские элементы активизировались и открыто ведут контрреволюционную работу. Между тем местные парторганизации и органы НКВД крайне слабо реагируют на эти факты, по сути делают попустительство, совершенно неправильно считая, будто наша международная политика требует этих послаблений немцам и другим национальностям, проживающим в СССР и *нарушающим элементарную лояльность к советской власти*»[14] (курсив наш. – *А.Г.*). Как видим, немцев обвиняли в действиях, причинявших вред режиму, а не в том, что они – немцы.

Нельзя отрицать и того бесспорного факта, что на политику советского руководства по отношению к «своим» немцам существенно влияли отношения СССР и Германии. Немцы Советского Союза не раз становились картой в политической игре двух держав, с помощью которой советское руководство пыталось реализовать свои планы. Поэтому в зависимости от конкретной политической конъюнктуры в советско-германских отношениях политика центра по отношению к «советским» немцам либо смягчалась (1920-е гг.), либо ужесточалась (после прихода в Германии к власти Гитлера).

Ликвидация Республики немцев Поволжья, депортация немецкого населения европейской части СССР в Сибирь и Казахстан стали следствием крайнего обострения отношений между Германией и СССР, принявших форму открытого военного столкнове-

ния. Эти политические акты, совершенные сталинским руководством страны, показали истинную цену большевистских рассуждений о правах наций.

Депортация и последовавшие за ней «трудармия» и спецпоселение, несомненно, причинили немцам СССР тяжелый урон, нанесли глубочайшую моральную травму. Однако эти явления нельзя назвать геноцидом. Немецкие граждане Советского Союза стали жертвами перестраховки, принявшей присущую сталинскому режиму грубую форму в условиях суровой и жестокой войны. Вспомним, что депортации, наряду с немцами, в годы войны подверглись десятки народов, что использование принудительного труда в СССР приняло практически всеобщий характер. В «трудармии» отбывали повинность даже «непровинившиеся» народы, в частности казахи, узбеки, киргизы и др., не говоря о десятках миллионов политзаключенных.

После смерти Сталина, и особенно после 1955 г. отношение смягчившегося режима к советским немцам заметно улучшилось, тем не менее их реабилитация в полной мере произведена не была. Имеющиеся исследования, затрагивающие эту проблему (А.Айсфельда, Т.Иларионовой и др.)[15], а также анализ партийных документов 1950–1980-х гг. позволяют предположить, что полная реабилитация не была проведена по ряду причин, в том числе и из-за все той же, с точки зрения властей, низкой лояльности немцев к коммунистическому режиму. Быстро нараставшие с середины 1950-х гг. эмиграционные настроения с ориентацией на ФРГ (а не на ГДР), апелляция к Западу, активное вмешательство Западной Германии в ситуацию с советскими немцами, ее постоянные демарши против дискриминации немцев в СССР, выступления за соблюдение прав человека в отношении них, – все это вызывало у советского руководства, как и в начале 1930-х гг., сильнейшее раздражение. Отмеченные выше факты квалифицировались как «антисоветские проявления», что, естественно, формировало по отношению к советским немцам общую неприязнь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Советское руководство понимало, что в случае воссоздания Немецкой автономии суверенитет Советского Союза столкнулся бы с государственным патернализмом. ФРГ наверняка попыталась бы взять на себя роль зарубежного покровителя внутрисоветской немецкой государственности. В условиях «холодной» войны и противостояния двух общественно-политических систем это выглядело как серьезная и необоснованная уступка позиций идеологическому и политическому противнику.

Таким образом, политика большевистской власти по отношению к немецкому этносу в России и СССР – это в большинстве своем

политика дискриминации и репрессий. Определялась она следующими основными факторами:

1) общей репрессивной политикой большевистского режима, вытекавшей из его внутренней природы;

2) сложной адаптацией немецкого этноса к большевистской власти, его негативной реакцией на важнейшие «социалистические» преобразования, апелляцией с просьбами о защите при нарушении прав к Западу, т. е. к идеологическому и политическому противнику большевизма;

3) отношениями между СССР и Германией. В частности, в экстремальных условиях войны большевистская власть, помня о слабой лояльности «своих» немцев, пошла на неадекватную перестраховку, подвергнув их депортации, «трудармии», спецпоселению.

Сделанные выводы не претендуют на абсолютную правильность и законченность, возможно, в чем-то кажутся спорными. Тем более они не оправдывают режим, запятнавший себя кровью миллионов жертв. Однако, как представляется, они позволяют подняться над еще бытующими ненаучными эмоционально-субъективными представлениями о советском периоде в истории российских немцев, их взаимоотношениях с тоталитарной властью, позволяют извлечь исторические уроки и в соответствии с ними решать «немецкую» проблему в современной России, избегая ошибок прошлого.

Примечания:

[1] Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918 – 1941. В 2 ч. Ч. 1. Автономная область, 1918–1923. Саратов, 1992. С. 15.

[2] История России. В 2 т. Т. 2. М., 1995. С.136.

[3] Герман А. А. Указ. соч. С.19.

[4] Там же. Ч. 2. Автономная республика, 1924–1941. Саратов, 1994. С.177–178.

[5] Там же. Ч. 1. С.45–66, 93–96, 113–146.

[6] Безносов А.И. К вопросу об участии немецких колонистов и меннонитов в гражданской войне на юге Украины (1917–1921 гг.) // Вопросы германской истории: немцы в Украине. Днепропетровск, 1996. С.112–125; Малиновский Л.В. История немцев в России. Барнаул, 1996. С.88–90.

[7] Доклад оперативной части особого отдела Кавказского фронта о составе армии генерала Врангеля // Воен.-ист. журн. 1998. № 2. С.50–61.

[8] Герман А. А. Указ. соч. Ч. 1. С.85–89.

[9] Там же. С.97–112.

[10] Герман А. А. Указ. соч. Ч. 2. С.57.

[11] Там же. С.103; Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. – В 2 ч. Ч. 1. Топчиха, 1995. С.110–113.

[12] Об этом можно судить, в частности, по соотношению коммунистов и комсомольцев к общей численности немецкого населения в АССР немцев Поволжья и в немецких районах, сравнив его с аналогичным показателем областей и районов, имевших, к примеру, в своей массе русское или украинское население.

[13] Герман А. А. Указ. соч. Ч. 2. С.114–116.

[14] Цит. по: Герман А. А. Указ. соч. С.332.

[15] Айсфельд А. Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях // Отеч. история. 1996. № 3. С.115–128; Илларионова Т. С. Желания и возможности : Проблемы выезда немцев из СССР в контексте послевоенных советско-западногерманских отношений (1955–1964) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. М., 1998. С.367–384; Армборст К. Эмиграция российских немцев в ФРГ в 1970–1987 гг.: основания и причины // Там же. С.385–392; Хердт В. Внешняя и внутренняя миграция российских немцев последнего десятилетия в зеркале статистики и в оценке политиков // Там же. С.393–406.

Д.Брандес, Дюссельдорф

Защита и сопротивление российских немцев (1917–1930-е гг.)

В этой статье хотелось бы коснуться вопроса о том, какова была реакция российских немцев на давление и репрессии со стороны советского режима. На наш взгляд, термины, которыми обычно в таких случаях оперируют – приспособленчество или сопротивление, может быть, коллаборационизм и сопротивление, не отражают всего комплекса реакций и поведенческих структур российских немцев.

За последнее десятилетие опубликовано большое количество работ, посвященных репрессиям против советских немцев[1]. Однако до сих пор мало изучалось поведение немцев в советский период. Это объясняется характером письменных источников, которыми располагают исследователи, и осторожностью, с которой они относятся к воспоминаниям очевидцев – письменным и устным.

Возникает вопрос, какими терминами мы можем тут оперировать. Мы предлагаем для характеристики немецкого населения, которое в большинстве своем являлось сельским, ввести понятие «резистентность» (Resistenz), которое взято нами из медицины и более точно переводится на русский язык как «сопротивляемость или устойчивость», в данном случае мы понимаем реакцию организма на болезнь. (Впервые этот термин был использован в исследовательском проекте «Бавария в период национал-социализма» для оценки весьма прохладного отношения к национал-социализму большинства верующего сельского населения.) Позже к этому термину стали прибегать и другие исследователи. В трактовке историка М.Брошата «резистентность – это сопротивляемость, это холодное отношение к власти, вне зависимости от причин и мотивов»[2].

Резистентность может проявляться и в сохранении относительно независимых институтов и структур в обществе, в соблюдении нравственно-религиозных норм или в защите корпоративных или

экономических интересов, в приверженности прежним правовым, художественным и другим принципам, а также в активном противодействии отдельных лиц или целых групп, в гражданском неповиновении, в стремлении к объединению единомышленников вне национал-социалистических организаций или просто во внутренней приверженности отдельной личности убеждениям, противоречащим нацистской идеологии и пропаганде и в возникающем благодаря этому духовном иммунитете.

Все же для характеристики поведенческих реакций русских немцев, проживавших в сельской местности, я считаю более подходящим немецкое слово «Abwehr» и соответствующее ему слово «защита». Во-первых, дифференцируя эти понятия, мы можем избежать опасности всякий конфликт с властями рассматривать как резистентность. Во-вторых, немецкие деревни, как правило, выступали солидарно против репрессий и давления со стороны партии и государственной власти. Эти репрессии часто проводили представители других этнических групп, городские жители или бывшие немецкие военнопленные.

Нам кажется, что этот термин поможет глубже и точнее охарактеризовать реакцию сельского населения. Конечно, нельзя обойтись и без термина «сопротивление», однако под ним следует понимать лишь такие открытые выступления против режима, как массовые забастовки, стачки, вплоть до вооруженных восстаний, т. е. те акции, которые требуют определенной организации. Национальному меньшинству обычно трудно бывает оказывать сопротивление, особенно когда это меньшинство (за исключением Республики немцев Поволжья) рассеяно среди других этнических групп. Характерным для образа жизни немцев из этнически гомогенных деревень или районов было стремление к самоизоляции, к тому, чтобы не допускать влияния политических организаций, к сохранению собственных, прежде всего церковных, традиций. На давление извне немецкая деревня отвечала солидарной защитой.

Выше уже говорилось о том, что вопросом «защиты» и «сопротивления» российских немцев историки занимались гораздо менее, чем темой репрессий. Одна из причин этого, на наш взгляд, заключается в том, что представители немецкого меньшинства и в дореволюционной России, и в СССР всячески демонстрировали свою лояльность. Такая позиция обуславливалась рядом причин и, прежде всего, тем, что как национальное меньшинство российские немцы не могли обходиться без защиты со стороны государства, так же как евреи в монархической Пруссии или Австрии.

Постоянная демонстрация своего благожелательно-нейтрального отношения к власти приносила плоды вплоть до 90-х гг. прошлого века, т. е. до тех пор, пока не началась русификация немецкой

начальной церковной школы. И на дискриминационные выплески во время первой мировой войны – депортацию с Волыни, ликвидационные законы, нападки в печати – российские немцы отвечали заявлениями о своей лояльности[3]. Даже в воспоминаниях или в исторической литературе, посвященных депортациям в период второй мировой войны, в качестве доказательства несправедливости обвинений в реальном или потенциальном предательстве, приводятся рассказы о немецких партизанах, о самоотверженном труде советских немцев в тылу во имя победы[4].

Однако еще до революции, наряду с демонстрацией лояльности, ярко проявлялась и другая черта российских немцев – стремление обособиться от властей и от живущих по соседству представителей других этнических групп. До 1871 г. от рекрутской повинности колонистов ограждало попечительное управление, на них также не распространялась российская система землевладения, т. е. общинное владение землей. Проживание в национально однородной деревне и религиозные различия давали немцам возможность существовать в узком мирке, где можно было отгородиться от внешних влияний, существовать автономно, избегая вмешательства властей в их жизнь. Активное сопротивление властям не было в целом свойственно российским немцам, об этом свидетельствует их пассивность в период русификации или слабое участие в революционных событиях 1905 и 1917 гг.

С такими глубоко укоренившимися традициями российские немцы встретили новый режим.

На наш взгляд, именно приверженность этим традициям, а вовсе не восприимчивость к новой идее национальной автономии побудили лидеров российских немцев сразу же после революции добиваться такой автономии. Если до революции попечительное управление ограждало немцев от вмешательства в их жизнь российских властей, то после революции эту функцию должны были взять на себя автономные органы и институты. Именно этим и объясняются, как нам кажется, нереалистические представления российских немцев о характере автономии. Так, призыв немецких депутатов Новоузенского земства в январе 1918 г. можно рассматривать как попытку отделить поволжские немецкие колонии от общей политической линии. Депутаты писали, что давно уже назрело время вывести экономически-культурные вопросы немцев на базе национального самоопределения на новый, независимый путь.

Варенбургская конференция, состоявшаяся в конце февраля 1918 г., постановила отделить немецкие деревни от национально-смешанных волостей. Они предполагали объединиться в округа и присоединиться к «Федерации немцев на Волге», чьи органы

управления должны были вступить в непосредственные отношения с центральными органами управления Российской Федерации.

Эта попытка была заблокирована Сталиным через постановление комиссариата по немецким делам в апреле 1918 г.[5]

У причерноморских немцев преобладали две разные точки зрения на автономию (речь идет о периоде оккупации этой территории немецкими и австро-венгерскими войсками между февралем и ноябрем 1918 г.). В сущности, они преследовали одинаковую цель – одни выступали за подчинение немецких колоний германскому протекторату, другие – за создание так называемой «национально-персональной» автономии[6].

После установления советской власти на Юге Украины причерноморскими немцами были организованы по этническому или конфессиональному признаку товарищества и региональные союзы. О меннонитском союзе достаточно много известно, о других существенно меньше. Иногда только название, например, «Объединение южнорусских колонистов и граждан германской расы».

В период установления советской власти меннониты стремились прежде всего оградить свою молодежь от военной службы. Они хотели организовать нечто вроде альтернативной службы и создать орган, который учредил бы и финансировал эту «лесную службу». Однако после переговоров с украинским правительством стало ясно, что власть вряд ли поддержит такую организацию. Им рекомендовали использовать для этих целей зарубежную помощь. После того, как Московский ЦК поддержал меннонитское «культурное хозяйство», в апреле 1922 г. был официально признан и «Союз потомков голландских выходцев на Украине». Российские меннониты, следуя примеру украинских, также объединились и создали свою структуру – всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество, которое было зарегистрировано в мае 1923 г. Оба эти объединения, украинское и русское, создали свои представительства на местах и занялись организацией товариществ для выведения чистосортного семенного материала, разведения коров и расширения молочного хозяйства. Они также пропагандировали расширение образовательной и благотворительной деятельности меннонитов. Но стремление этих этнически-конфессиональных союзов к независимости вступало в противоречие с линией немецкой секции при ЦК, стремившейся руководить всей деятельностью советских немцев или, по меньшей мере, взять все их организации под свой контроль. Принцип межрегионального этнически-конфессионального разделения немцев вступал в острое противоречие с национальной политикой Советов[7]. Поэтому вскоре вместо объединений, организованных по принципу самоуправления, были созданы территориальные единицы, ко-

торые должны были взять под свой контроль и провести советизацию немецкого национального меньшинства. Именно поэтому немцы Южной Украины и Западной Сибири активно выступали против образования так называемых «национальных районов»[8].

Экспроприация и уравниловка, которые власти начали проводить в немецких поселениях, прежде всего повлекли за собой разорение крупных и эффективных хозяйств. Однако возникшее социальное равенство между бывшими крепкими хозяевами и безземельными крестьянами привело к объединению общин и общему сопротивлению государственному и партийному аппарату. (Кажется, только немцы в Сибири использовали землю не по правилам передельной общины, а продолжали хозяйствовать на земле, которой владели еще до революции[9].)

Колонисты не поддерживали сельсоветы. К тому же в них не могли избираться ни священники, ни те, кого объявляли «кулаками». Кандидатам в члены сельских советов было необходимо заручиться согласием или, по меньшей мере, к ним не должно было быть претензий со стороны партийных органов или групп бедноты, этими же органами организованными. Решающим было то, что те, кого выбирали в сельсоветы, не выражали интересов большинства колонистов. Они полностью зависели от партийных органов. Именно поэтому российские немцы использовали для обсуждения и решения своих вопросов такую форму, как традиционный сельский сход. Например, еще в начале 1930 г. крестьяне деревни Ново-Романовка в Западной Сибири твердо настаивали на том, чтобы все решения принимал сельский сход, а сельсовет лишь их выполнял. Это, конечно, противоречило линии партии, в соответствии с которой все должно было происходить наоборот – группа деревенской бедноты формулировала предложения, передавала их в сельсовет, а сельсовет принимал решение и обязывал сельский сход его выполнять[10].

«О большевизме немецкий крестьянин знать ничего не хочет, – писал еще в 1926 г. немецкий консул в Одессе. – Не хочет признавать разделения на кулака, середняка и бедняка, которого в немецких колониях вообще не существует, и никак не поддерживает усилия по привлечению деревенской молодежи в пионеры и в комсомол. Молодежь подчиняется строгой семейной дисциплине, и это тормозит проникновение новых идей в ее среду. Молодые показывают пальцами на тех, кто участвует в пионерском движении»[11]. Никак не поддерживался в немецких колониях и союз безбожников.

В немецких поселениях было весьма невелико число желающих вступить в партию или взять на себя какие-либо руководящие функции. Немцы были очень слабо представлены и в местных

партийных организациях. Дефицит кадров наблюдался и в Поволжской республике, где в так называемых «немецких», а на самом деле национально-смешанных «национальных» районах и в сельсоветах многие руководящие должности занимали представители других национальностей. В результате партийные органы подбирали свои кадры из бывших немецких и австрийских военнопленных, немецких рабочих и политэмигрантов, покинувших Германию. Например, в 1925 г. в Сибири только 34 из 214 руководителей были местными, остальные пришлыми. Но даже и этих «чужих» немцев постоянно не хватало, чтобы занять руководящие посты. Зачастую важнейшие задания поручались представителям других национальностей, не знавших местных условий и не владевших немецким языком. Это, с одной стороны, создавало барьер между партийными функционерами и немецкой деревней, а с другой – способствовало большей изоляции деревни от партийного контроля[12].

Колонисты не выступали непосредственно против отделения церкви от школы, но старались организовать религиозное обучение детей вне школы. При этом организованные по демократическому принципу общины меннонитов, баптистов и пиетистов обладали определенными преимуществами перед иерархическими структурами в лютеранской и католической церквах. Там на место выбывшего или арестованного священника не мог быть выбран новый – простым голосованием членов общины. В апреле 1924 г. меннониты обратились к советскому правительству с требованиями, чтобы школа заняла нейтральную позицию по отношению к религии и чтобы воинская повинность была заменена «необходимо-полезной работой для государства». Усилия меннонитов, баптистов и толстовцев, их борьба за отмену воинской повинности увенчалась тогда определенным успехом. В законе 1925 г. о воинской обязанности было зафиксировано, что представители религиозных групп, чьи верования запрещали проходить воинскую службу еще до революции, могли выбрать альтернативную службу[13].

В то же время российские немцы выступали и с организованным протестом против властей, особенно в Поволжском регионе. Тема вооруженных выступлений достаточно хорошо освещается в работах А.А.Германа. Так, поволжские немцы в 1918 и 1919 гг. организованно выступили против конфискации зерна и скота, против насильственной мобилизации их сыновей в Красную Армию. Непосредственное участие поволжские немцы приняли в так называемом «восстании голодных крестьян Поволжья» под руководством эсэров в 1921 г.[14] К сожалению, мне неизвестны аналогичные работы, которые могли бы пролить свет на ситуацию в Причерноморском регионе.

Многое уже известно о вооруженном сопротивлении меннонитских колоний (благодаря воспоминаниям и историческим исследованиям эмигрантов-меннонитов) в период гражданской войны. Особенно хорошо изучена история обороны против отрядов Махно. К сожалению, мы располагаем весьма скудными сведениями о восстании в Гросслибентале в июле 1919 г. против направленной туда германской группы «Спартаковцы». Или о взаимодействии восставших колонистов с белогвардейскими частями генерала Деникина[15].

Вторая волна организованных актов сопротивления российских немцев была направлена против антирелигиозных мероприятий, коллективизации и раскулачивания, проводимых советскими и партийными органами. Эти протесты прокатились по всем немецким поселениям от Волги до Казахстана.

Так, в Республике немцев Поволжья в конце 1929 г. крестьяне 39 деревень совместно выступили в поддержку пострадавших от раскулачивания собратьев-колонистов. Так же как и в русских деревнях, протестами поволжских колонистов руководили женщины, против которых ГПУ не всегда рисковал прибегать к таким жестоким мерам, как арест или расстрел. Колонисты пытались помешать высылке кулаков и освобождали арестованных крестьян. Они не только забирали назад свое имущество из колхозов, но и возвращали кулакам то, что было у них конфисковано. Они избивали представителей власти, громили партийные помещения. В Мариенфельде (например, кантон Каменка) немцы-колонисты перерезали всех быков, заявили, что не будут принимать участие в посевных работах и что хотят покинуть страну. Только при поддержке людей из русских деревень ГПУ удалось арестовать и вывезти руководителей этого восстания.

После публикации 2 марта 1930 г. статьи Сталина «Головокружение от успехов», в которой подвергались критике темпы и принудительные меры в период коллективизации, уже к началу мая того же года половина крестьян Поволжской республики покинула коммуны. Российские немцы требовали возвращения депортированных кулаков и открытия церквей[16]. В южноукраинской деревне Гюлдендорф колонисты забрали всех своих лошадей из колхозных конюшен уже через несколько дней после выхода статьи Сталина; пять шестых всех крестьян этого села затем в течение двух месяцев покинуло коммуну[17]. Когда началась депортация кулаков на Крайний Север, поволжские колонисты начали всеми способами противодействовать милиции. С декабря 1930 г. по апрель 1931 г. жители почти всех деревень Горной стороны и многих поселений Луговой стороны выступили против коллективизации, раскулачивания и закрытия церквей. На подавление этого восстания были брошены армейские части и части ГПУ[18].

За период с начала Октябрьской революции до окончания гражданской войны из страны эмигрировало 120 тыс. немцев, т. е. почти десятая часть всего немецкого населения. С 1923 по 1928 г. Советский Союз покинули 23 тыс. меннонитов (из 91 тыс., проживавших в стране). Органы ГПУ получили указание поддерживать эмиграцию «антисоветских элементов» и затруднять выезд из страны немецкой бедноты[19]. В то время, как немцы на Волге, в Южной Украине и в Казахстане еще выступали с протестами, большая часть сибирских немцев уже была на пути в Москву, чтобы добиваться у властей разрешения на выезд[20]. (По теме немецкой эмиграции – центр этого движения находился в Западной Сибири – существует много работ[21], в том числе затрагивается она и в нашей написанной совместно с А.Савиным монографии, которая скоро будет издана.)

Хотелось бы подчеркнуть лишь следующие аспекты: меннониты, а также лютеране и католики, которые к ним присоединились, отстаивали право воспитывать детей в духе своей религии. Они выступали и за право самостоятельного ведения хозяйства, считали членство в коммуне одной из форм крепостничества.

Меннониты Славгородского округа оказались в преимущественном положении по сравнению с немцами других регионов – 1 июня 1929 г. одной из групп было разрешено эмигрировать. Эмиграционное движение, которым были охвачены Немецкий и Славгородский районы, быстро перекинулось и на другие регионы, где был высокий процент меннонитов, охватило немецких лютеран и католиков, а затем и поляков, эстонцев, латвийцев и белорусов. Если бы не вмешательство органов ГПУ в середине ноября 1929 г., эмиграционное движение охватило бы не только всех немцев, но распространилось бы и на другие национальные меньшинства Советского Союза. После вынужденного возвращения в родные места, меннониты Славгородского района организовали посевную забастовку, они на своих собраниях требовали предоставления свободы совести, возвращения гражданских прав священникам, снижения темпов пятилетки, уменьшения налогов для самостоятельных хозяев, прекращения насильственной коллективизации[22].

В заключение этого короткого обзора еще раз хотелось бы обратить внимание на «белые пятна» в истории российских немцев в советский период. Это защита и сопротивление немцев-колонистов на Юге Украины, Волыни, Северном и Южном Кавказе, в Средней Азии, собственно говоря, во всех регионах, кроме Волги и Западной Сибири. Мы сравнительно мало знаем о жизни лютеранских и католических общин, поскольку достаточно полная информация имеется лишь о меннонитах. Кроме того, хочется надеяться, что

в будущем появятся исследования, посвященные не защите и сопротивлению, а, наоборот, вольному или невольному сотрудничеству представителей российских немцев с органами власти.

Примечания:

[1] Историографический обзор по данной проблематике см. в статье Т.Н.Черновой, публикуемой в данном сборнике.

[2] Broszat M. Resistenz und Widerstand: Eine Zwischenbilanz des Forschungsprojekts // Bayern in der NS-Zeit IV. Herrschaft und Gesellschaft im Konflikt. Teil C / Hrsg.v. M.Broszat, E.Fröhlich, A.Grossmann. München; Wien, 1981. S.691–709.

[3] Brandes D. Von den Zaren adoptiert: Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurußland und Bessarabien, 1751–1914. München; Wien, 1993. S.474–488.

[4] Например: Путь к победе (Об участии немцев, проживающих в СССР, в Великой Отечественной войне). Алма-Ата, 1990; Deines W. Die Sowjetdeutschen bei der Verteidigung des Vaterlandes // Heimatliche Weiten. 1989. H.2. S.229–239.

[5] Герман А.А. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941. В 2 ч. Ч. 1. Автономная область, 1918–1924. Саратов, 1992. С. 11–18.

[6] Eisfeld A. Deutsche Kolonien an der Wolga 1917–1919 und das Deutsche Reich. Wiesbaden, 1985. S. 94–101.

[7] Savin A. Ökonomisch revolutionär – politisch reaktionär: Zur Geschichte der sibirischen Zweigstelle des Allrussischen Mennonitischen Landwirtschaftsverbands // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen 6. Essen, 1996. S.43–57.

[8] Savin A. Verordnete Autonomie : Die Entstehung des Deutschen Razons in Sibirien 1924–1928 // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen 4. Essen, 1994. S.89–97.

[9] Brandes D. Ein „Kulakenaufstand" im sibirischen Halbstadt? // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen 4. Essen, 1994. S.98–116.

[10] Ibid. S.98.

[11] Brandes D. Von der Verfolgung im Ersten Weltkrieg bis zur Deportation // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland / Hrsg. v. G.Stricker. Berlin, 1997. S.131–213.

[12] Ibid. S.174–176.

[13] Ibid. S.171.

[14] Герман А. А. Указ. соч. Ч. 1. С. 35–66.

[15] Brandes D. Von der Verfolgung... S. 151.

[16] Герман А. А. Указ. соч. Ч. 2. Автономная республика, 1924–1941. Саратов, 1994. С. 99–116.

[17] Reinmarus A.-O. Langer: Güldendorf : Ein deutsches Stürmer- Kollektiv zur 15. Oktoberfeier. Kiev, 1932. S.31–36.

[18] Герман А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 99–116.

[19] Toews J. B. Die Mennoniten in der Ukraine 1917–1927: Aspekte ihrer religiösen und konomischen Anpassung // Zeitschrift für Ostforschung 21 (Marburg 172). S. 652–677.

[20] Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.) : Сб. документов / Отв. ред. Г.А.Карпыкова. Алматы; Москва, 1997. С. 47–66.

[21] Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х–1930-е годы.) М., 1995. Бруль В. Немцы в Западной Сибири. В 2 ч. Топчиха, 1995.

[22] Brandes D. Ein «Kulakenaufstand»... S.105–111.

Репрессии 1937 года

Н.Охотин, А.Рогинский, *Москва*

Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг.[1]

1.

«Всех немцев на наших военных, полувоенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во <u>всех</u> областях всех <u>арестовать</u>»[2].

С этой записки Сталина, приложенной к протоколу заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1937 г. (№ П51/324), собственно говоря, и начинается «немецкая операция» НКВД.

В автографе поражает гипертрофированная агрессия стиля: на крохотном блокнотном листе, едва вмещающем размашистый почерк вождя, одиннадцать раз встречается буква ***Х*** – большой, бросающийся в глаза, косой перечеркивающий крест. Показательно и то, что Сталин трижды употребляет форму ***всех*** (единожды – с подчеркиванием): квантор всеобщности, характерный для семинарской риторики генерального секретаря, в контексте записки приобретает откровенно зловещий, аннигилирующий смысл. Известные нам теперь результаты «немецкой» и других национальных операций НКВД вполне оправдывают эти ожидания.

Текст последующего решения Политбюро Сталин также пишет сам:

<u>«Вопрос НКВД</u> *<u>Членам Пб</u>*
<u>ОП</u>

Предложить т.Ежову дать немедля приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах (артиллерийские, снарядные, винтовочно-пулеметные, патронные, пороховые и т.п.), и высылке части арестованных за границу.

Копию приказа прислать в ЦК.

О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК.

За / И.Ст<алин>.

Подписи соратников – внизу наискосок:

В.Чубарь, Ежов, В.Молотов, К.Ворошилов, Каганович, А.Микоян»[3].

Оперативный приказ № 00439 был выпущен Ежовым 25 июля 1937 г. и в тот же день разослан телеграммами по всем управлениям НКВД. Текст приказа хорошо известен современным исследователям[4], поэтому мы здесь напомним лишь основные его положения.

Преамбула содержала обоснование планирующихся репрессий:

«Агентурными и следственными материалами последнего времени доказано, что германский Генеральный штаб и Гестапо в широких размерах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших, и в первую очередь оборонных, предприятиях промышленности, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных.

Агентура из числа германских подданных, осуществляя уже сейчас вредительские и диверсионные акты, главное внимание уделяет организации диверсионных действий на период войны и в этих целях подготавливает кадры диверсантов».

Чтобы «полностью пресечь эту деятельность», нарком приказывал арестовать всех германских граждан, проживающих в СССР, работающих (или работавших ранее) в оборонной промышленности и на железных дорогах. На аресты было отведено пять дней, начиная с 29 июля. После «особо тщательного» следствия дела должны были быть направлены на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда или Особого совещания при НКВД.

Речь в приказе, однако, не ограничивалась только германскими гражданами:

«Вновь выявляемых в процессе следствия германских агентов-шпионов, диверсантов и террористов, как из числа советских граждан, так и подданных других государств, немедленно арестовывать, независимо от места их работы».

Одновременно предписывалось произвести срочный учет германских подданных, работающих во всех других отраслях советского хозяйства, а кроме того, бывших германских подданных, принявших советское гражданство, но ранее работавших в оборонной промышленности. На всех них следовало представить в Москву меморандумы с компрометирующими материалами «для решения вопроса об аресте».

Вдогонку приказу по областям ушли десятки телеграмм с перечислением военных заводов и цехов оборонного значения, где следовало провести аресты.

Если сопоставить записку Сталина, приведенную нами в начале статьи, с текстом решения Политбюро, а также с приказом 00439, легко заметить, что задачи операции в приказе резко сужены – речь в нем идет не о «всех немцах», а только о «германских подданных». Кроме того, в приказе по сравнению с запиской сужен

также и перечень отраслей промышленности, где следовало произвести аресты. Трудно представить, что такое ограничение явилось следствием внезапного «помягчения» вождя. Причина была, конечно, совершенно иная.

К моменту появления приказа № 00439 у Сталина уже вполне сформировался общий план предстоящих чисток. Центральное место в нем рядом с уже начавшейся генеральной чисткой партийно-государственной элиты занимали две массовые операции, призванные, согласно сталинско-ежовской аргументации, уничтожить потенциальную «пятую колонну» в преддверии войны.

Целью первой из них была генеральная «очистка» страны от «бывших людей», в самом широком значении этого термина, то есть от всех категорий «традиционных» врагов советской власти (в терминологии НКВД – лиц с «компрометирующим социальным и политическим прошлым»): от «недобитых» кулаков, бывших помещиков, царских чиновников, белых офицеров, «церковников», эсеров, меньшевиков и т. д., а также от уголовников-рецидивистов. Их массовыми арестами и расстрелами НКВД должен был ликвидировать «повстанческую базу» в СССР на случай войны.

Задачей второй операции, раздробленной на операции по отдельным национальным «линиям», была ликвидация в СССР «шпионско-диверсионной базы» стран «капиталистического окружения», а объектом репрессий – иностранные колонии и другие сообщества, прямо или косвенно связанные с заграницей.

В рамках этой второй операции три «линии» по очевидным причинам рассматривались как основные: польская, харбинская (в НКВД ее часто называли «харбино-японской») и немецкая. В такой последовательности НКВД и приступил к их реализации.

То, что осуществление массовой операции по немецкой «линии» было на некоторое время отложено, обусловлено, как нам кажется, несколькими обстоятельствами. Во-первых, немецкая операция не была так хорошо подготовлена, как польская или харбинская – и с состоянием учетов (за исключением Украины, а также учета германских граждан), и с предварительно собранными показаниями, необходимыми для определения репрессируемых контингентов, дело здесь обстояло значительно хуже. Во-вторых, сыграл свою роль относительно невысокий статус немцев в СССР, их небольшое, по сравнению, например, с поляками или латышами, представительство на вершинах советской иерархии. Ни о каком «центральном деле» вроде дела ПОВ («Польской организации войсковой») здесь речь идти не могла. В-третьих, определенные препятствия политического характера возникали в связи с наличием у советских немцев собственного государственного образования на территории СССР. Имело значение и многое другое, на-

пример, то, что репрессии против немцев в предшествующие четыре года носили гораздо более жесткий и масштабный характер, чем против тех же поляков или харбинцев, то есть частично чистка здесь уже была произведена. Учитывался и внешнеполитический фактор. Все это привело к тому, что массовые национальные операции начались с «линий» более ясных и лучше подготовленных.

5 августа начались аресты по приказу № 00447 (так называемая «кулацкая операция»), 15 августа – по приказу № 00485 («польская операция»), затем вступает в силу приказ № 00486, посвященный женам и детям «врагов народа», одновременно готовится приказ по харбинцам (№ 00593), который будет издан 20 сентября. По масштабам все эти операции несопоставимы с операцией против германских подданных. Например, к 31 августа по «кулацкой операции» было арестовано уже около 150 тысяч человек и более 30 тысяч из них расстреляно, в польской операции счет жертвам также шел уже на тысячи. При этом интенсивность арестов и расстрелов возрастала здесь с каждой неделей.

Немецкая же «линия» на первом этапе была сведена до наиболее очевидного направления – репрессий против германских граждан по приказу № 00439.

Операция началась в ночь на 30 июля. Через неделю, 6 августа, Ежов сообщал Сталину: «Всего по СССР арестовано 340 человек германских подданных. Москва и Московская область – 130 человек, Ленинград и Ленинградская обл. – 45, Украинская ССР – 52, Горьковская обл. – 20. Свердловская – 26, Сталинградская – 12, Азово-Черноморский край – 13, Орджоникидзевский – 18, другие республики и области – 24 человека. В результате следствия уже в настоящее время вскрыто 19 шпионско-диверсионных резидентур на ряде крупнейших промышленных предприятий <...>. По полученным к 5 августа показаниям германских подданных арестовано 43 немецких агента из советских граждан и дополнительно арестовывается 52 человека»[5].

Записка Ежова фиксирует завершение лишь начального, самого бурного периода арестов. Интенсивность их уже в ближайшие недели заметно снизилась. И хотя в новом докладе Сталину 29 августа Ежов бодро рапортовал о множестве вскрытых шпионско-диверсионных групп, приводимые им здесь же цифровые итоги операции свидетельствовали о ее постепенном затухании. По данным Ежова, с 29 июля по 28 августа «всего по СССР арестовано 472 германских подданных. Москва и Московская область – 130, Ленинград и Ленинградская область – 79, Украинская ССР – 106, Азово-Черноморский край – 54, Свердловская область – 26, другие области и республики – 77»[6]. Как легко заметить, рост

числа арестованных произошел лишь в Ленинграде, на Украине, в Азово-Черноморском крае. В Москве, Свердловской области и практически во всех других регионах он остановился на цифрах начала августа: по-видимому, здесь ресурсы приказа № 00439 оказались уже в основном исчерпаны.

Несмотря на это, операция по приказу № 00439, рассчитанная, как мы помним, первоначально на пять дней, не была прекращена и теперь. Об этом свидетельствуют разного рода распоряжения, связанные с приказом № 00439 (например, требования о присылке отчетности) и рассылаемые из Центра (Центрального аппарата НКВД СССР) в местные НКВД–УНКВД. Однако эти регулярные разъяснения относятся преимущественно к августу – началу сентября 1937 г., затем приказ № 00439 в переписке НКВД упоминается все реже. Это и понятно: операции против германских граждан изначально отводилось достаточно частное место в системе политического террора 1937–1938 гг., а к началу осени первоочередная ее задача – «очистка» «номерных» оборонных заводов и цехов – уже была в основном выполнена. Одновременно она явилась прелюдией к иной, гораздо более широкой немецкой операции, развивавшейся по аналогии с другими национальными операциями.

Моделью для всех массовых национальных операций 1937–1938 гг. стала первая из них – польская. Приказ № 00485 о начале польской операции уже содержал все те главные установки, которые легли в основание последующих аналогичных приказов по национальным линиям.

Преамбула таких приказов обычно состояла из утверждений об активизации на территории СССР деятельности разведорганов соответствующей страны и перерастании этой деятельности на современном этапе из разведывательной в диверсионно-террористическую и повстанческую. В приказе непременно наличествовал точный перечень репрессируемых контингентов, назывались сферы, подлежащие чистке в первую очередь, определялись сроки проведения операции и формы отчетности по ней. Предписывался и особый (впервые вводимый в практику НКВД) порядок осуждения – «альбомный»: работники управлений НКВД на местах по окончании следствия составляли справки на каждого арестованного с предложением о приговоре (расстрел или заключение в лагерь на 5–10 лет), справки, скомплектованные в специальный список («альбом»), подписывали, поддерживая или корректируя предложенные меры, начальник УНКВД и местный прокурор, затем альбом направлялся в Москву, где окончательное решение выносили нарком внутренних дел и прокурор СССР (Ежов и Вышинский). Приговоры исполнялись по возвращении альбомов в местные УНКВД.

Развитие немецкой «линии» репрессий в основном укладывается в «польскую модель»: близки контингенты, подлежащие аресту, совпадают время активизации и продления операций, характер обвинений и способ оформления приговоров, сроки и формы отчетности. Более того, развитие обеих операций с какого-то момента определяется одними и теми же директивами[7].

Однако для польской «линии» мы с самого начала имеем регламентирующую документацию, которая объясняет основные параметры операции: это и вышеупомянутый приказ НКВД № 00485, это и прилагаемое к приказу директивное письмо, ориентирующее исполнителей в истории борьбы с польским шпионажем, это, наконец, и значительное число уточнений, дополнений, частных и общих указаний по разным поводам, изданных в процессе проведения операции.

Регламентирующая база немецкой операции несравнимо менее подробна, особенно на начальных этапах. По существу, кроме приказа № 00439, не самым прямым образом связанного с последующей массовой операцией, мы здесь не имеем ничего. Прежде всего у нас нет приказа о начале немецкой операции. По-видимому, его и не было вовсе – случай для 1937–1938 гг. не единичный. И поэтому, несмотря на все сходство между немецкой и польской национальными «линиями» репрессий, у нас все же остается целый ряд вопросов, касающихся специфики немецкой операции. Ответить на них помогают некоторые документы более раннего времени.

В этом смысле для нас особенно важны два директивных письма, изданных ГУГБ НКВД в начале 1937 г. Первое из них (№ 12 от 14.02.1937) «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности немецких троцкистов, проводимой по заданиям гестапо на территории Союза ССР» оказало значительное влияние на характер последующих репрессий против политэмигрантов из Германии. Во втором директивном письме (№ 26 от 2 апреля 1937 г.) «О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии (иностранный и внешнеполитический отделы «Антикоминтерн», разведывательная служба охранных отрядов и так далее) на территории Союза ССР» и в приложенной к нему многостраничной «Ориентировке о деятельности германских фашистов в СССР», созданным по следам только что прошедшего февральско-мартовского Пленума ЦК, уже явственно просматриваются контуры грядущей немецкой операции:

«Материалы по делам, ликвидированным во второй половине 1936 г., свидетельствуют о том, что значительно усилилась деятельность германских фашистов, типичная для предвоенного периода. Конкретная деятельность германских разведывател-

ных органов на нашей территории развивается в следующих основных направлениях:

1. Организация террористических групп и создание кадров террористов-одиночек из среды граждан СССР для организации центральных террористических актов.

2. Создание диверсионных ячеек на всех сколько-нибудь значительных оборонных предприятиях с таким расчетом, чтобы к моменту войны развернуть разрушительную работу на основных предприятиях оборонного значения. Осуществление ряда диверсионных актов уже в настоящее время.

3. Организация совместной подрывной работы с антисоветским троцкистским подпольем внутри Советского Союза.

4. Создание в среде немецкого населения действенных повстанческих баз в тылу, подготовка к организации вооруженных выступлений к моменту войны.

5. Проникновение в ряды Красной Армии для создания в воинских частях террористических и диверсионных формирований.

<...>

Практика показала, что все эти формы враждебной работы в действительности не отделены друг от друга, а, наоборот, переплетаются самым тесным образом. Большинство ликвидированных немецких диверсионных резидентур и организаций занималось параллельно организацией террористической работы, все проводили разведывательную работу, а в районах, где имеются сколько-нибудь значительные группы немецкого населения, одновременно подготовляли повстанческие кадры. Немецкие террористы, диверсанты, шпионы и организаторы массовой фашистской работы выступают почти повсеместно в одном лице»[8].

Думается, что апрельское директивное письмо сыграло немалую роль в подготовке «большого террора», в особенности немецкой операции. Определив общеполитическую ситуацию как «предвоенный период» (этот фактор станет через несколько месяцев стратегическим при проведении массовых репрессий), оно, как мы могли убедиться, кроме того, перечислило набор и характер возможных обвинений и указало сферы, на которые следовало обратить особое внимание. Прямое отношение к будущей немецкой операции имело и предписание «создать точный оперативный учет всех контингентов, используемых германской разведкой (политэмигрантов, германско-подданных, бывших германско-подданных, принявших гражданство СССР, и др.)»[9]. Также предшествовало целой серии будущих репрессивных решений требование установить тотальный контроль за германскими дипломатическими представительствами и всеми лицами, с которыми были связаны их сотрудники:

«Усилить всеми мерами внутреннее и наружное наблюдение, разработку связей работников германских дипломатических учреждений, фиксируя как все встречи сотрудников этих учреждений в городе, так и посещения консульств. Всех установленных таким путем систематически разрабатывать, имея в виду, что каждое из установленных таким образом лиц может являться проводником и организатором подрывной работы германских фашистов на нашей территории»[10].

Не менее значимую для дальнейших массовых репрессий картину дает анализ Ориентировки. Если суммировать наблюдения и выводы авторов этого документа о концентрации усилий германских агентов в области шпионажа, террора, диверсий и повстанческой работы, становится очевидно, что под прицел НКВД попадают прежде всего крупные промышленные районы и/или места компактного проживания немцев

- на Украине (Донбасс, Краматорск, Запорожье, Днепропетровск, Житомир, Одесса, Харьков),
- в Москве и в Ленинграде,
- в Западно-Сибирском крае и прилегающих районах Казахстана,
- в Саратовской области,
- в Азово-Черноморском крае,
- в Крыму.

При этом только на Украине, в Москве и Ленинграде устанавливается наличие крупных террористических шпионских и диверсионных организаций. В остальных отмеченных регионах на первый план выступает антисоветская и повстанческая деятельность немцев. Ориентировка – текст не директивный, а констатирующий, но заострение чекистского внимания на тех или иных явлениях, группах и регионах достаточно симптоматично и провокативно. Через несколько месяцев именно они станут определяющими в развитии репрессий против немцев в СССР.

Переход от локальных арестов германских подданных на военных заводах и учетно-агентурной работы по всем немецким контингентам к массовой репрессивной операции «альбомного» типа не мог произойти без мощного системообразующего воздействия «польского» приказа, изданного 11 августа. Установки польского приказа и, в еще большей степени, практика его реализации определили, как уже говорилось выше, основные формы и масштабы репрессий, направленных на все те национальные контингенты, которые осознавались как «база иностранных разведок». Распространение «польских» стереотипов на другие национальные группы часто происходило автоматически, а соответствующее распоряжение Центра санкционировало в таких случаях уже

сложившуюся практику на местах. Так, например, произошло с румынской операцией, которая самостийно началась на Украине в августе 1937 г., с финнами, «чистить» которых начали самостоятельно в Ленинградской области и в Карелии в сентябре–октябре 1937 г. Для обоснования операций против этих национальных контингентов так и не было издано специальных директив (в отличие, скажем, от латышской, греческой и афганской «линий»): с какого-то момента они просто включались в общие директивы по продлению и активизации операций, в указания по отчетности и т.п.[11]

По всей вероятности, и с немецкой операцией произошло нечто подобное.

Впервые упоминание о ней встречается в телеграмме Ежова, разосланной 3 ноября 1937 г. всем наркомам внутренних дел союзных республик и начальникам УНВД:

«Проводимые сейчас операции антисоветским элементам, немцам, полякам, харбинцам, женам изменников родины ряде областей идут крайне медленными темпами. <...> Приказываю: 1. Форсировать проведение операций антисоветским элементам, немцам, полякам, харбинцам, женам изменников родины. 2. Срок окончания всех этих операций установить 10 декабря 1937 года. К этому сроку провести все аресты, закончить следствие и рассмотреть все следственные дела».

Нет сомнений, что здесь речь идет именно о немецкой операции, а не об очередном этапе реализации приказа № 00439. Но из контекста также очевидно, что 3 ноября операция уже продолжается. Когда же и где она началась?

На тот и другой вопросы помогают ответить материалы статистических сводок ГУГБ НКВД. Самые ранние (из известных нам) цифры по немецкой «линии» относятся к 16 ноября 1937 г. – 2536 осужденных в «альбомном порядке» по всей стране. Однако эти данные не содержат распределения по регионам. Оно впервые появляется через месяц. На 15 декабря осуждено уже 5805 человек, из них 85% (4921 человек) – на Украине, еще 11% – в Москве и Ленинграде, при этом две трети репрессированных в УССР приходится на три области – Донецкую (1904 человек), Днепропетровскую (775), и Житомирскую (601)[12]. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что операция началась на Украине, скорее всего, уже в сентябре, а также – несколько позже – в двух крупнейших городах Союза, то есть именно в тех регионах, на которые указывала цитированная выше апрельская директива НКВД. С ноября же операция постепенно начинает распространяться и на многие другие территории СССР. Если 15 декабря суммарная доля осужденных Украины, Москвы и

Ленинграда составляла 95,6% от всех осужденных в «альбомном порядке» по немецкой операции, то в процессе развития операции она постоянно уменьшалась: 10 января 1938 г. – 88%, 1 апреля – 68%, 21 мая – 61,6%, 15 сентября – 51,3%, наконец, 15 ноября 1938 г. – 46,1%.

Развертывание с ноября 1937 г. широкой немецкой операции неминуемо должно было еще больше ограничить сферу действия приказа № 00439. Подавляющую часть арестованных советских граждан, причисленных к «связям», «германских агентов, шпионов, диверсантов и террористов», местные НКВД–УНКВД теперь могли осуждать в «альбомном порядке», не утруждая себя ни созданием видимости «тщательного следствия», ни оформлением целого ряда процессуальных документов, необходимых для направления следственного дела, например, в Военную коллегию. Сыграв свою инициирующую роль, приказ № 00439 с данного момента как бы вливается в эту, по существу, новую операцию, становится одной из составляющих ее «линий», а ссылки на него, изредка появляющиеся в переписке НКВД (в основном в отчетности), в новом контексте нередко служат условным обозначением немецкой операции в целом.

2.

Учитывая масштабы, которые приобрела немецкая операция с конца 1937 г., можно было бы пренебречь рассказом о продолжающихся по приказу № 00439 репрессиях против немцев-иностранцев. Однако анализ этой, казалось бы, слабой «линии» выводит нас на особое – «иностранное» – направление работы НКВД. Без обсуждения этой темы картина «большого террора» будет заведомо неполной.

Ни один директивный документ ЦК или НКВД, посвященный иностранцам (как категории), не обходился без упоминания о немцах. Более того, появление этих директив зачастую было связано с акциями против именно германских подданных. Однако в окончательных текстах решений всегда возникал целый перечень стран. Это и естественно. Хотя Германия была страной «главного противника», но «противниками» считались также и многие другие страны: почти все страны, окружавшие СССР (в первую очередь Польша и Япония), затем их союзники, затем страны, на территории которых располагались «антисоветские центры», и т.д. – перечень мог быть коротким или длинным, в зависимости от назначения документа. И все без исключения подданные (граждане) этих стран, по разным причинам находившиеся на территории СССР, по логике НКВД 1937–1938 гг. являлись «подозрительными по шпионажу».

Репрессии против иностранцев развивались в нескольких направлениях.

Первым – и основным – было **административное «выдавливание» иностранцев из СССР**.

Целенаправленное «выдавливание» началось еще в марте 1937 г., когда по письму Ежова, утверждавшего, что «иностранные разведки, преимущественно германская разведка, использовывают [*sic! – Н.О., А.Р.*] для шпионажа и диверсии представителей германских фирм и специалистов иноподданных, работающих на предприятиях и в учреждениях Западно-Сибирского края», Политбюро вынесло решение: *«Отказать проживающим в Западно-Сибирском крае иностранцам (при продлении вида на жительство) в праве дальнейшего проживания в Западно-Сибирском крае. В первую очередь провести это мероприятие по отношению к германским, японским и польским подданным»*[13].

Прошло меньше месяца, и в директивном письме № 26 та же задача была поставлена как стратегическая уже перед всеми местными НКВД–УНКВД:

«Осуществить в течение полугода оперативные и профилактические мероприятия, направленные к удалению из пределов СССР всех германских подданных и всех иностранных подданных, в той или иной мере подозрительных по шпионажу и контрреволюционной работе. В число германских подданных, подлежащих удалению из пределов СССР и в необходимых случаях – арестам и высылкам, включить всех числящихся на милицейском учете германско-подданных, кроме политических эмигрантов, в отношении которых подготовительная работа проведена и соответствующие мероприятия будут осуществлены особо. Указания по этому вопросу будут даны в специальном документе»[14].

Здесь следует обратить внимание на то, что речь идет о всех без исключения германских подданных. Это ясно из указания использовать «милицейский учет», который есть не что иное, как учет Отдела виз и регистраций. При этом для «удаления» немцев, в отличие от других иностранцев, не требовалось никаких компрометирующих материалов – основанием являлось только германское гражданство. В этом смысле указание выглядит фантастическим для страны, формально не находящейся с Германией в состоянии войны, – ничего подобного в практике даже 1937–1938 гг. мы не встречали. Однако не случайно и то, что исполнение его отложили до получения специального циркуляра, который, по-видимому, должен был детально прописать механизм операции. Насколько мы понимаем, этот документ в ближайшие месяцы так и не был издан. Поэтому «выдавливание» иностранцев, осуществляемое путем отказа в продлении видов на житель-

ство весной–летом 1937 г., конечно, происходило, но не слишком активно, и преимущественно оно касалось приграничных или режимных местностей. Начавшаяся в августе 1937 г. эпоха массовых операций сразу же вывела проблему иностранцев на самый передний план, и уже к концу месяца был выработан лаконичный и емкий циркуляр НКВД («Об иностранцах», № 68 от 22.08), жестко определивший практику обращения с иноподданными самой разной государственной принадлежности:

«Установлено, что подавляющее большинство иностранцев, живущих в СССР, является организующим началом шпионажа и диверсии.

Основным способом борьбы с преступной деятельностью иностранцев, понятно, является агентурно-следственная работа НКВД.

Однако серьезным орудием в наших руках является возможность административными мерами значительно ослабить действие этого шпионско-диверсионного очага.

Предлагаю:

1. Впредь, путем отказа в продлении видов на жительство после истечения срока их действия, выдавать иностранцам выездные визы.

2. В первую очередь прекратить продление видов на жительство иностранно-подданным Германии, Польши, Японии, Италии, Австрии, Аргентины, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Голландии, Дании, Кубы, Латвии, Литвы, Маньчжоу-Го, Мексики, Румынии, Финляндии, Швейцарии, Эстонии, Югославии.

3. Что касается англичан, французов, американцев, испанцев, турок, чехословаков, иранцев, афганцев, китайцев, греков, то при наличии компрометирующих данных также отказывать в продлении видов на жительство после истечения срока и выдавать выездные визы.

4. Порядок ареста и привлечения к ответственности иностранцев остается прежний.

5. Начальникам УНКВД обязать 3-и отделы УГБ иметь наблюдение за работой отделов виз и регистраций милиции в этой части.

6. О ходе выполнения настоящего распоряжения, количество выехавших иностранцев – доносите ежемесячно по состоянию на 1-е число каждого месяца»[15].

Мы не имеем здесь возможности анализировать этот документ – ни его установки, ни практику его реализации. До конца массовых репрессий он оставался основным руководством для действий по отношению к иностранцам (за исключением подлежащих аресту по оперативным приказам). Отметим: циркуляр «Об иностранцах» подтверждает предположение, что конкретные направления

и последовательность национальных операций не были заранее спланированы (кроме трех основных «линий»), а формировались в процессе развития репрессий. Если бы дело обстояло иначе, то, например, иранцы или афганцы скорее всего попали бы в первую, более «опасную» группу (операции по ним развернутся только в феврале 1938 г.), и наоборот, – некоторые из стран были бы перенесены из первой группы во вторую. Для нас же в этом циркуляре особенно важен его постулат – определив иностранцев как единую «враждебную» категорию, он, мы полагаем, оказал сильнейшее воздействие на весь ход «большого террора».

Вторым направлением репрессий против иностранцев, также ориентированным на ослабление иностранного присутствия в стране, стала деятельность НКВД по фактической **изоляции иностранных дипломатических представительств в СССР**. Указания о «глубокой разработке» сотрудников посольств и консульств, о выявлении и «разработке» всех их знакомых были даны, как мы видели, еще весной 1937 г. Массированные же (в отличие от предыдущих «точечных») аресты «консульских связей» (так на языке НКВД обозначались люди, контактировавшие с иностранными дипломатами) начались сразу после издания в середине августа «польского» приказа. При этом характерно, что впрямую эта категория в приказе № 00485 не упоминалась – аресты «консульских связей» были предопределены более ранними директивами, и в первые месяцы массовых операций руководителями местных органов НКВД они были предприняты без всяких дополнительных указаний, как сами собой разумеющиеся. Специальный приказ № 00698, являвшийся в какой-то степени ответом на эту «инициативу снизу», вышел лишь 28 октября 1937 г.

Приказ касался представительств не всех стран, а лишь четырех – Германии, Японии, Италии и Польши. За посольствами, миссиями, консульствами этих стран, за квартирами и общежитиями их сотрудников, за театрами, клубами, ресторанами, за частными квартирами, которые эти сотрудники посещали, следовало установить «беспрерывное наблюдение». Одновременно предписывалось:

«2. Тщательно организованным агентурным и наружным наблюдением выявить и применением широких репрессий пресечь все связи посольств и консульств этих стран с советскими гражданами, подвергая немедленному аресту всех советских граждан, связанных с личным составом этих диппредставительств и посещающих их служебные и домашние помещения.

3. Из иностранно-подданных аресту подвергать тех лиц, характер связи которых с диппредставительствами этих стран подозрителен по шпионской и к-р деятельности.

На арест ино-подданных испрашивать санкцию НКВД СССР.

4. Следствием по делам репрессированных за связь с диппредставительствами лиц вскрывать их к-р, шпионскую, диверсионную, террористическую деятельность»[16].

Этот приказ не только привел к многочисленным арестам (в основном советских граждан), но и сделал практически невозможной дальнейшую работу в СССР многих иностранных учреждений. Число иностранных дипломатических представительств под нажимом НКВД быстро сокращается. Так, к середине ноября 1937 г. из семи германских консульств осталось только два (в Киеве и Новосибирске), а к маю 1938 г. закрылись и эти последние[17]. Резко сократилось число консульств и других стран.

И, наконец, **аресты иностранцев**, в частности германских граждан. Из множества аспектов этой проблемы коснемся только трех, напрямую связанных с репрессиями 1937–1938 гг.

Первое. Вопрос о согласовании арестов. Порядок здесь был определен еще в 1934 г., вскоре после образования НКВД, и подтвержден в январе 1936 г. На каждый арест или даже обыск иностранного подданного необходимо было получить санкцию наркома или замнаркома внутренних дел. На этом же уровне определялось и направление дела по подсудности – в суд, трибунал или Военную коллегию. Если же предполагалась высылка обвиняемого за границу по решению Особого совещания при НКВД, то в таких случаях рекомендовалось обходиться без ареста.

«Большой террор» отменил эти нормы. Уже в приказе № 00439 ничего не говорилось о согласовании с Москвой арестов германских подданных. Требовалось только прислать списки на аресты, но их даже не нужно было сопровождать «компрометирующими материалами». Это, конечно, не случайно. Приказ № 00439 открыл эпоху массовых операций. Основная их особенность именно в том и состояла, что причиной репрессии здесь были не какие-то деяния (подлинные или вымышленные), не наличие «компрматериалов», а, в первую очередь, принадлежность к определенной категории населения. Той самой, по поводу которой было принято репрессивное решение.

Приказ № 00439 предполагал сочетание даже двух категорий – определенного гражданства (германского) и причастности к работе в определенной производственной сфере (оборонная промышленность или транспорт). Это сочетание автоматически предопределяло арест. Согласование ареста с Москвой, таким образом, противоречило самой логике приказа. Тем более не требовалось получать санкции Центра на аресты иностранцев в «альбомных» операциях по национальным «линиям». В Москву, как правило, с мест посылались лишь списки уже арестованных, но и это делалось нерегулярно и довольно бессистемно. Судя по документам,

в период массовых операций на согласовании арестов иностранцев Центр настаивал только в тех случаях, когда репрессии могли затронуть иностранных дипломатов.

Изменилась с лета 1937 г. и практика высылок иностранцев за границу. Теперь почти всегда им предшествовал арест. И только 23 октября 1938 г., за три недели до отмены массовых операций, специальный циркуляр № 206 за подписью Берия (тогда еще заместителя наркома) вновь вернул старый порядок согласований. При этом, как бы отметая даже мысль о «списках», новый циркуляр особо подчеркивал, что санкцию на арест иностранцев надо получать «в каждом отдельном случае». Правда, теперь, в отличие от предписаний 1934–1936 гг., не требовалось санкций наркома на обыски у иностранцев (то есть речь шла о «восстановлении законности», а не о возвращении к ягодинскому «либерализму»).

Второе. Вопрос о масштабах арестов германских граждан. По данным Отдела виз и регистраций Главного управления милиции, всего в СССР на начало 1937 г. проживало 98 840 иностранных подданных, из них около 80% – иранские, греческие и китайские. Германских граждан среди них числилось 4015. Если верить статистическим сводкам ГУГБ НКВД, то с июля 1937 г. по декабрь 1938 г. арестовано было 608 граждан Германии. Цифра эта заведомо неполна вследствие того, что некоторые местные органы НКВД не предоставляли сведения вовремя, но мы предполагаем, что неполнота не превышает 10–15%. Таким образом, за полтора года было арестовано примерно 660–700 германских граждан. Сложнее определить число арестованных за первую половину 1937 г. Всего иностранцев за эти шесть месяцев было арестовано, по тем же сводкам НКВД, – 309. По многим обстоятельствам мы предполагаем, что граждан Германии среди них – 30–40%. В итоге получается, что в СССР в 1937–1938 гг. было арестовано 750–820 германских граждан. Насколько мы понимаем, эта цифра более или менее коррелируется с данными посольства Германии. Скорее всего сюда входят в основном германские служащие и рабочие в промышленности и на транспорте, арестованные по приказу № 00439, а также германские граждане, арестованные по отдельным делам, вне рамок оперативных приказов, и, возможно, очень небольшое число германских граждан, арестованных в рамках «альбомной» немецкой операции. По-видимому, данные об арестованных политэмигрантах, не состоявших на момент ареста формально в советском гражданстве, в сводках НКВД об арестах в графу «подданные Германии», как правило, не включались. По большей части их, как и некоторые другие «спорные» категории, зачисляли в «лиц без гражданства» или в «прочих»[18]. Отчетливо отсутствует здесь и еще одна категория – арестованные и

осужденные «тройками» по приказу № 00447 – однако нам представляется, что репрессий германских граждан в рамках этой операции практически не было, и единичные исключения, которые могут открыться, вряд ли всерьез изменят конечные цифры.

На первый взгляд названное нами число арестованных выглядит на фоне общих цифр репрессий 1937–1938 гг. сравнительно небольшим, нам же, наоборот, оно представляется весьма значительным – ведь это примерно пятая часть всей численности германских граждан в СССР.

Третье. Вопрос о приговорах. К сожалению, статистика НКВД не выделяет из общей массы приговоров данные о приговорах иностранным гражданам, в том числе и германским. Поэтому на ее основании невозможно точно сказать, сколько из арестованных в 1937–1938 гг. было выслано по решению Особого совещания в Германию, сколько отправлено в лагеря, сколько расстреляно. Впрочем, на последний из вопросов некоторый свет проливает письмо заместителя Литвинова по НКИД В.П.Потемкина от 21 февраля 1938 г., адресованное председателю СНК Молотову:

«По Вашему запросу от 20 сего февраля № М-778 о возможности применения высшей меры наказания к германским гражданам Виттеру и Балтесу, осужденным к расстрелу Военным трибуналом Уральского округа, мнение НКИД сводится к следующему:

Учитывая, что до сих пор не было случая применения высшей меры наказания к германским гражданам, приговоренным к расстрелу нашими судами, и в предупреждение ответных репрессий в отношении наших собственных граждан, проживающих в Германии, НКИД полагал бы возможным заменить Виттеру и Балтесу высшую меру наказания 20-летним заключением»[19].

Даже если представить, что Потемкин не вполне в курсе дела (это совершенно допустимо, учитывая натянутые отношения между НКВД и НКИД), симптоматичен сам запрос Молотова, демонстрирующий его весьма внимательное отношение к проблеме. В этом просматривается, конечно, рефлекс более ранней эпохи, когда «утряска» участи арестованных по дипломатическим советско-германским каналам была обычной практикой, однако знаменательно, что он не исчез и в атмосфере «большого террора». Внимание НКИД заставляло местные органы подходить к осуждению германских граждан с определенной осмотрительностью.

Расстрелы германских граждан (за исключением расстрелов политэмигрантов) в ходе репрессий 1937–1938 гг., на наш взгляд, не могли носить сколько-нибудь систематического характера. Основная часть арестованных германских граждан после следствия (разной степени продолжительности и тяжести) была выслана в Германию. Практика приговоров к высылке за границу, сильно

ограниченная в начале 1937 г., уже осенью была восстановлена. Судя по данным немецкого посольства в Москве, с ноября 1937 г. по декабрь 1938 г. в Германию было выслано 593 арестованных, а всего за 1937–1938 гг. в Германию выслали около 620 человек[20]. Это треть всех приговоренных за два года Особым совещанием при НКВД СССР к высылке за границу. Сама по себе доля немцев в общем объеме высылок иностранцев мало о чем свидетельствует, но если сопоставить число высланных с числом арестованных германских граждан, становится ясно, что выслано было подавляющее большинство арестованных. И это еще одна отличительная особенность немецкой операции. Объясняется она, как и осторожность в применении расстрелов, конечно, исключительно внешнеполитическими соображениями.

Однако известное обещание Ежова выпустить за границу всех арестованных германских граждан, переданное осенью 1937 г. послу Германии Шуленбургу через Потемкина, все же не было выполнено. Простая арифметика подсказывает нам, что по крайней мере 200 человек из арестованных высланы не были. Они должны были оказаться в тюрьмах и лагерях, кто-то из них мог стать жертвой жестокого следствия или расстрельного приговора. Эта цифра не противоречит и другой, названной Берией в октябре 1939 г., – по его уверениям, в заключении на тот момент находилось 484 германских подданных. Значительное расхождение с указанной нами выше цифрой имеет вполне определенное объяснение – теперь германскими подданными считали также и австрийцев. Впрочем, абсолютная точность в такого рода подсчетах, видимо, невозможна – и из-за структуры источников, впрямую не отражающих все интересующие нас параметры репрессий, и из-за неопределенности статуса большей части такой существенной для понимания объемов репрессий группы, как политэмигранты.

3.

Все ранее сказанное относится к репрессиям против германских граждан, то есть к той «линии», которая влилась в немецкую операцию осенью 1937 г., но ни в коей мере не была для этой операции определяющей. Массовая немецкая операция была посвящена в первую очередь гражданам советским, в основном этническим немцам.

Хотя специальный приказ по немецкой «линии» так и не был никогда издан Ежовым, но содержание и смысл операции были очевидны всем его подчиненным. Основной ее задачей, как она понималась местными руководителями НКВД–УНКВД, то есть теми, кто эту операцию непосредственно проводил, была ликвидация «очагов» и «базы» шпионско-диверсионной и повстанческой

деятельности германской разведки в СССР. Задача эта легко вычитывалась из решений февральско-мартовского Пленума, из речи Ежова на июльском совещании руководящего состава НКВД, из «польского» и «харбинского» приказов. Ясен был им и основной набор обвинений, которые следовало предъявлять арестованным: соответствующее «меню» было предоставлено уже в апрельском директивном письме № 26, в августе к нему добавились еще некоторые типы обвинений, предложенные специальным письмом, сопровождавшим приказ № 00485. Очевидны были и регионы, где на немецкую операцию следовало обратить особое внимание, – приграничные и режимные зоны, промышленные центры и места компактного проживания немецкого населения, в особенности немецкие национальные районы. Был налажен и не вызывал вопросов механизм осуждения («альбомный порядок») – в первые месяцы массовых национальных операций он казался достаточно эффективным. Определялись указаниями из Центра сроки операции и формы отчетности, то есть и здесь все было очевидно. Однако базовым условием всякой операции был точный перечень категорий, подлежащих репрессированию. Из-за отсутствия специального приказа такого перечня по немецкой «линии» в распоряжении органов НКВД не было.

Впервые указание на перечень «немецких контингентов» появляется в директивных документах НКВД лишь 1 февраля 1938 г. Этим днем датировано разосланное по телеграфу Ежовым во все НКВД–УНКВД распоряжение № 233, изданное во исполнение принятого накануне решения Политбюро.

Распоряжение продлевало срок уже ведущихся национальных операций до 15 апреля 1938 г., открывало новые, как сказано в тексте – «аналогичные», операции – финскую, эстонскую, румынскую, китайскую, болгарскую и македонскую, а также предписывало «подвергнуть аресту всех подозреваемых в шпионской, диверсионной и иной антисоветской деятельности немцев, состоящих в советском гражданстве, применительно категориям, перечисленным моем приказе 00485»[21].

Телеграмма Ежова от 1 февраля – типичный образчик тех директив 1937–1938 гг., в которых задним числом санкционировалось уже давно реализуемое направление репрессий. Это касалось и нескольких из якобы новых национальных «линий», и контингентов немецкой массовой операции, которая велась уже несколько месяцев и по которой к февралю 1938 г. было осуждено около 16 тысяч, а арестовано около 40 тысяч человек.

Естественно, что и без всякого специального указания Ежова (то есть до 1 февраля 1938 г.) те местные органы НКВД, которые вели немецкую операцию, ориентировались при определении кон-

тингентов прежде всего на приказ № 00485. Поэтому напомним основные репрессируемые категории, которые были в нем перечислены:

- все оставшиеся в СССР бывшие военнопленные польской армии,
- перебежчики из Польши независимо от времени перехода в СССР,
- политэмигранты и политобмененные из Польши,
- бывшие члены Польской социалистической партии и других польских политических партий,
- наиболее активная часть местных антисоветских и националистических элементов польских районов.

Изучая историю реализации «польского» приказа, мы имели возможность убедиться, что перечисленными в нем категориями аресты не ограничились – довольно быстро реестр «репрессируемых контингентов» расширился. Источники такого расширения были двоякие: иногда новую категорию указывал в очередной директиве Центр, но гораздо чаще это решали на местах сами начальники управлений НКВД, исходившие при этом из специфики своих регионов. Конечно, любое нововведение такого рода следовало согласовывать с Москвой, но делалось это, как мы понимаем, не всегда, кроме того, для областных управлений Украины или Казахстана было достаточно санкции своих наркомов. В результате в целом ряде регионов возникали дополнительные, впрямую не предусмотренные центральными приказами репрессируемые контингенты. Яркий пример – трансформация приказа № 00485 в Харькове. Здесь заместитель начальника УНКВД Л.Рейхман (исполнявший в этот момент обязанности недавно арестованного начальника) издал уже 19 августа в дополнение к «польскому» приказу свой собственный, в котором репрессируемых категорий было намного больше, чем в московском. Среди новаций:

- бывшие разведупровцы и агенты ИНО <иностранный отдел НКВД> по Польше,
- поляки-старослужащие сахарных заводов и других предприятий,
- бывшие контрабандисты и лица, осужденные в прошлом по шпионским делам и как участники контрреволюционных националистических организаций,
- клерикально-националистический элемент,
- выходцы из Польши и погранполосы, в отношении коих имеются компрометирующие материалы,
- посетители польских консульств,
- лица, имеющие родственные и другие связи в Польше, в отношении которых имеются компрометирующие материалы,
- агентура по полякам и другим объектам (поляки и выходцы из Польши), подозрительная по дезинформации и двойничеству или не оправдавшая себя на работе[22].

Насколько можно понять из документов, харьковское расширение «польского» приказа – скорее типичный случай, чем исключение. Заметим при этом, что новые категории в целом вполне соответствуют духу приказа № 00485, некоторые из них впоследствии, как мы знаем, даже были включены в общую стратегию национальных операций дополнительными указаниями Центра.

То же, что и с польской «линией», по всей вероятности, происходило и с немецкой. С одной, но существенной разницей: из-за отсутствия специального приказа у начальников местных УНКВД при определении репрессируемых немецких контингентов возможностей для проявления инициативы было куда больше – контингенты «польского» приказа служили для них лишь отправной точкой, не более чем моделью.

Можно с уверенностью предположить, что массовая немецкая операция началась с арестов тех же самых категорий:

- **бывших германских военнопленных,**
- **политэмигрантов,**
- **перебежчиков из Германии,**
- **«контрреволюционного актива» немецких национальных районов.**

Но затем, по общей логике развития национальных операций, перечень этот непременно должен был расшириться.

Мы, конечно, не в состоянии перечислить всё дополнительные категории граждан, репрессированных по немецкой операции в разных регионах СССР, – это возможно сделать только на базе местных архивов. Назовем лишь основные, которые, судя по документам, репрессировались не в одном, а, по крайней мере, в нескольких, иногда даже и в большинстве регионов.

Бывшие германские подданные, работающие или работавшие ранее в оборонной промышленности и на транспорте. Это были немецкие инженеры и рабочие, приехавшие в СССР в конце 1920-х–начале 1930-х гг. и затем принявшие советское гражданство. Все они, как указывалось выше, подлежали специальному учету еще по приказу № 00439, но массовые аресты их начались только в рамках «альбомной» немецкой операции. Очень быстро репрессии перекинулись и на других бывших граждан Германии, никак не связанных по работе с оборонно-стратегическими отраслями советского хозяйства. Мы не располагаем по этому вопросу никакими специальными статистическими данными, однако убеждены, что бывшие германские граждане относятся к одной из наиболее пострадавших в ходе репрессий 1937-1938 гг. категорий населения.

«Консульские связи» – все, кто поддерживал прямые или косвенные контакты с немецкими дипломатами в СССР (за исключе-

шем, конечно, «специально проверенных» лиц). Этой категории, как мы помним, был посвящен приказ № 00698 от 22 октября 1937 г., однако способа осуждения он не оговаривал. Поэтому в течение нескольких месяцев в одних регионах после «тщательного следствия» дела направляли в Военную коллегию, трибуналы или Особое совещание, в других – проводили следствие в «упрощенном порядке», а осуждение через «альбомы». Ясность внесла директива от 1 февраля 1938 г., где «консульские связи» были упомянуты наравне с другими «базовыми» контингентами национальных операций:

«При проведении операций обратить внимание на выявление и изъятие всех перебежчиков, независимо от страны и времени прибытия в СССР, а также политэмигрантов и всех связанных с иностранными миссиями, посольствами, консульствами, концессиями и иными иностранными учреждениями»[23].

С этого момента для «консульских связей» был формально разрешен «альбомный порядок» осуждения, что неминуемо должно было сказаться на масштабе арестов.

Бывшие российские военнопленные – солдаты и офицеры российской армии, побывавшие в германском плену во время первой мировой войны. Аресты их начались на Украине сразу же вслед за арестами бывших германских военнопленных. К весне 1938 г. репрессии должны были, по-видимому, развернуться там с еще большим размахом, так что Ежов, приехавший в Киев с инспекцией в феврале 1938 г., вынужден был сдерживать ретивость подчиненных: «Самый факт пребывания в иностранном плену ни в коем случае не является основанием для репрессирования <...>. Мы должны выявлять, учитывать, разрабатывать и репрессировать не всякого военнопленного, а таких, которые содержались либо в специально создававшихся иностранными разведками лагерях для пленных – украинцев, татар и других, и, следовательно, обработанных разведкой; либо таких, которые сохраняют с заграницей связь, что дает основание подозревать в шпионаже; бывших военнопленных, проявляющих себя антисоветски, что может являться результатом его работы по заданиям разведки и т. п.»[24]. В 1938 г. бывших российских военнопленных стали арестовывать уже во многих регионах: на одном из заводов Перми, по приказу начальника Свердловского УНКВД Дмитриева, в апреле 1938 г. были одновременно арестованы как «немецкие шпионы» 150 рабочих – бывших военнопленных; 28 февраля 1938 г. начальник Горьковского УНКВД Лаврушин рапортовал Ежову об аресте 441 бывшего военнопленного, которые в свое время были завербованы «для провокаторской и разложенческой работы среди революционно настроенных русских военнопленных», а перед отъездом

в СССР получали «специальные задания диверсионного и повстанческого характера»[25]. Число таких примеров можно множить.

Бывшие служащие немецких предприятий. В качестве «подозрительных по шпионажу» НКВД уже давно рассматривал как служащих дореволюционных иностранных акционерных обществ, банков, промышленных и коммерческих предприятий, корреспондентов иностранных контор по наведению справок о кредитоспособности, так и служащих иностранных концессий советской эпохи. В первую очередь под подозрением были бывшие служащие немецких фирм. С началом массовых операций эта категория сразу же выдвинулась в центр внимания НКВД как имевшая очевидную (зафиксированную в анкете) связь с Германией. В конце 1937 г. в Центре попытались упорядочить практику арестов бывших служащих иностранных предприятий и стали разрабатывать на этот счет соответствующий приказ, рекомендовавший арестовывать прежде всего бывших директоров и управляющих, а кроме того тех, кто продолжал поддерживать связь с заграницей, кто скопил во время службы капиталы, и т. д. При этом оформление дел и их рассмотрение предписывалось производить в «альбомном порядке». Однако в конце концов было решено специальную операцию по служащим иностранных фирм не проводить. В течение 1938 г. аресты этой категории носили довольно бессистемный характер, хотя, как представляется, были весьма масштабными.

Впрямую связаны с массовой операцией по немецкой «линии» еще две категории, хотя осуждали их не в «альбомном порядке».

Жены осужденных по немецкой операции. С октября 1937 г. на семьи осужденных по «альбомным» операциям было распространено действие приказа НКВД № 00486 от 15 августа 1937 г., согласно которому жены «врагов народа», осужденных Военной коллегией или трибуналами, подлежали аресту и осуждению в лагеря на срок до восьми лет, детей же следовало отдавать под опеку родственников или направлять в детские дома. Из-за ограниченных возможностей размещения женщин в и без того переполненных тюрьмах и отсутствия мест в детских домах уже 22 ноября 1937 г. НКВД был вынужден отменить все «расширения» к приказу № 00486. К этому моменту в тюрьмах Украины оказалось уже около 4500 жен арестованных по польской, харбинской, немецкой, румынской операциям, в тюрьмах Ленинграда – их было более 600, Горького – около 100 и т.д. Запрет на продолжение арестов жен «националов», впрочем, не помешал отдельным местным УНКВД по собственной инициативе время от времени предпринимать административные высылки семей осужденных по национальным операциям, в том числе и немецкой. Репрессии же

непосредственно по приказу № 00486 продолжались до ноября 1938 г. (всего по нему было арестовано более 18 тысяч жен и «изъято» около 25 тысяч детей).

Заключенные, отбывающие срок за шпионаж в пользу Германии. Таковых к осени 1937 г. было немало. Их запрещалось освобождать, вместо этого за два месяца до конца срока на них следовало представить в НКВД специальный меморандум, на основании которого Особое совещание осуждало их на новый срок. В реальности основную часть заключенных, в делах которых прослеживалась какая-либо связь с Германией, расстреляли – как правило, по приговорам областных/краевых «троек» на основании приказа № 00447. Формально «альбомные» операции в лагерях не проводились, однако есть пока еще не проверенные сведения, что в отдельных местах (например, в Сиблаге), по специальной договоренности начальника местного УНКВД с Центром, лагерные «альбомы» составлялись и приговоры по ним приводились в исполнение.

Легко заметить, что все перечисленные категории (как основные, так и дополнительные) объединены одним признаком – действительной или мнимой связью с Германией. В рамках этой логики, «подозреваемыми» становились все жители СССР, которые родились, учились, работали в Германии, бывали там в гостях, в служебных командировках, попадали туда волею судеб (например, находились в плену), поддерживали контакты с германскими родственниками, друзьями или коллегами, общались с германскими гражданами, работавшими в СССР (специалистами, дипломатами), сотрудничали в германских фирмах и т.п. Однако пребывание в данной зоне повышенного риска не влекло за собой неминуемой репрессии. Не была определяющей при решении вопроса об аресте и простая принадлежность к «уязвимой» этнической группе. Наличие обоих признаков (по понятным причинам весьма частое) увеличивало потенциальную опасность для их обладателей, хотя без соблюдения дополнительных условий репрессия реализовывалась далеко не всегда. К числу таких дополнительных, а по существу решающих, условий относятся прежде всего маркированность, с точки зрения НКВД, той сферы, где человек работал, и/или той местности, где он проживал[26]. Немаловажными «локальными» факторами репрессий было проживание в национальном районе (чистка была важным составным элементом одновременно идущего процесса их ликвидации), на приграничной или режимной территории, а также в укрепленных районах и населенных пунктах, где дислоцировались военные гарнизоны[27].

Однако более существенными, как мы полагаем, были «производственные», институциональные факторы. Национальные опе-

рации, в том числе и немецкая, были ориентированы в первую очередь на чистку в сферах государственной жизни, напрямую связанных с обороноспособностью страны, – в военных и военизированных структурах (армия, НКВД и т.п.), в оборонной, машиностроительной, угольной, нефтяной, химической промышленности, в черной и цветной металлургии, на транспорте, в энергетике и некоторых других отраслях[28].

Если человек, подпадающий под одну из категорий «подозрительных по шпионажу», принадлежал к такой отмеченной сфере, это, как правило, влекло за собой его арест. Иногда для ареста достаточно было сочетания маркированной сферы с «неправильной» национальностью. Однако гораздо чаще это сочетание приводило к административной репрессии – увольнению и/или высылке. (Административные преследования по этническому признаку, связанные с чистками в определенных сферах, по нашему мнению, можно считать составной частью массовых национальных операций.)

Ярким примером механического наложения этнического и институционального факторов являются массовые увольнения «националов» с предприятий оборонной промышленности, предпринятые по решению Политбюро от 23 марта 1938 г. (№ П59/256): «Признать ненормальным, что на предприятиях, в главных управлениях и в центральном аппарате Наркомата оборонной промышленности работает большое количество немцев, поляков, латышей, эстонцев. Поручить тт. Ежову и Маленкову совместно с тов. Кагановичем Л.М. очистить оборонную промышленность от лиц указанных национальностей»[29]. То же сочетание факторов дает директива № 200ш наркома обороны Ворошилова от 24 июня 1938 г., согласно которой подлежали увольнению из армии военнослужащие всех «национальностей, не входящих в состав Советского Союза» (в том числе и немцы). Характерно, что в первую очередь увольнению подлежали все родившиеся или проживавшие за границей, а также имеющие там родственников[30].

Многие уволенные из оборонной промышленности и военных структур представители «инонациональностей» были затем арестованы, но для этого, как правило, опять-таки требовалось наличие дополнительных факторов, категориальных или индивидуальных. К первым относилась, например, переписка с заграницей или то, что человек в прошлом был «перебежчиком». Ко вторым – наличие конкретных «компрометирующих материалов» (связь с арестованными «врагами народа» и т. п.). Показательно, что дела уволенных по ворошиловской директиве и потом арестованных военнослужащих должны были, по указанию НКВД, рассматриваться в «альбомном порядке» – то есть они даже и формально были введены в рамки национальных операций[31].

Мы так часто акцентируем внимание на том или ином «порядке осуждения» потому, что этот признак играл весьма существенную роль в структуре репрессий 1937–1938 гг. В одном из возможных ракурсов эта структура предстает как иерархия осуждающих органов.

На вершине здесь, конечно, Военная коллегия Верховного суда СССР. Как известно, списки лиц, представляемых на Военную коллегию, в 1937–1938 гг. визировались Сталиным. Эта виза, предшествовавшая приговору и предопределявшая приговор, позволяла ему в полной мере управлять репрессиями против партийной, государственной и военной элиты. В сравнении с осужденными по массовым операциям это была небольшая группа (несколько десятков тысяч человек), но статусно – самая высокая.

Ту же контролирующую роль в национальных («альбомных») операциях призван был играть Ежов – секретарь ЦК и доверенное лицо Сталина. Без личной подписи Ежова (или его первого заместителя Фриновского) здесь не мог быть вынесен ни один приговор. Относительно высокий статус национальных операций был обусловлен, с одной стороны, их стратегической задачей – борьба со шпионажем в оборонной сфере, с другой, мы полагаем, определенными сомнениями относительно целого ряда начальников НКВД–УНКВД (напомним, что центральными персонажами в первой из национальных операций – польской – были именно крупные чекисты).

Наконец, в самом низу этой иерархии находились «тройки», осуществлявшие по приказу № 00447 самые массовые репрессии, направленные прежде всего против традиционного «классового врага». Здесь персональную ответственность за приговоры несли председатели «троек» – руководители НКВД–УНКВД. Между тем их деятельность также должна была находиться под строгим контролем Москвы: состав «троек» утверждался Политбюро, масштабы арестов и расстрелов строго регламентировались выданными Политбюро (иногда НКВД) лимитами, а качество работы могло быть проверено по протоколам «троек», которые после исполнения приговоров отсылались в Центр.

Спецколлегии судов, военные трибуналы, а также Особое совещание при НКВД играли в 1937–1938 гг. роль хотя во многих отношениях и важную (это требует отдельного разговора), но в рамках описанной структуры скорее дополнительную, аккомпанирующую. При этом надо помнить, что смертные приговоры, вынесенные судами и трибуналами, поступали в 1937–1938 гг., в соответствии с давно сложившейся практикой, на окончательную визу в Комиссию Политбюро по судебным делам, а председателем ОСО по статусу являлся Ежов. То есть и здесь решения выносились или по крайней мере контролировались на самом верху государственной власти.

Структура массовых репрессий основывалась на жесткой централизованности и не менее жестко регламентированном соотношении «контингентов» и способов осуждения. Этой структуре строго соответствовал и характер приговоров по каждому из направлений репрессий: в 1937–1938 гг. Военная коллегия приговорила к расстрелу по своим делам около 85% осужденных; по «альбомным» операциям доля расстрелянных составляет 73,66%; у «троек» по приказу № 00447 – 49,3%. В тот же период спецколлегии судов приговорили к расстрелу около 3,5% от общего числа осужденных. Особое совещание, как известно, права приговаривать к расстрелу тогда не имело.

Ежовская директива от 1 февраля 1938 г., впервые перечислившая полный набор национальных «линий» (к ним через две недели была добавлена последняя – афганская), резко активизировала национальные операции по всей стране. Одновременно, несмотря на непрекращающиеся требования местных начальников НКВД–УНКВД об увеличении лимитов и продлении срока работы «троек», сворачивается операция по приказу № 00447. Ее задачи считались, по-видимому, в основном выполненными[32]. С весны 1938 г. операции по национальным «линиям» становятся основным направлением в массовых репрессиях.

Санкции Ежова на упрощенное ведение следствия и «альбомный порядок» осуждения продлевались месяц за месяцем, вплоть до 1 августа 1938 г. Значительный рост числа арестов произошел в марте–апреле. Но почти сразу же интенсивность их начала сдерживаться фактором чисто «технологического» свойства – переполненностью тюрем.

Влияние этого фактора на характер репрессий становится ощутимым уже с зимы 1937 г., когда стало очевидно, что лагерные структуры развиваются намного медленнее, чем предполагалось, и не в состоянии оперативно впитывать сотни тысяч людей, осужденных в процессе «большого террора» (к тому же их оказалось много больше, чем планировалось в июле–августе 1937 г.)[33]. Следствием этого явился ряд решений, связанных с лагерной системой, – как экономических, так и административных. Другим следствием стало ужесточение приговоров по всем направлениям репрессий. Доля приговоренных к расстрелу постоянно возрастала. Так, например, если по первоначальным лимитам августа 1937 г. приказывалось приговорить к расстрелу примерно четвертую часть осужденных, то в общем итоге операции по приказу № 00447 эта доля выросла почти вдвое.

Весной 1938 г. обозначилось еще одно обстоятельство, обусловившее переполненность тюрем. Оно было спровоцировано новой

стадией развития национальных операций. Оказалось, что Центр не в состоянии справиться с «обработкой» постоянно увеличивающегося потока «альбомов» с мест. Одних только «альбомов», присланных с Украины, в Москве постепенно скопилось почти на 25 тысяч человек, и с февраля по сентябрь 1938 г. ни один из них не был рассмотрен. Подобная ситуация сложилась также с «альбомами» из Ленинграда, Свердловска, Челябинска, Белоруссии, Казахстана, других республик и областей. В результате в тюрьмах к заключенным, уже осужденным «по 2-й категории» (в основном по приказу № 00447) и по нескольку месяцев дожидавшихся отправки в лагеря, прибавились многие десятки тысяч новых арестованных по национальным операциям, приговоры которым не были вынесены Москвой. Свидетельства катастрофической переполненности тюрем именно весной–летом 1938 г. находим не только в официальной ведомственной переписке, но и в многочисленных мемуарах бывших заключенных.

Переполненность тюрем, с одной стороны, препятствовала расширению масштаба новых арестов, с другой – требовала структурных перемен как в организации мест заключения, так и, в первую очередь, в порядке осуждения арестованных по национальным «линиям». Все это создавало предпосылки для возможного кризиса в управлении репрессиями. Полагаем, что угроза такого кризиса сыграла определенную, хотя, конечно, далеко не первостепенную роль в принятии Сталиным решения о прекращении массовых операций (более важными были причины политического и тактического свойства).

С августа 1938 г. было запрещено оформлять дела «в альбомном порядке». (Исключение было сделано для Белоруссии, но только на один дополнительный месяц.) В Москве между тем продолжали рассматривать «альбомы», присланные в течение последнего года с мест, и отсылать их назад для исполнения приговоров. Принципиально эти усилия картины не меняли, и к сентябрю 1938 г. в Центральном аппарате НКВД СССР оставалось нерассмотренных альбомов по национальным «линиям» на 126 тысяч человек.

Согласно постановлению Политбюро от 15 сентября 1938 г. (П64/22) и изданному спустя два дня приказу НКВД № 00606, в каждой области/крае/республике были созданы «особые тройки» со специальной задачей рассмотрения «оставшихся нерассмотренных следственных дел на арестованных по к. р. национальным контингентам»[34]. В «особые тройки» входили начальник УНКВД, первый секретарь обкома ВКП(б) и областной прокурор. Рассматривать дела они должны были только на тех, кто в рамках национальных операций был арестован до 1 августа 1938 г. Срок их ра-

боты определялся в два месяца. В отличие от эпохи «альбомных» операций, «особым тройкам» было запрещено рассматривать дела на иностранцев и в то же время разрешено выносить решения об освобождении обвиняемых – примечательные черты, свидетельствующие о близости окончания массовых репрессий.

Немедленно следом за приказом № 00606 на места были разосланы все альбомы. За два неполных месяца работы «особые тройки» рассмотрели по всем национальным «линиям» дела почти на 108 тысяч человек: 137 человек освободили, дела на 2711 вернули на доследование или передали в судебные органы, 105 032 человека – осудили, в том числе 72 254 (68,79%) приговорили к расстрелу.

17 ноября 1938 г. все «массовые операции» были завершены (решения Политбюро № П65/110 и № П65/116 от 16.11.1938 и 17.11.1938, Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) СНК СССР от 17.11.1938, приказ НКВД СССР № 00762 от 26.11.1938), деятельность созданных в 1937–1938 гг. «троек», «особых троек», а также Комиссии НКВД и Прокурора СССР («альбомный порядок») официально прекращена. Решения по всем следственным делам отныне, как и до августа 1937 г., должны были выноситься или судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР.

4.

Цифровые итоги немецкой операции представлены в таблицах 1 и 2[35]. Для их понимания необходимо сделать несколько предварительных пояснений.

Во-первых, они касаются **осужденных**, а не **арестованных**. Арестовано по немецкой «линии» было, конечно, больше людей (по нашим данным, примерно 65–68 тысяч), но часть из них до ноября 1938 г. осудить не успели, а часть была осуждена по другим направлениям репрессий.

Во-вторых, в таблицах содержатся сведения об осужденных только в «альбомном порядке» и «особыми тройками». Итоговыми цифровыми сведениями об осужденных непосредственно по приказу № 00439 Военной коллегией или Особым совещанием мы не располагаем (исключение – представленные выше разрозненные сведения об осуждениях германских граждан).

В-третьих, в таблице отсутствуют данные по некоторым регионам. Например, мы знаем, что к лету 1938 г. в Куйбышевской области по немецкой «линии» было арестовано около 250 человек, но данных по их осуждению нет. Возможно, они были осуждены каким-то иным образом, возможен и случайный пропуск в источниках, которыми мы пользовались.

Таблица 1. **Приказ НКВД № 00439 («немецкая операция»). Число осужденных по СССР в «альбомном порядке» с начала операции по 15 сентября 1938 г. и Особыми тройками с 15 сентября по 15 ноября 1938 г. Разбивка по хронологии и мерам наказания*.**

Дата сводки	Всего рассмотрено	в том числе											
		осуждено	в том числе						возвращено на доследование	передано по подсудности	в том числе		освобождено
			ВМН (1-я категория)	ИТЛ (2-я категория)	в том числе						на Военную коллегию	в военные трибуналы и в суды	
					ИТЛ 10 лет	ИТЛ 5–8 лет	ИТЛ 3 года	прочие меры (ссылка, высылка, в т.ч. из СССР и др.)					
16.11.1937	2554	2536	2294	242	74			168	18				
15.12.1937	5841	5805	5064	741	339	4		398	30	6	4	2	
10.01.1938	10150	10037	8597	1440	909	7		524	60	53	47	6	
15.01.1938	12110	11972	10242	1730	1137	7		586	73	65	58	7	
07.02.1938	15886	15700	13394	2306	1686	6		614	115	71	62	9	
01.04.1938	21303	20997	17978	3019	2368	16		635	171	135	123	12	
21.05.1938	24721	24222	20603	3619	2896	60		663	265	234	199	35	
15.09.1938	31758	30534	24910	5624	4706	347		571	546	678	522	156	
15.11.1938	**56787**	**55005**	**41898**	**13107**	**10247**	**1913**	**23**	**924**	**916**	**826**	**522***	**156***	**40**

* Данными о числе переданных Особыми тройками на Военную коллегию, в военные трибуналы и суды мы не располагаем.

Таблица 2. **Приказ НКВД № 00439 («немецкая операция»).**
Число осужденных по СССР в «альбомном порядке» с начала операции по 15 сентября 1938 г. и Особыми тройками с 15 сентября по 15 ноября 1938 г. Разбивка по органам НКВД и мерам наказания.

	Всего осуждено	к ВМН			к прочим мерам наказания		
		в «альбомном порядке»	Особыми тройками	всего	в «альбомном порядке»	Особыми тройками	всего
НКВД							
Азербайджанской ССР	146	10	60	70	31	45	76
Армянской ССР	47	-	34	34	-	13	13
БССР	355	148	95	243	22	90	112
Грузинской ССР	152	13	24	37	70	45	115
Казахской ССР	1471	299	1111	1410	6	55	61
Киргизской ССР	255	38	120	158	8	89	97
Таджикской ССР	12	1	3	4	-	8	8
Туркменской ССР	85	23	40	63	4	18	22
Узбекской ССР	284	-	114	114	-	170	170
УССР	21229	10706	7299	18005	1651	1573	3224
Башкирской АССР	386	133	149	282	43	61	104
Бурят-Монгольской АССР	10	-	7	7	-	3	3
Кабардино-Балкарской АССР	85	-	73	73	-	12	12
Калмыцкой АССР	13	-	6	6	-	7	7
Карельской АССР	8	-	8	8	-	-	-
Коми АССР	8	-	7	7	-	1	1
Крымской АССР	1625	332	1059	1391	131	103	234
Марийской АССР	92	-	68	68	-	24	24
Мордовской АССР	138	83	31	114	9	15	24
Немцев Поволжья АССР	1002	512	55	567	376	59	435
Северо-Осетинской АССР	82	-	51	51	-	31	31
Татарской АССР	98	23	37	60	33	5	38
Удмуртской АССР	3	-	2	2	-	1	1
Чечено-Ингушской АССР	38	-	32	32	-	6	6
Чувашской АССР	19	-	9	9	-	10	10
Якутской АССР	1	-	1	1	-	-	-
УНКВД							
Алтайского края	3171	1760	652	2412	373	386	759

	Всего осуждено	к ВМН			к прочим мерам наказания		
		в «альбомном порядке»	Особыми тройками	всего	в «альбомном порядке»	Особыми тройками	всего
ДВК	41		30	30		11	11
Краснодарского края	2895	1849	935	2784	81	30	111
Красноярского края	658	270	276	546	91	21	112
Орджоникидзевского края	547	100	141	241	24	282	306
Архангельской обл.	261	-	153	153		108	108
Вологодской обл.	147	10	67	77	3	67	70
Воронежской обл.	130	9	71	80	3	47	50
Горьковской обл.	608	154	80	234	172	202	374
Ивановской обл.	137	112	-	112	25	-	25
Иркутской обл.	149	134	-	134	15	-	15
Калининской обл.	8	8	-	8	-	-	-
Кировской обл.	60	11	37	48	1	11	12
Куйбышевской обл.	0	-	-	0	-	-	-
Курской обл.	98	-	71	71	-	27	27
Ленинградской обл.	2919	2014	522	2536	155	228	383
Московской обл.	1220	841	22	863	316	41	357
Мурманской обл.	29	-	28	28	-	1	1
Новосибирской обл.	2645	1556	992	2548	46	51	97
Омской обл.	539	-	128	128	-	411	411
Оренбургской обл.	193	54	133	187	5	1	6
Орловской обл.	136	-	54	54	-	82	82
Ростовской обл.	666	250	89	339	248	79	327
Рязанской обл.	37	6	18	24	3	10	13
Саратовской обл.	394	29	172	201	29	164	193
Свердловской обл.	4379	1251	216	1467	557	2355	2912
Смоленской обл.	242	-	76	76	-	166	166
Сталинградской обл.	1271	624	395	1019	194	58	252
Тамбовской обл.	85	42	23	65	7	13	20
Тульской обл.	171	46	-	46	125	-	125
Челябинской обл.	1626	419	1015	1434	21	171	192
Читинской обл.	94	-	86	86	-	8	8
Ярославской обл.	117	72	11	83	26	8	34

	Всего осуждено	к ВМН			к прочим мерам наказания		
		в «альбомном порядке»	Особыми тройками	всего	в «альбомном порядке»	Особыми тройками	всего
ДТО ГУГБ НКВД	1688	968	-	968	720	-	720
в том числе:							
6-й отдел ГУГБ	5	3			2		
ж. д. им. Ворошилова	65	48			17		
Горьковской ж. д.	11	9			2		
ж. д. им. Дзержинского	34	29			5		
Закавказской ж. д.	19	7			12		
Западной ж. д.	2	2					
ж. д. им. Кагановича	37	20			17		
Калининской ж. д.	4				4		
Кировской ж. д.	20	15			5		
Куйбышевской ж. д.	14	5			9		
ж. д. им. Молотова	4	4					
М.-Донбасской ж. д.	9	6			3		
Одесской ж. д.	32	18			14		
Октябрьской ж. д.	57	49			8		
Омской ж. д.	41	15			26		
Орджоникидзевской ж. д.	252	36			216		
Оренбургской ж. д.	13	12			1		
Северной ж. д.	14	10			4		
Северо-Донецкой ж. д.	161	152			9		
ж. д. им. Сталина	643	354			289		
Ташкентской ж. д.	8	3			5		
Томской ж. д.	56	54			2		
Туркестано-Сибирской ж. д.	3	3					
Юго-Восточной ж. д.	5	5					
Юго-Западной ж. д.	130	81			49		
Южной ж. д.	36	16			20		
Южно-Уральской ж. д.	13	12			1		
ИТОГО по СССР:	**55005**	**24910**	**16988**	**41898**	**5624**	**7483**	**13107**

Некоторые цифровые данные, приведенные в таблицах, на наш взгляд, нуждаются в комментарии.

В таблице 2 сразу же бросается в глаза сравнительно небольшое число осужденных в автономной республике Немцев Поволжья (АССР НП), оно выглядит неубедительным и явным образом контрастирует с числом осужденных по немецкой «линии» в целом ряде регионов, где немецкого населения было во много раз меньше. Однако этот факт вполне сообразуется со сталинско-ежовской логикой 1937–1938 гг.: АССР НП – зафиксированное Конституцией СССР образование, поэтому немцы, постоянно живущие там, в отличие от немцев во всех других местах их компактного проживания, – «свои», принадлежащие к «советской», а не «иностранной» национальности. Такое представление удерживалось еще некоторое время и после эпохи массовых репрессий. Так, например, в 1939 г., по сентябрьской директиве наркома обороны и изданным в ее обеспечение указаниям НКВД, к призыву в армию или не допускались вовсе или допускались ограниченно молодые люди, принадлежащие к «инонациональностям». В списке «инонациональностей» рядом с японцами, поляками, финнами, латышами и проч. были названы и немцы. Однако делалась специальная оговорка, что немцев, уроженцев АССР НП, ограничения при призыве не касаются. Согласно такой логике, в количественном отношении репрессии 1937–1938 гг. в АССР НП по немецкой «линии» не должны были быть особенно масштабными. Скорее наоборот. Между тем специфика ситуации заключалась в том, что именно традиционных «контингентов» национальных операций здесь было очень много: политэмигранты, иностранные специалисты, бывшие служащие немецких фирм, бывшие военнопленные, реэмигранты, поддерживающие или поддерживавшие ранее контакты с немецкими консульствами в СССР, и т.д. Выход, как нам кажется, нашли в том, что значительная часть арестованных по этим признакам была осуждена не в «альбомном порядке», как это предписывалось оперативными приказами по национальным операциям, а «в порядке приказа № 00447». По нашим сведениям, превысив более чем на тысячу человек выделенные Центром лимиты, «тройка» НКВД по АССР НП осудила 3027 человек к расстрелу и 2603 – к заключению в лагеря. Итоги массовых операций августа 1937 г.–ноября 1938 г. по АССР НП складываются, таким образом, из двух цифр – 5630 человек, осужденных «тройкой» по «кулацкой» операции, и 1068 человек, осужденных в «альбомном порядке» и «особой тройкой» по национальным «линиям» (кроме немецкой, польской и харбинской). Расстреляны из этих 6698 человек были 3632 (54,2 %). Чтобы назвать полные цифры осужденных в АССР НП в эпоху «большого

террора», мы должны были бы прибавить еще немалое число осужденных судебными органами (военными трибуналами и судами, в первую очередь спецколлегией Верховного суда АССР НП) и Особым совещанием при НКВД. Но и без этих данных, которые нам известны лишь отрывочно, очевидно, что репрессии в АССР НП были более массированными, чем в среднем по СССР. Если в целом по СССР за 1937–1938 гг. было осуждено несколько менее 1% населения (без учета депортаций, высылок и других административных репрессий), то в АССР НП процент осужденных примерно в полтора раза выше. Поэтому относительно низкие цифры осуждений по АССР НП в таблице 2 не должны вводить нас в заблуждение – они были с лихвой «компенсированы» масштабами репрессий по другим направлениям[36].

К сожалению, серьезное изучение статистики репрессий 1937–1938 гг. по АССР НП затруднено тем обстоятельством, что республиканский НКВД находился в тот период в оперативном подчинении УНКВД по Саратовской области и цифровые сводки об арестованных и осужденных (за исключением осуждений по массовым операциям) были общими, то есть в Центр подавались от имени УНКВД по Саратовской области. Вычленить из них цифры по АССР НП не представляется возможным[37].

Если в АССР НП масштаб репрессий по немецкой «линии» может быть хотя бы частично объяснен причинами идеологического порядка, то во всех остальных регионах, как нам кажется, он определялся другими факторами.

Легко было бы предположить, что масштаб репрессий зависел от численности немецкого населения в регионе. Однако это неверно. Сопоставление данных переписей 1937 и 1939 гг. с данными таблицы 2 приводит к убеждению, что прямой зависимости тут не было. В одних регионах число репрессированных по немецкой «линии» составляло 0,3–0,5% от численности немцев (Калмыцкая АССР, Коми АССР), в других – 1–2% (Казахстан, Киргизия, Оренбургская область, Орджоникидзевский край, Омская область), в третьих – 8–10% (Краснодарский край, Алтайский край), есть регионы, где этот процент в несколько раз (!) выше (например, Свердловская область).

Полагаем, что в полном соответствии со смыслом национальных операций основными факторами, определявшими масштабы репрессий по немецкой «линии», были, во-первых, наличие в регионе предприятий оборонных отраслей и, во-вторых, наличие в региональной административно-территориальной структуре немецких национальных районов. При этом наиболее массовыми репрессии были там, где имели место одновременно оба эти фактора.

Численность немецкого населения также оказывала влияние, но не сама по себе, а лишь в сочетании с этими факторами. Например, если в регионе немецкого населения было относительно много, но оно в подавляющей части было сельским и не имело своих административно-территориальных образований, то и немецкая операция там проходила довольно вяло. Если же значительный процент немцев проживал в промышленных городах региона, то это неминуемо активизировало немецкую «линию» репрессий. То же происходило, если в регионе были немецкие районы[38].

Изложенные соображения, как нам кажется, дают некоторую основу для понимания многих из представленных в таблице 2 цифр. Но одновременно надо учитывать и так называемый субъективный фактор. Несмотря на жесткую прописанность в многочисленных ежовских директивах направлений репрессий, контингентов, норм, процедур и т. д., в реальности очень многое зависело от руководителей УНКВД на местах, от их интерпретаций этих директив, от установок, которые они давали своим подчиненным. Их личные пристрастия, например, во многом определяли, на какую из национальных «линий» (при прочих равных обстоятельствах) делать акцент, на какие дополнительные контингенты, соответственно духу того или иного приказа, ее «расширять» и т. д.

На характер и масштаб репрессий в регионах влияли и личные амбиции начальников УНКВД (стремление делать карьеру или, наоборот, не выделяться из общей массы), их осторожность (многие старались не выходить за рамки предписанного Центром) или «инициативность», наконец, такое свойство, как личная жестокость. Последнее отражалось не только в жестокости следствия (степень ее была разной в разных регионах), но и на характере приговоров. В таблице 2 приведено число расстрелянных по регионам. Напомним, что хотя окончательные приговоры по «альбомам» выносились в Москве, но московские коррективы были обычно столь незначительными, что приговоры по сути вполне можно считать вынесенными на местах, то есть фактически местным начальником УНКВД. По всем национальным «линиям» было осуждено за весь период национальных операций 335 513 человек, из них к расстрелу 73,66%. Средний процент расстрелянных по немецкой «линии» выше – 76,17%. Но если мы посмотрим на данные по регионам, то увидим, что в одних местах расстреливали 30–40% осужденных, в других процент значительно выше, а в Краснодарском крае, Новосибирской и Оренбургской областях он составляет, соответственно, 96,1%, 96,3% и 96,8%. В этих же регионах – наивысшие проценты расстрелов и по другим «линиям». Зная, что никаких специальных инструкций в регионы на этот счет не поступало (в отличие от «кулацкой» операции, где

все проценты были предрешены спущенными из Москвы лимитами), невозможно объяснить эти ошеломляющие цифры чем-либо, кроме личной жестокости начальников УНКВД.

Личностными свойствами объясняются иногда и масштабы арестов по некоторым направлениям репрессий. В Свердловской области, например, было сравнительно немного традиционных «контингентов» для национальных операций. Поэтому по приказу начальника УНКВД Д.М.Дмитриева, стремившегося упрочить свой статус при Ежове, были произведены массовые аресты трудпоселенцев, в подавляющем большинстве русских и украинцев, ни с какой заграницей никогда не связанных. Несмотря на это, дела на них были оформлены в «альбомном порядке» по польской, немецкой, харбинской и латышской «линиям». Всех их, конечно, осудили бы, если б Дмитриев не затеял интригу против Фриновского, первого заместителя Ежова. В результате Дмитриев проиграл, был обвинен в фальсификациях, а вскоре и в нарушениях «соцзаконности» и затем арестован. Таким образом, высокие цифры немецкой «линии» по Свердловской области объясняются в значительной степени специальной активностью начальника УНКВД. С другой стороны, его падением объясняется и сравнительно низкий процент приговоренных к расстрелу по национальным операциям в Свердловской области – к подготовленным в дмитриевскую эпоху «альбомным» справкам стали относиться критически.

Сколько же немцев стали жертвами операции по немецкой национальной «линии»? К сожалению, ответить на этот вопрос можно только приблизительно. Точными данными мы располагаем лишь в отношении осужденных «особыми тройками» в сентябре–ноябре 1938 г. Из 105 032 человек, осужденных по всем «линиям» «особыми тройками», немцев было 17 150. Подавляющую их часть (95,1%) осудили по немецкой «линии». Кроме того, немцев осуждали по польской (490 человек), харбинской (81), латышской (76), эстонской (51) и другим «линиям».

Внутри же немецкой «линии» – иная ситуация. Всего по ней было осуждено «особыми тройками» 24 471 человек, из них немцев 66,67% (16 316), русских 14,64% (3585), украинцев 7,24% (1774), поляков 2,04% (500), евреев 1,45% (356), белорусов 0,94% (232), венгров 0,79% (194), латышей 0,77% (189), эстонцев 0,68% (168), австрийцев 0,47% (116), чехов 0,41% (102). По немецкой «линии» осудили представителей 35 национальностей – литовцев, татар, болгар, узбеков и т.д.

Однако данные «особых троек» нельзя механически экстраполировать на общие итоговые цифры немецкой национальной операции. У нас есть основания полагать, что на первом – «альбом-

ном» – этапе операции доля немцев в немецкой «линии» была большей – примерно 70–72%. Из 30 534 человек, осужденных по «немецким» альбомам, немцев было, мы считаем, 21,4–22 тысячи. Итого, среди 55 005 человек, осужденных по немецкой национальной операции, немцев было 37,7–38,3 тысяч. По другим национальным «линиям» немцев было осуждено, по-видимому, 2–2,5 тысячи человек.

Основываясь на весьма разноречивых данных из статистических отчетов и ведомственной переписки, рискнем предположить, что всего за 1937–1938 гг. было осуждено 69–73 тысячи немцев, из них примерно 40–41 тысяча по национальным операциям, 20–22 тысячи «тройками» по «кулацкой» операции, остальные – Особым совещанием при НКВД и судебными органами. В число «остальных» входили, в частности, и осужденные по приказу № 00439.

* * *

В своей статье мы попытались описать лишь основные установки немецкой операции НКВД 1937–1938 гг.[39] Мы не коснулись вовсе истории ее реализации в отдельных регионах, ее связи с предшествующими репрессиями против немецкого населения, лишь мельком затронули проблему соотношения между немецкой операцией и другими видами массовых репрессий 1937–1938 гг. Многое по всем этим направлениям уже сделано современными исследователями (Л.П. Белковец, В.И.Брулем, А.А.Германом, В.В.Ченцовым и другими), многое еще предстоит изучить.

Мы отчетливо сознаем, что наше представление о механизмах национальных операций выглядит несколько схематично. Действительно, многие источники, восходящие к личной памяти (от воспоминаний жертв террора, написанных в последние десятилетия, до показаний энкавэдэшников-ежовцев на допросах 1939–1940 гг.), рисуют картину репрессий тотальных, и – одновременно – бессистемных. Нам кажется, что дело обстояло несколько иначе. Безусловно, массовые репрессии 1937–1938 гг. были не только беспрецедентно масштабными, но и беспрецедентно жестокими. Однако в них были своя логика, своя структура и свои правила, которые, несмотря на множественные нарушения, обеспечивали довольно высокую степень управляемости репрессивным процессом. Только приняв эту предпосылку, можно рассчитывать на корректную реконструкцию истории «большого террора».

Примечания:

[1] Настоящая работа выполнена в рамках программы «История политических репрессий 1930-х гг.», осуществляемой Научно-информационным и просветительским центром «Мемориал». За поддержку программы в разные годы пользуемся

случаем поблагодарить Институт социальных исследований в Гамбурге, Фонд им. Генриха Белля (ФРГ), Фонд Дж.Фельтринелли (Милан). Большую помощь в нашей работе оказали руководители и сотрудники Центрального архива Федеральной службы безопасности, где мы имели возможность работать в 1992–1995 гг. (выражаем нашу признательность В.К.Виноградову, А.Я.Николаеву, Ю.А.Разбоеву), а также других государственных и ведомственных хранилищ – Архива Президента РФ, Российского Государственного архива документов по новейшей истории, Государственного архива РФ. Мы особенно признательны Н.В.Петрову за ценные замечания, высказанные при подготовке настоящей статьи. Также благодарим за помощь и советы наших коллег: Владимира Гривенко, Елену Жемкову, Рейнхарда Мюллера, Ирину Щербакову.

[2] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254а. Л. 82. Слова *«на электростанциях и строительствах»* вписаны над строкой.

[3] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254а. Л. 51–53; оформленную выписку из протокола № П51/324 от 20 июля 1937 г., направленную Тов. Ежову, см. там же: Д. 254. Л. 79.

[4] Приказ неоднократно публиковался в последние годы. См., напр.: Бутовский полигон, 1937–1938 гг. М., 1997. С. 348. Там же опубликованы тексты приказов НКВД № 00447, 00485, 00593 (С. 349–356).

[5] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 101. Л.188–189. Из 340 человек 238 были арестованы в первые два дня операции. (Там же. Л. 16).

[6] Там же. Д. 104. Л. 61–62.

[7] О роли польской «линии» в развитии национальных операций подробнее см.: Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997. С. 22–43.

[8] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1т. Д. 26. Л. 301.

[9] Там же. Л. 300. Под «другими» имелись в виду, например, бывшие военнопленные. Однако надо понимать, что практически никакие указания по учетам в 1937–1938 гг. на местах не выполнялись (в отличие от 1935–1936 гг.), несмотря на бесконечные напоминания и требования Центра. На эту работу в эпоху массовых операций у местных органов НКВД не хватало времени. Как показал ход немецкой операции, не были выполнены и требования по учету директивного письма № 26.

[10] Там же.

[11] Возможно, впрочем, что соответствующие инициирующие директивы, если они были изначально адресованы только в определенный регион, до нас не дошли – распоряжения, например, в Ленинградское УНКВД передавались по прямому проводу или фельдсвязью и основной корпус этих документов пока не обнаружен; имеются существенные лакуны и в переписке Центра с НКВД Украины.

[12] О репрессиях против немцев на Украине см. обширное исследование В.В.Ченцова, содержащее богатейший фактический материал: Ченцов В.В. Трагические судьбы : Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е–1930-е гг. М., 1998. Там же см. подробную библиографию вопроса.

[13] № П46/119 от 13.03.1937 // АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 250. Л. 98. Письмо Ежова в ЦК от 15.02, инициированное донесениями начальника УНКВД Западно-Сибирского края Миронова, см.: Там же. Л.99–101.

[14] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1т. Д. 26. Л. 300.

[15] Там же. Оп. 1. Д. 413. Л. 139.

[16] Там же. Д. 391. Л. 55. Приказ № 00698 не был полностью отменен даже после окончания массовых репрессий. Ср. в приказе № 00762 от 26 ноября 1938 г.: «В отношении советских граждан, посещающих иностранные посольства и консульства, практиковать задержание и выяснение личности задержанных. Задержание не должно длиться больше 48 часов, в течение которых при наличии ком-

прометирующих материалов необходимо оформлять арест задержанных, с точным соблюдением соответствующих статей УПК, или освобождать их, если нет необходимых оснований для ареста» (См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 1. Кн. 1. М., 1995. С. 18). Этот порядок, с некоторыми модификациями, просуществовал по крайней мере два десятилетия.

[17] Об истории закрытия консульства в Новосибирске см., напр.: Белковец Л.П., Белковец С.В. Консульские отношения Германии и Сибири в 1920–1930-е гг. // Немецкий этнос в Сибири : Альманах гуманитарных исследований. Вып. 1. Новосибирск, 1999. С. 77–79; Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири. М., 1995 (глава «Германское консульство в сетях ОГПУ–НКВД»).

[18] В разных контекстах политэмигранты, не перешедшие формально в советское гражданство, могли выступать то как «иноподданные», то как советские граждане, то как «лица вне подданства». На это влияли как действительная неопределенность статуса того или иного лица, так и различные ведомственные или политические соображения. Ср. мнение А.М.Бирюкова, изучавшего лагерные следственные дела политэмигрантов: «Репрессивные органы прежних лет, видимо, вполне сознательно, подчиняясь какой-то неизвестной нам директиве, фальсифицировали едва ли не стопроцентно сведения о гражданстве (или подданстве) иностранцев, и в картотеке <...> едва ли не все они <...> значатся гражданами СССР, хотя в архивно-следственных делах каждого из них есть убедительные свидетельства, что гражданами СССР они не были» (За нами придут корабли. Магадан, 1999. С. 40). О массовых арестах политэмигрантов в 1937–1938 гг. см.: О.Дель. От иллюзий к трагедии : Немецкие эмигранты в СССР в 30-е гг. М., 1997. Там же содержится ряд ценных наблюдений о сложном статусе политэмигрантов.

[19] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 333. Л.182.

[20] Ср. в кн.: Schafranek H. Zwischen NKWD und Gestapo : Die Auslieferung deutscher und österreichischer Antifaschisten aus der Sowjetunion an Nazideutschland, 1937–1941. Frankfurt a. Main, 1990. S. 11, 18, 20; Л.П. Белковец и С.В. Белковец пишут о 575 высланных немцах в период с ноября 1937 г. по июль 1938 г. По их данным, следующие высылки произошли не раньше лета 1939 г. (Указ. соч. С.76).

[21] РГАДНИ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 4. Л. 19. Решение Политбюро № П57/49 см.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 52.

[22] Архив УВД по Харьковской обл. Ф. 48. Оп. 1. Приказы по УНКВД. Т. 5. Л. 119–120. Цит. по копии из архива Харьковского общества «Мемориал» (за предоставление копии благодарим Г.Коротаеву).

[23] РГАДНИ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 4. Л. 19.

[24] Из выступления Ежова на встрече с руководящим составом НКВД УССР в феврале 1938 г. Цит. по копии, предоставленной Киевским обществом «Мемориал».

[25] См.: ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 40. Л. 356–357. Докладную записку Лаврушина Ежов переслал для ознакомления Сталину и Молотову.

[26] Не последнюю роль играло и «чуждое» социальное происхождение, апелляцией к которому местные УНКВД любили подкреплять перед московским начальством обоснованность тех или иных (могущих показаться сомнительными) арестов по национальным «линиям».

[27] Очевидно, что в таких локальных характеристиках, как «национальный район», «пограничная полоса», «укрепленный район», «режимный город» и т. п., «институциональная» составляющая выражена значительно сильнее собственно территориальной, «географической». Поэтому разграничение локального и институционального факторов репрессий в достаточной мере условно. Характерно, что в ряде документов НКВД локальные и институциональные структуры перечисляются в одном ряду, например: «добиться исчерпывающей очистки <...> оборонной

промышленности, оборонных цехов, транспорта, территорий укрепленных районов и пограничной полосы» (шифротелеграмма Ежова во все НКВД–УНКВД о продлении массовых национальных операций № 1160 от 28.05.1938 // РГАДНИ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 4. Л. 33).

[28] Эти отрасли назывались (подробным перечнем или в обобщенном виде) во многих приказах и циркулярах. Издавались также специальные указания и ориентировки, требовавшие активизации чисток в отдельных отраслях – например, в угольной промышленности, электрической промышленности, на водонапорных станциях.

[29] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254а. Л. 199. Ср. решение Политбюро о чистке военных заводов Тульской области № П60/91 от 10 апреля 1938 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 255. Л. 21). Аналогичные чистки прошли также в шифровальных и секретных отделах НКВД–УНКВД (рубеж 1937–1938 гг.) и на железнодорожном транспорте (в течение 1938 г.).

[30] Предстоит еще изучить, как реализовывались на практике все эти указания об увольнениях по национальному признаку. Известно, например, что в промышленности они проходили не слишком энергично, так как сдерживались фактором «производственной целесообразности». В армии, наоборот, увольнения были произведены в кратчайшие сроки. Вскоре после издания директивы № 200ш (по очень неполным сведениям: без данных по Киевскому и Забайкальскому округам, по Тихоокеанскому флоту и Дальневосточной флотилии) особыми отделами было выявлено около 13 тысяч подлежащих увольнению «национал»ов», четыре тысячи из них уволено, две тысячи из числа уволенных арестовано. Ср. данные замнаркома обороны Е.А.Щаденко (1940 г.), сведенные О.Ф.Сувениром: всего по директиве № 200ш было уволено 4138 человек комначполитсостава, из них позднее восстановлено в армии 1919, осталось уволенными 2219 (Суворов О.Ф. Трагедия РККА, 1937–1938. М., 1998. С. 311).

[31] Впрочем, вскоре для командиров этот порядок был изменен, и их стали осуждать в трибуналах.

[32] К 1 февраля 1938 г. по приказу № 00447 было осуждено уже около 600 тысяч человек. Крупные дополнительные лимиты после этого были даны только для Украины (17.02 – 30 тыс.) и ДВК (31.07 – 20 тыс.).

[33] О ситуации 1937–1938 гг. в лагерной системе см.: Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В. Система мест заключения в СССР, 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 40–45.

[34] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 195.

[35] Настоящие таблицы составлены О.А.Горлановым на основании статистических сводок НКВД СССР и представляют собой краткий вариант таблиц, которые готовятся к изданию НИПЦ «Мемориал» (в сборнике, посвященном статистике репрессий). Все остальные цифровые данные, приведенные в нашей статье, также основываются (кроме особо оговоренных случаев) на первичных и сводных статистических материалах НКВД (ЦА ФСБ, ГА РФ). В таблице 1 сведения даны нарастающим итогом. В таблице 2 недостает сведений об осужденных «особыми тройками» в нескольких регионах – отчеты оттуда пока не обнаружены. Некоторые данные, кроме того, нуждаются в дополнительной проверке, например, цифры осужденных «особыми тройками» по Дальневосточному краю (ДВК).

[36] Материалы о репрессиях 1937–1938 гг. в АССР НП, в частности, см. в работах А.А.Германа. Напр.: Герман А.А. История Республики Немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 110–122, 223–229.

[37] Ситуация осложняется тем, что немалая часть групповых дел была общей для обоих регионов. Например, дело о «военно-фашистском заговоре» в немецких частях 53-й стрелковой дивизии им. Фр. Энгельса, дислоцировавшихся в АССР НП,

и на Центральном военно-химическом полигоне РККА в Вольске. Арестовано по делу было около 300 человек, из них половина – по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Но только по материалам местных архивов можно будет установить, по какому из двух регионов числило НКВД этих арестованных.

[38] О репрессиях против немецких крестьян в Сибири см. подробную монографию Л.П.Белковец, основанную на материалах архива УФСБ Новосибирской обл. (Указ. соч.). См. также исследование: Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1. Топчиха, 1995.

[39] Некоторые общие аспекты в развитии национальных операций были ранее исследованы в работе Н.В.Петрова и А.Б.Рогинского (Указ. соч.); здесь же указан ряд источников, актуальных и для понимания «немецкой» операции.

В.Хаустов, *Москва*

Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г.

Усиление в Германии влияния национал-социалистической рабочей партии отражалось на положении советских немцев в СССР. После значительного успеха национал-социалистов на мартовских президентских выборах в Германии 1932 г., свидетельствовавшего о росте их популярности и реальной возможности прихода к власти, в СССР начинает активно проявляться недоверие к советским немцам, их рассматривают как потенциальную опасность для советского государства. В июле 1932 г. в циркуляре ОГПУ «О борьбе с разведывательной и вредительско-диверсионной работой немецких фашистов против СССР» в качестве основного направления подрывной работы российских немцев указывалось на усиление открытой фашистской пропаганды. Под такого рода пропагандой понималось высказывание немцами недовольства условиями и оплатой труда, создание ими кружков, распространение «фашистской» литературы для идеологической обработки отдельных лиц и групп. Так, в указанный период значительную тревогу вызвало распространение в СССР листовки, написанной бывшим депутатом-коммунистом одного из ландтагов Германии Г.К.Геймом, который уехал в Советский Союз, чтобы принять участие в социалистическом строительстве, но через полтора года каторжного труда на шахте «Американка» в Донбассе в ноябре 1931 г. вернулся в Германию инвалидом. По возвращении он создал комитет, целью которого стала задача рассказать всему миру правду о социалистическом пролетарском государстве, о тяжелых условиях жизни советского рабочего. Распространение подобной литературы, в соответствии с законодательством того времени, подпадало под действие статьи Уголовного кодекса.

Одновременно в циркуляре ОГПУ намечались задачи на длительный период, определявшие деятельность органов госбезопасности в отношении советских немцев: устанавливались лица немецкой национальности, находящиеся в переписке с родственниками в Германии и других странах, усиливалось наблюдение за специалистами-немцами в оборонных отраслях промышленности и служащими в Красной Армии[1].

Из резидентуры в Германии поступали сведения, что бывший директор германской сельскохозяйственной концессии «Друзаг» на Северном Кавказе Ф.Дитлов собрал и обработал целую серию диапозитивов о голоде в СССР. В спецсообщении заместителю наркома Я.Агранову содержались сведения о том, что Дитлов передал диапозитивы для распространения в США, во Францию, в Швейцарию. На это последовало указание Агранова активизировать борьбу с советскими немцами, передававшими информацию и, таким образом, распространявшими «клевету о голоде» в СССР.

Предпринимались попытки давления на аккредитованных в СССР немецких журналистов, которые публиковали в Германии статьи о реальном положении дел в Советском Союзе. Так, в июне 1935 г. был арестован Гергард Фридрихович Греплер, секретарь-переводчик корреспондента германского издательства «Шерль» Карла Ганса Гербинга. Расследование дела о так называемой немецкой фашистской группе, действовавшей якобы по заданию германского разведчика Гербинга, проводилось в Экономическом отделе ГУГБ НКВД СССР. Нарком внутренних дел Г.Ягода направил спецсообщение Сталину с протоколом очередного допроса Греплера. Германский подданный Гербинг арестован не был, и все беды обрушились на советского немца, гражданина СССР. Никаких фактов, подтверждающих шпионскую деятельность «группы», в спецсообщении не содержалось. Все обвинение строилось на том, что Гербинг встречался с заведующим отделом печати Наркомата иностранных дел Подольским, в чьи служебные обязанности входило предоставление информации о жизни в СССР иностранным корреспондентам. Обвинение было настолько абсурдным, что даже крайне подозрительный секретарь ЦК ВКП(б) написал на спецсообщении: «Надо похерить это пустяковое дело. И. Сталин»[2].

В 1933–1934 гг., когда резко обострившееся социально-экономическое положение в стране привело к массовому голоду в ряде регионов, резко возрос поток помощи советским немцам из-за рубежа от таких организаций, как «Союз зарубежных немцев» и «Братья в нужде». По данным Главного управления государственной безопасности, в 1934 г. советским немцам, компактно прожи-

вавшим на Украине, в Северо-Кавказском крае и Республике немцев Поволжья, было передано более 600 тыс. марок и 14,5 тыс. долларов. Дипломаты, иностранные специалисты, представители церкви привозили деньги, а затем активисты этих организаций в СССР передавали их самым нуждающимся. Очень скоро распространители материальной помощи подверглись массовым арестам. Только за 1934 г. было арестовано около 4 тыс. российских немцев[3]. Советское руководство связь между немцами двух государств рассматривало как фактор, способствовавший усилению влияния Германии на немецкое население СССР, а помощь со стороны зарубежных немцев – как «фашистскую помощь».

В целом же репрессии против немцев – граждан СССР были неотъемлемой частью общей карательной политики, проводившейся советским государством. Например, при периодических чистках в Красной Армии основанием для увольнения могло стать социальное происхождение или кажущаяся политическая неблагонадежность. В октябре–ноябре 1935 г. очередная чистка затронула национальную Энгельсскую дивизию РККА, размещавшуюся в Республике немцев Поволжья. Как выходцы из «кулацких» слоев, духовенства были уволены 43 военнослужащих-немца (семь офицеров и 36 красноармейцев).

В некоторых случаях меры, нарушавшие права советских граждан, мотивировались тем, что необходимо исключить утечку секретных сведений. Так, в мае 1934 г. стало известно, что германский военный атташе в Москве полковник Гартман передал японскому военному атташе подробные данные о советских военных самолетах и некоторых авиационных заводах. Сведения были достоверные. Немедленно было принято решение об удалении всех немцев с тех двух заводов, которые были упомянуты в сообщении Гартмана. Однако подобные приказы и циркуляры принимались и в отношении поляков, и в отношении корейцев. В соответствии с этими директивами органы госбезопасности обязаны были ставить их на учет на особо важных промышленных объектах и железнодорожном транспорте и постепенно удалять с ряда объектов, имеющих оборонное значение, и из армии.

Поскольку циркуляры и ориентировки центральных отделов ГУГБ НКВД СССР носили рекомендательный характер и указывали сотрудникам периферийных органов лишь общие направления и содержание их дальнейшей деятельности, существенную роль в усилении репрессий против советских немцев сыграла разработка Секретно-политическим отделом (СПО) Центра «Арийцы». В мае 1935 г. был направлен на места циркуляр СПО «О немецкой фашистской организации в СССР». Основные обвинения в нем выдвигались против представителей советской

интеллигенции – преподавателей высших и средних учебных заведений, литературных работников издательств. В результате как непосредственные руководители «фашистской организации» были арестованы профессор Московского института новых языков Е.А.Мейер, юрисконсульт Высшего лютеранского совета П.А.Альтгаузен и ассистентка Саратовского педагогического института З.Г.Клюк – сестра ранее арестованного пастора Клюка. Как примыкавшая к руководящему звену организации была арестована группа сотрудников редакции по выпуску иностранных словарей.

На примере фальсифицированного дела «Арийцы» ясно видна классическая схема организации следствия для привлечения обвиняемых к уголовной ответственности, как возникали основные составляющие уголовного дела. Как правило, в таких делах обязательно присутствует связь организаций с сотрудниками германского посольства, консульств, что в ходе следствия рассматривается исключительно в качестве шпионской деятельности. В случае «Арийцев» речь шла о секретаре посольства Штельцере и сотруднике посольства Шульце, дававших рекомендации по созданию «фашистских» групп и снабжавших членов организации литературой определенного рода. В зависимости от того, в какой сфере жизни советского общества была «вскрыта» та или иная так называемая контрреволюционная группа или организация, и по мере дальнейшего обострения советско-германских отношений роль сотрудников германских представительств варьировалась различным образом. Так, в ноябре 1936 г. нарком внутренних дел Н.Ежов докладывал Сталину об аресте 19 германских подданных и более 80 советских граждан, большую часть которых составляли немцы. Арестованы они были по делу «Коричневая паутина». Нарком иностранных дел М.М.Литвинов предложил убрать из показаний арестованных недоказанный и ничем не подтвержденный факт передачи сотрудником германского посольства одному из участников организации... бомбы для совершения террористического акта.

После убийства в декабре 1934 г. С.М.Кирова органы госбезопасности не только повысили роль охранных структур, занимающихся физической защитой лидеров, но, начиная с 1935 г., регулярно, практически в каждой вскрытой так называемой контрреволюционной организации стали пресекать попытки террора. Так и Мейер, и Альтгаузен, проходившие по делу «Арийцы», сознались в том, что ставили целью создание террористических организаций.

В течение 1935–1936 гг. в СССР были «раскрыты» сотни «террористических организаций». В декабре 1935 г. Военная коллегия

Верховного суда осудила так называемую группу германских шпионов-террористов в количестве десяти человек, в составе которой были два советских немца. Группа характеризовалась как опаснейшая террористическая организация германской разведки, готовившая террористический акт в Москве на Красной площади, в день Великой пролетарской революции – 7 ноября 1935 г. В закрытом письме наркома внутренних дел Г.Ягоды особо отмечались рекордные сроки следствия: оно было закончено в течение двух недель и передано в Военную коллегию Верховного суда СССР. Вильгельм Брунович Бауэр, работавший в управлении Московского метрополитена, и еще двое обвиняемых по этому делу, в отличие от других категорически отрицавшие свою вину, не были расстреляны, а получили различные сроки лишения свободы.

В это же время, якобы по заданию Гааге, представителя одной из германских фирм в СССР, а затем и сотрудника германского посольства Мергнера, другая «террористическая организация», во главе которой стояли братья Борис и Константин Миних, подготавливала террористический акт против Сталина. Основанием для привлечения их к уголовной ответственности стал интерес братьев к маршруту его передвижений по Москве. Семь человек были приговорены к высшей мере наказания.

Помимо громких дел, ориентировки и закрытые письма о которых рассылались во все регионы, в управлениях проводилась каждодневная рутинная работа, затрагивавшая интересы советских немцев. В этот период в СССР шла значительная миграция населения: в связи с коллективизацией сельские жители из боязни раскулачивания и насильственного вовлечения в колхозы меняли место жительства и часто переезжали в крупные города. В процессе периодических «чисток» городов, органы госбезопасности, основываясь на показаниях ранее арестованных, выявляли эту категорию населения и подвергали репрессиям. Так, после ареста в феврале 1935 г. в Саратове и ряде районов области пастора Бадер и еще семи человек начальник управления Пилляр срочно по прямому проводу сообщал Г.Ягоде о существовании контрреволюционной организации в Ленинграде, состоящей якобы из кулаков, бежавших из Республики немцев Поволжья. Нарком внутренних дел дал указание об аресте работавших в Ленинграде трех братьев Эккарт, М.М.Франка, М.И.Кестлер.

Некоторые направления карательной политики в отношении советских немцев, проживавших на определенной территории, позволяет выделить деятельность в 1935 г. Управления НКВД по Азово-Черноморскому краю. Из более 300 спецсообщений о самых важных разработках по линии ЭКО, СПО и Особого отдела, со-

держащихся в еженедельных сводках, присланных в центр, советские немцы фигурировали в десяти спецсообщениях. При этом ни в одном из них не упоминается об активных формах сопротивления, об участии в актах саботажа, во вредительстве или других контрреволюционных преступлениях. В одном сообщении содержится разработка военнослужащего из 84-го полка, дислоцированного в Ростовской области: он был арестован за подготовку побега в Германию и приговорен Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа к расстрелу. В остальных спецсообщениях в центр – доклады о контрреволюционных проявлениях среди советских немцев, связанных с жалобами на трудное материальное положение. Гергард Гергардович Гизбрехт подвергся аресту, поскольку получал помощь от организации «Братья в нужде»; другая немецкая семья отправила письмо в Германию в адрес общества «Фаст и Бриллиант» с просьбой о материальной помощи и была арестована за «клевету», содержащуюся в послании; в городе Кропоткин были арестованы бывшие служащие концессии «Друзаг», потерявшие работу в связи с закрытием предприятия и получавшие помощь из Германии. На этом фоне более радикально настроенной выглядит группа из четырех человек, проходившая по делу «Фашисты». В ее состав входили бывший член меньшевистской фракции, бывший офицер царской армии и два судебных работника, восхвалявших антибольшевистскую направленность внешнеполитического курса нацистской партии, что сочеталось с антисоветскими разговорами и заимствованием нацистского приветствия «Хайль Гитлер» при встречах.

В Республике немцев Поволжья в 1935 г. было раскрыто несколько десятков «контрреволюционных фашистских немецких организаций». Необходимо отметить, что в течение 1934 г. и особенно в 1935 г. в связи с существенным экономическим и культурным ростом Республики резко возрос приток туда немецкого населения, сбежавшего в голодные 1930–1933 гг. Кроме того, в связи с завершением паспортизации в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Азово-Черноморском крае и других местах советские немцы возвращались из этих регионов. Уже в четвертом квартале 1935 г. в Республике немцев Поволжья было арестовано 218 человек, проходивших по пяти «организациям» и 17 отдельным группам. Из них 42 человека вернулись в Республику в течение 1935 г. Характеристики арестованных были точно такие же, что и в других краях и областях. Было арестовано 40 колхозников из середняков и зажиточных, 35 из них являлись долголетними участниками религиозных сект. Из 17 рабочих 14 были выходцами из семей кулаков и торговцев. 37 педагогов и учащихся немецких вузов характеризовались как выходцы из социально чуждой среды.

По делу «Друзья» было арестовано 55 человек. У двух участников организации обнаружили письма одного из руководителей союза «Волгадейче» в Берлине Генриха Магеля, бывшего текстильного фабриканта в Бальцерском кантоне. В письмах содержались крамольные идеи о том, что с появлением у власти Гитлера вся Западная Европа находится вне всякой революционной опасности, а по мере развития фашизма и национал-социализма уничтожается основа всемирной революции. Среди участников организации распространялась литература из Германии, осуществлялось прослушивание радиопередач. Так, из библиотеки Наркомпроса в г. Энгельс была изъята изданная в 1933 г. в Германии трилогия «То, что волнует немцев». Книги трилогии назывались «Волга-Волга», «Рейн и Волга», «В Поволжье», и, по мнению следователей, в них развивалась идея «маленькой Волжской Германии». В это же время были арестованы преподаватели Немецкого педагогического института К.В.Штрек и О.Г.Фальтин, якобы передававшие в посольство сведения о положении в немецкой деревне и на промышленных предприятиях, о настроениях интеллигенции и колхозников.

Интерес к событиям, происходившим в Германии, расценивался как фашистская пропаганда.

По делу «Концессионеры» были арестованы бывшие служащие германской концессии «Друзаг» в Северо-Кавказском крае – 31 человек. Эти люди обвинялись в том, что были «обработаны» в гитлеровском духе, так как восхваляли оплату и условия труда в Германии. И делался вывод: в случае войны с Германией они могут выступить против СССР, подняв вооруженное восстание.

Типичными были преследования за религиозные воззрения. По делу «Ракета» подверглись аресту 18 меннонитов – члены религиозной секты, основу которой составляет проповедь смирения и полное отрицание насилия. Им инкриминировалось то, что они встречались якобы для обсуждения задач и способов борьбы с советской властью и колхозным строем. Правда, один из участников, Ризен, работал в Лизандергеймском сельсовете и действительно снабжал бежавших крестьян документами, что было довольно распространенным явлением во многих областях СССР.

На начало 1936 г. в Республике велось 98 дел, по которым в качестве подозреваемых проходили 1441 человек.

К середине 1930-х гг. произошли существенные изменения в характере дел о вредительстве и диверсиях в народном хозяйстве. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. на показательных процессах о вредительстве в золотоплатиновой промышленности, по делу «Промпартии» обвиняемыми становились, как правило, специалисты, трудившиеся в отрасли еще до революции, т.е. буржуаз-

ные специалисты. В материалах уголовных дел содержались фальсифицированные данные об их связях с бывшими владельцами предприятий, с иностранными разведками.

По мере обострения отношений СССР с рядом европейских государств, прежде всего с Германией, в 1935–1936 гг. прокатывается целая волна «раскрытых» органами госбезопасности дел о контрреволюционных организациях, созданных якобы по заданию германских разведывательных органов. Своеобразным толчком к этому послужила директива Экономического отдела НКВД о разрушительной деятельности германской разведки в народном хозяйстве, разосланная в январе 1936 г. Местные органы внутренних дел были нацелены на поиск вредителей прежде всего среди лиц немецкой национальности. В конце года по итогам работы экономических отделов делался вывод о том, что «роль организаторов и вдохновителей контрреволюционных организаций выполняют германские подданные, а основными кадрами контрреволюционных организаций являются немцы – советские граждане»[4]. В директиве были указаны 17 наиболее типичных дел по разоблачению вредительства и диверсий в различных отраслях промышленности. Прежде всего речь шла о нескольких организациях, якобы созданных в Западно-Сибирском крае на Кузнецком металлургическом комбинате (германские специалисты Кмох и Бернт, помогавшие налаживать листопрокатное оборудование, создали организацию для подготовки диверсий после начала войны между СССР и Германией). 10 немцев – граждан СССР были арестованы на Московском авиационном заводе № 22. В делах обвиняемых со второй половины 1936 г. появляются утверждения о том, что немецкая разведка широко использовала для шпионской и диверсионной работы троцкистов. Упоминаемые в следственных делах реабилитированные сегодня участники фальсифицированных августовского 1936 г. и январского 1937 г. процессов являлись якобы исполнителями диверсионных заданий германской разведки. Таким образом, эти дела свидетельствуют о своеобразной подготовке СССР к вероятной войне с Германией.

Появление специальных циркуляров и директив в отношении немецкого населения не означало, однако, что советские немцы испытывали наибольшее давление и преследования. Аналогичные и даже более жесткие установки в карательной политике в СССР касались советских граждан польской национальности, корейцев, (последние рассматривались как потенциальная база японской разведки). Число лиц, арестованных по обвинениям в шпионской деятельности в пользу Германии, безусловно, возрастало. Если в 1932 г. их было 119 человек, то накануне массовых репрессий в 1935 г. эта цифра возросла до 719, но в 1936 г. число аресто-

ванных снизилось – до 596. Однако за шпионаж в пользу Польши в 1935–1936 гг. было арестовано 3528 человек, в пользу Японии – 2263, а в пользу Германии – 1315 человек.

В исследуемый период значительно увеличилось число арестованных политэмигрантов из Германии. С февраля 1936 г., когда было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов», их начинают подвергать преследованиям и необоснованным арестам. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б), Коминтерн и НКВД СССР обязаны были в течение трех месяцев провести полный переучет политэмигрантов, прибывших в СССР по линии МОПРа (Международной организации помощи бойцам революции), ИККИ (Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала) и Профинтерна. Одна из главных задач заключалась в том, чтобы выявить политэмигрантов, подозреваемых в шпионаже или враждебной, антисоветской деятельности, которых поначалу предполагалось выслать из СССР, но затем решили арестовать. На 1 июля 1936 г. из почти 6000 германских подданных были учтены и установлены 811 политэмигрантов из Германии (по данным МОПРа, числились въехавшими в СССР 1332 человека). Компрометирующие материалы имелись на 414 человек.

Таким образом, репрессии в отношении советских немцев в период с 1932 по 1936 г. (до начала массовых операций) не носили характера особо жестоких и последовательных преследований в СССР этой категории населения. Социальные и политические мотивы, превалировавшие в процессе различных разработок, проводимых НКВД СССР, распространялись на все категории населения СССР.

Примечания:

[1] Центральный оперативный архив ФСБ России. Ф. 3. Оп. 2. Д. 815. Л. 1.
[2] Там же. Ф. 66. Оп. 1 т. Д. 44. Л. 5.
[3] Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 809. Л. 58–62.
[4] Там же. Ф 66. Оп. 1. т. Д. 44. Л. 161.

Депортации и репрессии в различных регионах СССР

Н.Бугай, Москва

Автономия немцев Поволжья: проблемы деструктурирования и социальной натурализации

По данным опубликованных в 1992 г. материалов Всесоюзной переписи населения 1937 г., в АССР немцев Поволжья проживали: 322 652 немца, 106 466 русских, 1989 представителей других национальностей, а всего 489 929 человек[1], составлявших население единого территориального государственного образования.

Республика немцев Поволжья отличалась прочным и последовательным внутринациональным взаимодействием социальных сил, затрагивающим в первую очередь сферу национальных интересов и национальной политики государства, и сложившимися за период функционирования социалистического общества (с 1917 г.) межнациональными отношениями. Главной задачей была реализация народами своих интересов, собственно национальных и общенациональных.

Складывавшиеся межнациональные отношения в Республике немцев Поволжья носили комплексный характер, включая экономический, социально-политический, духовный и идеологический аспекты.

Естественно, что эти межнациональные отношения определялись социально-политической системой, в рамках которой происходило их развитие. Однако это не мешало их относительной самостоятельности. Разумеется, развитие межнациональных отношений наряду со сближением не исключало и конфронтации.

О том, насколько важна исследуемая проблема, свидетельствует принятие в последние годы таких нормативных государственных актов, как «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации», законы «О национально-культурной автономии», «О реабилитации репрессированных народов», «О реабилитации жертв политических репрессий» и др., которые позволили по-новому оценить процессы, имевшие место в СССР, в частности, в 1940–1950-е гг.

За последнее десятилетие российской исторической наукой накоплен значительный материал по проблеме репрессий, к которым прибегало государство в условиях «социального эксперимента»

по отношению к этносам, включая и российских немцев, проживавших как в АССР немцев Поволжья, так и дисперсно в других регионах бывшего СССР[2].

Вряд ли необходимо анализировать вышедшие труды по этой теме, однако надо отметить, что все они заслуживают внимания в плане расширения знаний по истории народов, их взаимоотношений, позволяют рассматривать различные аспекты процесса формирования и совершенствования межнациональных отношений, трагической страницей которых и были репрессии.

В канун войны 1941–1945 гг. в СССР обострились национально-политические конфликты в обществе, когда при не всегда удачном воплощении в жизнь идеологических установок партии и правительства (коренизация госаппарата, раскулачивание, коллективизация) дело доходило до принятия таких жестких мер, как депортация этносов, целых групп населения.

Трудно объяснить, как в государстве, строившемся, казалось бы, на гуманных принципах (равенство народов, солидарность и др.), на вооружение были взяты осужденные мировой историей методы формирования отношений между народами.

Не разделяя точки зрения, согласно которой такие репрессивные действия, как депортация, являются порождением социализма[3], все же полагаем, что это был, скорее всего, один из эффективных методов, как оценивал его тоталитарный режим, упрочения административно-командной системы, который давал возможность избежать назревавших более мощных по своей силе социальных конфликтов, включая и конфликты, вспыхивающие на национальной основе.

Научные исследования, появившиеся в последнее десятилетие и посвященные изучению социальных процессов, позволяют сделать аргументированный вывод о том, что подобными мерами, предпринимаемыми Сталиным и его окружением, была нарушена хрупкая связь, достигнутая в сфере межнациональных отношений. Пошатнулась единая система, включающая такие компоненты, как национальная культура, национальное сознание и национальное самосознание.

В начале 1940-х гг. по чисто превентивным соображениям была ликвидирована АССР немцев Поволжья (где проживало, по данным на 1939 г., 366 685 граждан немецкой национальности)[4], исчезли созданные дисперсно на территории СССР в 30-е гг. национальные немецкие сельские советы (Ваннинский, Сементальский, Мариентальский, Джигинский, Александровский, Воронцовский и др.).

Российские немцы расселялись в принудительном порядке в восточных районах Российской Федерации, в республиках

Средней Азии и Казахстана. Имел место процесс деструктурирования не только немецкого этноса, но и его государственности – Автономной Республики немцев Поволжья (в советском варианте).

Постепенно ликвидировались все атрибуты государственности. Появились Указы Президиума Верховного Совета от 5 мая 1942 г. «О переименовании некоторых районов и городов Саратовской области», от 5 июня 1942 г. «О переименовании некоторых населенных пунктов и сельских советов Саратовской области»[5], которые в срочном порядке внедрялись в жизнь. Исчезали с географических карт немецкие названия районов и селений.

В 1943 г. были переименованы и остававшиеся с немецкими названиями сельские советы, в частности Нейфранский сельский совет переименовывался в Красноармейский и др. Прекратила свое существование столица республики, была ликвидирована ее граница.

Однако, если процессам деструктурирования самих этносов в связи с репрессиями уже уделялось внимание в исторических исследованиях, то проблема деструктурирования государственных структур за редким исключением[6] не становилась предметом специального изучения.

По нашему мнению, эта проблема включает в себя не только сам факт (юридический акт, его анализ, причины) ликвидации государственности как таковой, но и предусматривает возможность решения судьбы территории, на которой базировалась республика, оценку того населения, которое не подвергалось репрессиям, оставаясь на территории бывшей республики, включает формирование новых отношений между народами. Сюда входит вопрос о необходимости заселения свободных территорий, проблема кровных связей лиц, подвергшихся репрессиям, с местом своего исторического обитания, в частности для российских немцев это в значительной мере – Республика немцев Поволжья.

В новых условиях развития российской государственности на фоне идущих демократических процессов местное население продемонстрировало скорее агрессивное восприятие идеи, заложенной в законе «О реабилитации репрессированных народов» и связанной с восстановлением автономии немцев Поволжья. Разумеется, этот вопрос соприкасается с положением ст. 3 и 6 названного закона, т. е. он касается территориального восстановления автономии.

Аналогичным образом эти процессы развивались и в тех регионах, где государственные образования являлись самостоятельным субъектом права (Чечено-Ингушская АССР, Северо-Осетинская АССР, Карачаевская автономная область) и где они в 1940-е гг. таковыми не были (например, Ингушская Республика).

Вопрос об освоении территорий, где были ликвидированы автономные государственные образования, уже в 1940-е гг. приобрел острый характер. Репрессивные меры, направленные против того или иного этноса или его части, не освобождали государство от необходимости проявить заботу о данных регионах, не допустить выключения из экономического потенциала огромных земельных массивов, обеспечить производительными силами территорию бывших республик.

Чтобы правильно оценить складывавшуюся ситуацию, необходимо обратиться к экономическому аспекту проблемы, а именно к уровню экономического развития 11 приволжских регионов в момент присоединения их к Саратовской области (1941 г.). В 11 районах было закреплено за колхозами всего земли 1275,7 тыс. га, в том числе пахотной – 908,6 тыс. га. Ежегодно эти колхозы поставляли государству свыше 60 млн пудов высокосортного зерна и большое количество продуктов животноводства и птицеводства.

До выселения немцев в 280 колхозах 11 административных районов было 43 974 хозяйства колхозников, из которых 37 651 составляли немецкие хозяйства (владельцы выселены в 1941 г.), и 6323 хозяйства русских старожилов (оставались в районах).

После выселения из республики граждан немецкой национальности в колхозах оставалось 33 103 жилых домов с надворными постройками, крупного рогатого скота около 800 тыс. голов (в индивидуальном пользовании около 39 тыс. голов), овец и коз – около 43 тыс. голов (в индивидуальном пользовании – около 80 тыс. голов), свиней – около 39 тыс. голов (в индивидуальном пользовании – около 90 тыс. голов), лошадей около 20 тыс. голов, верблюдов – около 1,5 тыс. голов.

Фактически весь этот экономический потенциал и вся территория временно выключались из экономической сферы государства, т. е. реструктурировалась экономика региона. Необходимо было срочно решать задачу по укреплению народного хозяйства, обеспечению региона производительной силой.

Распространенной формой заселения территорий являлось плановое задание областям по переселению их жителей, в том числе и в Республику немцев Поволжья.

В 40-е гг. эти меры, наряду с НКВД СССР, проводили в жизнь и создаваемые в структуре СНК СССР и РСФСР Главные переселенческие управления. Архивы располагают богатыми материалами по этой теме.

В фонде Переселенческого управления РСФСР Госархива Российской Федерации (Ф. А-327) сосредоточены многочисленные

документы этих гражданских ведомств о процессах заселения бывших автономий, в том числе и АССР немцев Поволжья.

3 сентября 1941 г. СНК СССР принял постановление № 2030/920, на основании которого был утвержден план переселения 59 794 колхозных хозяйств, в том числе: в Саратовскую область – 44 744 хозяйства, в Сталинградскую область – 15 050 хозяйств[7].

По данным на 10 ноября 1941 г., когда уже основная часть граждан немецкой национальности последовала в принудительном порядке на Восток, в республику были направлены (данные на середину октября 1941 г.) 10 350 хозяйств из шести областей Украинской ССР (Сумской, Харьковской, Ворошиловградской, Запорожской, Полтавской, Днепропетровской)[8]. Одновременно было переселено 560 хозяйств из Курской области и 3983 из Орловской области[9]. Всего – 14 893 хозяйства.

На январь 1942 г. в районы бывшей АССР немцев Поволжья было вселено 23 936 хозяйств. Из колхозов, отобранных в районах, откуда направлялись люди для вселения, – 12 457 хозяйств, за счет эвакуированного населения было заселено 11 479 хозяйств. Выполнение плана по переселению составило 40%[10].

Переселенческое управление вынуждено было признать, что области «по существу сорвали выполнение задания СНК СССР по отбору и отправке переселенцев-колхозников в районы вселения»[11].

Наряду с этим, облисполкомы подведомственных территорий, население которых было намечено на переселение в бывшую Республику немцев Поволжья, всячески стремились воспрепятствовать этим мерам, перекладывая задания по переселению на плечи других. «Вместо принятия реальных большевистских мероприятий, – читаем в сообщении, – Саратовский исполком просит переселить в пределы области в плановом порядке 20 тыс. хозяйств из других областей, тем самым ослабляет работу по выполнению постановления СНК РСФСР от 26 ноября 1941 г. «О мероприятиях по сельскому хозяйству в районах бывшей Республики немцев Поволжья»[12].

Просьба Саратовского облисполкома не была удовлетворена по той причине, что привлеченные к реализации этих мер Пензенская, Тамбовская области, Мордовская и Чувашская АССР имели «ограниченные возможности отбора переселенцев»[13].

В 12 районах[14] Саратовской области выселялись 40 тыс. немецких хозяйств, отошедших из АССР немцев Поволжья. На начало 1942 г. было вселено 19 972 колхозных хозяйств, из них наибольшее число хозяйств было принято в Краснокутском (3413), Мариентальском (2521), Марксштадском (1900), в Бальцерском (1815) районах[15].

Предпринимались и такие меры, которые зачастую носили принудительный характер, например, «выселение переселенцев-колхозников и эвакуированных, отобранных из проходящих эшелонов для районов бывшей Республики немцев Поволжья»[16].

Симптоматично, что в таких городах, как Саратов, Энгельс, Вольск, была организована радиопередача, транслировавшаяся трижды, с призывом к городскому населению к переселению на постоянное жительство в районы бывшей Республики немцев Поволжья[17]. На узловых железнодорожных станциях (Саратов-1, Аткарск, Покровск, Урбах, Анисовка) работали инспектора Переселенческого отдела, в обязанность которым вменялась «проверка и отбор людей, желающих выехать на постоянное жительство в колхозы бывшей АССР немцев Поволжья на условиях колхозников-переселенцев»[18]. Отбор проводился главным образом из числа эвакуированного населения из эшелонов, проходивших через территорию области.

Из эвакуированных, проезжавших через территорию Саратовской области, планировалось направить на правах переселенцев-колхозников в районы бывшей Республики немцев Поволжья 17 тыс. семей.

Все это проводилось при отсутствии транспортных средств, хотя для этих целей и были выделены Саратовскому облисполкому 60 тыс. рублей. Областные и районные земельные отделы явно устранялись от решения этой задачи.

Однако все эти меры по своему объему оказывались недостаточными. Поэтому Переселенческий отдел Саратовского облисполкома ставил перед Правительством СССР вопрос об ускорении переселения колхозников в Саратовскую область из соседних областей (Куйбышевской, Сталинградской, Пензенской) и Западного Казахстана в количестве 20 тыс. хозяйств[19]. Председатель Переселенческого отдела Саратовского облисполкома[20] Матвеев вынужден был признать, что Постановление СНК РСФСР от 26 ноября 1941 г. «О мероприятиях по сельскому хозяйству районов бывшей Республики немцев Поволжья» выполняется неудовлетворительно[21]. Действительно, потребность в освоении хозяйств была ощутимой. Так, в Каменском районе, где имелись 640 хозяйств, требовалось доселить еще 2500, в Бальцерском, при наличии 1105 хозяйств, потребность определялась в 3000 хозяйств[22].

В результате проведенной работы в Саратове, Энгельсе, Вольске удалось направить в опустевшие немецкие колхозы около 1000 хозяйств, хотя и это далеко не решало проблемы восстановления трудовых ресурсов. Заселение отдаленных от железнодорожных станций районов (Каменского, Зельмановского, Бальцерского, Унтервальдского) составляло 20–25%[23].

Медленность заселения отдаленных районов обуславливалась наступлением зимы 1942 г., бездорожьем, перебоями в транспорте и т. д. Все это затрудняло возможности проведения предстоящего весеннего сева, выполнения других сельхозработ. В марте 1942 г. пришлось рассылать новых гонцов по соседним областям в целях агитации по переселению. Их направляют в Тамбовскую, Пензенскую, Воронежскую области. Для вселения готовилось 2877 домов, оставленных гражданами немецкой национальности[24]. В результате в Тамбовской области были отобраны для переселения 2051 хозяйство, в Пензенской – 2600, в Воронежской – 1350, Саратовской – 2034 хозяйства. План был выполнен к апрелю 1942 г. на 107,9%[25].

На конец мая 1942 г. из 40 868 немецких хозяйств 12 районов, присоединенных к Саратовской области, имелось уже 32 154 хозяйства[26].

План вселения был выполнен на 82,8%. Одновременно число трудоспособных сократилось с 94 031 до 5286 человек. В целом динамика переселения в первые два года после ликвидации АССР немцев Поволжья выглядела следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1. **Динамика переселения хозяйств в бывшую АССР немцев Поволжья в 1941–1942 гг.***

Наименование документа, по которому проводилось переселение в Республику немцев Поволжья	Место выхода переселенцев	Количество переселенных хозяйств	Год переселения
Постановление СНК СССР от 3 сентября 1941 г. № 2000-922 «секретно»	Украинская ССР, Курская обл., Орловская обл.	6036 хозяйств (150 колхозов)	1941
Постановление СНК СССР от 27 февраля 1942 г. № 263-138 «секретно»	Тамбовская,	4319	1942
	Пензенская, Воронежская, Саратовская обл.	2218	1942
Постановление Государственного комитета обороны (ГКО) от 5 июля 1942 г.	Смоленская обл.	1000	1942
Итого:		**13 573**	

* ГАРФ. Ф.А-237. Оп.1. Д.611. Л.83–85.

Помимо отобранных и оформленных членами колхозов жителей 11 районов, отошедших к Саратовской области, 13 956 семей изъявило желание остаться на постоянное жительство в колхозах. Все это составило 77 370 от числа немецких хозяйств.

Разумеется, переселенцы не изъявляли особого желания трудиться в колхозах, особенно те, кто был отобран для поселения из

проходивших эшелонов с эвакуированными. Старший инженер колхозных хозяйств Калганов в письме в СНК РСФСР от 13 июня 1942 г. на имя К.Д.Памфилова сообщил: «В Приволжском и Первомайском районах имеют место случаи, когда переселенцы отказываются вступать в члены сельхозартели по мотивам, что они после освобождения своих районов, временно оккупированных фашистами, выедут обратно. Многие переселенцы по этой же причине отказываются даже от получения коров, опасаясь, что это их закрепит в колхозах и не даст возможности им выехать на место прежнего жительства»[27].

Председатель исполкома Саратовской области Д.Силин также информировал в июне 1943 г.: «Размещенные в районах Республики немцев Поволжья... не организованы на постоянное жительство в колхозах, считают себя временными людьми и работают в колхозах плохо...»[28]

Поэтому в июне 1942 г. заместитель Председателя СНК РСФСР Памфилов просил СНК СССР «разрешить не производить дальнейшего отбора ограничения количеством уже направленных хозяйств – 7248 с тем, что настоящее количество покроется за счет переселяемых в настоящее время согласно решению ГОКО от 24 мая 1942 г. 6000 человек из Смоленской области в Саратовскую область»[29].

Тем не менее работа по насыщению производительной силой территории бывшей Республики немцев Поволжья продолжалась, хотя и не столь успешно. В 1944 г. из запланированных к переселению в Саратовскую область 600 колхозных хозяйств отправлено было лишь 312 хозяйств[30].

Проблема освоения территории бывшей Республики немцев Поволжья оставалась сложной. В 1943 г. проверкой было установлено, что свыше 500 тыс. пахотных земель не осваивалось, агротехника резко ухудшилась, оплата трудодней была крайне низкой. Отмечался массовый уход колхозников-переселенцев из колхозов. По состоянию на начало июня 1946 г., из Саратовской области выбыло более 26 тыс. хозяйств переселенцев. В колхозах 11 районов области оставалось всего лишь около 13 тыс. хозяйств колхозников, при этом 6323 хозяйств принадлежали колхозникам-старожилам[31].

Все недостатки были обобщены в Постановлении СНК СССР № 272 от 11 марта 1944 г. «О мерах по укреплению сельского хозяйства в группе южных Приволжских районов, присоединенных к Саратовской области»[32].

10 сентября 1944 г. СНК СССР издал распоряжение № 18306 р, по которому разрешалось переселить еще 4200 хозяйств, а 14 сентября 1944 г. по этому же вопросу было принято

постановление СНК РСФСР № 653. Итоги реализации этих решений к концу 1944 г. выглядели следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2. **Динамика переселения хозяйств в бывшую АССР немцев Поволжья в 1944 г.***

Наименование региона	План переселения хозяйств	Отобрано хозяйств	Отправлено хозяйств	% выполнения плана
Мордовская АССР	600	746	448	74,6
Татарская АССР	500	500	216	43,2
Чувашская АССР	600	455	311	51,8
Горьковская область	400	412	372	93,0
Пензенская область	600	600	456	76,0
Рязанская область	600	311	243	40,5
Ульяновская область	500	500	473	94,6
Ярославская область	400	261	259	64,7
Всего:	**4200**	**3785**	**2778**	**66,1**

* Текущий архив Минпаца России // ГАРФ. Ф.А-327. Оп.2. Д.708. Л.202.

Всего же в 1941–1945 гг. было переселено 33 971 хозяйство, что вместе с хозяйствами русских старожилов составляло 40 294 хозяйства от 91 570 хозяйства выселенных немцев.

Таким образом, при объективном подходе расценивать меры партии и правительства в 1940-е гг., как правильные, как это происходило в митинговый период начала 1990-х гг. в областях Поволжья, вряд ли возможно: они в корне противоречили историческому процессу заселения немцами территории России.

К этому времени из-за неудовлетворительного руководства со стороны органов власти было разрушено 33 103 дома, 9756 домов (около 30%) – до основания.

В 1940–1950-е гг. задача переселения приобретала многомерный характер. Как известно, принудительное переселение более 3,5 млн граждан различных национальностей, в том числе граждан немецкой национальности, ликвидация многих других национально-государственных образований (Чечено-Ингушской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Карачаевской автономной области, Крымской АССР) требовали повторного заселения данных регионов и их освоения. Поэтому эту задачу приходилось решать и в 1940-е, и в 1950-е гг.

Что касается территории бывшей АССР немцев Поволжья, то, как отмечалось в отчете Переселенческого управления при Совмине

РСФСР, до 1955 г. планировалось дополнительно переселить в Саратовскую область 5000 семей.

Таким образом складывалась в 1940–1950-е гг. судьба государственных образований, на территории которых проживали репрессированные народы. Вряд ли их реструктурирование приносило пользу государству. Оно имело исключительно тяжелые последствия, вносило разлад в сформировавшиеся межнациональные отношения, в том числе и в Поволжском регионе страны. Оно подрывало основы сложившейся экономики региона, оказывало отрицательное воздействие на развитие культуры народов. Были созданы все предпосылки для долго тлеющего национально-политического конфликта, решение которого осуществляется и по настоящее время.

Вряд ли можно согласиться с выдвигаемой в последние годы точкой зрения, что решение этой задачи лежит в плоскости формирования национально-государственной автономии. По нашему мнению, задачи национально-культурной автономии несколько иного характера и они не предусматривают трансформацию этой автономии в государственную.

Выход необходимо искать в другом, а именно: в создании законодательной базы для защиты прав народов, в том числе и российских немцев, в выработке механизмов по искоренению допущенной исторической несправедливости.

Более верным остается путь формирования национальных районов на территории компактного проживания того или иного этноса, однако и в этом случае необходимо проявлять определенную осторожность, чтобы не допустить конфликта в отношениях между гражданами, принадлежащими к различным национальностям. Надо проявлять совместную заботу о целостности Российского государства, проводить последовательную работу по формированию национального сознания и самосознания. И главное – все эти проблемы должны решать сами народы.

Примечания:

[1] Всесоюзная перепись населения. 1937 г.: Краткие итоги. М., 1992. С.90. Расхождения по данным переписи и данным НКВД СССР за рассмотренный период составили 58 822 человека. *(Примеч. авт.)*

[2] Герман А. А. Немецкая Автономия на Волге, 1918–1941. В 2 ч. Саратов, 1992; Николенко А.О. Российские немцы: история формирования национальной общности и проблемы постсоветского периода. М., 1994; Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; Он же. Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп, 1997; Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х–50-е гг.). М., 1998; Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Саратов, 1998; Полян П.М. География принудительных миграций в СССР. М., 1998; Хуна-

гов А.С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья. (20–50-е гг.). М., 1998; и др.

[3] Фактор принудительности в решении проблем межнациональных отношений имел широкое применение в политике государств, правители которых стремились тем самым предотвращать восстания, устранять недовольство, подавлять в корне какие бы то ни было социальные протесты, достигать однородности состава населения и т.д. На территории Египта по этим причинам возникло этническое еврейское меньшинство, также на территории Испании, когда евреи были массово изгнаны из Англии и Франции. В начале XX в. (1913 г.) возникло болгарское этническое меньшинство (125 тыс. человек) на территории Восточной Македонии и в Западной Фракии.

После Гражданской войны в Испании на территории Франции остались 180 тыс. испанцев. Корейцы вынужденно расселялись на территории Японии. В 1940 г. их было там 59,4 тыс. человек. Всего же в 1939–1944 гг. из Кореи было депортировано 443 тыс. человек и т.д. Депортация японцев имела место в США. (См. подробнее: Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; Полян П.М. География принудительных миграций в СССР. М., 1998).

[4] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.83. Л.1–318).

[5] Текущий архив Миннаца России.

[6] Гонов А.М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов (20–30-е годы XX в.). Нальчик, 1998 и др.

[7] ГАРФ. Ф.Р-327. Оп.1. Д.393. Л.1–5.

[8] Там же. Ф.А-327. Оп.2. Д.393. Л.1–6.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] В справке «К вопросу организации совхозов в районах бывшей АССР НП» (1943 г.) отмечалось: «В 1941 г. к Саратовской области были присоединены 15 районов бывшей АССР НП, не считая Каменского района, находящегося в ведении НКВД с общей земельной площадью в 1940,8 тыс. га» (ГАРФ. Ф.А-327. Оп.2. Д.393. Л.14–23).

[15] ГАРФ. Ф.А-327. Оп.1. Д.47. Л.71–73, 74.

[16] Там же. Оп.2. Д.47. Л.63–68.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] Там же. Оп.1. Д.47. Л.69–70.

[22] Там же.

[23] Там же. Л.71–73.

[24] Там же. Оп.2. Д.48. Л.126.

[25] Там же. Л.74.

[26] Там же. Л.18.

[27] Там же. Л.10–16.

[28] Там же.

[29] Там же. Л.1.

[30] Там же. Д.708. Л.99.

[31] ГАРФ. Оп.1. Д.611. Л.83–85.

[32] Там же.

***В.Бруль**, Геттинген*

Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ

I. Современное состояние проблемы

Не только огромная территория (около 10 млн км^2) и экстремальные климатические и природные условия создали Сибири во всем мире образ единственного и неповторимого в своем роде региона. Сибирь является еще и регионом, на примере которого можно лучше понять историю Российской империи и СССР, особенно историю депортированных народов. В последние 200 лет все неугодные власти лица ссылались в Сибирь. Это затронуло как отдельных людей, так и целые народы. Однако в нынешнем столетии проводилась и активная политика ускоренного экономического развития сибирского края, когда десятки тысяч людей добровольно переселялись в Сибирь из необъятных просторов Российской империи, а затем из СССР. Это привело к тому, что в регионе оказались представители практически всех национальностей бывшего СССР и многих стран Европы. В результате, в Сибири складывались совершенно особые межличностные и межнациональные отношения.

Депортации социальных групп и целых народов были постоянной практикой большевистского режима. Особенно эти процессы усилились с начала 1930-х гг. До середины 1950-х гг. депортациям подверглись 15 народов и более 40 народностей. Около 3,5 млн человек были изгнаны из родных мест, многие погибли во время депортации[1]. Более 800 тыс. депортированных оказались в Сибири[2].

В силу известных причин в СССР эта тема стала обсуждаться лишь в конце 1980-х гг., а предметом серьезного научного исследования стала лишь после распада СССР. В короткой статье нет возможности привести всю библиографию по теме депортаций, поэтому назовем лишь монографии и сборники документов, в которых эта тема была непосредственно предметом исследования.

Первыми к данной теме обратились ученые Запада. Р.Конквест написал свои книги на основе советских газет и журналов 1950–1960-х гг.[3] Исследование Й.Хоффмана базировалось на документах из западногерманских военных архивов, а также открытых советских, и на опросах очевидцев, эмигрировавших в ФРГ[4]. Я.Гросс собрал и проанализировал более 20 тыс. написанных от руки воспоминаний польских граждан, подвергшихся депортации[5].

В сборниках, изданных Н.Ф.Бугаем, приводятся материалы по всем депортированным народам, в том числе и в сибирском регионе. На основе его публикаций, с добавлением ряда новых и неопубликованных источников, в Германии был издан сборник документов[6]. Проблема депортации немцев Поволжья раскрыта в одной из трех глав книги А.А.Германа[7]. Пребыванию депортированных немцев в Западной Сибири посвящена книга автора статьи[8]. Заслуживает внимания насыщенный и интересный сборник статей под редакцией А.Э.Гурьянова[9]. В 1998 г. защищены две диссертации по аналогичной тематике[10]. Таким образом, говоря об изданных до настоящего времени трудах по теме «Депортации народов в СССР», можно констатировать следующее:

1. Работы, вышедшие в свет до 1992 г. на Западе, основывались, главным образом, на открытых газетных и журнальных публикациях, воспоминаниях очевидцев и очень редко на архивных источниках.

2. Те немногие исследователи, кто получал допуск к закрытым советским фондам, были связаны путами официальной советской идеологии. Например, В.С.Парсаданова, исследуя депортации из Польши, выделяла только политические и идеологические мотивы. При этом полностью отрицала преследование поляков по национальному принципу[11].

3. Большинство авторов занимались историей депортации только одного народа, не увязывая его судьбу с другими. При этом подчеркивалось, что именно исследуемый народ пострадал больше всех и понес наибольшие потери. Такой подход характерен для западных, польских, советских (российских) исследователей. Подобные предположения и выводы делались без сравнительного анализа, ссылок на документы, свидетельствующие о лишениях и потерях других народов.

4. До настоящего времени лишь в сборниках документов Н.Ф.Бугая опубликованы архивные материалы, касающиеся депортаций большинства репрессированных народов. Отдавая должное Н.Ф.Бугаю за введение в научный оборот большого числа документов, следует сказать, что они носят отрывочный, несистемный характер, одни документы порой противоречат другим. Это лишь маленькая часть тех источников, которые имеются в российских архивах. Они не позволяют сделать главного: составить целостной картины причинно-следственных связей депортаций целых народов и групп населения, их повседневной жизни на спецпоселении. Для этого нужно было бы изучить официальную переписку, предшествовавшую принятию решений, ибо скорее всего там можно найти ответы на большинство наших вопросов.

Серьезным недостатком опубликованных сборников документов является почти полное отсутствие в них материалов о религиозной жизни депортированных народов до депортаций и на спецпоселении (этот фактор по-прежнему незаслуженно недооценивается российскими исследователями), недостаточность сведений об их взаимоотношениях с местным населением или, например, трудностях в получении образования.

5. Анализ изданных работ и архивных источников показывает, что у некоторых польских и советских (российских) авторов статистические данные в отношении депортированных поляков сильно расходятся (порой в 3–4 раза) и, таким образом, требуют уточнения. Есть серьезные расхождения в статистике и в отношении других народов.

6. В ряде работ репрессии против целых народов объясняются лишь злоупотреблениями Сталина и Берия. Нам же представляется, что депортация народов являлась долгосрочной партийно-государственной политикой и причину следует искать в природе советского тоталитарного режима.

7. Но главное – до сих пор не изучены с необходимой полнотой фонды российских архивов, содержащие документы по данной проблематике. Значительная часть наиболее важных и интересных материалов до сих пор не рассекречена. Без российских архивов раскрыть объективно и полностью тему депортированных народов в СССР в целом и конкретно в сибирском регионе, вряд ли возможно.

Проведенный анализ показывает, что на сегодняшний день нет работ, посвященных жизни депортированных российских немцев, поляков, калмыков, литовцев, латышей и эстонцев в Сибири. Нет и работ, в которых проводился бы сравнительный анализ жизни этих народов как в СССР в целом, так и в сибирском регионе в период 1935–1965 гг.

Наше исследование, которое приводится ниже, не следует рассматривать как законченный результат. Это лишь некоторые первоначальные наработки автора, полученные в ходе изучения огромной по объему темы.

II. Причины и этапы депортации. Категории лиц, подвергшиеся выселению, их национальный состав

Первый этап депортации – 1935–1936 гг. В начале 1935 г. из Волыни в Сибирь были высланы 8300 немецких семей. В августе были расформированы немецкий национальный район Пулин и польский район Мархлевски (оба в Волыни)[12]. Летом 1936 г. по Постановлению СНК СССР № 776-120сс от 28 апреля 1936 г. «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Караган-

динской области Казахской АССР 15 тыс. польских и немецких хозяйств» подлежали высылке, как «политически неблагонадежные», 45 тыс. человек[13]. На самом деле в Северо-Казахстанскую и Карагандинскую области было переселено 63 976 человек польской и немецкой национальности. Немцы составляли среди переселенцев 23%[14]. Небольшая часть депортированных оказалась в сибирском регионе.

Второй этап – с сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. С началом второй мировой войны депортации приняли массовый и непрерывный характер. В поисках ответа на вопрос: почему, что произошло на аннексированных СССР в результате пакта Риббентропа – Молотова территориях, надо иметь в виду следующее: 1) мало кто сомневался в неизбежности войны между Германией и СССР. С точки зрения советского руководства приграничные районы следовало очистить от сомнительных и нелояльных элементов; 2) на проведение традиционного набора мероприятий по советизации населения времени было отведено в несколько раз меньше, чем во внутренних районах в 1920–1930-е гг. Это заставляло торопиться, прибегать к крайностям.

Из оккупированных Красной Армией территорий Восточной Польши и Прибалтики были депортированы в глубь СССР сотни тысяч поляков, литовцев, латышей, эстонцев, как правило, убежденных католиков. Кроме них были выселены многие православные украинцы и белорусы, униаты, а также представители ряда других конфессий, негативно относившиеся к советскому антирелигиозному режиму. Советское руководство было хорошо осведомлено и о том, что значительной части населения этих территорий были присущи антирусские настроения.

Католическая церковь была подвергнута жесточайшему давлению. Большевики видели в католической церкви с ее четко отлаженной иерархией такого же непримиримого противника, как и в русской православной церкви. Необычайная агрессивность по отношению к католицизму объяснялась еще и тем, что Папа Римский занимал жесткую антикоммунистическую позицию.

В депортациях 1940–1941 гг. из Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии и Прибалтики выделяют четыре операции:

1. 10 февраля 1940 г. началось выселение осадников (их еще называли лесниками) из западных областей Украины и Белоруссии. Всего было депортировано 139 596 спецпереселенцев-осадников в 21 край и область СССР. По национальному составу большинство составляли поляки (83%), небольшая доля приходилась на украинцев (9%), белорусов и немцев (8%). Осадники были в прошлом военнослужащими, имели в Польше земельные наделы, выполняли некоторые полицейские функции и считались

злейшими врагами СССР. Они были все поголовно депортированы вместе с семьями[15].

2. В апреле 1940 г. были высланы члены семей репрессированных польских офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, государственных служащих, помещиков, фабрикантов и участников контрреволюционных повстанческих организаций. Большинство из них являлись по национальности поляками.

3. По решению правительства СССР от 10 апреля 1940 г. из Западных областей Украины и Белоруссии было депортировано 77 288 человек спецпереселенцев-беженцев (они прибыли с территорий, оккупированных вермахтом), большинство из которых составляли евреи (84%) и поляки (11%). Операция началась 29 июня и была закончена во второй половине июля. 23 575 человек оказались в сибирском регионе[16]. В соответствии с решением правительства нарком внутренних дел СССР Берия издал 23 июня 1940 г. приказ за № 00761 «О переселении из гор. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей»[17]. Согласно этому приказу в Карело-Финскую ССР переселялись 2540 семейств в составе 6973 финнов, эстонцев, латышей, норвежцев, литовцев и шведов. В Алтайский край (Сибирь) подлежали выселению 675 семей в составе 1743 немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев и др. Все депортации 1940 г. были проведены по решению высших органов власти – Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

4. В 1941 г. депортации в отличие от 1940 г. охватили не только бывшие территории Польши, но и Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину. Депортации объявлялись мерой борьбы с контрреволюционными выступлениями, бандитизмом, убийствами, воровством, хищением социалистической собственности, контрабандой, хранением огнестрельного оружия. Категории высылаемых были более многочисленными и разнообразными.

14 мая 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли Постановление «О выселении социально-чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии». Согласно этому решению было депортировано 85 716 спецпереселенцев, 65 148 из них попали в сибирский регион[18]. По национальному составу большинство составляли поляки, литовцы, латыши, эстонцы, украинцы. Только 14 июня 1941 г. из Прибалтики были депортированы 25 714 человек, из них 10 187 литовцев, 9546 латышей и 5978 эстонцев[19]. Большая часть из них оказалась в Сибири.

По этому же решению выселению были подвергнуты:

члены семей бывших активных участников националистических организаций, офицеров (в том числе, служивших в Красной Армии);

члены семей бывших охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков, бывших крупных помещиков, фабрикантов и чиновников;

члены семей участников контрреволюционных организаций, осужденных к высшей мере наказания;

члены семей беженцев из Польши, отказавшихся принять советское гражданство;

уголовники, проститутки;

лица, прибывшие из Германии в порядке репатриации, а также немцы, зарегистрированные на выезд и отказавшиеся выехать в Германию.

Третий этап. 22 июня 1941 г.–май 1945 г. – время войны между Германией и СССР. Уже 22 июня 1941 г. начались превентивные операции по аресту немцев, на которых имелись компрометирующие материалы. С июля началось переселение и депортация немцев с Украины и Крыма. На сегодня существует несколько спорных версий о датах и механизме принятия решения по депортации немцев Поволжья[20]. Поэтому сошлюсь на то, что бесспорно и точно установлено. 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О выселении немцев из районов Поволжья». В нем говорилось, что «по достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья... Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы...»[21]. Таким образом, всех немцев заранее обвинили в коллаборационизме. Согласно этому указу в сентябре–октябре 1941 г. было депортировано 446 480 немцев (по другим данным 438 280)[22]. По выселению немцев из других республик, краев и областей ГКО СССР принимал отдельные постановления. До конца 1942 г. в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию было в целом депортировано 799 459 немцев[23]. Из них более 400 тыс. оказалось в сибирском регионе.

27 декабря 1943 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». На следующий день правительство приняло решение о выселении всех калмыков в Сибирь. Согласно документам, депортация являлась наказанием калмыков за сопротивление органам советской власти, борьбу против Красной Армии, массовое

сотрудничество с вермахтом. В выселении видели средство урегулирования конфликта между калмыками и русскими.

Если верить архивным материалам НКВД, более 30% взрослого мужского населения калмыков с оружием в руках выступало против Советского государства. Созданный немцами Калмыцкий кавалерийский корпус насчитывал более 5 тыс. человек и до 11 мая 1945 г. активно боролся с партизанским движением на Украине, в Польше и Хорватии[24].

По состоянию на 2 января 1944 г. из республики было депортировано 93 139 калмыков в сибирский регион. До весны 1944 г. было выслано и небольшое число калмыков, проживавших дисперсно в других регионах СССР[25].

Четвертый этап – с лета 1945 г. по 1952 г. В наибольшей степени в данный период депортации коснулись народов Прибалтики. На основании распоряжения Берия за № 388 от 16 апреля 1945 г. и постановления правительства за № 417-160сс от 21 февраля 1948 г. было произведено выселение из Литовской ССР «семей бандитов и националистов», находившихся на нелегальном положении, убитых при вооруженном столкновении, а также пособников бандитов – кулаков с семьями[26].

В соответствии с Постановлением правительства СССР от 12 января 1949 г. «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализованных бандитов, продолжающих вести вражескую работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников и бандитов» в феврале–марте были депортированы вышеназванные категории населения[27]. В эти же месяцы было выполнено Постановление правительства от 29 января 1949 г. о выселении с территории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями и семей бандитов-националистов[28].

Всего из Прибалтики в 1945–1949 гг. было выселено 139 957 человек. 125 282 из них были расселены в Сибири. Среди них было 71 756 литовцев, 34 219 латышей и 19 307 эстонцев[29].

5 сентября 1951 г. правительство приняло решение о выселении из Литвы навечно кулаков с семьями за враждебные действия против колхозов. Выселение этих 18 027 крестьян было произведено в 1951 и 1952 гг.[30]

Таким образом, можно констатировать, что проводимые депортации на разных этапах имели как общие черты, так и существенные различия. Различались и категории депортированных. В одних случаях это были группы населения, выбранные по социально-классовому принципу, в других – часть определенной наци-

ональности, в третьих – целые народы. Депортации из разных регионов также имели свои особенности. Разной была интенсивность и количество выселяемых на каждом из этапов депортации. Уже сами названия документов и формулировки в отношении депортированных говорят о том, как власти относились к выселяемым народам и группам населения. Несмотря на официальную пропаганду в СССР классового подхода, бросается в глаза, что с конца 1930-х гг. депортации все более отчетливо приобретали этнический характер. Это особенно хорошо видно на примере депортаций сначала больших групп определенных национальностей, а затем и целых народов.

Обращает на себя внимание и то, что, в особенности из Прибалтики, было выселено огромное количество женщин, детей, стариков, – без мужчин, являвшихся главами семей. Многие мужчины находились в различных воинских формированиях, часть погибла или укрывалась. В одном из сообщений на имя Сталина сообщалось, что только с 1 июля по 15 сентября 1945 г. в Прибалтике было убито 3337 бандитов в ходе военных столкновений с войсками НКВД[31]. Можно предположить, что выселение было местью членам семей и родственникам за то сопротивление, которое их близкие оказали советскому режиму до и после войны. Но это была и своеобразная зачистка территории. Вывозя родственников и членов семей, руководство СССР лишало повстанцев возможности продолжать партизанскую войну, они теряли возможность получать продукты питания, одежду. Лишались они и возможности получать информацию. Вместо депортированных, по оргнаборам завозили население из России, проводя одновременно и русификацию Прибалтики.

III. Правовое положение депортированных

Определяющими особенностями депортаций является их административный (внесудебный) характер и направленность не на конкретного гражданина, а на целую группу лиц или целый народ.

При проверке Прокуратурой СССР в 1965 г. правомочности выселений из Прибалтики в 1941, 1948 и 1949 гг. было установлено, что сначала выселялись жители и только потом оформлялись дела, т. е. устанавливались основания для выселения.

Когда депортированные граждане Польши прибыли в 1940 г. в Сибирь, в их личных делах обычно не было документов, подтверждавших правильность их выселения. В Алтайском крае, где было расселено 10 016 осадников и беженцев, но только на 143 из них имелись справки, подтверждавшие правильность выселения[32].

Спецпереселенцев – осадников и беженцев – помещали в изолированные спецпоселки НКВД, а административно высланных поляков расселяли под надзор НКВД в колхозах и совхозах. Они не имели права выезда за пределы административного района, отлучаться из поселков могли не более чем на 24 часа.

Депортированные в июне 1941 г. из Прибалтики выселялись на 20 лет как ссыльнопоселенцы, т. е. с поражением в гражданских правах. Только в 1952 г. их перевели на положение спецпереселенцев (формальное сохранение статуса полноправных граждан СССР, но без права покинуть установленное государством место жительства).

В 1952 г. спецпереселенцы из Прибалтики делились на 4 контингента: «из Прибалтики в 1941 г.»; «из Литвы в 1945–1948 гг.»; «из Прибалтики в 1949 г.»; «кулаки из Литвы в 1951 г.». Все они делились на три категории: выселенные на определенный срок (в 1941 г.); выселенные без указания срока (в 1945–1948 гг.); выселенные навечно (в 1949–1952 гг.). Спецпереселенцы первых двух категорий приговаривались за побеги к 5 годам лагерного заключения. Депортированные из Прибалтики в 1949–1952 гг. осуждались за побеги на 20 лет каторжных работ. В конце 1952 г. контингенты, выселенные из Литвы в 1945–1949 гг. и из Прибалтики в 1949 г., были объединены в один контингент – «из Прибалтики в 1945–1949 годах» (при сохранении приведенного выше деления на выселенных без указания срока и выселенных навечно).

В момент депортации немцев и калмыков не было определено их правовое положение и срок их высылки. Это привело к массе недоразумений. 22 декабря 1943 г. НКВД был издан приказ № 001766 «Об организации комендатур спецпоселений УНКВД Алтайского, Красноярского краев, Новосибирской и Омской областей»[33]. Для усиления агентурно-оперативной работы, учета и наблюдения за трудовым устройством спецпереселенцев отделы трудовых и специальных поселений вышеназванных территорий переформировывались в комендатуры специальных поселений. 7 февраля 1944 г. вступил в силу приказ наркома НКВД за № 00127 «О введении в действие положения о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД»[34]. На спецкомендатуры среди прочих возлагались задачи агентурно-оперативного обслуживания спецпереселенцев по предупреждению побегов, розыску, выявлению антисоветских и уголовных элементов, ведению агентурных разработок и дел по преступлениям спецпереселенцев. Положение распространялось и на депортированных немцев и калмыков. Им, как и другим спецпереселенцам, запрещалось отлучаться за пределы территории своего сельского совета, за исключением случаев,

когда это было связано с посещением места работы. Самовольное отлучение из района спецпоселения более чем на 24 часа каралось в уголовном порядке. В паспортах спецпереселенцев делалась отметка «действителен для проживания только в таком-то районе или городе».

26 февраля 1944 г. нарком НКВД издал приказ за № 00183 «О порядке выдачи паспортов спецпереселенцам»[35]. Теперь переселенцам, прибывшим в места расселения с паспортами, в графе «Особые отметки» делалась запись: «Разрешено проживание в пределах района такой-то области (края)». Если переселяемые прибывали в сельские местности, где не было паспортной системы и ранее паспортов они не получали, паспортов им не выдавали. Они проживали на общих основаниях с другими гражданами без паспортов. В случае, если переселенцы прибывали в такие местности с паспортами, их изымали. Лишь 8 января 1945 г. СНК СССР издал Постановление «О правовом положении спецпереселенцев», которое было призвано отрегулировать в полном объеме правовое положение депортированных[36].

В послевоенный период немцы-спецпереселенцы делились на пять подконтингентов: «выселенные», «репатрированные», «местные», «мобилизованные» и «другие». К последним принадлежали лица других национальностей, выселенные вместе с немцами.

Спецпереселенцы часто совершали побеги. 26 ноября 1948 г. Верховный Совет СССР издал Указ «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»[37]. Он определял, что депортированные высланы навечно, без права возврата к прежним местам жительства. Согласно указу самовольное оставление мест спецпоселения наказывалось 20 годами каторжных работ. После принятия данного закона количество побегов сократилось в 3,5 раза.

В 1948–1949 гг. была проведена всесоюзная перерегистрация спецпереселенцев. В ходе ее депортированным пришлось пережить новые унижения. Они были вынуждены подписать бумаги, что не будут самовольно покидать места спецпоселений, с них взяли отпечатки пальцев и занесли их в персональные учетные карточки, туда же были вклеены специально сделанные для этого фотографии, давалось подробное описание их внешнего вида и особых примет. Обязательны были ежемесячные отметки в комендатурах и сообщения об изменениях в семье. То есть с депортированными обращались, как с уголовными и политическими преступниками. Автору довелось ознакомиться в архиве г. Геттингена с некоторыми личными делами евреев, репрессированных в 1930 и 1940-е гг. нацистами. Личные дела депортированных спецпере-

селенцев в СССР и личные дела репрессированных евреев в фашистской Германии на 90% совпадали по форме, как будто они составлялись одними и теми же чиновниками.

На примере граждан Польши видно, что отношение руководства СССР к депортированным не было постоянным, оно часто менялось в зависимости от политической, военной и международной обстановки. После тяжелых поражений Красной Армии в первые недели войны против Германии, под нажимом западных союзников советское правительство заключило договор с легитимным правительством Польши, находившимся в эмиграции в Великобритании. Вследствие этого договора 12 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии всех польских граждан – ссыльных и депортированных, заключенных тюрем и лагерей, военнопленных. С них сняли несправедливые обвинения. В документах они теперь значились как «бывшие граждане Польши». Им было разрешено перемещаться из неблагоприятных сибирских регионов в южные, где были лучшие климатические условия. Были приняты решения об их продовольственном снабжении и трудоустройстве.

По мере того как угроза поражения СССР в войне против Германии уменьшалась, советское руководство ужесточало позицию в отношении эмигрантского правительства Польши. Новая волна арестов и осуждений 1942–1943 гг. вновь затронула депортированных ранее в СССР и уже освобожденных граждан Польши. Их принуждали принимать советское гражданство.

После войны советское руководство «способствовало» строительству новой Польши. И тут как нельзя кстати пришлись и депортированные в свое время граждане Польши. В 1945–1946 гг. в результате советско-польского соглашения разрешение на возвращение в Польшу получили 228 814 бывших граждан Польши из 247 460, проживавших в СССР[38].

Пример депортации калмыцкого народа показывает, что действия высшего руководства СССР не всегда были логичны, часто импульсивны, их нельзя было спрогнозировать. В 1943 г. было принято несколько решений правительства о выделении средств на восстановление Калмыкии и помощь калмыцкому населению. Последнее такое решение было принято 8 декабря 1943 г., а уже через неполные три недели началось поголовное выселение калмыков в Сибирь. Мотивы такого поведения высшего руководства страны до сих пор неизвестны и ждут своего исследования.

Из сказанного выше видно, что процесс депортаций проходил по общей схеме, но и с отличиями. Они проявлялись и в не столь важных на первый взгляд вопросах. Так, немцам Поволжья при

депортации разрешалось брать с собой имущества и вещей до 1000 килограммов на семью; немцам, выселяемым из Москвы, – 100 килограммов, прибалтам – 500. При расселении разные народы и группы депортированных помещали в удалении от железной дороги, причем расстояние было самое разное – от 10 до 100 км. Чем объяснялись такие подходы, пока также неизвестно.

Спецпереселенцы имели формальное право выбирать и быть избранными в советы депутатов трудящихся, но только до районного звена. Они могли награждаться орденами и медалями СССР. На бумаге были записаны и многие другие права. Однако в реальной жизни часто все было по-другому. Судьба и жизнь многих спецпереселенцев зачастую зависела не от законов, а от личных качеств начальника районного отдела НКВД. В 1954–1955 гг. бюро краевых и областных комитетов партии Сибири рассмотрели вопросы и приняли постановления по улучшению работы со спецпереселенцами. Приводились многочисленные факты отношения к депортированным, как к людям второго сорта, ущемления их гражданских прав, факты дискриминации, моральных и физических унижений[39]. Спецпоселенцев нельзя было до 1956 г. призывать в армию. После 1956 г. существовал перечень родов войск, куда нельзя было призывать представителей депортированных народов. Оставались в силе запреты на обучение во многих вузах депортированным и их детям.

IV. Жилищно-бытовые условия. Хозяйственное использование депортированных

Условия жизни спецпереселенцев в регионе были ужасающими, особенно в 1940–1949 гг. Большинство из них жили в землянках, неприспособленных к зимним условиям бараках и складах, помещениях для скота. В 1941 г. часть спецпереселенцев из Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии жила на Алтае в совхозе «Овцевод» в помещении изолятора для скота[40]. Лишь небольшая часть депортированных была подселена в дома местных сельских жителей, что приводило к большой скученности и усилению вражды. По инструкциям НКВД, спецпереселенцы должны были обеспечиваться жильем из расчета три квадратных метра на человека. На самом деле в регионе в среднем приходилось по одному квадратному метру на спецпереселенца.

Берия в письме Сталину сообщал в 1940 г., что во всех спецпоселках Алтайского края бараки к зиме не приготовлены: печи не сложены, окна не застеклены. Такое положение отмечалось как типичное для всего сибирского региона[41]. В условиях долгой сибирской зимы с морозами в 30–40 градусов выжить спец-

переселенцам было крайне трудно. Большинство из них не имело теплой одежды и обуви.

Депортированным были обещаны денежная и натуральная компенсация оставленного или конфискованного имущества по месту нового расселения. За редким исключением это не было сделано. Голод был постоянным спутником депортированных. Принимаемые решения о выделении стройматериалов, одежды и обуви, продуктов питания выполнялись лишь частично. Огромных размеров достигло воровство. То немногое, что должны были получать депортированные, разворовывалось.

Многие населенные пункты, лагеря, спецпоселки в регионе находились на расстоянии сотен километров друг от друга, связь между ними осуществлялась только летом, водным путем. Часты были случаи, когда продукты на зиму завозились в недостаточном количестве и тогда начинался массовый голод. В 1942 и 1943 гг. в Сибири был сильный неурожай. Поскольку депортированные снабжались хлебом в последнюю очередь, их положение еще более ухудшилось. Ведь в отличие от местных жителей большинство спецпереселенцев не имело своего хозяйства и огородов.

Почти полное отсутствие бань приводило к зараженности вшами. Больниц, врачей, лекарств было крайне мало. В случае болезни люди оставались один на один со своей судьбой. Это был естественный отбор. Выжить могли только самые крепкие и сильные. Однако и в этот период положение депортированных различалось. После амнистии 1941 г. улучшились условия жизни польских граждан. Они могли селиться в городах, снимать жилье, передвигаться по стране.

Постепенное улучшение жилищно-бытовых условий основной массы депортированных началось после 1949 г., однако объективно они по-прежнему были очень плохи. В 1950 г. в Алтайском крае собственные дома имели 43% спецпереселенцев. У калмыков этот показатель равнялся 55%, у немцев – 46%. Большей частью это были домики из глины и соломы[42].

Имелся большой перечень городов, предприятий, где строго запрещалось работать депортированным. На местах им часто отказывали в трудоустройстве по специальности, потому что им не доверяло местное население и руководство. В 1942 г. вернувшийся в Алтайский край с фронта красноармеец написал анонимное письмо в краевую газету. В нем он сообщал, что в Благовещенском районе председателем районного зоотехнического отдела (райЗО) является П.П.Конрад. Далее он приводил большой перечень «преступлений», которые якобы совершил Конрад, «сознательно уничтожавший животноводство». Письмо заканчивалось следующими словами: «Много красноармейцев уже

приехали раненые и все недовольны, что у нас немец заведующий райЗО и весь народ недоволен. Мы хорошо знаем, что он немец чистокровный и какую работу он проводил у нас. В Красной Армии на фронте нашим немцам доверия нет и здесь не должно быть»[43].

Лишь в отдельных случаях специалистов по сельскому хозяйству использовали в совхозах и колхозах с учетом их профессиональных навыков. В Калманском районе летом 1941 г. из 512 спецпереселенцев по специальности работали только шестеро[44].

Типично было использование депортированных без учета их квалификации. Профессора, врачи, учителя, инженеры и люди без образования все вместе работали на примитивных физических работах. Примеров неразумного и неэффективного использования труда депортированных можно привести массу. Калмыки более чем на 90% состояли из скотоводов и ничего другого не умели делать. Однако их тысячами направляли работать в шахты, на рудники, на лов рыбы в северных реках зимой, где они в большинстве своем и погибали. Из архивных источников следует, что наиболее негативное отношение к физической работе проявляли беженцы. Они отказывались выходить на работу, требовали переселения в города и трудоустройства по специальности.

В сибирском регионе труд депортированных широко использовался в колхозах и совхозах, на лесозаготовках, в шахтах и рудниках, на ловле рыбы, строительстве дорог и заводов. На тяжелых работах использовали труд женщин и детей. В многочисленных инструкциях говорилось, что условия труда и оплаты депортированных и местных жителей должны быть одинаковы. В реальной жизни все было по-другому. Спецпереселенцы вынуждены были работать на износ. Зарплату они получали много меньшую, чем местные жители, массовое распространение имели обсчеты, обманы. Они платили больше налогов, чем местные жители. Так, с депортированных удерживали 10% зарплаты в пользу НКВД. Берия в информации Сталину вынужден был признать, что заработки спецпереселенцев в сибирском регионе составляли только половину прожиточного минимума[45]. К тому же выплату зарплаты задерживали месяцами. Депортированные интересовали властей только как дешевая рабочая сила.

Дискуссионным продолжает оставаться вопрос об использовании депортированных в рабочих колоннах или трудармии. На сегодня бесспорно известно лишь то, что большинство немцев в возрасте 15–55 лет были мобилизованы через военкоматы в трудармию. В изданном недавно Н.Ф.Бугаем сборнике документов приводится постановление ГКО СССР о мобилизациях в рабочие колонны представителей народов воюющих против СССР стран[46].

Однако в целом вопрос использования депортированных народов продолжает оставаться малоисследованным.

После 1946 г. условия труда спецпереселенцев стали улучшаться. Сокращался перечень должностей и профессий, по которым им запрещалось работать. Однако эти изменения происходили очень медленно и непоследовательно. В отчетах НКВД послевоенного периода приводятся данные о том, что многие тысячи спецпереселенцев работали в школах, институтах, учреждениях. Но надо делать корректировку на то, что большая часть приходилась на обслуживающий и технический персонал.

V. Демографические процессы в период спецпоселения

По данным МВД СССР до 1953 г. умерло в целом по стране 309 100 депортированных, из них немцев – 42 823, калмыков – 16 594. Наибольшего процента смертность достигала в 1944 г. среди спецпереселенцев, выселенных с Кавказа и из Калмыкии[47]. Хотя цифры по смертности явно не точны и вызывают большие сомнения.

Уровень смертности спецпереселенцев в 1940–1941 гг. превысил уровень смертности местного сибирского населения. По неполным данным, с мая 1940 г. по июль 1941 г. среди польских спецпереселенцев родилось 4211 и умерло 12 319 человек, в том числе у осадников соответственно 2694 и 10 557 и у беженцев 1517 и 1762. Среди осадников умерло 7,7% от общего числа[48]. У осадников уровень смертности был в 3,5 раза выше, чем у беженцев. Объяснить это можно следующим. У беженцев было меньше детей (наиболее подверженных болезням). Они обменивали у местных жителей привезенные вещи и ценности на продукты. Беженцы получали посылки от родственников, проживавших в городах западных областей. У осадников такой возможности не было, поскольку среди этой категории депортации подвергались обычно все члены семьи. Кроме того, осадники обычно жили изолированно от местного населения и им негде было взять продукты.

За 1945–1950 гг. спецпереселенцев из Прибалтики (послевоенная депортация) умерло в 5,1 раза больше, чем родилось[49]. Анализ смертности показывает, что главными причинами были дистрофия, воспаление легких и туберкулез. Это значит, что многие депортированные умирали голодной смертью, из-за простуды, отсутствия теплого жилья, одежды и тяжелых условий работы на морозе.

Иногда спецпереселенцы сами ухудшали свою жизнь. Религиозные секты проповедовали идеи о скором конце света, призывали людей не вести домашнего хозяйства, не работать, чем еще

больше усугубляли их и без того тяжелое положение. Часть депортированных прислушивалась к их советам и обрекала себя на голодную смерть. Кавказским народам традиции не позволяли просить милостыню, что также вело к повышенной смертности.

В целом же в сибирском регионе выравнивание числа родившихся и умерших у депортированных началось с 1947 г. Заметный перевес родившихся над умершими отмечался с 1948 г. (за исключением депортированных из Прибалтики). Это было связано с воссоединением семей, некоторым улучшением жилищно-бытовых условий, питания, медицинского обслуживания. Легче стали и условия труда.

В разные годы показатели рождаемости и смертности у отдельных народов и групп населения различаются. Имеется большое количество архивных источников с указанием пола, возраста, национальности депортированных, что позволяет провести глубокий и детальный анализ причинно-следственных связей и изменений в демографической структуре различных депортированных народов.

VI. Взаимоотношения депортированных народов с местным населением и между собой

По этому вопросу существуют весьма противоречивые высказывания. Так, В.С.Парсаданова пишет, что 98% живших на спецпоселении поляков заявляло о добром и сердечном отношении к ним советских людей, о помощи и поддержке с их стороны. Несколько подобных высказываний приводится и в книгах Н.Ф.Бугая.

На самом деле здесь все много сложнее. С одной стороны, многие местные жители брали или вынуждены были брать на подселение депортированных и несмотря на то, что испытывали при этом дополнительные трудности, все же делились последним куском хлеба. С другой стороны, документы говорят и о недоброжелательном и даже враждебном отношении к депортированным со стороны значительной части местных жителей Сибири и руководителей разного уровня. Порой в совхозах и колхозах депортированным отдавалось худшее и в последнюю очередь. Они считались врагами и должны были сами устраиваться, как смогут. Особенно враждебным было отношение к спецпереселенцам, принадлежавшим к национальностям воюющих против СССР стран. Те жители, которые относились к депортированным с сочувствием, сразу попадали под особый контроль НКВД как «антисоветские» элементы.

Спецпереселенцы обычно держались замкнуто и не общались с местным населением. Поляки общались с поляками, литовцы с литовцами, калмыки с калмыками и т. д. Контакты с местными жителями были редки и вызывались производственной необходи-

мостью. До депортации у народов был разный образ жизни, различные ценности, они представляли разные религии. Многие депортированные поляки, евреи, немцы, литовцы, эстонцы, латыши считали местное население малообразованным, малокультурным и не желали вступать с ними в контакт. Некоторые считали русских виновными в депортациях.

Изолированно и замкнуто держались и разные депортированные народы между собой. В целом взаимоотношения между ними характеризовались солидарностью и взаимной поддержкой. Однако много было и проявлений национальной и религиозной нетерпимости. Часто упоминаются конфликты украинцев с поляками. Имели место среди депортированных антисемитские настроения.

На спецпоселении депортированным народам официально не было запрещено говорить на родном языке. Но местное население, и в особенности чиновники, относилось с подозрением и недоброжелательно к тем, кто говорил не на русском языке. Поляки, литовцы, латыши, эстонцы игнорировали это и преимущественно разговаривали на своем языке. Во время подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в 1945 г. было разрешено проводить пропагандистскую работу среди калмыков на калмыцком языке, так как они совершенно не знали русского. Немцы же говорили на родном языке только дома. В присутствии посторонних они не решались говорить по-немецки. Это был язык «проклятых фашистов». Известны случаи, когда за разговор на родном языке немцы подвергались наказаниям, избиениям и унижениям. Следствием этого стало стремление многих немцев скрыть свою национальность, сменить фамилию, записать своих детей русскими.

В 1950-е гг. отношение к депортированным стало постепенно улучшаться. Но к ним все-таки по-прежнему относились как к людям второго сорта.

Перепись 1959 г. свидетельствует о разном уровне сохранения родного языка. 90% калмыков назвали родным языком калмыцкий[50]. У немцев же этот показатель снизился до 75%. Анализ архивных источников, данных переписей населения позволяет выявить особенности и закономерности сохранения родного языка и другими народами.

VII. Власть и депортированные. Оценка депортированными своего положения

О том, как обличенные властью руководители партии и государства относились к депортированным, видно из постановлений, которые приведены в начале статьи. Совершенно по-другому оценивали депортацию сами пострадавшие. Для части спецпереселен-

цев, живших в Сибири, характерно ощущение полной безысходности. Например, спецпереселенец из Прибалтики Дпан заявил работникам НКВД: «Зачем нас здесь терзают и держат в холоде, здесь умрем, чем помирать с холоду, так лучше надену петлю на шею или вы расстреляйте»[51].

В докладных записках НКВД приведены многочисленные примеры непокорности высланных поляков, их уверенности в восстановлении независимого польского государства. Поляки выражали свой протест и в открытой форме. Они часто не подчинялись властям, устраивали восстания. В Новосибирской и Омской областях в 1940 и 1941 гг. выступления польских спецпереселенцев против произвола советских властей были подавлены с помощью вооруженной милиции[52].

Депортированные немцы и калмыки в большинстве своем молча терпели, смирившись со своей судьбой. В отличие от других депортированных народов, немцы не проявляли большой активности в попытках добиться освобождения от спецпоселения. С начала 1950-х гг. активизировалась их переписка с родственниками из Германии.

Часть депортированных продолжала наивно верить в Сталина, считая, что он ничего не знает, писали ему письма с просьбой вернуть в прежние места проживания. Типичными были письма, в которых говорилось, что нельзя переносить вину отдельных лиц, сотрудничавших с врагами, на целые народы.

Выселенные из Прибалтики считались наименее благонадежными в политическом отношении. По данным спецорганов, в их среде активно велись разговоры, что в случае англо-американской агрессии против СССР нужно уйти в тайгу и вести партизанскую войну против СССР. У них было наибольшее число подпольных антисоветских организаций, одна из них была раскрыта в Томской области[53]. В послевоенный период активной была переписка переселенцев из Прибалтики с жителями США.

На основе многочисленных секретных сообщений спецорганов сибирского региона можно говорить о следующих тенденциях. Абсолютное большинство депортированных считало свое выселение незаконным и ошибочным. Поляки, латыши, эстонцы, литовцы в массе своей верили в восстановление своих независимых государств на буржуазной основе и мечтали вернуться на родину. Калмыки и немцы также считали свое пребывание в сибирском регионе временным. Они надеялись на восстановление автономий и возвращение в родные места. Часть депортированных связывала свое освобождение с надеждой на крушение коммунистического режима в СССР в результате поражения в войне против Германии. В послевоенный период некоторые депортированные питали

надежды, что США и Великобритания начнут войну против СССР и это принесет им освобождение. Особенно популярны были эти настроения среди поляков и прибалтийских народов.

VIII. Частичная реабилитация депортированных народов

К началу 1950-х гг., и особенно после смерти Сталина, становилась все более очевидной абсурдность сохранения режима спецпоселения для миллионов депортированных как по политическим, так и экономическим причинам. Многие руководящие работники НКВД (МВД) направляли в Москву рапорты, в которых обосновывали целесообразность отмены режима спецпоселений и спецкомендатур в отношении депортированных народов. Сами депортированные разных национальностей все чаще обращались с просьбами во властные структуры освободить их и снять с режима спецпоселений. Если в 1953 г. таких обращений было зарегистрировано 70 717, то в 1954 г. число обращений увеличилось почти вдвое, достигнув 130 582[54]. В большинстве заявлений звучали просьбы о пересмотре правового положения депортированных. С 1954 г. началось поэтапное освобождение отдельных групп депортированных со спецпоселения. Такое развитие событий насторожило руководителей краев и областей сибирского региона. В своих записках в ЦК КПСС они отмечали, что депортированные стали в регионе важным экономическим фактором и их массовый отъезд может привести к тяжелым последствиям для обеспечения жизнедеятельности региона. По мере того как становилось ясно, что по депортированным народам будут приняты кардинальные решения, руководители регионов изменили тактику. Они перестали возражать против освобождения депортированных народов с режима спецпоселения. В то же время предлагали сделать все возможное, чтобы оставить освобожденных в сибирском регионе. В данном случае на первый план выдвигались не политические, а чисто меркантильные экономические интересы.

Первым депортированным народом, освобожденным со спецпоселения, были российские немцы. Важное значение в этом вопросе сыграл визит канцлера ФРГ К.Аденауэра в Москву в сентябре 1955 г.[55] Массовый характер освобождение немцев приобрело с конца 1955 г., после издания Президиумом Верховного Совета СССР Указа от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»[56]. Однако такое «освобождение» носило половинчатый характер. Немцам было запрещено возвращаться в места довоенного проживания, не была предусмотрена и компенсация утерянного ими или конфискованного имущества.

17 марта 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении»[57]. Калмыкам также было запрещено возвращаться в места, где они проживали до выселения и не предусматривалась компенсация за конфискованное имущество. Однако калмыки в массовом порядке бежали с мест поселения и возвращались на родину.

В январе 1957 г. в Сибири все еще находились на спецпоселении под надзором спецкомендатур 9005 граждан Польши (евреи и поляки)[58]. После неоднократных просьб польского правительства они были освобождены и получили возможность вернуться на родину.

Различные категории депортированных литовцев, латышей, эстонцев освобождались со спецпоселения поэтапно. Большинство из них вернулись на родину по инициативе правительств Литвы, Латвии и Эстонии. Однако многим из них были предписаны места проживания, которые, как правило, не совпадали с додепортационными. Им также не компенсировалось имущество и собственность, утерянные или конфискованные в период депортаций. В январе 1954 г. на спецпоселении преимущественно в Сибири находилось 172 516 человек из Прибалтики. В январе 1959 г. их осталось 7297, из них 5784 – в Сибири[59]. Отдельные категории спецпоселенцев из Прибалтики (бывшие руководители буржуазных правительств, политических партий и антисоветских организаций, а также руководители и активные члены националистического подполья и вооруженных националистических банд) были освобождены со спецпоселения и получили гражданские права только в 1965 г.

В 1957 г. целая группа депортированных народов вновь получила свою автономию. Возможно, что одной из причин стало массовое бегство калмыков и кавказских народов из мест депортации на родину. 24 ноября 1956 г. ЦК КПСС принял Постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов»[60]. В соответствии с постановлением ЦК КПСС Президиум Верховного Совета СССР восстановил в январе 1957 г. Чеченскую и Ингушскую АССР, преобразовал Кабардинскую АССР в Кабардино-Балкарскую АССР, Черкесскую автономную область в Карачаево-Черкесскую автономную область, была восстановлена и Калмыцкая автономная область[61]. В июле 1958 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую АССР со статусом, который она имела до упразднения и депортации калмыков[62]. В конце 1959 г. 72 700 калмыков вновь жили на своей родине. А. Некрич пишет по этому поводу, что многие русские, занимавшие дома калмыков, спешно покинули Калмыкию[63].

29 августа 1964 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"»[64]. Этот документ отменил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. в части, содержавшей огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживавшего в районах Поволжья. Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории ряда республик, краев и областей, а районы его прежнего места жительства заселены, советам министров союзных республик предлагалось и впредь оказывать помощь и содействие немецкому населению в хозяйственном и культурном строительстве с учетом его национальных особенностей и интересов. Немцам попрежнему нельзя было возвращаться в места, где они проживали до депортации. В 1965 г. делегации немцев добились приема в ЦК КПСС и Верховном Совете СССР, где выдвинули требования полной реабилитации российских немцев и восстановления АССР немцев Поволжья, однако получили отказ.

Таким образом, государственность депортированных народов, за исключением крымских татар и российских немцев, была восстановлена. Г. Симон отмечает в своей монографии, что кавказские народы сполна использовали благоприятный момент, несмотря на первоначальные запреты советских властей, добились восстановления своих прав и государственности и вернулись на родину. Немцы же и крымские татары, которые ждали официального разрешения властей, упустили свой шанс и безуспешно борются до сегодняшнего дня за право вернуться в родные места и восстановить национальные территории[65]. Однако эта проблема нуждается еще в более глубоком и всестороннем изучении. Особенно в части обоснования причин, почему одним народам было дано право на восстановление автономии, а другим нет.

* * *

Люди, пережившие депортации, спецпоселения и принудительную работу, в большинстве своем стали физическими и душевными инвалидами. Они окончательно потеряли веру в добро и справедливость, законность и право. Если до депортации народы проживали компактно, то после переселения они оказались разбросанными небольшими группами на огромных сибирских просторах. Существование в чуждом цивилизационном, этническом и конфессиональном окружении оказало серьезное негативное влияние на образ жизни депортированных, их образовательный и культурный уровень, привело к утрате родного языка значительной частью депортированных, поставило под сомнение сам факт сохранения отдельных этносов.

Примечания:

[1] Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 5, 6.

[2] И.Сталин – Л.Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф.Бугай. М., 1992. С.253, 254.

[3] Conquest R. The Soviet Deportation of Nationalities. London, 1960; Conquest R.W. The Nation Killers-Soviet Deportation of Nationalities. London, 1970.

[4] Hoffman J. Deutsche und Kalmyken 1942–1945. Freiburg, 1974.

[5] Gross J. Und wehe, du hoffst... : Die Sowjetisierung Ostpolens nach dem Hitler-Stalin-Pakt 1939–1941. Freiburg im Breisgau, 1988; Grudzinska-Gross I., Gross J.T. W czterdziestym nas Matko na Sibir zeslali... Warszawa: Respublika i Libra, 1990.

[6] Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956 / Hrsg. v. A.Eisfeld, V.Herdt. Köln, 1995.

[7] Герман А.А. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика, 1924–1941. Саратов, 1994.

[8] Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. В 2 ч. Ч. 2. Топчиха, 1995.

[9] Гурьянов А.Э. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.

[10] Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х–50-е-годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Полян П.М. География принудительных миграций в СССР : Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1998.

[11] Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. М., 1982; Она же. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26–44.

[12] Евтух В., Чирко В. Німці в Україні (1920-і–1990-і-Роki). Київ, 1994. С. 47.

[13] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 12. Д. 209. Л. 30–34.

[14] Из истории немцев Казахстана (1921–1975). Алматы; Москва, 1997. С. 85.

[15] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 34, 39, 122, 123.

[16] Там же. Л. 4, 122, 123.

[17] Центр хранения современной документации Алтайского края (ЦХСД АК). Ф. 1с. Оп. 1с. Д. 8. Л. 65.

[18] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 15.

[19] Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4775. Л. 16, 17.

[20] См.: Бугай Н.Ф. 40-е годы: «автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 173; Герман А.А. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941. С. 283; Он же. Депортация немецкого населения из Саратова, Саратовской и Сталинградской областей // Миграционные процессы среди российских немцев. М., 1998. С. 277–283.

[21] Большевик. 1941. 30 авг.

[22] См.: Бугай Н.Ф. «Их надо депортировать...». С. 37; Герман А.А. Депортация немецкого населения из Саратова, Саратовской и Сталинградской областей. С. 277–283.

[23] См.: Бугай Н.Ф. «Их надо депортировать...». С. 75.

[24] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2466. Л. 107.

[25] Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 8–11.

[26] Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 436. Л. 2.

[27] Там же. Ф. 9479. Оп. 2. Д. 235. Л. 27–35.

[28] Там же. Оп. 1. Д. 612. Л. 22, 65, 66.

[29] Там же. Д. 641. Л. 22–68.

[30] Там же. Л. 38–40.

[31] Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 99. Л. 198.
[32] Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 208.
[33] Информационный центр Управления внутренних дел Новосибирской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
[34] Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11 (без номера листа).
[35] Там же. Д. 12 (без номера листа).
[36] Ауман В.А., Чеботарева В.Г. История российских немцев в документах (1763–1992). М., 1993. С. 175.
[37] Там же. С. 176.
[38] ГАРФ. Ф. 3217. Оп. 1. Д. 14. Л. 29–33.
[39] Государственный архив Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 33. Д. 1570. Л. 33; Д. 1578. Л. 155–158; Государственный архив Кемеровской области. Ф. 75. Оп. 8. Д. 33. Л. 65–68.
[40] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 212.
[41] Там же. Д. 73. Л. 7–15.
[42] Информационный центр Управления внутренних дел Алтайского края. Арх. № 287. Д. 1. Л. 18.
[43] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 19. Оп. 4. Д. 216. Л. 36, 37.
[44] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 210.
[45] Там же. Д. 73. Л. 7–15.
[46] Бугай Н.Ф. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И.Сталин». М., 1998.
[47] См.: Бугай Н.Ф. «Их надо депортировать...». С. 265.
[48] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 34, 39; Д. 62. Л.67.
[49] Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отеч. архивы. 1993. № 1. С. 7.
[50] Conguest R. The Soviet Deportation of Nationalities. London, 1960. P. 193.
[51] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 214.
[52] Там же. Д. 57. Л. 64; Д. 87. Л. 150–154.
[53] Там же. Д. 725. Л. 72.
[54] Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991. С. 79.
[55] Meissner B. Die Deutschen in der sowjetischen Nationalitätenpolitik und ihre Stellung in den deutsch-sowjetischen Beziehungen // Meissner B., Neubauer H., Eisfeld A. Die Rußlanddeutschen : Gestern und Heute. Köln, 1992. S. 11–37; Айсфельд А. Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях // Отеч. история. 1996. № 3. С. 115–128.
[56] См.: Ауман В.А., Чеботарева В.Г. История российских немцев в документах. С. 177.
[57] См.: Бугай Н.Ф. «Их надо депортировать...». С. 270.
[58] См.: Бугай Н.Ф. «Согласно вашему указанию...». С. 269.
[59] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 976. Л. 192.
[60] ГААК. Ф. р. 834. Оп. 4. Д. 326. Л. 100.
[61] Правда. 1957. 12 февр.
[62] Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 17. Ст. 912.
[63] Nekrich A.M. Punisched peoples. New York, 1978. P. 136.
[64] См.: Ауман В.А., Чеботарева В.Г. История российских немцев в документах. С. 178, 179.
[65] Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Baden-Baden, 1986. S. 275.

Т. Чебыкина, Томск

Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.)

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» распространялся на немецкое население АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей, где на 1 июля 1941 г. проживало 479 855 немцев[1]. По каждому из других районов страны принимались соответствующие постановления Государственного Комитета Обороны (ГКО), Совнаркома. Всего же осенью 1941 г. планировалось расселить в Западной Сибири следующее количество немецкого населения: в Алтайском крае – 95 тыс. человек (27 200 семей), в Омской области – 85 тыс. человек (24 300 семей), в Новосибирской области – 100 тыс. человек (28 600 семей)[2].

Механизм осуществления переселения был разработан репрессивной системой еще в 1920–1930-е гг., когда шел процесс раскулачивания крестьянства. В проведении акции по депортации немцев были задействованы Переселенческое управление при СНК СССР, Наркомзем, Наркомсовхоз, финансовые органы, вооруженные силы, сотрудники милиции. Руководство акцией было возложено на НКВД. При осуществлении депортации государственные органы действовали жестко: за уклонение или сопротивление – арест и переселение в принудительном порядке. Была разработана подробная инструкция по проведению депортации, согласно которой выселяемым разрешалось брать с собой только личные вещи, мелкий хозяйственный инвентарь и продукты из расчета на 20 дней пути[3].

Депортация проводилась оперативными группами, состоящими из работников НКВД и милиции. На них было возложено составление списков немцев, прием остающегося имущества. В городах переселение проходило по районам, в сельских местностях выселялись целые немецкие колхозы. Квартиры городских жителей опечатывались, оставшееся имущество передавалось под ответственность домоуправляющих. В отношении немецких колхозов 30 августа 1941 г. СНК СССР была принята «Инструкция о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников», согласно которой на период переселения назначался уполномоченный Наркомзема СССР. Этот уполномоченный по оценочному акту принимал имущество депортируемых немцев. По этому акту указанная стоимость имущества должна была возмещаться в местах поселения[4].

К местам поселения депортируемых отправляли в эшелонах по железной дороге либо водным транспортом. В пути следования их сопровождали сотрудники НКВД, красноармейцы. В каждом вагоне, оборудованном для перевозки людей, планировалось разместить 40 человек. В пути следования немцы должны были получать бесплатно два раза в сутки горячую пищу и 500 граммов хлеба на человека[5]. ГКО учитывал, казалось бы, и количество вагонов, и питание, и медицинское обслуживание в пути следования. Но, несмотря на достаточно подробные инструкции, в реальной жизни выполнить их было трудно, а зачастую и невозможно, так как в глубь страны в условиях военного времени шла эвакуация миллионов людей, сотен заводов и предприятий.

С началом Великой Отечественной войны Сибирь стала важнейшим арсеналом фронта. В Алтайский край, в Омскую, Новосибирскую области были эвакуированы тысячи людей, сотни заводов и учреждений. Наиболее развитым в индустриальном плане регионом Западной Сибири являлась в то время Новосибирская область, поэтому именно сюда было отправлено большое количество эвакуированных предприятий. В состав области в то время входил Кузбасс с Кузнецким металлургическим комбинатом, угольными шахтами, предприятиями химии и цветной металлургии. В Новосибирске находились машиностроительные заводы и фабрики легкой промышленности. Томск и в те годы был крупным центром на востоке страны по подготовке кадров. Было развито сельское хозяйство.

Перед руководящими органами регионов встала нелегкая задача – в короткий срок разместить огромное число прибывающих людей. В соответствии с директивой из Москвы на местах началась подготовительная работа к приему переселенцев. Ответственность за своевременную подготовку к приему эшелонов с российскими немцами в пунктах разгрузки и за их расселение была возложена на местные органы НКВД.

В Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях были приняты практически идентичные постановления по приему, размещению и трудоустройству немцев. В постановлениях определялись районы расселения с указанием количества поселяемых, порядок перевозки и вид транспорта, финансирование всех мероприятий по размещению и хозяйственному устройству депортированных. Основная работа по подготовке к приему немецкого населения началась в сентябре 1941 г. Детально показать, как решалась эта задача, можно на примере Новосибирской области.

В соответствии с решением бюро Новосибирского обкома ВКП(б) от 6 сентября 1941 г. прибывающих намечалось рас-

селить по 45 районам области. Руководство в районах по размещению переселенцев возлагалось на «оперативные тройки» в составе: председателя районного исполкома, одного из секретарей районного комитета ВКП(б) и начальника районного отдела НКВД[6].

Был разработан подробный план размещения немцев по районам области. В каждый из указанных районов надлежало расселить от 1 до 4 тыс. человек. Из Новосибирска до мест назначения прибывшие доставлялись гужевым транспортом, на машинах или водным путем – на пароходах, паромах.

На руководство районов возлагалась задача обеспечить прибывающих жильем, зерном, скотом, денежными средствами. Для расселения в первую очередь отбирались сибирские колхозы, в которых имелись большие площади свободной земли, свободные дома и ощущался недостаток рабочей силы.

В целом, областными и районными органами власти была проведена определенная подготовительная работа для приема немцев. Однако далеко не все запланированные мероприятия были выполнены ко времени прибытия эшелонов с депортированными.

Основная масса российских немцев прибыла на территорию Западной Сибири в период с сентября 1941 г. по январь 1942 г.

Первые эшелоны пришли из Республики немцев Поволжья. Не все переселенцы были сразу доставлены на места расселения, часть из них была задержана на станциях разгрузки либо из-за отсутствия транспортных средств, либо из-за путаницы – в какой район следует отправлять данное количество людей.

Так, в Венгеровский район Новосибирской области должен был прибыть эшелон с российскими немцами. 14 сентября 1941 г. на станцию Чаны был отправлен транспорт, но, простояв четыре дня на станции, подводы вернулись без переселенцев, так как первый эшелон был отправлен в другое место. Второй эшелон прибыл только 20 сентября, но руководство Венгеровского района не смогло выделить достаточное количество транспорта. Отдаленность района от железной дороги на 180 км и дождливая погода не позволили быстро перевезти людей. В результате вывоз прибывших от станции Чаны продолжался с 20 по 28 сентября, а из Венгерово в отдельные колхозы – до 1 октября[7].

В районах расселения немцы поначалу воспринимались как эвакуированные, но позднее на места были даны указания: «...немцев-переселенцев к эвакуированному населению не причислять»[8]. Как и большинство депортированных, немцы были отнесены к категории спецпереселенцев.

В новых местах проживания практически все немцы расселялись в колхозах, совхозах, районных центрах независимо от того,

где они жили до депортации: в городах или в сельской местности. Большинство немецких колхозов по прибытии на места расселения пришлось расформировать, так как сибирские хозяйства были небольшие по размерам и не могли вместить вселяемые немецкие колхозы целиком. Прописка немцев в крупных городах запрещалась. Исключением был Томск, где все же была размещена незначительная часть переселенцев.

Не все немцы сразу смогли получить жилье. Свободных домов для заселения не хватало, поэтому семьи расселялись и в бараках, и в землянках, подселялись в дома местных жителей.

Из отчетов районных властей видно, как сложно было разместить такое количество людей, но эшелоны с депортированными все прибывали. Так, руководство Новосибирской области сочло необходимым обратиться к Берия с просьбой направить дополнительное количество немцев, мотивируя просьбу тем, что область испытывает потребность в рабочих руках[9]. Просьба новосибирцев была удовлетворена за счет немцев, проживающих в Воронежской области. Согласно постановлению ГКО за № 763сс все немецкое население Воронежской области в количестве 5125 человек переселялось в Новосибирскую область. Переселение проходило с 15 по 22 октября 1941 г.[10]

Кроме того, в Западную Сибирь были направлены немцы и из других районов страны. В октябре 1941 г. решением наркома внутренних дел СССР в Омскую область надлежало переселить немцев из Горьковской области в количестве 2544 человека. В Алтайский край в Барнаул также в октябре направлялись эшелоны из Одесской области – 6000 человек, Днепропетровской – 3200, Куйбышевской – 550 человек[11]. В ноябре 1941 г. в Новосибирскую область прибыли эшелоны с переселенцами из Ростовской области – 1964 человека, из Красноярского края – 7486 человек, из Запорожья – 8357 немцев, пришли также эшелоны с Кавказа и из Баку[12]. Всего же, по состоянию на 20 ноября 1941 г., прибыло и было размещено по 45 районам области 120 тыс. спецпереселенцев из числа российских немцев. Не были расселены немцы в 1941 г. в 17 районах Кузбасса, а также в районах Горной Шории и некоторых других, куда транспортировка в это время года была затруднена (Тегульдетский, Пышкино-Троицкий районы, Нарымский округ и др.)[13].

Наиболее полные данные о количестве прибывших в Западную Сибирь немцев содержатся в отчетах переселенческих отделов при областных исполнительных комитетах.

Так, в Новосибирскую область в 1941 г. прибыло 124 712 немцев (28 064 семьи). Из них около 45% составляли дети, 27% – женщины, 22% – мужчины и 5,8% – старики[14].

Основную массу прибывших составляли немцы из бывшей АССР немцев Поволжья, в числе которых преобладало население сельской местности. Из Ростовской области, Красноярского края, Кавказа прибыли преимущественно городские жители[15].

Во время переселения немцы, как правило, сохраняли членство в ВКП(б) и комсомоле.

Описывая процесс депортации, нельзя не сказать об отношении самих немцев к факту переселения. Настроение депортированных в Сибирь было неоднозначным. Многие наивно верили, что после войны смогут вернуться на прежнее место жительства, что переселение – не больше, чем эвакуация. Поэтому зачастую не желали обзаводиться хозяйством в Сибири. Конечно, немцы выражали недовольство бытовой неустроенностью, но это все же не было определяющим в настроениях депортированных. Определяющим было то, что тяжелое материальное положение усугублялось дискриминационным ограничением в правах, моральным угнетением. Власти ничего не предпринимали для того, чтобы объяснить, что советские немцы не несут ответственности за действия гитлеровцев. Это усиливало неприязнь к переселенцам части коренных жителей.

8 октября 1941 года, на заседании новосибирского обкома утверждалось, что «...работа по расселению закончена и главной задачей является трудовое и хозяйственное устройство немцев»[16].

Согласно решению бюро обкома ВКП(б) и облисполкома, немцы включались в работу в колхозах на общих основаниях с коренными колхозниками. Был определен и порядок расчета с переселенцами. Устанавливались нормы выдачи зерна в размере не более трех центнеров на одного человека. Расчет производился после предъявления квитанций на сданный зернофураж пунктам «Заготзерно» на месте поселения. Определялась и сумма кредита на индивидуальное жилищное строительство в размере 3500 рублей на семью со сроком выплаты до 5 лет под 3% годовых. Также должны были выдавать и скот, в соответствии с квитанциями.

Однако в большинстве случаев имущество, оставленное немцами на местах выселения, так и не было возмещено. Зачастую для этого не было средств, в условиях войны изыскать свободные материальные ресурсы местное руководство могло с трудом. Ситуацию усложнял и тот факт, что районное руководство не решалось принимать самостоятельные решения, касающиеся размещения и трудоустройства немцев. По всем вопросам местные руководители обращались за разъяснениями в областные органы власти. Больше всего запросов из районов в облисполкомы и обкомы шло по поводу обеспечения переселенных немцев продуктами питания, зерном, скотом.

На местах своего проживания многие не успевали оформить сдачу хлеба обменными квитанциями «Заготзерно» и не могли получить зерно на месте поселения. Не оплачивались им и заработанные за первую половину 1941 г. трудодни. Во многих случаях произвести расчеты с переселенцами было невозможно из-за отсутствия документов о количестве выработанных трудодней отдельными хозяйствами. Особенно в затруднительном положении оказались те немцы, кто на прежнем месте жительства не работал непосредственно в сельском хозяйстве – рабочие и служащие городов, совхозов, МТС. В сибирских колхозах им зачастую не выдавали даже продовольствие, ссылаясь на то, что нет указаний о порядке расчетов с такими переселенцами.

Не удавалось трудоустроить всех прибывших по специальности. Легко получали работу те, кто и раньше был занят в сельском хозяйстве. В учреждениях и на производстве по специальности использовалась лишь незначительная часть прибывших, поскольку существовал запрет на поселение немцев-спецпереселенцев в крупных городах. В целом Западная Сибирь получила сотни специалистов различных специальностей, но найти себе применение они так и не смогли.

В годы войны промышленные предприятия тыла остро нуждались в рабочей силе. Для сокращения дефицита рабочих рук интенсивно использовался труд граждан различных национальностей, свезенных в Сибирь. Формирование рабочей силы из числа российских немцев проходило в несколько этапов. С сентября 1941 г. по январь 1942 г., в так называемые рабочие колонны мобилизовались немцы, отозванные из вооруженных сил в начале войны. Затем, с января по октябрь 1942 г. – массовый призыв немцев – мужчин от 17 до 50 лет. Большие масштабы мобилизация приняла с октября 1942 г., когда в рабочие колонны стали призываться не только мужчины, но и женщины[17].

Таким образом, в 1942 г. российским немцам пришлось пережить новую волну принудительных миграций, поскольку издание постановлений об образовании рабочих колонн означало повторное переселение – перемещение уже в том регионе, куда они были депортированы. Причиной повторных депортаций стала острая необходимость в рабочей силе.

В быту рабочие колонны получили название «трудармии». Трудармия представляла собой систему рабочих формирований (отрядов, колонн, бригад), сочетавших в себе элементы военной организации, лагерного режима содержания и производственной деятельности.

По состоянию на 16 ноября 1942 г. в Новосибирской области было мобилизовано в трудармию мужчин в возрасте 15–17 лет

и 50–55 лет – 4133, от 18 до 55 лет – 1906, а также женщин в возрасте от 16 до 45 лет – 11 074[18].

На территории современной Новосибирской области немцев направляли на строительство, на заводы и комбинаты местной промышленности. В пределах современной Томской области труд их использовался в основном на лесозаготовках и рыбных промыслах. В шахтах Кузбасса спецпереселенцы трудились на основных угольных работах под землей и на поверхности. В Алтайском крае немцы были заняты на стройках. Прежде всего, на строительстве Михайловского содокомбината и железных дорог Барнаул – Аламбай, по ней шел Кузбасский уголь на Алтай и в Среднюю Азию, и Кугулда – Малиновое озеро, где был расположен содовый комбинат. В Барнауле российские немцы строили и военные заводы.

В архиве УВД Томской области сохранился уникальный документ – личная карточка на мобилизованного в районную колонну российского немца. В ней, помимо обычных анкетных данных, содержались сведения о приметах трудармейца: росте, цвете волос, глаз, как если бы эта карточка составлялась на преступника. В документе содержалась информация о том, где работал человек.

Людей, призванных в трудармию, постоянно перебрасывали с одного места на другое, не дав возможности хоть как-то обустроиться[19]. Так, к примеру, известен случай, когда человек с 1941 по 1949 г. семь раз был переведен с одного места работы на другое, изменялось при этом и место проживания (это были разные области Западной Сибири)[20].

Условия жизни трудармейцев были крайне тяжелыми. На местах работы немцы помещались в «зоны», огороженные колючей проволокой, с вооруженной охраной. Нормы продовольственного и промтоварного снабжения устанавливались по нормам ГУЛАГа. Однако зачастую продовольствие не доставлялось вовремя, нередко люди не имели одежды, обуви. Остро ощущался недостаток жилья.

Вопрос о пребывании российских немцев в трудармии остается самым сложным для изучения. Работавшие в трудармии не относились к числу заключенных. Мобилизация шла через военкоматы, но немцы не причислялись к военнослужащим. Суровые климатические условия, непосильный труд вели к высокой смертности, но умерших не регистрировали, поэтому назвать точное число погибших трудармейцев не представляется возможным.

С 1946 г. трудармия ликвидируется, но депортированные немцы остаются на спецпоселении до 1955 г.

География мест спецпоселений постоянно расширялась. Второй этап депортации немцы пережили при переселении в Нарымский

округ Новосибирской области. 6 марта 1942 года облисполком принял постановление, согласно которому в Нарымский округ на рыбные промыслы направлялась тысяча человек из городов Кузбасса. Принцип отбора был следующий: переселению не подлежали те, кто был занят на подземных работах в угольных шахтах, а также комбайнеры, слесари, трактористы и их семьи. Отбирались спецпереселенцы из числа строителей, чернорабочих, служащих контор и других «недефицитных профессий». Исходя из этих требований, было решено в первую очередь переселить в Нарымский округ немцев-спецпереселенцев[21], а 28 апреля 1942 г. бюро Новосибирского обкома ВКП(б) постановило переселить туда и их семьи[22].

Данные решения были дополнены постановлениями бюро Новосибирского обкома ВКП(б) от 1 и 2 июля 1942 г., в соответствии с которыми из районов Новосибирской области надлежало переселить в течение 20 дней 10 тыс. немцев. Был утвержден и план расселения спецпереселенцев по семи районам округа (Александровскому, Кривошеинскому, Каргасокскому, Парабельскому, Колпашевскому, Молчановскому и Чаинскому) – до 15 тыс. человек[23]. Все расходы по размещению, устройству на местах поселения возлагались на Нарымский окружной комитет ВКП(б).

Содержание протокола заседания бюро Нарымского окружного комитета ВКП(б) от 14 июля 1942 г. свидетельствует о том, что механизм повторной депортации немцев был идентичен насильственному переселению в 1941 г. В районах округа для встречи переселенцев создавались «тройки» в составе представителей партийных, советских органов и начальников районных отделов НКВД. Местные власти обязаны были предоставить транспорт для перевозки немцев до пунктов назначения, трудоустроить, обеспечить жильем и т.д.[24]

При переселении в Нарым немцам пришлось вновь испытать все трудности, связанные с депортацией. Им разрешалось взять с собой только личное имущество и денежный расчет по заработанным в сибирских колхозах трудодням. Все спецпереселенцы в районах Нарымского округа закреплялись на постоянное место жительства.

К 15 сентября 1942 г. переселение немцев в Нарымский округ было завершено. Местные власти оказались не готовы к приему такого большого числа людей. Транспортировка немцев от пристаней разгрузки до мест поселения не была налажена, вследствие чего люди по несколько дней находились под открытым небом в ожидании транспорта. Остро ощущался недостаток жилья, так как к постройке «простейших» жилищ ни в одном из районов

округа не приступили. Снова немцы ничего не получили в качестве компенсации за оставленный в колхозах скот, хлеб.

Ситуация не изменилась к лучшему и в 1943–1944 гг. В Кривошеинском районе в 300 метрах от пос. Никольск на болоте в землянках было размещено 18 семей (83 человека). В одной из них на 16 кв. метрах ютилось четыре семьи (17 человек), в том числе 11 детей. Землянка не была просушена, на полу снег, лед. Все спецпереселенцы не имели зимней одежды и обуви[25]. В ужасающем положении оказались немцы и в других районах. Отсутствие нормальных условий жизни, критическое состояние с завозом в районы продовольствия, теплой одежды привели к заболеваниям и высокой смертности. В том же Кривошеинском районе в январе–феврале 1944 г. от истощения умерло 20 человек[26].

В округе сложилась парадоксальная ситуация: в связи с уменьшением плана рыбодобычи прошли массовые сокращения рабочей силы, главным образом за счет немцев-спецпереселенцев, в первую очередь инвалидов и тех, кто не имел одежды и обуви и не мог поэтому выходить на работу. Все уволенные были сняты со снабжения – как рабочие, так и члены их семей. Трудоустройство в другие колхозы и организации не улучшило положения, так как руководство организаций не имело продовольственных фондов для обеспечения спецпереселенцев. Однако несмотря на то, что остро стояла проблема с трудоустройством немцев, в 1944 г. руководство округа обратилось в Новосибирский обком с просьбой увеличить численность спецконтингента[27].

Таким образом, из многочисленных документов того времени видно, что местные органы власти стремились получить как можно больше рабочих рук и немцы воспринимались государственными структурами прежде всего как рабочая сила.

Форма протеста против тяжелых бытовых и производственных условий выражалась, в основном, в побегах из трудармии, с мест спецпоселений. Сбегали многодетные матери, оторванные от своих детей. Бежали немцы и на фронт. Попасть на фронт с немецкой фамилией было невозможно, поэтому трудармейцы зачастую выдавали себя за представителей других национальностей. Беглых возвращали, но не всех. По данным на 1 сентября 1944 г., в Отделе спецпоселений Томской области числилось немцев, бежавших с мест поселения – 174 человека, из которых на 1 марта 1945 г. осталось незадержанными 151 человек[28].

В январе 1943 г. была образована Кемеровская область, а в августе 1944 г. – Томская. Часть спецпереселенцев осталась на территории этих областей, где они переходили под контроль соответствующих отделов спецпоселений УНКВД.

Всего на конец 1945 г. в Томской области насчитывалось немцев-спецпоселенцев по одним данным 19 952 человека[29], по другим – 20 298 человек[30]. В Кемеровской области, по данным на 1 января 1949 г., на спецпоселении находилось 49 467 немцев. Больше всего спецпоселенцев из числа российских немцев осталось на территории Новосибирской области, где в конце 1945 г. их проживало 60 250 человек[31].

Итак, насильственное переселение, осуществлявшееся в годы Великой Отечественной войны, в корне изменило положение российских немцев. Национальная автономия была ликвидирована, на долгие десятилетия народ лишился всех гражданских прав. Депортация повлекла за собой формирование этнических меньшинств там, где они исторически не проживали, например, до 1941 г. не было немецких поселений на территории современных Кемеровской и Томской областей. Изменения в составе населения были настолько значительными, что в некоторых районах Томской области (Александровском, Васюганском) спецпоселенцы составляли свыше 50% населения, из которых большинство немцы. Так, в том же Александровском районе в 1945 г. числилось 6033 спецпоселенца, или 53,4% от всего населения, из них 2630 – немцы[32].

Трудно шел процесс адаптации депортированных в 1940-е гг. в Сибири. На прежних местах жительства у российских немцев существовали иные методы ведения хозяйства, свои экономические традиции. В результате насильственной миграции прежняя структура социальной, экономической, культурной организации мест компактного проживания немцев была разрушена.

Примечания:

[1] Депортация народов СССР (1930-е–1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.) / Сост. О. Милова. (Материалы к серии «Народы и культура»). М., 1995. С.17.

[2] Бугай Н.Ф. И.Сталин – Л.Берия: «Их надо депортировать...». М., 1992. С.60–61.

[3] Депортация народов СССР... С.79.

[4] Там же. С.94.

[5] Там же. С.93.

[6] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.П-4. Оп.33. Д.503«б». Л.144–145.

[7] Там же. Ф.1030. Оп.1. Д.513. Л.77.

[8] Там же. Д.157. Л.4.

[9] Там же. Ф.П-4. Оп.34. Д.123. Л.249.

[10] Бугай Н.Ф. И.Сталин – Л.Берия: «Их надо депортировать...». М., 1992. С.60–61.

[11] Там же. С.59.

[12] Депортация народов СССР... С.53–54.

[13] ГАНО. Ф.1030. Оп.1. Д.513. Л.89.

[14] Там же. Л.87.
[15] Там же. Л.89.
[16] Там же. Ф.П-4. Оп.33. Д.434. Л.1–2.
[17] Депортация народов СССР... С.172.
[18] ГАНО. Ф.1020. Оп.5. Д.39. Л.20.
[19] Архив УВД Томской области. Ф.20. Арх. № 7659. Личное дело № 593.
[20] Там же. Арх. № 22717. Личное дело № 324.
[21] ГАНО. Ф.1020. Оп.5а. Д.33. Л.157.
[22] Там же. Д.41. Л.28.
[23] Там же. Ф.1030. Оп.1. Д.210. Л.30–31.
[24] Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф.206. Оп.1. Д.382. Л.30–31.
[25] Там же. Д.829. Л.7.
[26] Там же. Д.841. Л.6.
[27] Там же. Д.795. Л.4.
[28] Архив УВД Томской области. Ф.20. Оп.5. Д. 68«а». Л.7.
[29] Там же. Л.12.
[30] ЦДНИ ТО. Ф.607. Оп.1. Д.948. Л.54.
[31] Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. В 2 ч. Ч.2. Топчиха, 1995. С.211.
[32] ЦДНИ ТО. Ф.607. Оп.1. Д.282. Л.13.

Г.Маламуд, *Челябинск*

Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг.

10 января 1942 г. Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление № 1123сс «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет». По этому постановлению все немцы-мужчины указанных возрастов должны были быть мобилизованы в рабочие колонны на все время войны и направлены на объекты НКВД и Наркомата путей сообщения. Среди объектов, относящихся к Уральскому региону, указывались строительство металлургических заводов и железнодорожных веток. Постановлениями ГКО № 1281сс от 14 февраля 1942 г. и № 2383сс от 7 октября 1942 г. предусматривались дополнительные мобилизации, в том числе мужчин в возрасте 15–16 и 51–55 лет, а также женщин в возрасте от 16 до 45 лет. Постановлением ГКО № 2409сс от 14 октября 1942 г. действие предыдущих постановлений было распространено на советских граждан, принадлежавших к национальностям других, воюющих с СССР государств, – румын, венгров, финнов, итальянцев. Все они были включены в состав «мобилизованных немцев». В феврале 1945 г. в эту категорию были также включены поляки, «мобилизованные при очистке тылов действующей Красной Армии»

на территории Польши и отошедших к Польше немецких территорий[1]. Мобилизованные по линии НКВД советские немцы содержались в отдельных лагподразделениях лагерей НКВД союзного подчинения и в специальных зонах при промышленных предприятиях.

На территории Свердловской области «мобилизованные немцы» содержались в шести лагерях. В Тагиллаге из них были сформированы спецотряды № 18-74 и 18-75, контингент которых дислоцировался на объектах Тагилстроя в Зайгоре и Кирпичном поселке на основной стройплощадке в Нижнем Тагиле, а также в районах поселков Танкодром, Каменка, Ясьва, Серебрянка, Винновка, Евстюниха, Ашка, Николо-Павловское и сельскохозяйственном лагпункте Аксариха Камышловского района. Кроме того, за пределами Свердловской области они использовались на объектах Тагилстроя в совхозе Тамакуль Курганской области, Соликамске Молотовской области и Туле[2]. Численность мобилизованных советских немцев в Тагиллаге на 1 апреля 1942 г. составила 3366 человек, на 31 декабря 1942 г. – 3717, на 1 мая 1943 г. – 3312, на 1 января 1944 г. – 4825, на 31 декабря 1944 г. – 4500[3].

В Ивдельлаге к апрелю 1942 г. было сформировано пять отрядов и три отдельные колонны. Первый отряд в составе четырех колонн дислоцировался в районе Марганцевого рудоуправления, второй отряд в составе двух колонн в поселках Першино и Палкино, третий отряд в составе трех колонн – у поселков Печерное, Шип и Талица, четвертый отряд в составе трех колонн – в районе поселков Вижай, Бурмантово и 70-го квартала, пятый отряд в составе двух колонн – у поселков Лаксия и Горностайка. Кроме того, три отдельные колонны дислоцировались в районе поселков Утешино, Северный и Ивдельского совхоза. К июлю 1942 г. количество отрядов увеличилось до семи. На 16 февраля 1942 г. численность «мобилизованных немцев» в Ивдельлаге составляла 11 344 человека, на 31 декабря 1944 г. – 3717, на 1 января 1944 г. – 5599, на 31 декабря 1944 г. – 5181[4]. В Богословлаге их численность на 16 января 1942 г. составила 6018 человек, на 31 декабря 1942 г. – 12 683, на 16 января 1944 г. – 8921, на 31 декабря 1944 г. – 8635. В Востураллаге: на 1 июля 1942 г. – 4447 человек, на 31 декабря 1942 г. – 5738, на 1 января 1944 г. – 5232, на 31 декабря 1944 г. – 4767. В Севураллаге: на 11 апреля 1942 г. – 9221 человек, на 31 декабря 1942 г. – 4262, на 1 января 1944 г. – 4008, на 31 декабря 1944 г. – 3354. В Тавдинлаге: на 1 марта 1942 г. – 1986 человек, на 31 декабря 1942 г. – 464, на 1 января 1944 г. – 448, на 31 декабря 1944 г. – 274[5]. На 1 января 1944 г. общая численность советских немцев в лагерях НКВД

на территории Свердловской области составляла 29 033 человека. Кроме того, на территории Свердловской области «мобилизованные немцы» размещались в зонах при промышленных предприятиях Алапаевска, Верхних Серег, Волчанска, Иса, Краснотуринска, Невьянска, Нижнего Тагила, Полуночного, Верхней и Нижней Салды, Свердловска, Серова (всего 11 042 человека на 1 января 1944 г.)[6].

На территории Молотовской области трудмобилизованные этой категории содержались в двух лагерях НКВД. В Соликамском лагере на 1 января 1942 г. их численность составила 10 102 человека, на 31 декабря 1942 г. – 9089, на 1 января 1944 г. – 6245, на 31 декабря 1944 г. – 4168. В Усольлаге на 1 апреля 1942 г. содержалось 4945 человек, на 31 декабря 1942 г. – 5967, на 1 января 1944 г. – 8896, на 31 декабря 1944 г. – 7930[7]. Общая численность советских немцев в лагерях Молотовской области на 1 января 1944 г. составила 19 032 человека. Наряду с этим в Молотовской области они дислоцировались в отдельных зонах в районах населенных пунктов Югокамск, Коспаш, Краснокамск, Кизел, Губаха, Кунгур, Соликамск, Чусовой, Павловск, Березники, Верещагино общей численностью 14 755 человек на 1 января 1944 г.[8]

На территории Челябинской области трудмобилизованные немцы содержались в Челяблаге (Бакаллаге) в составе 16 стройотрядов и пяти отдельных колонн. Они дислоцировались на основной стройплощадке у поселка Першино на окраине Челябинска (стройотряды №№ 1, 13, 15, 16), в Верхнем Уфалее (штрафной стройотряд № 13), на станции Сатка (отдельная колонна № 4) и Единовер (отдельная колонна № 1), у поселка Сулея в районе Кыштыма (отдельная колонна № 5), в Потанино (стройотряд № 4), Коркино (стройотряд № 12) и в районах населенных пунктов Багаряк, Каштак, Тургояк, Баландино, Нижнеувельский, Катав-Ивановск, Копейск. Они также работали на отдельных лагкомандировках Челяблага в районе г. Тавда Свердловской области (стройотряд № 11 и отдельная колонна № 2)[9]. Численность «мобилизованных немцев» в лагере Челябметаллургстроя на 1 марта 1942 г. составила 11 708 человек, на 31 декабря 1944 г. – 27 703, на 1 января 1944 г. – 20 648, на 31 декабря 1944 г. – 22 509, что является максимальным показателем численности этого контингента среди лагерей и строек НКВД[10]. Челябметаллургстрой НКВД выделялся тем, что «мобилизованные немцы» составляли там самый многочисленный контингент – 59,8% от общего количества занятой рабочей силы на 1 января 1944 г.[11] Советские немцы, мобилизованные в промышленность, содержались также на территории Челябинской области в отдельных зонах в Каслях, Челябинске, Копейске, Коркино,

Вахрушево, Еманжелинске, а также Полтавском районе общей численностью 13 932 человека на 1 января 1944 г.[12]

В Чкаловской области зоны «мобилизованных немцев» размещались в Орске, Бугуруслане, Соль-Илецке и с. Домбаровка Домбаровского района численностью контингента 4743 человека на 1 января 1944 г.[13]

На территории Башкирской АССР они дислоцировались в районах городов Ишимбай, Куганак, Стерлитамак, Туймазы, Уфа численностью 5543 человека на тот же период времени. В Удмуртской АССР зона содержания этого контингента численностью 630 человек на 1 января 1944 г. размещалась в Сарапуле[14]. Таким образом, наибольшее число «мобилизованных немцев» по Уральскому региону размещалось на территории Молотовской, Свердловской и Челябинской областей в лагерях НКВД союзного подчинения. Общая численность этого контингента на Урале на 1 января 1944 г. достигла 119 358 человек, что составляет 30% от численности по СССР[15] (см. табл. 1).

Таблица 1. **Численность «мобилизованных немцев» на территории Уральского региона по данным на 1 января 1944 г. (без Курганской обл.)***

Места содержания «мобилизованных немцев»	Республика, область						
	Башкирская	Удмуртская	Молотовская	Свердловская	Челябинская	Чкаловская	Урал
Лагеря и стройки НКВД	–	–	19 032	29 033	20 648	–	68 713
Зоны при пром. предприятиях	5543	630	14 755	11 042	13 932	630	50 645
Всего	**5543**	**630**	**33 787**	**40 075**	**34 580**	**630**	**119 358**

* ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1172. Л.2-16об; Д.1215. Л.3-26об; Д.1207. Л.1

В нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности Уральского региона «мобилизованные немцы» работали на предприятиях Башкирского нефтекомбината: тресты «Уфимнефтезаводстрой», «Туймазынефть», «Башнефтестрой», «Ишимбайнефть», «Башнефтегазстрой», «Башнефтеразведка», Управление «Баштехснабнефть», завод № 417, Уфимский нефтеперегонный завод; Молотовского нефтекомбината: тресты «Краснокамскуголь», «Молотовнефтестрой», завод № 422, Вышегородский нефтеперегонный завод, Павловский завод и стройучасток № 5 в Оханском районе Молотовской области, строительно-монтажная контора и стройконтора № 3, геологоразведочная контора, Кукетский совхоз; Куйбышевского нефтекомбината: тресты «Бугурус-

лаинефть» и «Азнефтегазстрой» в Чкаловской области; на машиностроительных заводах Наркомнефти: Верхне-Сергинском (Свердловская обл.), Павловском, Юго-Камском, Кунгурском (Молотовская обл.); Благовещенском и Ишимбаевском (Башкирская АССР), Сарапульском (Удмуртская АССР), а также на строительстве Верещагинского, Ишимбаевского газолинового и Орского заводов Наркомнефти, осуществляемом трестом «Главнефтестрой»[16]. По данным на январь 1943 г. на предприятиях Наркомнефти Уральского региона работало 22 388 «мобилизованных немцев» (см. табл. 2)[17], что составляло 73,6% от численности этого контингента, поступившего на предприятия нефтяной промышленности СССР (всего 30 403 человека).

Таблица 2. **Численность «мобилизованных немцев» на предприятиях Наркомнефти на Урале в январе 1943 г.***

Наименование предприятия	Численность
«Бугурусланнефть»	5628
«Башнефтекомбинат»	5000
«Молотовнефтекомбинат»	3850
«Главнефтестрой»:	
Орская контора	3500
Челябинская контора	500
Верещагинская контора	400
Сарапульская контора	510
Краснокамская контора	3000
Итого по Уралу	**22 388**

* ГАРФ. Ф.9479. Оп.1.Д.110. Л.191.

К маю 1944 г. численность этого контингента в нефтепромышленности Урала сократилась на 33,7% и составила 14 835 человек[18]. В целом численность «мобилизованных немцев» в топливной промышленности Урала в 1943 г. составила примерно 70% от общей численности рабочих этой отрасли в регионе[19].

На предприятиях Наркомата вооружения на Урале «мобилизованные немцы» использовались в качестве рабочей силы на заводах № 63, 68, 72, 76 (Свердловская обл.), № 257, 322 (Чкаловская обл.) и № 62, 78, 559, 613, а также в тресте № 24 (Челябинская обл.). Их численность на 1 июня 1944 г. достигла 2910 человек (см. табл. 3), что составляло 42,8% от численности этого контингента на предприятиях Наркомата вооружения СССР (всего 6796 человек).

Таблица 3. **Численность «мобилизованных немцев» на предприятиях Наркомвооружения на Урале в мае 1944 г.***

Завод, №	Численность
62	350
63	490
68	67
72	597
76	141
78	515
257 и 322	308
259	198
613	244
Итого по Уралу	**2910**
Всего по Наркомвооружения СССР	**6796**

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп.1. Д.1207. Л.63.

Рабочую силу из числа «мобилизованных немцев» использовал и Наркомат черной металлургии. В мае 1942 г. Ивдельлагом было передано этому наркомату 2035 человек. На предприятиях Полуночного рудоуправления к январю 1943 г. численность «мобилизованных немцев», переданных Ивдельлагом Наркомчермету, достигла 3600 человек. В соответствии с распоряжением ГКО № 4612с от 21 ноября 1943 г. Наркомчермет запросил рабочую силу в количестве 1500 человек из числа трудпоселенцев и «мобилизованных немцев» и такое же количество освобождаемых заключенных для отправки Белорецкому металлургическому комбинату (Башкирская АССР), трестам «Серовлесдревмет», «Свердлесдревмет», «Алапаевсклесдревмет» (Свердловская обл.), «Чусовлесдревмет» (Молотовская обл.)[20]. Кроме того, в Уральском регионе «мобилизованные немцы» работали на предприятиях наркоматов строительства, химической промышленности, электропромышленности, вооружений (13 468 человек в Молотовской обл.)[21]. Численность этого контингента на предприятиях других наркоматов (кроме НКВД) в Уральском регионе на 1 января 1944 г. равнялась 50 645 человек, что составило 42,8% от аналогичного показателя по СССР[22]. Всего же в этот период в народном хозяйстве Урала работало 115 467 трудмобилизованных советских немцев, что составило 28,9% от их общей численности по СССР.

В лагерях НКВД в течение 1942 г. режим содержания советских немцев не отличался от режима содержания заключенных.

Условия содержания контингента «мобилизованные немцы» на предприятиях Наркомугля, Наркомнефти и других регламентировались инструкциями по этим наркоматам, согласованными с НКВД. Выход на работу с территории зон разрешался в установленное время в строю под командой начальников колонн, хотя и без конвоя. В отличие от лагерей и строек НКВД при шахтах Наркомугля в исключительных случаях допускался выход «мобилизованных немцев» с территорий зон по увольнительным запискам. Зоны при шахтах должны были охраняться отрядами ВОХР и иметь ограждения по нормам ГУЛАГа. «Инструкция по использованию мобилизованных немцев на предприятиях наркомугля» допускала в отдельных случаях расселение «спецконтингента» в частных домах и квартирах[23].

Формально заключенным и «мобилизованным немцам» так же, как и спецпереселенцам начислялась заработная плата. Приказом по Бакалстрою НКВД № 101 от 28 февраля 1942 г. была введена единая тарифная сетка для вольнонаемных рабочих и «спецконтингента», предусматривающая семь разрядов в зависимости от квалификации и тарифные коэффициенты сдельной и повременной оплаты для строителей и металлистов. Однако уже 7 марта 1942 г. приказом по стройке для заключенных и трудмобилизованных был введен коэффициент 0,77 к расценкам по оплате труда вольнонаемных рабочих. Инструкция о порядке заполнения нарядов-заданий и расчете денежного довольствия заключенных предусматривала начисление им денежного довольствия только при выполнении норм на 100% и выше. Заработок трудмобилизованных состоял из премиального вознаграждения за выполнение норм на 100%, сдельной оплаты за выработку нормы и оплаты за переработку норм свыше 100%. Из общей суммы заработка удерживалась стоимость дополнительного питания, а оставшаяся сумма зачислялась на лицевой счет[24].

Инструкции НКВД предусматривали выдачу на руки заработной платы за вычетом удержаний за питание, коммунально-бытовые услуги, по обязательным платежам, сборам государственного займа, а также за износ обмундирования. Содержавшимся в штрафных изоляторах и лечебно-профилактических пунктах зарплата не выплачивалась, что не освобождало их от вышеперечисленных платежей в счет будущей зарплаты. Отдельным пунктом приказа НКВД № 321 от 6 июля 1942 г. по Бакалстрою оговаривалось, что выдача заработной платы производится только тем «мобилизованным немцам», кто не имеет особых замечаний по работе и дисциплине. Тем, кто не попадал под действие этой расплывчатой формулировки, зарплата нередко просто не выплачивалась без всяких формальных оснований[25]. Кроме того,

начисления на зарплату заключенных и трудмобилизованных по социальному страхованию расходовались на содержание аппарата лагерей[26].

Роль реального материального стимула труда «мобилизованных немцев» играла «котловка» – система дифференцированных норм питания в зависимости от процента выполнения производственных заданий. Сложившаяся в 1930-е гг. система «котловки» в течение 1942 г. три раза подвергалась изменениям[27]. Согласно дифференцированным нормам питания, введенным в ГУЛАГе с 3 декабря 1942 г., по норме № 1 получали довольствие трудмобилизованные, вырабатывающие на основных работах до 80% производственных норм, на вспомогательных работах – до 99%. Они получали 500 г хлеба на человека в день. По норме № 2 получали питание вырабатывающие на основных работах от 80 до 90% нормы, на вспомогательных от 99 до 125% (600 г хлеба на человека в день); по норме № 3 – вырабатывающие на основных работах от 100 до 125%, на вспомогательных от 125% и выше (700 г хлеба). Вырабатывающие на основных работах от 125% и выше получали 800 г хлеба. Не вырабатывающие по объективным причинам 50% нормы получали на основных работах 400 г хлеба, на вспомогательных – 300 г. Также получали 300 г хлеба трудмобилизованные, отказывающиеся от работы, симулянты и штрафники. По норме № 4 больничного питания освобожденные от работы по болезни получали 550 г хлеба. Аналогичным образом нормировались и другие продукты питания. В начальный период войны калорийность питания заключенных уменьшилась на 30% по сравнению с довоенным уровнем[28]. В течение 1943–1945 гг. в системе «котловки» в лагерях НКВД произошли новые усовершенствования. Согласно нормам питания, введенным в октябре 1945 г., вводилось шесть градаций норм выдачи пайкового хлеба от 450 до 950 г, соответствующие выполнению норм от 50% до 150% и выше[29].

«Котловка», особенно в условиях низких норм питания 1942–1943 гг., оставляла заключенным ГУЛАГа очень мало шансов на выживание. Минимальная гарантированная норма, как свидетельствуют узники Тагиллага, означала медленную смерть от дистрофии. В то же время лагерная мудрость гласила, что «убивает большая пайка, а не маленькая», поскольку выполнение норм на 150% влекло за собой потерю сил, не компенсируемую повышенным некалорийным пайком[30]. К тому же реально получаемое трудармейцами питание урезалось из-за злоупотреблений лагерного персонала. Так, проверками организации питания трудмобилизованных в стройотрядах Челябметаллургстроя весной и летом 1942 г. было установлено, что продукты, предназначенные для

котлового довольствия и поощрения контингента, отпускались начальникам отряда и колонны, начальнику отдела общего снабжения, политруку, оперуполномоченному, старшему бухгалтеру, экспедитору и др. Об аналогичных случаях свидетельствуют и бывшие узники Тагиллага[31]. Что касается самого рациона питания, то реально его структура сильно отличалась от типовых норм ГУЛАГа. Из-за отсутствия поступлений картофеля, жиров, овощей в первом квартале 1942 г. заключенным и трудармейцам Тагиллага в апреле было выдано 3% нормированного объема овощей и картофеля. Это компенсировалось трехкратным увеличением нормы ржаной муки. Такая ситуация сохранилась и в мае, что повлекло за собой заболевания пеллагрой и цингой[32].

Ухудшению физического состояния контингента способствовали антисанитария и отсутствие элементарных бытовых условий. Весной 1942 г. «мобилизованные немцы» в лагере Бакалстроя расселялись в землянках. Многочисленные проверки санитарного состояния бараков выявляли отсутствие вентиляции, деревянных полов и кипяченой воды, вшивость, сырость, большую скученность трудармейцев[33]. Из-за нехватки одежды и обуви частыми явлениями были обмораживания. Несмотря на это, особым приказом по Челябметаллургстрою его начальник Комаровский запретил разжигать костры на производстве, а также пускать в зону лагеря трудмобилизованных с дровяными отходами. После многочисленных случаев обморожения были запрещены работы на открытом воздухе при температуре –40°С и ниже[34].

В течение 1942 – первой половины 1943 г. разница в режиме и условиях содержания в лагерях ГУЛАГа заключенных и «мобилизованных немцев» практически не ощущалась. На Челябметаллургстрое трудмобилизованные, приговоренные за те или иные провинности к заключению в исправительно-трудовых лагерях, переводились в пределах общего заграждения из зоны, именуемой «стройотряд», в зону, именуемую «лагучасток». Там они уже назывались заключенными. При этом в их положении зачастую ничего не менялось, иногда даже улучшалось питание[35]. Режим содержания «мобилизованных немцев» на предприятиях Наркомугля, Наркомнефти и других «гражданских» наркоматов в реальности гораздо больше отличался от ГУЛАГовского, чем это видно из нормативных документов. В угольных трестах за режим содержания «спецконтингента» отвечали малочисленные опергруппы во главе с заместителями управляющих по режиму, назначаемые часто не из кадровых работников ГУЛАГа, а из чекистов запаса, пользовавшихся ограниченным влиянием на руководителей предприятий и местное партийное руководство[36]. Так, началь-

ник Коркинского отделения НКВД в заявлении на имя первого секретаря Челябинского обкома ВКП(б) писал, что «секретари горкома сами нарушают порядок использования немцев и режим их содержания, причем под страхом снятия с работы и исключения из партии заставляют не выполнять инструкции НКВД и Наркомугля». В качестве доказательства приводились примеры направления немцев из зоны треста «Коркинуголь» на сельхозработы и рыбную ловлю, а также такое «использование немцев не по прямому назначению», как работа в качестве маркшейдеров, плановиков, механиков, личных шоферов, художественных руководителей клубов и даже использование их в прокуратуре»[37]. В протоколах заседаний бюро Коркинского и Копейского горкомов ВКП(б) указывается, что зоны на шахтах не ограждены, охрана слабая, мобилизованные немцы ходят, когда хотят и куда хотят, на производстве работают без контроля, невыход на работу достигает 350 человек в сутки. В качестве наиболее злостного нарушения инструкций отмечаются случаи использования немцев на рабочих механизмах[38]. Архивные документы донесли до нас крик души «профессиональных интернационалистов» из бригады Челябинского обкома ВКП(б), проверявших трест «Коркинуголь»: «...немцы лезут буквально во все сферы общественно-культурной жизни. Немец Беккер Рудольф – руководитель духового оркестра клуба горняков. Другой немец – Гольб Владимир – художественный руководитель того же клуба». Авторы докладной записки по результатам проверки с возмущением описывают концерт, в котором после русской девушки, прочитавшей отрывок из поэмы «Зоя Космодемьянская» со словами: «Бей немца, бей всегда и везде потому, что это же немец», «выступает один из мобилизованных немцев и поет русскую патриотическую песню». Бригада проверяющих потребовала, чтобы партийная и комсомольская организации треста «немедленно изменили отношение к участию немцев в вечерах, культурном отдыхе нашей молодежи, к показу их джазов, драмкружков и т.д., а взяли бы упор на развитие нашей русской национальной культуры» (сохранена орфография подлинника. – *Г.М.*)[39].

Если халатное отношение руководителей предприятий угольной промышленности к режиму содержания «мобилизованных немцев» давало последним некоторую свободу, то такое же отношение к их бытовым условиям вызывало возмущение даже привыкших ко всему руководителей подразделений НКВД. В докладной на имя заместителя секретаря Челябинского обкома ВКП(б) сотрудники областного управления НКВД отмечали, что на предприятиях Челябинского угольного бассейна, в местах дислокации «мобилизованных немцев» нормы жилой площади не соблюдают-

ся, в бараках грязь, теснота и скученность, территории зон залиты помоями и нечистотами, уборные переполнены и не очищаются. Отмечалась также плохая организация медицинского обслуживания: имеющиеся стационары не обеспечены бельем, больные туберкулезом легких и трахомой размещаются вместе со здоровыми. Началась эпидемия тифа. Приводились также такие примеры антисанитарии, как отсутствие в зонах бань и дезинфекционных камер. В зоне шахт № 4–6 треста «Челябуголь» в течение двух лет трудмобилизованные спали на полу без смены постельного белья[40]. Аналогичная ситуация с жилищно-бытовыми условиями и режимом содержания «мобилизованных немцев» сложилась в Башкирии и Чкаловской области на предприятиях Наркомугля и Наркомнефти[41]. Следует отметить, что руководство НКВД и партийные органы усматривали прямую связь между отсутствием в зонах при шахтах элементарных санитарно-бытовых условий и нежелательными контактами «спецконтингента» с гражданским населением, так как при отсутствии надежного ограждения зон и охраны трудмобилизованные бродили по шахтерским поселкам и выменивали вещи на продукты[42].

Тяжелое материально-бытовое положение «спецконтингентов» было основной причиной частых побегов. За период с 5 мая по 27 октября 1942 г. на объектах Челябметаллургстроя НКВД зафиксировано 17 случаев одиночных и коллективных побегов «мобилизованных немцев», закончившихся задержанием беглецов. За 1944 г. с народнохозяйственных объектов Свердловской области бежало 524 представителя этого контингента.

В этот период режим содержания «мобилизованных немцев» начинает все более отличаться от режима содержания заключенных, в частности, на Челябметаллургстрое участились случаи бесконвойной работы за пределами ограждения. Дипломированных специалистов из трудмобилизованных стали переводить на прорабские и конторские должности с правом свободного передвижения по стройплощадке. Начиная с мая 1945 г. ликвидируется ограждение вокруг зон стройотрядов, отдельным трудармейцам в порядке поощрения разрешается жить за пределами общей зоны и вызывать семьи из спецссылки[43].

В обращении с трудмобилизованными подчеркивался их формальный статус свободных советских граждан, вместе со всем народом кующих победу над врагом. В пропагандистской работе среди этого контингента всячески использовалась «трудармейская» риторика, зародившаяся в трудармиях в начале 1920-х гг. и успешно применявшаяся на Беломорканале. К советским немцам, «мобилизованным» в лагеря ГУЛАГа, обращались: «Товарищи бойцы!», а побеги их из охраняемой зоны в официальных до-

кументах упорно именовались дезертирством. Политотделом Челябметаллургстроя в октябре 1942 г. в стройотрядах были прочитаны лекции на тему: «Текущий момент Великой Отечественной войны и наши задачи», «Революционная бдительность – закон военного времени», «Всестороннее соцсоревнование – лучший источник укрепления оборонной мощи СССР»[44]. Особый статус трудмобилизованных позволил политотделам строек НКВД использовать среди них такой метод морального стимулирования, как присуждение переходящего Красного знамени лучшим стройотрядам. В октябре–ноябре 1942 г. этой мерой поощрения были отмечены стройотряды Челябметаллургстроя, производительность труда в которых составила 160% и более. Лучшим колоннам и бригадам присуждались почетные эмблемы[45]. Широко использовалась опробованная в 1930-х гг. в ГУЛАГе и за его пределами фабрикация «маяков»: для бригады или для одного человека создавались особые условия, подкрепленные пропагандистским обеспечением в многотиражках и стенгазетах. Так, в июне 1942 г. на Челябметаллургстрое была организована пропагандистская кампания вокруг стахановца С.Г.Вернера, выполнившего норму на 1020%. Для поддержания почина было отобрано еще восемь трудмобилизованных. П.Д.Мезлер выполнил 980% нормы, Я.Ф.Весслер – 800%, Н.В. Николаев – 720%, А.Г.Бош – 660%, И.И.Кошпер – 660%, И.И. Ланг – 580%, Я.Г.Юстце – 501%, Ф.Р.Шмидт – 500%[46].

Несмотря на то, что рабочие из контингентов НКВД представляли собой более дешевую рабочую силу, чем вольнонаемные, производительность их труда была ниже, чем у неквалифицированных вольнонаемных рабочих, что подтверждается данными по Кизеловскому угольному бассейну (см. табл.4).

Таблица 4. **Производительность труда рабочих комбината «Кизелуголь» в 1944 г.***

Категория рабочих	Производительность труда		Сравнительный % выполнения нормы	% рабочих, не выполнивших норму
	абсолютная	в % к вольнонаемным со стажем свыше трех лет		
Вольнонаемные со стажем до трех лет	113	86	88,6	61,8
Мобилизованные немцы	110	83,7	86,5	66,3
Окруженцы	97	74	76,3	87,8

* РГАЭ. Ф.8225. Оп.1.Д.6620. Л.43.

Этот вывод подтверждает также сравнение показателей дневной выработки рабочих на основных стройках Урала, которое явно выходило не в пользу Тагилстроя и Челябметаллургстроя НКВД, использовавших в основном заключенных и «мобилизованных немцев». Если на стройках НКВД выработка на одного рабочего в день в 1942–1945 гг. составляла 27–45 руб., то на стройках других ведомств – 50–70 руб. (см. табл.5).

Таблица 5. **Дневная выработка рабочих на основных стройках Урала в 1941–1945 гг.***

Строительные организации	Дневная выработка рабочего, руб.				
	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Челябметаллургстрой НКВД	–	35,89	41,29	45,72	44,44
Тагилстрой НКВД	–	27,31	38,81	43,26	44,90
Магнитострой	54,62	46,50	59,66	67,78	69,93
Южтяжстрой (Златоуст)	38,78	58,00	62,16	70,00	–
Запорожстрой (Чебаркуль)	38,00	53,00	51,40	70,00	–
ОСМЧ-22 (Челябинск)	52,43	56,00	61,15	65,15	–
ОСМЧ-63 (Чусовской)	–	52,30	62,20	–	–

* Липатов Н.П. Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Очерки истории строительства. М., 1960. С.81.

Одной из отличительных черт «немецкой» трудармии было то, что попавшие за колючую проволоку коммунисты и комсомольцы не исключались из ВКП(б) или ВЛКСМ. Первоначально у них изымались партийные и комсомольские билеты, однако с июня 1942 г. эта практика была прекращена. Коммунисты и комсомольцы из числа «мобилизованных немцев» под конвоем ходили на комсомольские и партийные собрания. В октябре 1942 г. на Челябметаллургстрое были проведены собрания в стройотрядах и ВОХР с повесткой дня: «Задачи партийных и комсомольских организаций по борьбе с дезертирством трудмобилизованных». В зонах внутреннего оцепления стройотрядов использовалась «самоохрана» – коммунисты и комсомольцы из числа «мобилизованных немцев» помогали ВОХР охранять своих товарищей, правда, без оружия[47]. Перед ними также ставились задачи своевременно «сигнализировать о провокационных слухах «среди трудармейцев»[48].

Оценивая состояние партийно-политической работы среди «мобилизованных немцев», политотдел ГУЛАГа в циркулярном письме начальникам политотделов лагерей отметил, что создание первичных комсомольских организаций в отрядах и

колоннах себя оправдало, назвав в качестве положительных моментов их деятельности сбор средств на формирование танковых колонн и распространение среди «спецконтингента» облигаций военных займов. Однако при этом им не было предоставлено право приема в партию и комсомол новых членов[49]. Более того, партийное руководство лагерей проводило линию на сокращение численности «немецких» парторганизаций. На Челябметаллургстрое к апрелю 1943 г. было исключено из ВКП(б) 74 человека, из них 23 кандидата. Парткомиссией Ивдельлага с 6 февраля 1942 г. по 13 июля 1943 г. к партийной ответственности было привлечено 105 «мобилизованных немцев». На Базстрое НКВД за семь месяцев 1942 г. было исключено из партии 47 человек[50].

Обращает на себя внимание различие в оценках правового и политического статуса «мобилизованных немцев», даваемых в ходе пропагандистской работы среди самих немцев и среди вольнонаемных работников лагерей и предприятий. В первом случае у людей, «мобилизованных» в ГУЛАГ, всячески старались сформировать чувство причастности к трудовому подвигу народа, несмотря на реалии их фактического положения. Для этой цели использовались даже такие приемы, как поздравительные и благодарственные телеграммы от Верховного Главнокомандующего «мобилизованным немцам», адресованные в лагеря Главпромстроя НКВД[51]. Совсем другие акценты звучали в выступлениях руководства лагерей и партийных функционеров на закрытых от немцев-коммунистов партийных конференциях и собраниях. Приведем некоторые из них с сохранением стиля оригинала. Комаровский, начальник Челябметаллургстроя: «Юридически они являются полноправными, но не вполне... Надо понимать, с кем имеем дело. Этот контингент недаром зовется спецконтингентом». Воронков, начальник политотдела Челябметаллургстроя: «Раньше мы имели один контингент, теперь другой... в том числе есть чистокровные фрицы. Имеются сигналы саботажа со стороны узбеков. Это получается потому, что происходит взаимосвязь... между узбеками и мобилизованными немцами». Лобанов, начальник оперотдела Челябметаллургстроя: «Небезызвестно – немец является такой национальностью, которая связана по крови с немецким фашизмом... Этой национальности партия не доверяет вполне правильно. Как показал опыт работы с немцами, они проявляют свои националистические чувства как высшая раса, связь с немецким фашизмом, который из данного контингента черпает шпионские и диверсионные кадры до настоящего времени. Большинство немцев, проживающих в Советском Союзе, имеет родственные связи с Германией. Следовательно,

этот контингент является основным, на который опиралась гитлеровская Германия... За контрреволюционную деятельность, т.е. проведение профашистской работы в тылу исключено из партии 33 человека... Среди них руководящие работники, бывшие секретари райкомов Республики немцев Поволжья. Они стали прямыми организаторами повстанческих и диверсионных групп... Приведенные примеры показывают, что из себя представляет парторганизация трудмобилизованных. Поэтому к ним нужно быть бдительными. Хочу предупредить, чтобы члены партии своевременно пресекали связь с трудмобилизованными в корне, в зародыше». Антинемецкая тональность пропагандистской работы среди вольнонаемного состава не изменилась и после Победы. Выступая на V партийной конференции Ивдельлага, начальник оперативно-чекистского отдела Глазков заявил: «Немцы организовали работу по сохранению своих кадров. Некоторые коммунисты успокоились на том, что закончилась война, и немцы стали лояльными. Это неправильно. Большее количество их лояльными никогда не станет»[52].

Подобная «двойственность» идеологической работы не была случайной. Дело в том, что советские немцы являлись не только источником дешевой рабочей силы, но и идеальным объектом для создания культа врага, являвшегося неотъемлемым элементом идеологической системы тоталитарного общества. Для этой цели из общей массы населения вычленялась группа людей, имевшая предпосылки для того, чтобы стать общепризнанным врагом для широких слоев населения. На сконструированного таким образом врага возлагалась вина за трудности жизни, что позволяло направлять недовольство в нужную сторону и стимулировать трудовой энтузиазм масс как элемент «отпора врагу». Идеальным для этой функции являлся такой «внутренний враг», черты которого позволяли декларировать его единство с «врагом внешним»[53].

Этой цели – поиску и фабрикации внутреннего врага (он же агент врага внешнего) – была подчинена полностью работа оперативно-чекистских отделов лагерей ГУЛАГа и спецкомендатур, опиравшихся на разветвленную сеть осведомителей среди «спецконтингентов». На 1 июля 1944 г. численность агентурно-осведомительной сети среди «мобилизованных немцев» составила 6240 человек[54]. Вербовка осведомителей среди «мобилизованных немцев» была начата еще до мобилизации в местах их спецпоселения. Среди трудмобилизованных, прибывших к 3 января 1943 г. на нефтепромыслы Башкирской АССР, имелось 30 осведомителей, с 26 из которых была восстановлена связь. Кроме того, 26 человек было завербовано по прибытии. В Челя-

бинской области к 25 декабря 1942 г. из числа работающих на промышленных предприятиях немцев по Копейску было взято на оперативный учет 80 человек и создан агентурный аппарат из 102 осведомителей и шесть резидентов. По Коркино было взято на оперативный учет 46 немцев и создан агентурный аппарат из 170 человек и пять резидентов. По Челябинску на оперативном учете находилось 16 человек, а агентурной работой занимались 24 осведомителя[55].

Опираясь на осведомительскую сеть, оперативно-чекистские отделы развернули массовую фабрикацию политических дел, обвиняемыми в которых фигурировали люди, уже оказавшиеся в системе ГУЛАГа. В 1943 г. в тресте «Коркинуголь» арестованным 39 немцам было предъявлено обвинение в создании повстанческой диверсионной организации. Целью организации, согласно материалам следствия, было «...установление в СССР с помощью фашистской Германии такого государственного строя, который признавал бы частную собственность на землю». В качестве средств называлось создание повстанческих групп среди спецпереселенцев, «мобилизованных немцев» и антисоветских элементов в тресте «Коркинуголь» и лагерях Бакалстроя с целью организации восстания с последующим роспуском колхозов. Аналогичные «дела» разрабатывались по трестам «Челябинскуголь» и «Копейскуголь»[56].

На Челябметаллургстрое в 1942 г. были арестованы немцы, бывшие военнослужащие Красной Армии, Эман, Кайзер, Эльцесер и др. Им было предъявлено обвинение в подготовке вывода из строя важнейших объектов строительства. Там же в 1943 г. была вскрыта «повстанческая организация» под руководством бывших секретарей Красноярского райкома Республики немцев Поволжья Трацвейна и Роота. Было арестовано 32 человека, обвиняемых в подготовке вооруженного выступления и шпионаже. В Северо-Уральском лагере в 1944 г. была ликвидирована повстанческая организация «Железная гвардия», участники которой якобы подготавливали захват оружия и массовый побег из лагеря. Был осужден 31 человек. В Соликамском лагере в 1943 г. были арестованы «мобилизованные немцы», обвиненные в подготовке взрыва шахты на Соликамском калийном комбинате[57]. Кроме того, в соответствии с директивой НКВД и Прокуратуры СССР № 17/11-58 СС/186 от 2 мая 1942 г., дезертирство и отказ от работы «мобилизованных немцев» квалифицировались по политическим статьям 58 п.6 и 58 п.14 Уголовного Кодекса[58]. В 1942 г. на Челябметаллургстрое за «саботаж и дезертирство» 309 трудмобилизованных были приговорены к расстрелу, 230 – к различным срокам заключения[59].

В 1947–1948 гг. советские немцы были демобилизованы из рабочих колонн НКВД и переведены на спецпоселение.

Примечания:

[1] Турова Е.П. Приказано расстрелять // Веч. Челябинск. 19 нояб.; Она же. Можно ли зеков назвать энтузиастами // Голос. 1991. № 45; Она же. Трудовая армия на строительстве Челябинского металлургического завода, 1941–1945 // Отеч. архивы. 1992. № 2. С.72-83.

[2] Великая Отечественная война 1941–1945: События. Люди. Документы : Краткий ист. справочник. М., 1990. С.425; Бугай Н.Ф. И.Сталин – Л.Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992. С.7, 36–75.

[3] Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.944. Оп.1. Д.19. Л.49–50; Д.21. Л.51; Д. 28. Л.138–139; Бугай Н.Ф. И.Сталин – Л.Берия: «Их надо депортировать...». С.216.

[4] Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е – начало 1950-х гг. Ч.1. Нижний Тагил, 1996. С.80.

[5] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.9414. Оп.1. Д.1172. Л.9; Д.1215. Л.22.

[6] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.5248. Оп.1. Д.53. Л.75; ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1172. Л.7; Д.1215. Л.9.

[7] ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1172. Л.3–14; Д.1215. Л.3–21.

[8] Шефер Е.А. Немецкая трудармия в Свердловской области // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1995. С.100; ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.110. Л.187; Д.111. Л.57, 92; Ф.9414. Оп.1. Д.1207. Л.1; ЦДООСО. Ф.4. Оп.37. Д.105. Л.6.

[9] ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1172. Л.16; Д.1215. Л.5–23.

[10] Там же. Ф.9479. Оп.1. Д.110. Л.187, 191; Д.111. Л.57, 92, 150–152, 175; Ф.9414. Оп.1. Д.1207. Л.1.

[11] Государственный архив Челябинской области (ГАЧО). Ф.1619. Оп.1. Д.3. Л.52, 149; Д.6. Л.3–367; Д.7. Л.12, 35; Д.8. Л.13–233; Д.9. Л.172–187; Д.10. Л.84; Д.13. Л.26.

[12] ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1172, 1215.

[13] Маламуд Г.Я., Кириллов В.М. «Мобилизованные немцы» на строительстве предприятий черной металлургии Урала // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1995. С.48.

[14] Центр документации новейшей истории Челябинской области (ЦДНИЧО). Ф.288. Оп.8. Д.217. Л.2; ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1207. Л.1.

[15] ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.111. Л.239; Ф.9414. Оп.1. Д.1207. Л.1.

[16] Там же. Л.57; Ф.9414. Оп.1. Д.1207. Л.1.

[17] Там же. Ф.9414. Оп.1. Д.68. Л.24.

[18] Там же. Д.110. Л.187, 191; Д.111. Л.1–183; Ф. 9414. Оп.1. Д.1207, Л.4.

[19] Там же. Ф. 9414. Оп.1. Д.1207. Л.36.

[20] Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С.247.

[21] ГАРФ. Ф. 9414. Оп.1. Д.110. Л.189; Ф. 9479. Оп.1. Д.111. Л.92; ЦДООСО. Ф.4. Оп.37. Д.105. Л.6.

[22] ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.111. Л.152; ЦДНИЧО. Ф.288. Оп.8. Д.217. Л.2.

[23] ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1207. Л.1–2.

[24] Там же. Ф.9479. Оп.1. Д.112. Л.72–90.

[25] ГАЧО. Ф.1619. Оп.1. Д.3. Л.42–43, 180, 210.
[26] ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.169. Л.44–45; ГАЧО. Ф.1619. Оп.1. Д.8. Л.28–29, 135.
[27] ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.169. Л.45–46.
[28] Печальная пристань. Сыктывкар, 1991. С.9; ГАЧО. Ф.1075. Оп.1. Д.211. Л.183; Ф.1619. Оп.1. Д.3. Л.118; Д.10. Л.156–158; Д.7. Л. 209.
[29] Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е – начало 50-х гг. Ч.2. Нижний Тагил, 1996. С. 37; ГАЧО. Ф.1619. Оп.1. Д.30. Л.103–107.
[30] Кириллов В.М. История репрессий... Ч.2. С.37; Трус Л.С. Введение в лагерную экономику // Экономика и орг. пром. пр-ва. 1990. № 8. С.152.
[31] Кириллов В.М. История репрессий... Ч.2. С.37; ГАЧО. Ф.1619. Оп.1. Д.7. Л.201; Д.8. Л.181.
[32] Кириллов В.М. История репрессий... Ч.2. С.33–34; АОАНТ. Ф.229. Оп.1. Д.364. Л.23.
[33] ГАЧО. Ф.1619. Оп.1. Д.6. Л.48; Д.7. Л.52, 246; Д.9. Л.172; Д.10. Л.155.
[34] Там же. Д.10. Л.209; Д.11. Л.146.
[35] Казанцев А. Трудармия // Веч. Челябинск. 1989. 15 апр.; Вольтер Г.А. Зона полного покоя. М., 1991. С.48–49, 105.
[36] ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.111. Л.236.
[37] ЦДНИЧО. Ф.288. Оп.8. Д.303. Л.6–8.
[38] Там же. Ф.132. Оп.2. Д.15. Л.20–21; Ф. 970. Оп.1. Д.3. Л.22.
[39] Там же. Ф.288. Оп.8. Д.303. Л.10–11.
[40] Там же. Л.17; Ф.132. Оп.2. Д.15. Л. 20–21.
[41] ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.110. Л.190; Д.111. Л.183–184, 239–241.
[42] ЦДНИЧО. Ф.288. Оп.8. Д.217. Л.2.
[43] Китаев Е.А. На строительных высотах. Челябинск, 1991. С.35.
[44] ГАЧО. Ф.1619. Оп.1. Д.5. Л.7.
[45] Там же. Д.9. Л.176; Д.10. Л.33,181; Д.11. Л. 153.
[46] Трус Л.С. Введение в лагерную экономику // ЭКО. 1990. № 6. С.152; За Сталинский металл / Орган политотдела ЧМС. 1942. 21 июля.
[47] ЦДНИЧО. Ф.878. Оп.1. Д.15. Л.32, 35.
[48] ЦДООСО. Ф.5248. Оп.1. Д.82. Л.168–174.
[49] Там же. Л. 169; Ф. 5248. Оп.1. Д.78. Л.18; ЦДНИЧО. Ф.878. Оп. 1. Д.92. Л.64.
[50] Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С.23.
[51] ЦДНИЧО. Ф.878. Оп.1. Д.1. Л.60; Д.92. Л.64–65; Д.97. Л.53–54; ЦДООСО. Ф.5148. Оп.1. Д.78. Л.4.
[52] Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность : Кризис коммунизма. М., 1994. С. 259–260.
[53] Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С.144.
[54] ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.111. Л.184, 216–220.
[55] Там же. Ф.2479. Оп.1. Д.111. Л.221–235.
[56] Там же. Ф.9414. Оп.1. Д.68. Л.36–41.
[57] Там же. Ф.9479. Оп.1. Д.112. Л.66.
[58] ГАЧО. Ф.1619. Оп.1. Д.6. Л. 436; Д.7. Л.20–189; Д.8. Л.7–194; Д.9. Л.50–232; Д.10. Л.12–208; Д.11. Л.49–163.

В.Кириллов, *Нижний Тагил*

Советские немцы в Тагиллаге

Судьба многих советских немцев связана с Уралом и Нижним Тагилом. По переписи 1920 г. во всей Екатеринбургской губернии насчитывалось 865 немцев[1]. По данным переписи, в Свердловской области на 1 января 1949 г. состояло на учете 45 587 немцев-спецпоселенцев[2]. В 1970 г. только в Нижнем Тагиле их проживало 4832[3]. По своему происхождению тагильские немцы – трудармейцы, спецпереселенцы, их родственники и дети. Массовое появление немцев на Урале и в Нижнем Тагиле связано с политикой депортации в годы второй мировой войны.

Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 ноября 1941 г., не позднее декабря 1941 г. планировалось приступить к строительству Бакальского и Новотагильского металлургических заводов с горнорудным хозяйством и коксохимическими производствами. Эту работу было поручено выполнить НКВД СССР на подрядных началах с Наркомчерметом. Проблема обеспечения строительства рабочей силой была решена за счет организации специальных лагерей и использования труда мобилизованных и заключенных.

Немцев, депортированных из западных районов СССР в Сибирь и Казахстан, в мобилизационном порядке перевели в трудармию в Свердловскую область, где они содержались на лагерном режиме. Основанием для их привлечения к принудительному труду послужили постановления Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР от 10 января, 14 февраля и 7 октября 1942 г. В лагеря Спецпромстроя НКВД попала почти половина мобилизованных военкоматами немцев-трудармейцев. На Урале выделялись четыре крупных спецлагеря: в Челябинске (Челябметаллургстрой НКВД), Краснотурьинске (Базстрой НКВД), Нижнем Тагиле (Тагилстрой-Тагиллаг НКВД) и Ивдельлаг.

Мобилизованные немцы попадали в так называемые спецотряды – немецкие части, сформированные военкоматами на территории Алтая, Сибири и Казахстана в начале 1942 г. и позже. Эти спецотряды, имевшие порядковые номера, просуществовали до 1946 г. как самостоятельные лагерные единицы. Контингент спецотрядов содержался отдельно от заключенных других национальностей. Системы охраны и содержания почти ничем не отличались от других лагучастков.

Уже осенью 1941 г. из немцев – военнослужащих Красной Армии, отозванных с фронта на Урал, был сформирован строи-

тельный батальон для работы на Уралвагонзаводе. 10 ноября 1941 г. ГКО издал постановление о мобилизации немцев в строительные отряды и о создании 25 рабочих колонн для важнейших строек страны. 17 февраля 1942 г. «немецкий эшелон» остановился на грузовых путях станции Смычка, неподалеку от Нижнего Тагила. К 15 марта 1942 г. немцев насчитывалось 3607, к 1 августа – 3853[4]. В районе Нижнего Тагила зимой – весной 1942 г. создали три спецотряда из советских немцев: № 18-74 в самом городе, № 18-75 в Каменке, в двух десятках километров от города, и № 18-76 (местонахождение которого пока неизвестно). К осени 1942–весне 1943 г. спецотряд № 18-75 был на грани развала из-за почти поголовной гибели личного состава. Поэтому на некоторое время он был слит с отрядом № 18-74. В дальнейшем этот отряд использовался в так называемой Башкирской подкомандировке Тагиллага в Уфе, на заготовке сена и сельхозпродукции. На 15 мая 1943 г. в обоих отрядах насчитывалось всего 3312 человек.

Хотя первый эшелон советских немцев прибыл 17 февраля 1942 г., приказ начальника Тагиллага об образовании самостоятельного лагучастка на кирпичном заводе появился только 7 апреля 1942 г. Весной того же года из Свердловска и Каменск-Уральского в спецотряд № 18-74 прибыло большое число снятых с фронта советских немцев, служивших до этого в Красной Армии. Среди них были представители младшего, среднего и даже высшего командного состава, а также рядовые.

Лагерь, в котором находился отряд № 18-74, имел целый ряд лагучастков, что было связано с характером производства треста Тагилстрой. Немцы выполняли основную работу на подсобных предприятиях (кирпичном заводе, щебеночном и песчаном карьерах), на лесоповале в Каменке, Винновке, Серебрянке, на авторемонтном заводе, на заготовке фуража и сельхозпродуктов, ряде монтажных работ. Кроме общих работ, на которых было занято большинство советских немцев, многие из них трудились конструкторами, инженерами-монтажниками, руководителями строительных работ, работали в управлении Тагилстроя, в лабораториях. Последнее объясняется тем, что в Нижний Тагил попало много высококвалифицированных специалистов. Например, при кирпичном заводе и других участках были закреплены: О.Н.Бадер – археолог, кандидат исторических наук; П.Э.Рикерт – немец-антифашист, бежавший в 1934 г. от нацистов, химик-минералог, кандидат наук; Б.В.Раушенбах – кандидат математических наук, один из разработчиков ракетной техники, ныне доктор, профессор; А.Г.Стромберг – физик, кандидат наук; известные медики – хирург Т.А.Грасмик, рентгенолог Г.Я.Гейн-

рихсдорф, врачи В.Э.Рунг, В.А.Зоммер и др. Поэтому не случайно в эти годы в лагере возникла своеобразная «малая академия», где своими знаниями с другими делились выдающиеся ученые.

В декабре 1942 г. в Свердловской области насчитывалось около 169 тыс. заключенных, из них 34 тыс. советских немцев. В исправительно-трудовых лагерях и колониях Нижнетагильского региона число узников составляло около 131 тысяч человек, из них 29 тыс. – советских немцев. Тагиллаг являлся самым крупным лагерным образованием области и региона. В декабре 1942 г. в нем было сосредоточено 29% от численности заключенных и мобилизованных немцев по области[5].

За все время существования Тагиллага (1941–1953 гг.) через него прошло более 187 тыс. человек, из них около 15 тыс. советских немцев. Вторым по численности лагерем области был Богословлаг. Однако труд советских немцев в нем использовали более широко – картотека этого лагеря насчитывает более 21 тыс. учетных карточек трудармейцев[6]. Тысячи советских немцев погибли от истощения и непосильного труда. Работа была тяжелейшей, питание – скудным. Вот, например, свидетельство А.Бауэра: «В Тагиле я работал на песчаном карьере, в основном на Монзино, грузчиком. Грузили песок в вагоны для тагильского бетонного завода. За одни сутки мне приходилось грузить 36,5 кубометров, в каждом кубометре 1800 кг, всего почти 66 тонн. А на весь день давали 300 граммов хлеба и миску гороха»[7]. Такое количество хлеба в лагерях ГУЛАГа давали тем, кто отказывался работать. Немцы же трудились на совесть, и эти 300 граммов были для них равносильны голодной смерти.

В апреле 1946 г. трудармия была ликвидирована, немцев перевели на спецпоселение под административный надзор территориальных органов МВД. Трудовые книжки на них стали заводить только с 1947 г. До 1955 г. они жили без паспортов и должны были все время отмечаться в спецкомендатурах. Никаких наград за каторжный труд во имя победы им не полагалось. А ведь трудармейцы своими руками возвели многие объекты Новотагильского металлургического, Уральского вагоностроительного, Богословского алюминиевого заводов, причем строили на совесть.

В сентябре 1990 г. в Нижнем Тагиле был открыт первый в стране памятник советским немцам – жертвам Тагиллага. 16 февраля 1992 г. в городском Дворце культуры 612 ветеранам отряда № 18-74 вручили награды за доблестный труд в годы войны. Так сдвинулся с мертвой точки процесс реабилитации советских немцев. К середине 1997 г. было реабилитировано 3,6 тыс. немцев, высланных в 1940-е гг. на спецпоселение в Свердловскую область.

В судьбе немцев-тагильчан, как в капле воды, отражается судьба всего народа. Трагедия этого честного, трудолюбивого и мужественного народа – часть трагедии России.

Примечания:

[1] Архивный отдел администрации г. Н.Тагил. Ф.323. Оп.1. Д.61.

[2] Чупина Е.В. Немцы-спецпоселенцы в Свердловской области // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.): Сб. ст. участников науч. конф. Н.Тагил, 1997. С.200.

[3] Сведения получены в Отделе статистики г. Н.Тагил.

[4] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп.1доп. Д.386. Л.8,10.

[5] Там же. Д.2784. Л.1,3,17,18; Д.386. Л.3,5,7,22.

[6] Данные картотеки архива УЩ 349-5 в Н.Тагиле (архив Тагиллага).

[7] Строитель. 1991. 29 мая.

Т.Плохотнюк, *Ставрополь*

Немецкое население Северного Кавказа в условиях тоталитарной системы в середине 1920-х–1930-х гг.

Общую картину существования и развития немецких поселений Северного Кавказа в советский период позволяют восстановить фонды центров хранения документов новейшей истории – РЦИХДНИ (Москва), ЦДНИ СК (Ставрополь). Документы этих фондов свидетельствуют о том, в какой степени на положение этнических немцев влияла политика центрального и краевого партийного руководства, выявляют методы управления, формы проведения многочисленных партийно-советских мероприятий. Например, материалы фонда отдела агитации и пропаганды при ЦК КПСС раскрывают механизм подготовки и проведения антирелигиозных кампаний в немецких колониях; дают возможность представить себе систему коммунистического политпросвещения и обучения немцев, процесс вовлечения их в социалистическое строительство[1].

Документы из рассекреченных государственных архивов: ГАРФ (Москва), ГАСК (Ставрополь), ЦДНИ СК позволили увидеть, насколько реальное положение немцев не соответствовало принципам, декларируемым советским государством, и определить действительные побудительные мотивы принятия многих решений, влиявших на судьбы этнических немцев региона. К числу таких документов можно отнести материалы Особого совещания секретарей райкомов и начальников политотделов МТС в Орджоникидзевском крае (1934 г.), с которого началась антинемецкая

кампания в 1930-е гг. на Северном Кавказе[2]; или, например, докладную записку о немецком населении Орджоникидзевского краевого управления НКВД секретарю крайисполкома М.Суслову перед выселением немцев в 1941 г.[3]

В результате процессов иммиграции, реиммиграции и внутренней миграции, немецкое население Северного Кавказа увеличилось с 1920-х по 1940-е гг. по неполным данным с 72 317(9) до 198 097. В основном это были сельские жители. В городах проживала незначительная часть немцев: в Ростове – 1982; в Краснодаре – 900, Таганроге – 810, в Ставрополе – 362 человека, в остальных окружных городах – в каждом менее 100 человек. В середине 1920-х гг. самым многочисленным немецкое население было в Терском (20 000), Армавирском (13 984), Таганрогском (11 000) округах[4].

В период становления советского государства, когда складывались основные структуры и устанавливался политический режим, немецкое население региона продемонстрировало определенную активность. В этом убеждает содержание документов из фондов местных и центральных архивов. При землеустройстве немцы получили большие наделы, тогда как остальное население региона стремилось их сократить. Высокий уровень кооперации, активная позиция в поисках средств для поднятия хозяйств – вот что отличало эту категорию населения.

Поднять хозяйство, быстро достигнув хороших результатов, было возможно только при поддержке государства. Но несмотря на то, что официально немцев относили к национальным меньшинствам, советское государство не давало им никаких привилегий. Даже в неурожайные годы, когда посевы страдали от погодных условий и хозяйствам региона наносился значительный урон, государство снижало размеры налога, давало отсрочку или освобождало от его уплаты хозяйства всех национальных меньшинств, кроме немецких. Нередкими были конфликты между государственными земельными органами и этническими немцами по поводу арендной платы за землю.

В целом можно сказать, что в ситуации, сложившейся в 1920-х гг., государство рассматривало немецкие хозяйства (особенно в таком полиэтничном регионе, как Северный Кавказ), как основу возрождения и развития сельского хозяйства края. Чтобы не упустить, не оставить без государственного контроля происходящие процессы, советский режим сосредоточил руководящую и контролирующую функции в руках партийных органов.

Контроль осуществлялся и со стороны Административно-организационного управления НКВД. Только при наличии разрешения этого управления могли начать свою деятельность всероссий-

ские и местные организации и общественные объединения немцев. Исполнительная функция вменялась комиссиям по обследованию национальных меньшинств и работе среди них, инструкторам окрисполкомов и уполномоченным райисполкомов.

Одним из слагаемых успеха в сфере национальной политики объявлялось дальнейшее выделение и укрепление существующих сельских советов и районов национальных меньшинств. В 1927 г. Президиум Северо-Кавказского крайисполкома принял Постановление «О возможности образования на территории края нацменовской административной единицы, объединяющей немецкое население». В соответствии с ним были разработаны проекты создания немецких национальных районов в Терском и Армавирском округах. Проект создания Немецкого района в Терском округе остался неосуществленным. В Армавирском округе был создан Ванновский национальный район.

Стараниями комиссий по работе среди национальных меньшинств в течение 1924–1925 гг. в Северо-Кавказском крае были созданы 25 немецких сельских советов и запланирована их дополнительная организация. Официальное оформление осуществлялось на основе общего положения.

Надо отметить, что пополнение управленческого аппарата немецкими работниками проходило трудно. Если назначение немцев на должности школьных работников, на выборные должности было распространено широко, то на должности судебных работников, милиционеров, инструкторов они назначались лишь в редких случаях. Часть немецких сельских советов возглавлялась русскими председателями, что расценивалось как неудобство «при полном проведении национальной политики». Окружные партийные и советские руководители были обеспокоены тем, что вовлечение немцев в советское строительство не соответствовало процентному отношению этой категории национальных меньшинств к русскому населению.

Эффективной формой партийно-воспитательной работы, широко охватывающей немецкое население, признавались беспартийные конференции. Они проводились на районном, окружном, краевом уровнях. Немецкое население было заинтересовано в проведении беспартийных конференций, так как эти мероприятия давали возможность заявить о своих нуждах и проблемах. Количество проводимых конференций росло. Но к началу 1930-х гг. немцы убедились в том, что результаты этой деятельности незначительны.

В 1929–1934 гг. коллективизация была осуществлена в среднем в 92,5% немецких хозяйств Северо-Кавказского края. В местах компактного проживания немцев в регионе возникали немецкие

по национальному составу колхозы. Там, где немецкие хутора находились рядом с русскими и украинскими поселениями, казачьими станицами, создавались немецкие бригады в колхозах. Коллективизации подверглись и отдельные немецкие хозяйства, которые включались в русские или смешанные национальные колхозы. Чтобы подчеркнуть национальную специфику немецких колхозов, в соответствии с проводившейся национальной политикой в СССР, им давались названия на немецком языке – Ленинфельд, Роте-Фане, Рот-Фронт.

Процесс коллективизации вызвал существенное падение сельскохозяйственного производства. Колхозы, созданные принудительно, в условиях жесткой политики государства, не могли выровнять ситуацию. Вместо поддержки и помощи государство проводило беспрерывные кампании по хлебозаготовкам, антикулацкие кампании, «штурмы» единоличных хозяйств. Деятельность большевиков на селе определялась и измерялась центнерами хлебосдачи, процентами выполнения хлебозаготовок[5]. Стремясь во что бы то ни стало выполнить хлебозаготовки и хлебозакупки, местные власти от безысходности и бессилия использовали жесточайшие методы, оскорблявшие честь и достоинство человека, допускали рукоприкладство, насилие над личностью. В начале 1930-х гг. при сельских советах создавались комитеты содействия (комсоды). Это были возрожденные комитеты бедноты периода военного коммунизма, единственная функция которых состояла в том, чтобы выявлять факты сокрытия хлеба и составлять списки для исключения из колхозов и выселения из усадеб. В Невинномысском районе Армавирского округа уполномоченный райкома, вызвав в сельский совет женщину-единоличницу, сорвал с нее одежду перед членами комсода, кричал при этом, что продаст вещи, чтобы покрыть недоимки по хлебозаготовкам. При разборе этого случая в райкоме, он заявил, что лишь повторил прием секретаря райкома партии, который тот использовал в других комсодах[6].

В начале 1933 г. взрывоопасная ситуация в деревне заставила власти создать новые органы – политотделы машинно-тракторных станций (МТС). В очередной раз «основным звеном в цепи антикризисных мероприятий» становились чрезвычайные органы[7].

Так же, как и комсоды, политотделы просуществовали в течение двух лет, но их функции были шире. Прототипом политотделов МТС послужили армейские политотделы. Они отличались от обычных партийных органов тем, что не подчинялись сельским райкомам партии, сельским советам и юридически обладали правом осуществлять не только политические, но и хозяйственные функции. Начальник политотдела МТС одновре-

менно являлся заместителем директора МТС и наряду с ним отвечал за выполнение МТС производственных и заготовительных планов, за организационно-хозяйственное состояние колхозов. Всего в штате политотдела МТС при его полной укомплектованности было шесть человек: начальник политотдела, два заместителя (по партийно-массовой работе и по ОГПУ), помощники по комсомольской работе и по работе среди женщин, редактор многотиражной газеты. В официальных документах партии, в печати о принадлежности второго зама к ОГПУ умалчивалось, обычно речь шла о двух заместителях «по общепартийной работе»[8] или же работника ОГПУ называли помощником по спецработе[9].

В первую очередь политотделы создавались на Украине, в Поволжье и на Северном Кавказе. Они объединяли под своей властью колхозы, обслуживаемые данной МТС, в том числе и немецкие. В Терском округе Северо-Кавказского края (в последующем Орджоникидзевский и Азово-Черноморский края) Немецкая, Стародубская, Степновская, Воронцово-Александровская МТС объединяли по четыре-шесть немецких колхозов[10]. Партийные документы, выступления Сталина ориентировали политотделы на использование в деревне чрезвычайных мер для выполнения хлебозаготовок. Чтобы обеспечить безусловное и своевременное выполнение колхозами своих обязательств, политотдельцы были обязаны очистить колхозы и МТС «от антиобщественных и классово-враждебных» элементов[11].

Оказавшись в деревне и столкнувшись с реальной жизнью, начальники политотделов вынуждены были признать, что люди голодают. Колхозники питались хлебом из магара (разновидность проса) землисто-грязноватого цвета и черствевшего через сутки после выпечки. Но и такого хлеба было мало. Чтобы провести весеннюю посевную кампанию, политотдельцы добивались продовольственной помощи колхозникам[12]. В соответствии с апрельским решением Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) политотделы осуществляли выдачу так называемой «продовольственной помощи», размер которой был прямо пропорционален выполнению задания. При стопроцентном выполнении можно было получить 600 г хлеба из магара в день. При недовыполнении норма снижалась, при невыходе на работу хлеб вообще не выдавался. На работу не выходили те, кто уже окончательно лишился сил. По свидетельству начальника политотдела Немецкой МТС Н.Коптева в результате длительного, полуголодного существования в каждом доме Воронцово-Александровского района Терского округа, в колхозах, относящихся к этой МТС, были люди, умершие от голода.

Со второй половины 1933 г. на Северный Кавказ стала поступать адресная помощь из Германии в виде продуктовых посылок и денежных переводов. Священнослужители и учителя немецких колоний помогали отправлять в Германию письма с просьбами о помощи и способствовали ее получению. Советское государство, запретив официальную государственную помощь голодающим со стороны Германии, хотя и разрешило помощь от частных лиц, тем не менее делало все, чтобы в обществе возникло негативное к ней отношение[13].

В ходе этой кампании широко пропагандировались факты демонстративного отказа от «фашистской» помощи, уничтожение посылок. В колхозах Рот-Фронт, Ленинфельд, Роте-Фане Невинномысского района Армавирского округа из 40 немцев, получавших помощь в течение 1934 г., 20 официально отказались от нее и под «общественным» давлением сдали доллары и марки[14]. В центральной газете «Правда» было опубликовано письмо немцев-колхозников колхоза Ленинфельд. В нем ленинфельдцы категорически отказывались от немецких денег и осуждали тех, кто их получает. Кроме того, распространялись те письма, присланные уехавшими в Германию, в которых сообщалось о том, что выехавшие оказались безработными, терпят бедственное положение или очутились в тюрьме[15].

Советское руководство, вынужденное согласиться на предоставление иностранной благотворительной помощи, не ограничилось проведением политических кампаний. 5 ноября 1934 г. ЦК ВКП(б) разослал шифрованную телеграмму за №№ 33,34 в ЦК, крайкомы, обкомы. В ней ЦК упрекал местные партийные органы и органы НКВД в том, что они ослабили свою работу среди немецкого населени и это привело к активизации антисоветских и контрреволюционных элементов. ЦК требовал добиться от немецкого населения полного прекращения связи с заграничными «буржуазно-фашистскими» организациями, которая выражалась в получении денег, посылок. Подчеркнув, что на местах неправильно понимают международную политику советского государства, ЦК ВКП(б) предложил применять репрессивные меры – произвести аресты, высылку и расстрелы – и обязал секретарей крайкомов, обкомов, райкомов в декадный срок сообщить о их выполнении. Это было прямой сигнал к началу антинемецкой кампании во всех регионах СССР[16].

12 ноября 1934 г. бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) провело совещание представителей обкомов, секретарей райкомов, начальников политотделов МТС, на территории которых были расположены немецкие колонии, с повесткой дня «О партийно-массовой работе среди немецкого населения». В соответствии

с указаниями ЦК ВКП(б) крайком должен был создать «образ внутреннего врага», внедрить его в сознание, если не всех, то хотя бы партийных работников, в предельно сжатые сроки. Для этого необходимо было использовать каждый подходящий факт, как свидетельство профашистских настроений среди немцев[17]. Но таких фактов не было. Доклады секретарей райкомов и начальников политотделов МТС в целом были лояльными. Самым тяжким преступлением со стороны немцев было негативное отношение к партийным и советским работникам и получение посылок и денег из-за границы[18].

В своем выступлении представитель крайкома посетовал на то, что советская власть в 1920-е гг. создала самые благоприятные условия для «онемечивания» немецких колоний и школ, создав немецкие сельские советы и разрешив преподавание на немецком языке. Все то, что во второй половине 1920-х гг. вводилось советской властью в немецких колониях, было охарактеризовано им, как исполнение распоряжений фашистского руководства – вступление в колхозы, участие в выборах, выдвижение на партийные и советские должности. Получение гуманитарной помощи из Германии было названо одним из способов вербовки в национал-социалисты и создания особых групп, занимающихся экономическим шпионажем. Крайком призвал не терять бдительность, потому как «за внешним абсолютным благополучием кроется социал-фашизм, а ударничество в немецких колхозах есть не что иное, как классовая борьба»[19].

На совещании были выработаны методы проведения антинемецкой кампании. Ее предполагалось начать с перепечатки письма ленинфельдцев в местных газетах и инспирирования общего решения немецкого населения о выселении получавших помощь из-за границы из немецких колоний и об изгнании их за пределы СССР. Крайком советовал внести в наказы избирателей при перевыборах в Советы пункты об обязательном выселении получающих иностранную гуманитарную помощь[20].

Под флагом «борьбы с фашизмом» тоталитарный режим начал мощное наступление на всякое проявление национальной специфики: начались преследования на религиозной почве, вводились запреты на национальные традиции, обычаи. НКВД начал ведение дел по деятельности религиозных общин. Были репрессированы лютеранские пасторы Фрицлер (Каррас Минводского района), Юргенс, Геросянц (Минводы), Янц (Либенталь Спицевского района), проповедник адвентистов 7-го дня Эбельмайер, профессор теологии Ремпель, переселившийся из Поволжья, и другие, обвиненные в антисоветской националистической пропаганде и вербовке агентов для германских спец-

служб только лишь на основании их частых разъездов по немецким колониям[21].

Ликвидация в декабре 1933 г. германской концессии «ДРУЗАГ» (Армавирский округ) было использовано как повод для массовых арестов ее рабочих и служащих. 166 немцев, бывших сотрудников концессии, подвергались репрессиям еще в течение четырех лет после ее закрытия «за систематическое вредительство в полеводстве, животноводстве, на предприятиях». Арестованных обвиняли в установлении связей с «комитетами помощи» в Германии и получении немецких марок в «обмен на клеветническую антисоветскую информацию», т.е. в написании писем с просьбой об оказании помощи в голодные 1930–1934 гг.[22]

После подписания советско-германских соглашений 1939–1940 гг. общественно-политическое положение этнических немцев в СССР осталось по сути прежним, но усугублялось еще и тем, что советское правительство видело в немцах «пятую колонну» в случае войны с Германией. Поводом для этих подозрений послужила нацистская практика использования существования Volksdeutsche («фольксдойче» – так называли в Германии немцев, проживающих вне ее территории) в своей экспансионистской политике под предлогом защиты их в странах Европы[23]. Хотя публичных высказываний на эту тему после подписания советско-германских соглашений не было, эти подозрения отчетливо просматривались в формулировках обвинений, предъявляемых НКВД немцам при арестах.

Наряду с обвинениями в распространении фашистского влияния и культивировании националистических настроений, немцам приписывались попытки организации диверсионных актов на железных дорогах в Ростове, Минводах и других городах (подготовка взрывов воинских эшелонов, воинских грузов). Их обвиняли в готовящихся диверсиях на предприятиях. Необходимо отметить, что в докладной записке «О немецком населении Орджоникидзевского края», составленной краевым управлением НКВД для секретаря крайкома ВКП(б) М.Суслова в 1941 г., нет сведений о состоявшихся диверсиях. Вся информация о намерениях получена из показаний арестованных[24].

Непродолжительный период возрождения и развития традиционной культурной жизни, ее поощрения со стороны государства (1925–1927 гг.) сменился противостоянием немецкого этноса и власти. Немцы желали сохранить и укрепить свое этническое единство, в то время как власти ограничивались декларацией национальной идеи. Классовый и национальный подходы соблюдались государством при создании органов самоуправления, выдвижении на руководящие должности, при отборе педагогических

кадров, но декларируемый принцип «пролетарского интернационализма» в середине 1930-х гг. сменился явным шовинизмом по отношению к немецкому населению в связи с ухудшением отношений с Германией.

Примечания:

[1] Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17. Оп.60. Л. 84, 85.

[2] Центр документации новейшей истории Ставропольского края (ЦДНИ СК). Ф.1. Оп.1. Д.34.

[3] Там же. Оп.85. Д.13.

[4] РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.60. Д.1042. Л.2–4, 7, 12, 29, 32, 36, 38, 45; Поселенные итоги переписи 1926 г. Донской округ. Ростов н/Д. 1928. С. 2; Поселенные итоги переписи 1926 г. Таганрогский округ. Ростов н/Д. 1928. С. 2–18.

[5] СГОКМ. Ф.4. М.д.936, Л.6; ЦДНИ СК. Ф.1. Оп.1. Д.28. Л.47.

[6] ЦДНИ СК. Ф.35. Оп.12а. Д.1. Л.30.

[7] Зеленин И.Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отеч. история. 1992. № 6. С.44.

[8] Там же. С. 44–45.

[9] СГОКМ. Ф.4. М.д.936. Л.7.

[10] Там же. Л.10.

[11] Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 47.

[12] СГОКМ. Ф.4. М.д.936. Л.6–7.

[13] См.: Герман А.А. Из истории «борьбы с фашистами и их пособниками» в Республике немцев Поволжья в тридцатые годы: Проблемы политологии и политической истории: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов: Изд-во Сарат. гос. техн. ун-та, 1994. С. 56–65; Бабиченко Л. Шестьдесят лет назад: Дипломатические игры вокруг голодающих немцев Поволжья // Нойес Лебен. 1993. № 40, 41.

[14] ЦДНИ СК. Ф.1. Оп.1. Д.34. Л.62.

[15] Там же.

[16] Документы свидетельствуют. 1943: Хроника антинемецкой кампании на Алтае / Сост. В. Бруль // Нойес Лебен. № 32. С. 6–7.

[17] ЦДНИ СК. Ф.1. Оп.1. Д.34. Л.43, 92–96.

[18] Там же. Л.46.

[19] Там же. Л.97, 104, 105, 108.

[20] Там же. Л.113, 114.

[21] ЦДНИ СК. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 18–19.

[22] Там же. Л. 20.

[23] Fleischhauer I., Pinkus B. The soviet Germans. Past and Present. London: Hurst, 1986. P. 62–65.

[24] ЦДНИ СК. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 16–29.

Судьбы спецпоселенцев в архивных документах

Л.Белковец, Новосибирск

Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.)*

Сибирь (Алтайский и Красноярский края, Новосибирская и Омская области) приняла в годы Великой Отечественной войны свыше 400 тыс. российских немцев, депортированных из европейской части СССР. Более половины их оставалось в ее пределах вплоть до 1956 г., когда немцев сняли с учета спецпоселений.

Документы, раскрывающие историю спецпоселения немцев в Сибири, содержатся в местных государственных и ведомственных архивах. Так, партийные и советские органы в течение 1941–1942 гг. занимались приемом и расселением переселенцев, их хозяйственным и трудовым устройством в пределах области или края. В их компетенцию входила также мобилизация немцев в рабочие колонны, отправка их в лагеря НКВД, на шахты Кузбасса, рыбные промыслы и лесозаготовки в северные регионы Сибири, оборонные и другие предприятия сибирских городов. Переселенческие отделы исполкомов занимались поиском отставших от своих эшелонов, воссоединением распавшихся во время депортации семей. Документальное подтверждение всех этих мероприятий мы находим в рассекреченных ныне фондах архивов местных партийных и советских органов.

Но главным «опекуном» спецпоселенцев стали управления наркомата внутренних дел (УНКВД), в составе которых уже в августе–сентябре 1941 г. были созданы отделы спецпоселений (ОСП). В фондах ОСП и сосредоточился основной массив документов, позволяющих с достаточной степенью объективности воссоздать историю спецпоселения немцев в Сибири. В основной своей части этот массив документов, хранящихся до сих пор в архивах краевых и областных управлений МВД, не доступен широкому кругу исследователей. Значение его можно продемонстрировать на примере архива УВД по Новосибирской области, в котором, с разрешения руководства управления, автору статьи удалось работать в 1992 г.

* Статья подготовлена по материалам архивов УВД.

Документальный материал, хранящийся в архиве, может быть разделен на три группы. К первой относятся нормативные и директивные акты (постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, ГКО СССР, приказы и директивы НКВД–МВД СССР, подписанные народными комиссарами Берией, Кругловым, их заместителями; инструкции, исходившие от начальников отделов комиссариата и министерства и т.п.). Этот комплекс документов позволяет восстановить организацию спецпоселения, его режима, учета спецпереселенцев, оперативно-чекистского обслуживания и пр. Директивный материал охватывает практически все стороны жизни немцев и других категорий спецпереселенцев (кроме немцев в Новосибирской области на спецпоселении жили калмыки, ОУНовцы, ЧСИРы, власовцы, бывшие кулаки и др.) в условиях режима спецкомендатур. Значительная часть этих документов сохранилась в фонде ОСП, на некоторые приказы встречаются указания в отчетах по их выполнению, отдельные фигурируют в списках старых директив, подлежащих отмене.

Особо следует отметить постановления и приказы 1943–1945 гг., которые ввели для спецпоселенцев режим спецкомендатур, определили их права и установили наказания в судебном порядке до 10 лет лишения свободы за побег с места поселения. Целая серия приказов 1946 – 1947 гг. касается проблемы соединения разрозненных в ходе войны семей и, прежде всего, мобилизации в рабочие батальоны. Соединение семей проходило с большими трудностями, поскольку руководство предприятий угольной, нефтяной, золотодобывающей и лесной промышленности, на которых трудились спецпоселенцы-немцы, не желало терять квалифицированную рабочую силу. Если же члены семей, не дождавшиеся из-за бюрократической волокиты разрешения покинуть место поселения, выезжали к главе семьи самовольно, это рассматривалось как групповой побег, и влекло за собой уголовное преследование. Приказы 1946 г. «О непривлечении к уголовной ответственности за самовольный выезд на соединение семьи», «Об отмене этапирования к месту поселения выехавших на соединение с семьями» и др. были призваны разрешить возникшую ситуацию.

В совокупности с другими материалами ОСП этот комплекс документов дает возможность проследить процесс установления и ужесточения режима проживания спецпоселенцев в местах поселения, деятельность органов гласного (в лице комендантов спецкомендатур и их аппарата, старших пяти- и десятидворок, бараков, групп содействия) и негласного (в лице агентурно-осведомительной сети) надзора. Здесь есть также документы по организации «противопобеговых» мероприятий, розыска и задержания беглецов.

Вторую группу документов составляют материалы спецучета, на который немцы были поставлены в начале 1944 г. Районные и поселковые спецкомендатуры, организация которых началась еще в 1943 г. сначала в районах Казахстана и Киргизии, а затем, согласно приказу НКВД СССР от 22 ноября 1943 г., и в Сибири, создавались в «целях усиления агентурно-оперативной работы, учета и наблюдения за трудовым устройством спецпереселенцев».

В 1944 г. в Сибири было открыто в дополнение к уже имевшимся (для бывших кулаков) 175 спецкомендатур (по 50 – в Алтайском крае и Омской области, 45 – в Красноярском крае, 30 – в Новосибирской области). Были укомплектованы их штаты из расчета 1 комендант и 1 помощник коменданта на 500 взрослых спецпоселенцев, 1 надзиратель на каждые 100–200 человек. Для оперативной работы в райгоротделениях внутренних дел выделялись штаты оперуполномоченных и их помощников: 1 – на 2 тыс. взрослых спецпоселенцев.

Приказ НКВД от 16 августа 1944 г. ввел в действие инструкцию по учету спецпоселенцев. Необходимо было установить численность семей и количество спецпоселенцев, обеспечить контроль за их движением в границах районов расселения, выявить трудоспособных и контролировать их трудоустройство. Учет должен был способствовать также своевременному выявлению побегов, удовлетворению запросов органов НКВД, НКГБ, контрразведки НКО и НКВМФ, СМЕРШ, партийных и советских органов.

Учету подлежали все контингенты спецпоселенцев и каждый человек в отдельности в спецкомендатурах, в районных отделениях НКВД и в ОСП НКВД/УНКВД по специальным карточкам: № 1 – семейная, для учета глав семей; № 2 – персональная, для учета каждого спецпоселенца, за исключением глав семей и детей до 16 лет; № 3 – суммарная, для учета детей, не достигших 16-летнего возраста. Карточки (стандартный размер их 95x140 мм) заполнялись на основании паспортов (при этом старые паспорта изымались и в городах выдавались новые с отметкой о разрешении проживания в пределах данного района), свидетельств о браке, рождении, эшелонных списков, актов приема спецпереселенцев, постановлений или приговоров судебных органов, других официальных документов. В случае их отсутствия – путем опроса спецпереселенцев, с пометкой «заполнено со слов». Карточки заполнялись в двух экземплярах: один для картотеки районных отделений НКВД, второй – для справочной картотеки ОСП УНКВД (по Казахстану и Киргизии – в трех экземплярах). На основе карточек в ОСП создавалась единая алфавитная картотека.

Семейная карточка содержала на первом и последнем листах сведения о главе семьи, а внутри – о ее членах. Указывались данные о времени и месте рождения спецпоселенца, его отношении к главе семьи, национальности и специальности, роде занятий до переселения, дате прибытия на место поселения, делалась отметка о трудоспособности.

Согласно приказу МВД от 19 февраля 1949 г. «Об организации персонального учета выселенцев, спецпереселенцев по новой системе» в местах поселения был произведен переучет, и все спецпереселенцы, подвергшиеся переселению по национальному признаку, были отнесены к категории «выселенцев». С этого времени устанавливались следующие виды их учета: в спецкомендатурах – посемейный учет всех лиц по специальным книгам, и персональный учет бежавших с территории спецкомендатуры, временно убывших и временно прибывших. Кроме книг учета коменданты вели журналы регистрации явок выселенцев. В посемейные книги не вносились члены семей выселенцев, сами выселенцами не бывшие, но вступившие с ними в брак (данные о них вносились в отдельный список); выселенки, вышедшие замуж за невыселенцев, с учета не снимались.

В книге обязательно делалась отметка об убытии (в том числе детей, выехавших на учебу, которые после ее окончания могли быть направлены на работу лишь в регионы, являвшиеся местом спецпоселения данного контингента, с обязательной постановкой на учет).

Городским и районным отделениям МВД, первым отделам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) и спецстроек МВД поручался персональный карточный учет по форме № 5 (краткая). Здесь же хранились агентурно-розыскные дела на выселенцев, бежавших с территории района. На всех взрослых выселенцев, начиная с 16 лет, заводились учетные (личные) дела, в основание которых, кроме уже имевшихся данных, были положены составленные в ходе переучета анкеты.

В отделах УМВД краев и областей сосредоточивался весь посемейный и персональный (по форме № 6 – подробная) учет выселенцев, а в 1-м спецотделе МВД СССР – картотека специализированного персонального учета. Сюда высылались алфавитные и учетные карточки на вновь прибывших на спецпоселение, выбывших в другие места, освободившихся, умерших, подвергшихся аресту, бежавших, переведенных в дома инвалидов.

В 1950 г., после переучета, в Новосибирской области числилось немцев: выселенных по решению правительства – 52 103, репатриантов – 11 742, коренных жителей Сибири, поставленных на учет спецпоселения по распоряжению МВД СССР от 18 сентября

1945 г., – 5906, мобилизованных – 925, других национальностей в составе немецких семей – 1234. Вместе с другими спецпоселенцами их обслуживали 115 комендатур с 312 единицами штата, 36 городских и районных отделений МГБ со штатом свыше 100 человек, гласный аппарат (старшие поселков, бараков, десятидворок) в пределах около 8 тыс. человек, из которых 5300 обслуживали немцев, пять противопобеговых застав (в Новосибирске, Черепанове, Барабинске, Татарске и Кривощеково-Верх-Туле), оперативно-розыскной отряд в составе 63 человек, опиравшийся на войсковое подразделение в 450 человек. Все это подчинялось 9-му отделу УМГБ, пришедшему в 1949 г. на смену ОСП УНКВД, в составе 30 человек во главе с полковником Г.М.Шияном. Он рассматривал жалобы и просьбы спецпоселенцев об освобождении, о разрешении выезда, о соединении семей и т.п. Еще как минимум три отдела УМГБ, 2-й, 4-й и 5-й, разрабатывали объекты оперативных учетов, выявляя среди спецпоселенцев шпионов, изменников родины, антисоветских элементов. Система располагала всеми необходимыми средствами передвижения (лошадьми, велосипедами, автомашинами, катерами). Десятки тысяч рублей выделялись на приобретение несгораемых шкафов и железных ящиков для хранения секретной документации, для оборудования помещений и пр.

В 1953 г. спецкомендатуры в городах подверглись реорганизации «по признаку их территориального обслуживания», т.е. учета спецпоселенцев по месту жительства, а не по месту их работы.

Деятельность системы отразилась не только в материалах учета, но и в документации, хранящейся в архивах УМВД сибирских областей и краев, которую мы отнесем к третьей группе. Это материалы текущей отчетности ОСП – 9-го отдела УМГБ по спецпоселенцам за 1941–1955 гг. Здесь мы находим, во-первых, статистические материалы, характеризующие дислокацию и расселение спецпереселенцев по районам области, их распределение по предприятиям, колхозам, совхозам, с указанием соответствующих наркоматов. Такие отчеты с 1944 г. составлялись два раза в год по каждой категории спецпоселенцев. Во-вторых, демографическую статистику – поквартальные отчеты о наличии и движении спецпоселенцев, количестве занятых на работах, умерших и родившихся, выбывших в места лишения свободы и вернувшихся из мест заключения, выехавших на соединение с семьями в места поселения трудармейцев или, наоборот, о семьях, прибывших к своим главам в места их трудармейской работы. Здесь же находим данные о числе достигших 16-летнего возраста и зачисленных на спецпоселение выпускников детских домов и убывших в дет-

ские дома сирот, о количестве числящихся в бегах и арестованных органами МГБ, снятых с учета спецпоселения.

В «табель отчетности» по ОСП, утвержденный в 1944 г., включались сначала месячные, а с 1946 г. ежеквартальные отчеты об агентурно-оперативной работе. Среди немцев-спецпоселенцев они составляют самый богатый комплекс документов архива. Отчеты (докладные записки) содержат разделы: «Движение агентурно-осведомительной сети» с данными о количестве завербованных резидентов, агентов и осведомителей, характеристиками наиболее интересных и активных агентов и наиболее ценных агентурных донесений. Последние классифицируются в отчетах по «окраскам»: критические высказывания, высказывания антисоветского характера, террористические намерения, бандпроявления, саботаж, сведения о членах семей изменников родины, о побегах и дезертирстве. С прибытием в 1945 г. большой группы репатриированных немцев к этим «окраскам» прибавились: шпионаж, измена родине, пособничество врагу, принадлежность к агентам гестапо, служба в немецко-фашистских войсках и органах управления на оккупированной территории в качестве старост, полицейских и других «немецких ставленников».

Второй раздел отчета посвящался «движению подучетного элемента». Здесь имеются количественные данные о заведенных учетных, агентурных и прочих делах, характеристики на лиц, попавших в «разработку». По итогам «разработки» агентурные дела и дела-формуляры превращались в следственные, главным образом, по ст. 58 п.10 Уголовного кодекса («пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений...»). Характеристике следственных дел посвящен особый раздел докладных записок ОСП.

«Борьба с побегами и дезертирством» и «Антисоветские проявления и настроения» – эти разделы венчают отчеты ОСП. Они содержат общую характеристику режима, количество побегов и дезертирств за отчетный период, итоги поисковой работы как местного, так и всесоюзного значения, меры наказания провинившихся. С середины 1946 г. в отчетах ОСП появляются данные о трудовом и бытовом устройстве спецпоселенцев, их обеспеченности жильем, скотом, одеждой, обувью, продуктами питания. Руководство Управления НКВД–МВД выступает в роли ходатая перед областными партийными и советскими властями, требуя проявления внимания и заботы по отношению к своему «контингенту».

Поскольку основным источником информации, которая обобщалась в отчетах, являлись агентурно-оперативные данные, имеет

смысл более подробно остановиться на агентурно-оперативной работе. Имеющиеся материалы позволяют раскрыть некоторые секреты организации этой работы и познакомиться с результатами деятельности агентурной сети.

Инструкция об агентурно-оперативной работе среди спецпоселенцев, обслуживаемых ОСП, была введена в действие 27 февраля 1944 г. В течение 1944 г. приказами и директивами НКВД «оперативно-чекистское обслуживание» распространилось на немцев, мобилизованных в рабочие колонны для работы на промышленных предприятиях наркоматов, на стройках и в лагерях НКВД (24 августа), мобилизованных в промышленность (19 сентября). Тогда же был введен и новый табель отчетности об агентурно-оперативной работе среди спецпоселенцев (30 марта) и мобилизованных в промышленность немцев (14 сентября).

Агентурно-оперативная работа среди спецпоселенцев объявлялась одним из видов секретной работы советской разведки, и ее ведение поручалось районным и поселковым спецкомендатурам НКВД через агентурно-осведомительную сеть, вербуемую из среды спецпоселенцев и окружающего их населения.

К задачам этой работы относились выявление и пресечение попыток побегов с мест расселения; активное содействие розыску и задержанию бежавших; выявление упаднических настроений, связанных с хозяйственным и трудовым устройством (а скорее с неустройством) спецпоселенцев. Выявляться должны были «бандитские настроения», случаи уголовной преступности (убийства, кражи, хулиганство и т.п.), факты «отрицательного отношения» к спецпоселенцам советских и хозяйственных организаций и отдельных лиц. Главной задачей являлось «содействие органам в выявлении и изъятии из среды спецпереселенцев враждебных элементов (шпионов, террористов, диверсантов, немецко-фашистских пособников, предателей и прочего антисоветского элемента)».

Агентурно-осведомительная сеть формировалась по плану и с обязательным охватом всех пунктов расселения спецпереселенцев. Согласно первоначальному плану один осведомитель должен был обслуживать 20–30 семей спецпоселенцев, на деле, как увидим далее, сеть эта была более густой. Именно осведомители и составляли ее главное звено. Собственно агенты вербовались только для разработки заведенных агентурных дел. Порядок вербовки был основательно продуман. На первом ее этапе требовалось «тщательное изучение» комендантом или оперработником спецкомендатуры политических и деловых качеств кандидата, его связей с спецпоселенцами. Проверялось также наличие или отсутствие его имени в общесправочной картотеке учета антисоветских элементов на территории данной области.

На втором этапе, получив санкцию на вербовку осведомителя от начальника районного отделения НКВД, а на вербовку агента – от начальника ОСП, комендант (в первом случае) и начальник районного отделения (во втором) вызывали намеченное лицо «для личного знакомства и предварительной беседы», по результатам которой принималось окончательное решение о целесообразности его вербовки. От лиц, отказавшихся от сотрудничества, бралась подписка о неразглашении характера встречи. В отношении выразивших согласие следовало, однако, действовать не спеша, исподволь, давая сначала отдельные незначительные поручения. Затем бралась подписка о сотрудничестве, составлявшаяся от руки в произвольной форме и хранившаяся в личном деле осведомителя.

Кроме личного дела, в районной спецкомендатуре заводилось и рабочее дело агента или осведомителя. В первое вкладывались анкеты, автобиографии, справки о проверке по учетам агентуры и антисоветского элемента, компрометирующие и характеризующие материалы, список личных связей, характеристики, составлявшиеся оперативными работниками один раз в три месяца. В рабочее дело подшивались подлинные агентурные донесения и списки лиц, по ним проходящих. Все агенты регистрировались также в 1-м спецотделе ОСП, где на каждого хранилась его карточка-псевдоним.

Вся переписка об агентах-осведомителях, в том числе и отчеты самого ОСП перед НКВД, велась только по псевдонимам, с указанием номера личного дела (кроме исключительных случаев, когда надо было установить связь с выбывшими в распоряжение другого региона осведомителями). Псевдонимы – это, как правило, имена (Клара, Маша, Ольга, Ирина и др.), фамилии, указания на профессию (Ветеринар, Инженер и др.) или разного рода клички (Шприц, Кукс, Звонок, Чайка, Шило, Хвост и т.п.). Характеристики особо отличившихся агентов в отчетах дают возможность узнать некоторых из них (соседка по нарам, сын агента дружит с сыном разрабатываемого, агент работает там-то и тем-то и т.п.). Но «узнавание» ни в коем случае не входит в задачу исследования, ведь и эти люди в конечном итоге были жертвами режима, их сознание и психика деформировались от постоянного давления на них.

Встречи с агентами проходили в помещениях спецкомендатур, на частных квартирах, реже в других условленных местах. Чтобы не расшифровать свою встречу с осведомителем, комендант, отправляясь к нему на квартиру, должен был побывать перед этим в трех-четырех квартирах других спецпоселенцев. Существовал график (двухнедельный или месячный), с точным

указанием времени встречи. Как правило, с каждым осведомителем, находящимся на связи, комендант должен был встретиться два-три раза в месяц. В ходе встречи факты, представленные в письменных донесениях, уточнялись, выяснялись обстоятельства, не указанные в донесении. Донесения малограмотных принимались в устной форме и записывались в ходе беседы, с обязательной подписью осведомителя. В беседах с «негласными сотрудниками НКВД» коменданты и оперработники не должны были допускать «панибратства», неуместных шуток, анекдотов и других несерьезных вещей; приучая их к аккуратности, не допускать опозданий на явки. Предписывалось вырабатывать у них выдержку, находчивость, умение конспирироваться в окружающей среде, которая, кстати сказать, заранее квалифицировалась как «враждебная нам среда», формировать такие качества, как «честность», преданность советскому строю и непримиримость к его врагам. Все заподозренные в «двурушничестве» и дезинформации агенты подлежали немедленному исключению из агентурной сети. Если же устанавливалось, что сделано это «со злым умыслом», следовала уголовная ответственность с решением дела в Особом Совещании (ОСО) НКВД.

Агентурные донесения после их проверки и подтверждения давали повод для заведения оперативного учета. В районных спецкомендатурах велся массовый (списочный) учет лиц, склонных к побегам, и лиц, враждебных социалистическому строю «в силу своего социального и политического прошлого». К ним причислялись отбывшие наказание в ссылке за контрреволюционные и другие уголовные преступления, члены семей осужденных к высшей мере наказания и к лишению свободы на длительные сроки (свыше 10 лет) за контрреволюционные преступления, члены семей изменников родины, бывшие участники контрреволюционных восстаний и организаций, лица, служившие в немецко-фашистских учреждениях в период временной оккупации. Их выявляли не только по агентурным донесениям, но и по архивным материалам, документам партийных и советских организаций, заявлениям граждан и материалам спецпроверок.

На каждое такое лицо в районной спецкомендатуре заводилось учетное дело, входившее в состав «литерного» дела. Так назывались дела на каждый спецконтингент, в том числе и на немцев. Эти лица «обеспечивались систематическим осведомительным освещением». Если осведомление обнаруживало, что они проявляют «побеговые намерения», подстрекают к побегам других, помогают им фиктивными документами или настроены антисоветски, то на каждого из них заводилось дело-формуляр. Это означало начало агентурной разработки данного лица по определенной окраске,

одной из тех, что были указаны выше. Исчезновение такого лица с места жительства давало повод к объявлению местного или всесоюзного розыска. При его аресте дело-формуляр включалось в следственное дело.

При разработке группы лиц, соучастников одного преступления, районные спецкомендатуры заводили агентурные дела. Это могли быть «групповые побеги, группы по умышленному истреблению или повреждению социалистической и колхозной собственности, религиозные группы, проявившие антисоветские настроения» и т.д. Как и дела-формуляры, агентурные дела по мере надобности переходили в разряд следственных дел и завершались, в зависимости от окраски, передачей их в местные судебные органы, Военный трибунал Западно-Сибирского военного округа или ОСО при НКВД СССР.

Для агентов и осведомителей предусматривалось вознаграждение за труд: материальное (денежное), в том числе для оперативных целей, или в виде «лучшего устройства или перевода в порядке поощрения в лучшие климатические и хозяйственно-трудовые условия». Полагалось оно тем агентам и осведомителям, по материалам которых были реализованы или находились в стадии реализации агентурные дела и дела-формуляры, а также и тем, кто аккуратно являлся на явки и был дисциплинирован, исправно выполняя данные ему поручения. Особо ценные агенты, вербовавшиеся, главным образом, из членов ВКП(б), представлялись к досрочному освобождению из высылки и могли сами выбирать место жительства в районах расселения спецпереселенцев. Такие дела проходили через ОСП ГУЛАГа и шли на рассмотрение ОСО при НКВД СССР, которому принадлежало последнее слово.

По материалам архива ОСП УНКВД–МВД–МГБ можно выявить динамику и некоторые конкретные результаты деятельности агентурно-оперативной сети среди спецпоселенцев и мобилизованных в промышленность немцев на территории Новосибирской области.

С февраля 1941 г. по февраль 1944 г. агентурной сетью среди спецпоселенцев-немцев, которая не была еще весьма разветвленной, ведали органы НКГБ и отделы по борьбе с бандитизмом (ББ). Они рассматривали дела о «контрреволюционных проявлениях» и бандформированиях. В феврале 1944 г. спецпереселенцы-немцы были переданы ОСП УНКВД, в том числе и на оперативно-чекистское обслуживание. МГБ возобновило свою деятельность в 1948 г., приняв на себя, согласно приказу МВД СССР от 8 марта, «чекистскую работу по выявлению среди спецпереселенцев шпионов, диверсантов, террористов и других враждебных элементов».

Что касается спецпоселенцев, используемых на работах в лагерях и стройках МВД, они оставались в ведении органов МВД.

За ОСП сохранялась агентурно-оперативная сеть, нацеленная на борьбу с побегами и их предупреждением. По сути дела ОСП пришлось создавать эту сеть заново, вербуя агентов, способных сигнализировать о готовящихся побегах в общежитиях, бараках, производственных бригадах, в поселках, ибо вся прежняя сеть была передана органам МГБ. Реорганизация была вызвана введением в действие Постановления Совета Министров СССР от 21 апреля 1948 г. «О ссылке, высылке и спецпоселениях», которое обязывало МВД установить строгий режим в местах спецпоселения, исключив возможность побегов, усилить борьбу с уголовными проявлениями, организовать точный учет и административный надзор за спецпоселенцами, их обязательное трудовое использование. С помощью осведомительной сети, оставшейся в ведении МВД, необходимо было добиться того, чтобы «о каждом случае подготовки к побегу» комендатура знала заранее, чтобы все склонные к побегам лица могли быть выявлены и взяты на особый учет с установлением за ними постоянного агентурного наблюдения.

Усиление борьбы с побегами, однако, не имело под собой объективных причин. К концу 1940-х гг., в связи со значительным улучшением материального положения спецпоселенцев (в 1949 г. в Западной Сибири был неплохой урожай, и колхозники, а именно в колхозах трудилась основная часть немцев-выселенцев, по выполнении плана хлебозаготовок получили на трудодни приличное количество хлеба – до 10–16 центнеров, некоторые смогли обзавестись коровами, взять ссуды, отремонтировали и построили более или менее сносное жилье) число побегов резко сократилось. К тому же осведомление выявило и наличие «здоровых» настроений и «положительных» высказываний у основной части спецпоселенцев. Это решило и судьбу самого ОСП, который был реорганизован в 9-й отдел УМГБ. Отныне он сосредоточивал свое внимание на немцах-репатриантах, положение которых оставалось тяжелым. Они более всего тяготились ужесточившимся с 1948 г. режимом и, как полагали органы, не оставляли надежд на освобождение с помощью «англо-американского блока». Что же касается выселенцев, как немцев, так и калмыков, то все персональные дела на них в это время были либо закрыты, либо ликвидированы. Надзор за ними сосредоточился, главным образом, в руках «гласного аппарата»: старших десятидворок (один человек примерно на 25 взрослых), бараков, поселков, членов групп содействия (к 1952 г. у немцев он насчитывал 5300 человек).

Итак, когда оперативное обслуживание спецпоселенцев-немцев перешло от УНКГБ к УНКВД, ОСП принял в течение 1944–1945 гг. агентурно-осведомительный аппарат по немцам в количестве 337 единиц (15 агентов и 322 осведомителя). За этот же период было принято оперативного учета: агентурных дел – 2, дел-формуляров – 52, учетных дел – 264. Все дела разрабатывались по одной окраске – антисоветский элемент. Когда же в марте 1948 г. ОСП передавал дела УМГБ, агентурно-осведомительная сеть состояла из 1299 человек, в том числе 132 агентов, 1145 осведомителей и 22 резидентов. Было заведено дел оперативного учета на 2404 человек, в том числе 13 агентурных дел на 71 человека, 266 дел-формуляров и 2067 учетных дел. Среди них – 140 по подозрению в шпионаже, 55 по подозрению в националистической деятельности и 659 на изменников и предателей. Даже если не принимать во внимание те дела, которые были оперативно ликвидированы в течение этого времени, можно констатировать их почти семиразовое увеличение.

В 1946 г. перед ОСП была поставлена новая целевая задача – вербовать агентов и осведомителей для разработки оперативного учета тех, «кто давал перспективу выхода на агентуру англо-американского блока». Такая же задача ставилась и перед остальной, завербованной ранее сетью. Таким образом, органы надзора за спецпоселенцами переходили от поиска антисоветски настроенных людей к выявлению и репрессиям против «англо-американских шпионов».

Особенно активно такая работа велась в самом Новосибирске среди репатриантов, причем не только немцев, но и калмыков. Каждый репатриант, даже прошедший проверочно-фильтрационный лагерь и направленный на спецпоселение, допрашивался в ОСП. В ходе допросов выявлялись те, кто находился в англо-американской оккупационных зонах, а стало быть, представлял интерес для контрразведки, те, кто служил в немецко-фашистских войсках СС и СД, состоял членом гитлерюгенда, поддерживал связь с заграницей и т.д. В результате часть допрошенных пополняла агентурно-осведомительную сеть, а другая – гораздо большая, зачислялась в разряд подучетного элемента. Так, только в ОСП Новосибирской области из почти 12 тыс. репатриантов-немцев было допрошено 7818 взрослых, и аппарат осведомления вырос и насчитывал 43 резидента, 38 агентов, 580 осведомителей. Седьмая часть допрошенных (1007 человек) взята на оперативный учет в качестве подозреваемых в шпионаже, в военных преступлениях и активном пособничестве врагу. 795 человек «разного антисоветского элемента» уже в 1945 г. подверглось агентурной разработке, а 55 арестовано как агенты гестапо, военной разведки и пр.[1]

Начав разработку репатриантов в 1945 г., ОСП успел до издания приказа о передаче дел в марте 1948 г. арестовать за политические преступления 144 человека, в том числе «агентов разведок»: немецкой – 23, английской – 11, американской – 5, пособников и предателей – 46, разного антисоветского элемента – 59, причем 41 из них за «антисоветскую пропаганду проамериканских и проанглийских настроений». Всего же с момента оперативного обслуживания спецпоселенцев, т.е. с сентября 1944 г. по март 1948 г., ОСП арестовал по агентурным делам, делам-формулярам и учетным делам 493 человека за «политические» преступления, в том числе «агентов немецкой разведки и контрразведки – 64, английской разведки – 11, американской – 5, различных пособников и военных преступников – 203».

В этот весьма активный период деятельности ОСП были закончены разработкой и ликвидированы многие как новые, так и старые агентурные дела, кодовые названия которых весьма показательны: Стародумы, Богомолы, Недобитые, Фашисты, Бетбрудеровцы, Недовольные, Клеветники, Сослуживцы, Враждебное гнездо, Антисоветчики, Враги, Мракобесы, Изменники, Стихоплеты и др. Некоторые из этих групп разрабатывались при помощи агентов еще с начала 1940-х гг. Обвинения в адрес участников этих групп стандартны: клевета на советскую действительность, контрреволюционная пораженческая агитация, стремление к свержению советской власти путем вооруженного восстания. Именно так квалифицировались «сборища» религиозных групп, пение песен и чтение стихов, критические замечания в адрес мероприятий советского руководства, недовольство спецпоселенцев своим материальным и общественным положением. Часть групп объединялась органами в организации немцев союзного значения. Таковыми были, к примеру, «Союз борьбы немцев в СССР», «Союз обеспечения немецких иммигрантов», «Комитет освобождения немцев», упоминания о которых встречаются при характеристике агентурных дел[2]. Речь шла, вероятно, о мнимых организациях, изобретенных оперативными работниками. Однако и вопрос об их реальном существовании подлежит исследованию.

Фабрикация такого рода дел уже после окончания войны, переориентация на выявление «просоюзнических настроений» должны были показать рост числа контрреволюционных преступлений, необходимость расширения сферы деятельности репрессивных органов и агентурно-осведомительной сети. Это на долгие годы обеспечивало органы необходимым для их существования объемом работы.

К началу 1950-х гг. в этой сети появилась еще одна категория: содержатели явочных квартир. Как и резиденты, они вербовались

преимущественно из числа членов и кандидатов ВКП(б), однако лица, избранные секретарями первичных организаций, исключались из осведомительной сети. В начале 1951 г. агентурно-осведомительная сеть, обслуживавшая спецпоселенцев-немцев, насчитывала в Новосибирской области 3 тыс. человек (на 16 689 мужчин и 29 752 женщины). Как видим, один осведомитель приходился на 15 взрослых спецпоселенцев. Основная часть их состояла на учете во 2-м, 4-м и 5-м отделах УМГБ и продолжала выявлять шпионов, диверсантов и разного рода контрреволюционные элементы. Меньшая часть обслуживала 9-й отдел УМГБ. Здесь функционировали десять агентов (из 44 на все категории спецпоселенцев) и 366 осведомителей (из 4437), в том числе из репатриантов – восемь агентов и 122 осведомителя, из выселенцев – два агента и 207 осведомителей, из мобилизованных в промышленность – 16 осведомителей, из местных немцев – 21 осведомитель[3].

Большинство агентов и осведомителей ОСП занималось сбором информации о настроениях спецпоселенцев, систематически представляло материалы о их поведении, связях, «побеговых намерениях». В поле зрения осведомителей постоянно находились одиночки и те, кто был судим за побеги или другие преступления, кто вел сомнительный образ жизни, был плохо трудоустроен или уклонялся от «общественно-полезного» труда. На склонных к побегам лиц при штабе розыскного отряда с помощью осведомителей составлялся альбом «с описанием полных их установочных и характеризующих данных», с фотографиями и указаниями возможных путей побега, мест укрытия, связей внутри и за пределами области. Лучшие агенты и осведомители принимали участие в разработке объектов дел оперативных учетов по линиям других отделов. Часть осведомителей (из числа вышеназванных – 42), как правило, характеризовалась в отчетах как неработающая в течение длительного времени. Уклоняющихся от работы по разным причинам, превратившихся в «балласт», периодически исключали из сети[4].

Основная часть агентурно-осведомительной сети, как и ранее, состояла на связи у комендантов и помощников комендантов спецкомендатур, незначительная часть – у оперсостава городских и районных отделений МГБ, единицы – у начальников отделений.

В марте 1952 г. в соответствии с приказом МГБ СССР агентурно-осведомительный аппарат по линии 9-го отдела был сокращен на 68%. К этому времени не только резко сократилось число побегов, но стал разлагаться сам режим, основанный на доносах. В отчетах появились жалобы на «неумелое использование» агентов

и осведомителей, из-за которого часть их оказалась «расшифрованной». Другие стали относиться к делу формально, писать в своих донесениях о неотносящихся к делу вещах (задержках зарплаты, продаже водки из-под полы в нерабочее время продавцами лавок и т.п.). Вновь возникла потребность освободиться от балласта и активизировать работу остальных.

Часть активно работавших осведомителей была переведена в отделы, разрабатывавшие «объекты оперативного учета по шпионажу, измене, антисоветскому элементу». После сокращения аппарата осталось 1228 осведомителей, обслуживавших немцев. При этом возросла роль гласного аппарата.

Агентурные донесения давали повод к возбуждению уголовного преследования по ст.58, к наложению штрафов или ареста за самовольные отлучки с места поселения. Волны арестов, как правило, связывались с важными политическими событиями внутри страны и за рубежом, такими, как выборы в Верховный Совет СССР 1946 г., речь Черчилля в Фултоне весной этого же года, спровоцировавшая активный поиск «просоюзнических намерений» среди спецпоселенцев. Изучалась реакция спецпоселенцев на снижение коммерческих и повышение пайковых цен летом 1946 г., на подписку на заем, на денежную реформу и отмену карточек в 1947 г. (последнее мероприятие вызвало усиление голода и введение распределения хлеба по спискам), на Указ от 26 ноября 1948 г. о 20 годах каторжных работ за побег с места поселения.

Перед каждым советским праздником, днем Октябрьской революции или 1 Мая, органы брали на себя повышенные обязательства: активизировать разработку антисоветского элемента; привлечь к уголовной ответственности и репрессировать лиц, на которых собрано достаточно материала; взять под особый агентурный надзор весь подучетный элемент; усилить вербовки квалифицированной агентуры на «компромматериалах». Для оказания практической помощи в организации агентурно-оперативной работы в районы командировались опытные оперативные работники. Они помогали очищать агентурную сеть от неспособных осведомителей и сводить агентов в резидентуры. Некоторые активные антисоветские элементы подлежали изоляции на время праздников. Агенты получали при этом специальные задания по случаю приближающегося советского праздника: «наблюдать, не будет ли каких контрреволюционных проявлений и высказываний».

Так, к выборам 1946 г. ОСП начал подготовку в декабре 1945 г., взяв на учет около 2 тыс. человек «антисоветского, предательского, шпионского и бандитского элемента» среди специо-

селенцев. 32 из них были «задокументированы», 15 арестованы, а на 17 посланы указания об аресте.

С 1945 г. ОСО стало возвращать назад сфабрикованные на местах дела по ст.58 п.10 УК, которые теперь подлежали переоформлению и рассмотрению в областном суде. Только в этом году областной суд привлек к уголовной ответственности 188 немцев, в том числе 45 по указанной статье. Они получили сроки: от 5 до 10 лет – 18 человек, от года до 5 лет – 20 человек. Большинство (139 человек) были осуждены за другие уголовные преступления. Шпионские дела (ст.58 п.8 УК) рассматривались Военным трибуналом, который кроме расстрела применял и не столь суровую меру в виде 10 лет заключения с поражением в правах до 5 лет. Статистические сведения «О результатах следственной работы», сведенные в таблицы и приложенные к докладным запискам-отчетам, еще ждут своего исследования.

Агентурно-осведомительный аппарат принимал активное участие в разложении религиозных групп. Помимо вызовов организаторов религиозных сборищ в районные отделения НКВД, которые давали повод рядовым членам заподозрить их в связях с органами, последние распространяли через агентуру слухи, порочащие руководителей групп, сеяли недоверие к ним, создавали видимость их антисоветской деятельности с целью дать властям повод к переселению немцев в Нарым и пр.

Особая ценность осведомительской деятельности для властей заключалась в предотвращении побегов с места поселения и дезертирств с предприятий оборонной промышленности, а также в борьбе с уголовными преступлениями. Агентурные донесения такого рода немедленно шли в аппараты милиции и ББ, которые принимали соответствующие меры. Осведомители помогали в установлении местонахождения бежавших, их связей с родственниками, оказывали неоценимые услуги в соблюдении режима спецпоселения (выявляли самовольные отлучки), в трудовом использовании спецпоселенцев.

Одной из главных задач осведомления являлось выявление настроений спецпоселенцев. Отчеты, как правило, содержат их обстоятельные характеристики, как положительные, так и отрицательные. Отрицательных, связанных с общим недовольством людей тяжелым материальным положением, попранием гражданских прав, было гораздо больше. Это позволяло органам относить всех спецпоселенцев к такой категории населения страны, которая враждебна советской власти. Так, сохранились донесения агентов о реакции немцев на уже упомянутый указ от 26 ноября 1948 г. Когда власти стали брать подписки о невозвращении в родные места, многие, не зная за собой никакой вины, падали в обморок,

рыдали, грозили самоубийством, просили: «Не хотим жить каторжанами, лучше поставьте нас всех под автомат, чем мы будем жить, как собаки на цепи».

Но осведомление давало в руки органам и материал о «незаконных» действиях на местах по отношению к спецпоселенцам руководителей предприятий, организаций, ущемлявших их «законные» права. Соответствующая информация направлялась руководством УНКВД в областной комитет ВКП(б), в областной Исполнительный Комитет, которые предпринимали те или иные ответные меры. Только за один 1947 г. в эти инстанции ушел 21 доклад ОСП о настроениях спецпоселенцев, связанных с трудовым, хозяйственным и бытовым устройством, снабжением, грубым обращением, притеснениями разного рода, использованием не по назначению специалистов с высшим и средним образованием и т.п. В 1949 г. стали практиковаться выступления главы УНКВД Г.Петровского на совещаниях председателей районных исполнительных комитетов о хозяйственном и бытовом устройстве спецпоселенцев, о переселении их в другие районы, где они могли быть обеспечены жильем и пр. С 1950 г. председатель областного исполнительного комитета регулярно направлял председателям районных исполкомов указания «о незаконных действиях некоторых руководителей совхозных и хозяйственных организаций, ущемляющих законные права выселенцев». Это могли быть невыплаты зарплаты, декретных или отпускных, премий, отказы детям в яслях и в транспорте для подвоза топлива или овощей, необоснованные увольнения с работы, изъятия имущества, оскорбления. Все это рассматривалось как нарушение Постановления СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев». По целому ряду дел местным властям удавалось восстановить справедливость. Как «перегиб», к примеру, было расценено ими в марте 1950 г. увольнение в Северном районе из школ не только учителей-немцев, но и техничек, дворников, кочегаров, проработавших на своих местах по пять-шесть лет. По настоянию районных отделений МГБ в Мошковском районе была восстановлена на работе акушерка Саберфельд, в Чановском районе вернули дом и скот спецпоселенке Эбель, отнятые у нее председателем колхоза, и пр.[5]

Гораздо труднее было органам бороться с «законными» ущемлениями прав спецпоселенцев, в том числе с запретами на использование специалистов высокой квалификации в учреждениях просвещения, здравоохранения и др., наложенными самой властью. Неслучайно, в отчетах за 1949 г. констатировалось, что свыше тысячи немцев – квалифицированных специалистов и рабочих не могут быть использованы по специальности, ибо это педагоги, медики

и бывшие советские работники, а рабочие – бывшие работники железнодорожного и водного транспорта и связи. Им пришлось переквалифицироваться и приобрести новые специальности.

ОСП считал своей заслугой и то, что благодаря хорошо отлаженной осведомительной сети вовремя предотвращались акции протеста спецпоселенцев. Поэтому, как констатировалось в отчетах, за все время расселения их в Новосибирской области не произошло никаких «политических волынок, банд- или диверсионных актов».

Тем не менее Управление МВД в качестве превентивной меры настойчиво разрабатывало в 1947 г. план очищения от спецпоселенцев оборонных заводов и режимных городов для дальнейшего использования их лишь на угледобыче, лесоразработках, рудниках и приисках рудно-металлургической и золотодобывающей промышленности, рыбодобыче и в сельском хозяйстве. Предполагалось введение дактилоскопирования части спецпоселенцев (ОУН, ЧСИР, «фольксдойч», власовцев) и выдачи им своеобразного волчьего билета – персональной книжки с фото и указанием возможных маршрутов передвижения (из села в район через строго определенные пункты). В северных районах области для склонных к побегам спецпоселенцев предлагалось создать особые режимные поселки. Тем самым карательная система, творя миф о своей полезности и важности, не только сохраняла, но и расширяла бы сферу своей деятельности.

Весьма волновал органы и нерешенный вопрос о спецпоселенцах – членах ВКП(б). В Новосибирской области в 1948 г. насчитывалось 360 коммунистов-калмыков и 140 членов и кандидатов ВКП(б)-немцев. Резонно расценивая пребывание спецпоселенцев на спецпоселении как акт политического недоверия к ним государства, местное управление предлагало разобраться с каждым из них персонально. Все, оставленные в партии, подлежали снятию с учета, а все неснятые – исключению из нее[6]. Однако центр не прислушался к мнению местных чекистов.

Автор статьи попыталась приоткрыть совершенно неисследованную из-за закрытости архивов страничку в истории немецкого спецпоселения в Западной Сибири. Все материалы, о которых шла речь, еще предстоит осмыслить. Но совершенно ясно одно: объективную историю российских немцев в годы депортации и спецпоселения невозможно создать без использования этих материалов. Учитывая всю важность документов из архивов НКВД–МВД, научная общественность вправе потребовать их окончательного рассекречивания и передачи в государственные архивы. Для подтверждения сказанного в приложении к статье приводятся выдержки из двух весьма характерных документов.

Приложение 1[7]

Совершенно секретно

Спецсводка № 1

ОСП УМВД по НСО (Новосибирская обл. – *Л.Б.*)

1. Об агентурно-оперативных мероприятиях среди с/п (спецпоселенцев. – *Л.Б.*) в связи с проведением 30-й годовщины Октябрьской социалистической революции.

В течение 6–7 ноября сего года оперативными группами ОСП на обслуживаемых ими объектах расселения с/п г. Новосибирска проведена следующая работа:

1. Принято оперативными работниками 80 человек агентурно-осведомительной сети, из них: резидентов – 4 чел[овека], агентов – 10 чел[овек], осведомителей – 66 чел[овек].

Принято 90 агентурных донесений, из коих:

а) по делам оперучета – 36,

б) информационных – 54.

2. Подготовлено на вербовку – 8 чел[овек].
3. Завербован 1 содержатель «КК».
4. Допрошено в порядке фильтрации – 20 немцев-репатриантов.
5. По реализованным делам негласно допрошено 8 чел[овек] (по 7-му отделению).

2. О настроениях с/п в связи с празднованием 30-й годовщины Октябрьской социалистической революции.

В день 7 ноября 1947 г. на демонстрацию вышло незначительное количество с/п. По трем заводам: № 564, 617 и 69 вышло всего 232 чел[овека]. Аналогичное положение отмечено и по другим предприятиям. По предварительным данным, низкая явка с/п на демонстрацию объясняется следующими причинами:

а) плохой организацией местных профсоюзных и партийных организаций (так! – *Л.Б.*).

б) значительная часть с/п работала в ночную смену с 6 на 7.11 с.г. и после окончания смены на демонстрацию не пошла.

в) многие не вышли (как они говорят) из-за отсутствия хорошей одежды, а некоторые (калмыки) пьянствовали.

г) значительная часть с/п-немцев не пошла на демонстрацию потому, что их не премировали.

Настроение с/п в основном здоровое...

На отдельных предприятиях имели место невыдача зарплаты немцам за их работу и непринятие мер к благоустройству жилищ немцев (необеспечение светом, водой), что вызывало отрицательные суждения...

Зам. начальника ОСП УНКВД по НСО
Подполковник Васильев

Приложение 2[8]

Совершенно секретно

Начальнику Отдела спецпоселений
Министерства Внутренних дел Союза ССР
полковнику тов. Кузнецову
город Москва

Докладная записка
О подписке спецпереселенцев на заем и их настроениях в связи с этим

Материалы, получаемые от агентуры, показывают, что подписка на заем «Восстановление и развитие народного хозяйства СССР» среди спецпереселенцев, работающих на предприятиях города Новосибирска, в основном проходит успешно.

По Заводу № 564

В цехе № 2 после передачи по радио правительственного сообщения о выпуске нового займа был проведен общецеховой митинг. На этом митинге выступили с/п-немки Бах и Бонн, которые заявили, что они подписываются на полуторамесячный оклад и призвали всех остальных последовать их примеру. После митинга из 36 немок, работающих в этом цехе, сразу же оформили подписку 32 человека в размере 125–150% к месячной зарплате. Остальные четверо: Фриц Софья, Генберг Э., Гроссман Э. и Шнейдер В. от подписки воздержались, заявляя, что якобы им никто не помогает в смысле обеспечения одеждой и обувью, а поэтому они не хотят подписываться.

В цехе № 16 после митинга все 37 человек немок оформили подписку в размере не ниже полуторамесячного оклада.

По ЖКО завода 15 человек немок также подписались сразу в размере 100–130% к месячной зарплате и общая сумма подписки их выразилась в размере 121% к фонду месячной зарплаты.

В бараке № 26 завода в момент объявления закона о выпуске займа находилось 55 человек с/п-немок, свободных от работы. После проведенного с ними митинга все они подписались на заем в размере не ниже месячного оклада. Такие: Шмих Паулина подписалась на 160% к месячной зарплате, Шнейдер Элла на 150%, Бонн Наталья – 140%, Моор Галина на 150% и т.д.

Нашлись такие, которые не хотели подписываться на заем, как Дрейлинг Э.И. и Лотц Х.К. Однако после проведенной с ними беседы и они подписались: Дрейлинг при зарплате 619 рублей на 700 рублей, Лотц при зарплате 450 рублей на 500 рублей.

Источник «Евгения» сообщил, что, когда началась подписка на новый заем, с/п-немка Вагнер Мария Яковлевна, высказывая недовольство выпуском займа, в присутствии источника заявила:

«Это только дураки подписываются на заем. Этим паразитам я ни копейки не дала б. Как мне неохота, что существуют колхозы и будет ли такая жизнь, какая была раньше».

Краймер Мария, поддерживая ее, сказала:

«Да когда же эта проклятая жизнь переменится. Как мои бедные братья мучаются в лесах и за что. Чем подписываться на заем, лучше эти деньги я послала бы своим братьям».

Вагнер М.Я. происходит из кулацкой семьи, отец ее в 1938 г. арестован органами НКВД.

Подписка по заводу № 564 еще продолжается.

По тресту «Сибстанкострой»

После передачи по радио сообщения о выпуске займа, сразу же был проведен митинг. После митинга все с/п оформили подписку. Общая сумма выразилась в 106,2% к фонду месячной зарплаты.

С/п-немец Гунгер Адольф Романович при зарплате 400 рублей подписался на 800 рублей.

По этому тресту зафиксированы следующие отрицательные факты при проверке подписки на заем.

С/п-немец Гайер Иван Федорович, 1921 г. рожд., отказывался от подписки. После беседы с ним уполномоченного по подписке он подписался лишь на 100 рублей при зарплате 300 рублей в месяц.

Другой немец – Винс Николай Генрихович, 1923 г. рожд., подойдя к уполномоченному по подписке Соловьевой, попросил подписать его на 1000 рублей. Когда последняя спросила его, не тяжело ли будет ему платить, так как он получает зарплату 250 рублей в месяц, Винс заявил: «Мне все равно голодать. Подпишусь на 1000 или на 250, безразлично».

Как сообщает источник «Нахай», репатриированный немец Куят Даниил Данилович после передачи по радио сообщения о выпуске займа заявил:

«Я и так мало получаю зарплаты, а им еще буду подписываться на заем. Пойду в контору и скажу, что подписываться на заем не буду».

После индивидуальной беседы с ним он подписался на 350 рублей. Подписка по тресту «Сибстанкострой» завершена 3-го ночью.

По Горстройтресту

3 мая завершили подписку только по участку № 4, где работают 13 человек с/п-немцев, которые все охвачены подпиской.

При зарплате 200–250 рублей подписались на месячный оклад. Немец Кеслер Иван в течение 3 и 4 мая, несмотря на неоднократные беседы с ним членов комсода (комиссии содействия. – *Л.Б.*), отказался от подписки, заявляя, что он осужден за прогул к принудработам с вычетом 25% из зарплаты и достаточно того, что высчитывают с него в пользу государства...

Завод № 69

На 4-м объекте завода (в 2 цехах) работают 108 человек репатрнированных немцев, которые в первые же часы объявления закона о выпуске займа все до одного подписались на сумму от 100 до 150% к месячной зарплате.

Такие, как Сайбель Александр Александрович, при зарплате 800 рублей в месяц подписался на 1500 рублей, Битнер А.К. при зарплате 700 рублей подписался на 1200 рублей, Миллер И.К. при зарплате 1020 рублей подписался на 1500 рублей и т.д.

Завод № 65

По заводу № 65 подписка на заем в основном завершена, подписавшихся менее чем на месячный оклад нет. Некоторые с/п: Зальцман Вера Яковлевна при зарплате 280 рублей в месяц подписалась на 500 рублей, Тиссен Эльза Филипповна при зарплате 500 рублей подписалась на 700 рублей...

В то же время, как сообщает агентура, со стороны с/п по этому заводу имеются следующие разговоры отрицательного характера:

Немка Ребенсдорф Ф. в беседе с источником «Щеблыкиной» заявила, что она «совсем не хотела подписываться на заем, так как за все надо платить, а ничего не заработаешь», но ее якобы силой заставили подписаться.

Метцель Павлина Андреевна, вернувшись после подписки на заем в барак, заявила, что она тоже совсем не хотела подписываться на заем, но ее весь день мучили, два раза вызывал начальник цеха к себе, обещал дать ордер на платье и ботинки и лишь после этого она согласилась подписаться на заем.

То же заявили немки Триппель Ольга, Бетрамм Анна, Кошке Эльза и Остертах Платина...

По домоуправлению № 3 комбината № 179, где работают 17 человек немцев, в течение двух часов была закончена подписка и сумма ее выразилась в 125% к фонду месячной зарплаты.

Спецпереселенец-немка Эслауэр Мария Петровна (завод № 677) 3 мая при проведении подписки члену комсомола тов. Дружинину заявила:

«Вы предлагаете мне подписаться на 150%... Хотите, чтобы мы с голоду умерли. Я больше чем на 150 рублей не подпишусь».

При зарплате 750 рублей она подписалась на 450 рублей.

Начальник Отдела спецпоселений
УМВД по НСО генерал-лейтенант Г.Жуков

6 мая 1946 г.
г. Новосибирск

Примечания:

[1] Архив Управления МВД по Новосибирской области. Ф. 5. Оп. 7. Пор. 1. Д. 9. Л. 204–206.
[2] Там же. Оп. 10. Пор. 2. Д. 1. Л. 6–11.
[3] Там же. Оп. 14. Пор. 1. Д. 1. Л. 53–58.
[4] Там же. Л. 218–219.
[5] Там же. Оп. 13. Пор. 2. Д. 18.
[6] Там же. Оп. 11. Пор. 1. Д. 2. Л. 42–50.
[7] Там же. Оп. 9. Пор. 1. Д. 9. Т. 2. Л. 182–183.
[8] Там же. Пор. 2. Д. 9. Л. 108–110.

Л.Бургарт, *Усть-Каменогорск*

Судьба человека – судьба народа. Личные дела немцев-спецпоселенцев как источник по проблеме депортации и режима спецпоселения*

1945–1955 гг. стали десятилетием, когда в отношении репрессированных в 1930–1940-е гг. народов, в том числе и немецкого, был законодательно оформлен и установлен особый режим спецпоселения, сводившийся к тотальному контролю НКВД за всеми сторонами жизни и деятельности так называемых спецпоселенцев.

Первым уровнем тотального контроля за жизнью спецпоселенцев стали спецкомендатуры, созданные в 1945 г. после выхода постановления СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев»[1]. Согласно инструкции[2], спецкомендатуры образовывались в местах размещения спецпоселенцев и имели в своем подчинении по несколько населенных пунктов. Через спецкомендантов и их

* Статья подготовлена по материалам Архива УВД Восточно-Казахстанской области (ВКО).

помощников спецкомендатуры должны были осуществлять учет спецпоселенцев, контролировать занятость общественно-полезным трудом, предотвращать побеги, принимать заявления и жалобы спецпоселенцев, налагать штрафы и взыскания[3]. Контроль за их работой осуществляли районные отделы НКВД и УНКВД областей, а также органы Прокуратуры.

Комендантский режим был резко ужесточен после выхода известного Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.[4]

Перед спецкомендатурами была поставлена задача 100% учета спецпоселенцев. На всех спецпоселенцев, достигших 16-летнего возраста, были заведены личные дела. Они стали одним из документальных воплощений тотального контроля, установленного в отношении репрессированных народов, и на сегодняшний день представляют ценный исторический источник. Мы предприняли попытку его анализа на примере личных дел немцев-спецпоселенцев Восточного Казахстана. Первоначально их дела хранились в Архиве УВД ВКО, ныне они переданы в Центр правовой статистики и информации при Прокуратуре ВКО.

В качестве исторической справки отметим, что всего на территорию Восточно-Казахстанской области в 1941–1942 гг. было депортировано около 28 тыс. немцев[5]. Накануне войны, согласно переписи населения 1939 г., численность немцев здесь составляла 4041 человек. К первому января 1949 г. в результате процессов естественного воспроизводства населения и массовых мобилизаций в «трудармию» численность немцев в ВКО сократилась до 19 490 человек[6].

В местах расселения немцев было образовано 25 спецкомендатур, впоследствии их число возросло до 35.

В Центре правовой статистики и информации при Прокуратуре ВКО хранится около 70 тыс. личных дел, заведенных на спецпоселенцев различных национальностей.

Автором был проанализирован довольно значительный объем личных дел спецпоселенцев-немцев. Личное дело представляет собой папку с определенным набором документов и материалов, отражающих контроль за каждым отдельно взятым спецпоселенцем.

На обложке личного дела указывались Ф.И.О. спецпоселенца, дата начала и окончания дела, категория учета («выселенный», «местный», «репатриированный»), в правом верхнем углу – гриф «секретно». Личные дела составлялись и велись на основе инструкции, выдержка из которой помещалась на обратной стороне обложки личного дела. Затем следовал перечень документов, содержащихся в личном деле.

На основе анализа личных дел можно выделить две основные группы таких документов:

1. Документы и материалы, включенные инструкцией в разряд обязательных и присутствующие в каждом личном деле;

2. Документы и материалы, присутствующие не в каждом личном деле, но в значительной их массе. Многие из этих документов не включены инструкцией в разряд обязательных, однако непосредственно связаны с положением спецпоселенцев в условиях особого режима.

Первая группа включает в себя восемь обязательных документов:

1. *Анкета спецпоселенца.* Анкета состоит из 21 вопроса. Большая часть вопросов нацелена на получение информации биографического характера (дата, место рождения, образование и т.д.), отдельные вопросы связаны с выяснением «политической благонадежности» спецпоселенцев (судимость, проживание на оккупированных территориях, пребывание за границей, в плену и т.д.).

Данные анкет содержат ценнейшую информацию для исследователей проблемы депортации немцев. На их основе можно представить подробную характеристику немецкого населения в период между переписями (конец 1940–начало 1950-х гг.). Более того, на наш взгляд, весьма перспективна идея создания компьютерной базы данных о немцах-спецпоселенцах, в основу которой легли бы анкеты из личных дел спецпоселенцев. Анализ систематизированных данных позволил бы осуществить моделирование социального портрета немцев-спецпоселенцев. Этот портрет мог бы вобрать в себя целый ряд глубоких характеристик немецкого населения: его половозрастную структуру, образовательный уровень, состав семей, профессиональный уровень, знание родного языка, установить основные регионы выхода депортированных немцев, картину размещения в новых районах и т.п.

Аналогичные базы данных могли бы быть созданы и по другим категориям спецпоселенцев. Значимость компьютерных баз данных как для архивов, центров хранения личных дел спецпоселенцев, так и для исследователей различных профилей бесспорна.

2. *Справка – основание содержания на учете спецпоселения,* которая позволяет установить, к какой «категории» принадлежит спецпоселенец, т.е. взят он на учет как «выселенный», «местный» или «репатриированный». Каждая такая справка заканчивается выдержкой из Указа от 26 ноября 1948 г. о том, что спецпоселенец «оставлен навечно в местах обязательного поселения без права возврата к прежнему месту жительства».

3. *Автобиография спецпоселенца,* написанная им от руки или, в случае неграмотности, спецкомендантом.

4–7. *Четыре одинаковые по форме расписки* спецпоселенцев, которые по сути отражают законодательную базу режима. *Первая* расписка свидетельствует об ознакомлении спецпоселенцев с Постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г., законодательно установившим режим спецпоселения, но датировка расписок свидетельствует о том, что произошло это ознакомление не в 1945 г., а уже после выхода Указа от 26 ноября 1948 г. Ознакомление с этим указом составило содержание *второй* расписки, взятой со спецпоселенцев. Этим актом ознаменовалось ужесточение установленного режима. Хотя коменданты спецкомендатур получили указание произвести ознакомление всех спецпоселенцев с указом до конца года[7], эта процедура продолжалась еще в 1949 г., а многие расписки датированы даже 1950 г. *Третья* расписка связана с внесением некоторых изменений в «правовое положение» спецпоселенцев в 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 13 июля 1954 г. и Совет Министров СССР своим Постановлением от 5 июля 1954 г. «предоставляли спецпоселенцам право проживания в области, в которую они были выселены, и право свободного передвижения в любой пункт страны по служебным командировкам». При этом спецпоселенцы были обязаны:

1. При перемене места жительства внутри области, сняться с учета в спецкомендатуре МВД, а по прибытии к новому месту жительства, немедленно встать на учет;

2. О выездах в командировки за пределы области сообщить в спецкомендатуру МВД;

3. Являться лично на регистрацию в органы МВД один раз в год[8].

Четвертая расписка связана с известным «освобождением» немцев от учета спецпоселения. Основная масса этих расписок датирована 1956 г. Ставя свою подпись под этой распиской, немцы оказывались лишенными права возврата в места, из которых были депортированы, и не имели права на материальные претензии к государству[9].

8. *Регистрационный лист или учетная карточка спецпоселенца.* Этот документ является непосредственным отражением механизма учета спецпоселенцев и представляет собой календарную таблицу, куда вносились дни явки спецпоселенцев на отметку в спецкомендатуры и их личные подписи.

Этот комплекс документов позволяет четко проследить общность судьбы немцев, законодательную основу режима спецпоселения, его установление и действие на различных этапах, а также содержит материалы, на основе которых может быть создана база данных о немецком населении в период между переписями.

Вторая группа документальных материалов, находящихся в личных делах, гораздо больше по объему и разнообразнее. Именно по этим документам можно судить о положении немцев в условиях тотального контроля за их жизнью и о реальном функционировании режима спецпоселений.

Эту группу составляют следующие документы:

1. Словесные портреты спецпоселенцев-немцев (в некоторых личных делах они отсутствуют, очевидно, из-за упущений спецкомендантов). Словесный портрет составлялся комендантом в произвольной форме, либо в виде отметок в заранее заготовленном формуляре. Этот документ представляет собой полное описание внешности спецпоселенца с указанием особых примет. Если бы не отметка на личных делах о категории учета, то вполне можно было бы принять их за личные дела уголовников. Цель составления словесных портретов очевидна. Их использовали в первую очередь для четкости контроля за спецпоселенцами, а также для поиска и задержания спецпоселенцев, совершивших побег из мест обязательного поселения.

2. Одним из свидетельств тотального контроля за жизнью немецкого населения, в частности за демографическими процессами в их среде, являются заявления спецпоселенцев в спецкомендатуры о рождении, смерти, выезде, вступлении в брак членов семьи. Характер этих заявлений позволяет судить о том, насколько строго исполняли немцы свою обязанность информировать органы власти. Так, например, спецпоселенец А.Кисельман не просто сообщает в своем заявлении о рождении ребенка, но и просит «взять его на учет спецпоселения и не отказать в просьбе»[10].

Аналогичным образом выглядела ситуация и в отношении миграционных движений. Доказательством этого служат многочисленные заявления спецпоселенцев с просьбой о разрешении выезда в другие регионы на учебу, работу, лечение, а также для воссоединения с родственниками. Они позволяют сделать вывод о высоком уровне потенциальной миграционной активности немецкого населения и низком уровне фактической миграционной активности. Давая разрешения на переезд, органы МВД строго регламентировали передвижение спецпоселенцев. Им выдавались маршрутные листы с указанием станций, через которые они обязательно должны были проследовать. Малейшее отклонение от маршрута квалифицировалось как побег.

Ряд документов, хранящихся в личных делах спецпоселенцев, позволяет выделить комплекс проблем, связанных с их положением в условиях особого режима:

а) чрезвычайно острой была проблема разрозненности семей. В личных делах отложились заявления спецпоселенцев с просьба-

ми о воссоединении и переписка органов МВД (часто длившаяся в течение нескольких лет), связанная с принятием решения по этим заявлениям. Здесь необходимо отметить и многочисленные заявления о розыске родственников, пропавших без вести в ходе массовых депортаций, мобилизаций в «трудовые лагеря»;

б) в личных делах имеется ряд заявлений и переписка с органами МВД по вопросу о снятии с учета спецпоселения. Эти заявления принадлежат в основном лицам не немецкой национальности, выселенным вместе с немцами в составе их семей и утратившим затем родственные связи. Их анализ позволяет получить представление о сложившемся у населения представлении о немцах и об отношении к ним;

в) проблема взаимоотношений немцев с властями на местах представлена во множестве заявлений и жалоб о незаконных увольнениях с работы, выселениях из домов, оскорблениях, избиениях и других «ущемлениях прав». Чаще всего эти заявления мертвым грузом лежали в спецкомендатурах, нисколько не облегчая участи немцев-спецпоселенцев.

3. Особо выделяются документы, отражающие превентивные меры властей против нарушителей режима:

а) объяснительные записки спецпоселенцев об отлучках, опозданиях на регистрацию в спецкомендатуры, самовольных выездах из мест поселения;

б) протоколы судебных процессов по фактам нарушения режима;

в) решения о мерах наказания нарушителей режима: наложения штрафов, аресты от 3 до 15 суток, выселение в режимные поселки, тюремное заключение на срок от 5 до 15 лет, каторжные работы на срок до 20 лет.

4. Изменения, произошедшие в положении спецпоселенцев в начале 50-х годов, также отражены в личных делах. В личных делах немцев, имевших несовершеннолетних детей, находим отметки об освобождении этих детей от учета; в личных делах «местных» немцев – решение об их освобождении в 1954 г., т.е. еще до принятия указа об «освобождении» всех немцев. Аналогичные документы находим в личных делах немцев, являвшихся членами КПСС, также освобожденных в 1954 г.[11]

5. Особый интерес представляют личные дела отдельных категорий спецпоселенцев, например бывших «трудармейцев» и «репатриированных». Личные дела бывших «трудармейцев» содержат сведения о трудовых лагерях, условиях пребывания в них и могут быть использованы как дополнительный источник по изучению «трудармий». К примеру, в личном деле бывшего «трудармейца» Е.Коха хранится карта отпечатков пальцев, снятых

в Бакаллаге НКВД СССР, инвалидная карточка, пропуск на проезд из лагеря на спецпоселение в Восточный Казахстан[12].

Очень интересные материалы отложились в личных делах немцев-репатриантов (к этим делам приложены и личные документы). Численность этой «категории немцев» в ВКО была небольшой (по данным на 1 января 1953 г. – 24 семьи, 69 человек). Судьба репатриантов также довольно четко прослеживается по материалам личных дел. Свидетельством их проживания на оккупированных немецкими и румынскими войсками территориях является документ, подтверждающий принадлежность к немецкой национальности. В личном деле репатриантки Е.Лемке это, например, «Ausweis der Deutschen Volksliste der Ukraine». Следующим этапом в судьбе этой категории немцев стало переселение в Польшу и Германию, в ходе которого им были выданы удостоверения переселенцев – «Umsiedlerausweis», а затем по прибытии в Германию – свидетельство о немецком гражданстве – «Einbuergerungsurkunde»[13]. Судьба этих людей в общих чертах известна, хотя многие вопросы, связанные с проблемой репатриации, остаются пока не освещенными. В личном деле репатриантки Е.Лемке мы находим удостоверения органов НКВД о прохождении через систему фильтрационных лагерей для репатриантов, а также документ, отражающий заключительный этап – справку о взятии на учет спецпоселения[14]. Таким образом, немцы-репатрианты, как известно, разделили участь остальной части немецкого населения в СССР.

Анализ материалов, составивших вторую группу документов из личных дел немцев-спецпоселенцев, помогает реально и весьма конкретно представить себе их положение.

Каждое личное дело – это не только отражение судьбы отдельного человека, но в то же время – часть общей судьбы немецкого народа в СССР. Проведенный выше анализ показывает, что личные дела могут быть использованы, как основа для моделирования социального портрета немцев-спецпоселенцев в 40–50-е гг., они позволяют дать многостороннюю характеристику самого режима спецпоселений и проследить основные этапы судьбы немцев, в особенности их положения в регионах, на местах. Личные дела могут быть использованы как дополнительный источник в исследовании проблем, связанных с мобилизацией немцев в «трудармию», «репатриацией» из Германии и др.

Личные дела немцев-спецпоселенцев – важная составная часть региональных архивов, фонды которых используются исследователями, к сожалению, далеко не полностью. Личные дела представляют особый интерес как источник не только для историков, но и для политологов, демографов, социологов, занимающихся изучением одной из самых трагических страниц истории немецкого народа в СССР.

Примечания:

[1] См.: История российских немцев в документах / Под ред. В.А.Аумана и В.Г.Чеботаревой. М., 1993. С.175.

[2] См.: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee / Hrsg. A.Eisfeld, V.Herdt. Köln, 1996. С.265–266.

[3] Там же.

[4] См.: История российских немцев в документах. С. 176.

[5] Подробнее об этом см.: Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997.

[6] Там же.

[7] Центр правовой статистики и информации при Прокуратуре ВКО (ЦПСИ ВКО). Ф. 5. Оп. 2. Д. 44. Л. 24.

[8] Здесь и далее выдержки приводятся из личных дел спецпоселенцев-немцев // ЦПСИ ВКО. Фонд личных дел.

[9] См.: История российских немцев в документах. С.177.

[10] ЦПСИ ВКО. Фонд лич. дел. Арх. 4137. Л.д. 4784. Л.10.

[11] Там же. Арх. 4778. Л.д. 486. Л.13.

[12] Там же. Арх. 4135. Л. 7, 16, 17, 22.

[13] Там же. Арх. 13505. Л.д. 3617. Приложение. Личные документы.

[14] Там же. Л. 1, 16.

Т.Сабурова, *Архангельск*

Этнические немцы на Севере*

История этнических немцев на Севере неотделима от истории переселенчества и депортации больших масс людей и даже целых народов, столь характерных для советского периода нашей страны. Начало ее уходит в 1929 г., когда первые партии крестьян, так называемых кулаков и подкулачников, были лишены своего имущества, земель, скота, домов и отправлены на поселение в отдаленные и необжитые районы страны. Приказом ОГПУ № 44-21 от 2 февраля 1930 г. к их числу был отнесен и европейский Север. Только в 1930–1931 гг. сюда было вывезено 55 210 семей (около 230 тыс. человек). В последующие годы выслано еще 217 689 человек.

В числе раскулаченных и высланных были и этнические немцы – из Республики немцев Поволжья (далее – РНП), Саратовской, Куйбышевской областей, нижней Волги, с Черноморского и Азовского побережий, из Крыма, Одесской области, со всего юга Украины и России – Николаевской, Херсонской, Запорожской, Сталинской, Днепропетровской, Ростовской областей и Северного Кавказа.

* Статья подготовлена по материалам архивных дел, хранящихся в архиве ФСБ по Архангельской области.

Другая масса спецпереселенцев появилась на Севере в период Великой Отечественной войны, когда в августе 1941 г. ликвидировали АССР немцев Поволжья и другие автономии и выселяли из объявленных на военном положении местностей так называемых «социально-опасных элементов». В их числе оказалось 948 828 немцев – из всех областей и краев, куда докатилась война. Половину депортированных – 446 480 человек – составляли немцы из автономии Поволжья.

В 1945–1946 гг. в целом по стране на спецпоселение поступило еще 120 192 немца, репатриированных из Германии и Австрии, а также часть мобилизованных в 1942–1943 гг. в трудармию и рабочие колонны.

По данным областного управления МВД на 1 июля 1947 г. на спецпоселении в Архангельской области находилось 3638 семей немцев-репатриантов (11 392 человек), 1630 власовцев (среди них были и немцы) и 1368 трудармейцев.

Учет немцев-«кулаков» отдельно не велся, они входили в общее число раскулаченных.

При подготовке статьи автором были собраны материалы о группе реабилитированных в 1989–1993 гг. советских немцев, всего около 500 человек, по архивным следственным делам, хранящимся в архиве бывшего КГБ области. Оказалось, что эти материалы достаточно полно отражают процессы, происходившие в среде спецпереселенцев. По ним можно судить об истории этнических немцев, вернее, об определенной части их истории в период проживания в Архангельской области.

Немцы здесь были расселены в 94 специальных поселках и девяти городах и районных поселках. Больше всего их оказалось в Приморском, Плесецком, Онежском, Ленском и Котласском районах – раскулаченные, депортированные, трудармейцы, репатриированные.

Только в Плесецком районе насчитывалось 26 спецпоселений, в которых проживали немцы: Ломовое (из Крыма), Ваймуга (из Куйбышева), Емца (из Одессы), Обозерская (из Крыма), Плесецкая тракторная база (из Крыма, Одессы), Плесецкий завод №1 (репатрианты из Крыма, Одессы, Запорожья, Кировограда, Сталинской, Киевской областей), Белое Озеро (из Днепропетровской области), Лельма (из Одессы), Касское (из Крыма), Кочмас (из Одессы), Костыли (репатрианты из Херсонской области), Карасово (из РНП), Курган (из Николаевской области), Перекоп (из Херсона, Одессы, Николаева), Малиновка (из Крыма, Кривого Рога), Водопад (из Крыма, Черниговской области), Ижошка (из Крыма, Одессы), Глубоковский (из Крыма, Волыни), Волчаница (из Крыма, РНП), Шипечное и Липаково (из Харьковской области).

В Онеге, в спецпоселках лесозаводов № 32 и 33, жили немцы из Крыма, Одесской, Саратовской, Днепропетровской, Житомирской областей. Раскулаченные и депортированные немцы из Одесской области жили также в спецпоселке Падун, из РНП – в спецпоселке Малощуйка, саратовцы – в Тоньеве, Мудьюге, днепропетровчане – в Рочеве, Тоньеве, Кодино. В Кодино жили также репатрианты из Запорожской, Ростовской, Сталинской, Киевской областей.

В Котласском районе немцев расселяли в 11 населенных пунктах: Сольвычегодске (из РНП), Котласе, д. Выставка, спецпоселках Лименда, Кирпичный завод, лесобиржах Хвостик, Головко, Макариха, Болтинка, лесопунктах Согдунский, 21 км – штаб трудармии – из РНП, Днепропетровской, Харьковской, Одесской, Саратовской, Куйбышевской, Житомирской, Запорожской, Херсонской областей, Молдавии.

Как правило, жителей одной области расселяли по разным районам и поселкам, разъединяли, растворяя ее в массе спецпереселенцев других национальностей, чтобы не допустить сохранения особенностей языка, быта и культуры.

К примеру, в спецпоселке Белое Озеро, помимо немцев Поволжья и днепропетровчан, проживали русские и украинцы из Воронежской, Одесской, Херсонской областей. В спецпоселке Перекоп вместе с немцами жили поляки-осадники и беженцы из Польши. В спецпоселке Водопад наряду с крымскими немцами жили и высланные из Черниговской, Брестской, Воронежской областей и польские осадники. В спецпоселке Красный Бор кроме раскулаченных немцев Поволжья проживали высланные из Западной Украины поляки и украинцы. И так повсюду, власти тасовали всех, как карточную колоду.

Надо отметить, что более всего Архангельская область приняла репатриированных немцев, депортированных было меньше, их, в основном, отправляли в Сибирь, Казахстан, Киргизию. А вот в местах лишения свободы, наоборот, особенно в первые годы войны, из 125 осужденных в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) в 1941–1942 гг. немцев только из РНП – насчитывалось 150 человек. И этому есть объяснение: перед ликвидацией немецкой автономии наиболее опасные, с точки зрения НКВД, лица были изолированы в лагеря, чтобы предотвратить возможные эксцессы при выселении.

Самыми многочисленными группами из реабилитированных оказались крымские немцы – 77 человек, поволжские – 134 (почти треть, причем половина из них сидела в лагерях), одесские немцы – 85 человек, днепропетровские – 44 и запорожские – 23 человека. Представителей других областей и регионов стра-

ны – от двух до десяти человек. Поэтому о них, как о группах, речь не идет. Хотя, как известно, число реабилитированных не равно числу всех проживающих, так же как число реабилитированных не равно числу всех репрессированных (фактор времени, рассылки дел по другим регионам, реабилитация прошлых лет и т.п.).

328 человек из анализируемой группы проживали в спецпоселках, из них расстреляно 68. Расстрелам подвергались, в основном, раскулаченные и депортированные, из числа репатриантов расстрелянных нет.

Раскулаченные работали на лесозаготовках и переработке леса, на водно-водорослевом заводе, предприятиях местной промышленности, лесорубами, грузчиками, плотниками, чернорабочими. Немало среди них оказалось счетных работников.

Трудармейцы возводили железнодорожный мост через реку в Котласе и мостозавод.

Немцы-репатрианты строили Архбумкомбинат, Онежный гидролизный, Кодинский целлюлозный комбинаты, объекты в Плесецком районе.

151 человек, практически одна треть, на момент ареста находилась в местах лишения свободы. Из них расстрелян 101 человек, в том числе в 1941–1942 гг. – 87.

Всего расстреляны были 169 человек, т.е. каждый третий, а в лагерях и того больше – каждые два немца из трех.

Положение спецпереселенцев можно охарактеризовать словами из письма одного из бывших раскулаченных: «...Наша семья из 12 человек проживала в Житомирской области... В 1931 г. семья подверглась раскулачиванию и высылке в Архангельскую область, полустанок Левашка Плесецкого района, а оттуда – за 25 километров по болоту до Захарова Озера, где был один-единственный барак, а народу высланных, таких, как мы, – тысячи. Впоследствии все ссыльные были переведены в поселок Ваймуга, близ станции Пермилово... От нашей семьи в 1933 г. остался я один...».

Спецпереселенцы не имели никакого имущества, только то, что разрешалось вывезти на себе. Они не имели права отлучаться с места высылки без ведома и разрешения органов НКВД, самовольно посещать пункты, где им было запрещено проживание. Самовольная отлучка за пределы района расселения рассматривалась как побег и влекла уголовную ответственность: по закону до трех лет лишения свободы, а на деле – вплоть до расстрела.

Главы семей или лица, их заменяющие, обязаны были ежемесячно являться на регистрацию, в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру о всех изменениях, происшедших в составе

семьи (рождении ребенка, смерти члена семьи, побеге и т.п.). Дети спецпоселенцев также находились под административным надзором и ограничивались в правах. За нарушение установленного порядка спецпоселенцы подвергались штрафу до 100 рублей и аресту до пяти суток.

Эти и другие ограничения и ущемления прав в равной мере распространялись на всех спецпоселенцев, в том числе и на немцев. Именно на долю немцев (и ряда других национальностей) выпали дополнительные ограничения и ужесточения режима.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. устанавливалось, что переселение их произведено навечно, без права возврата к прежнему месту жительства. За побег с места поселения следовало наказание в виде 20 лет каторжных работ. С каждого депортированного и репатриированного немца была взята расписка о том, что он ознакомлен с данным указом.

За поведением спецпоселенцев надзирали коменданты, в обязанности которых входило предотвращение побегов и выявление среди немцев уголовно-преступных элементов. Надзор осуществлялся строго. Беглецы исправно отлавливались, и редко кому удавалось ускользнуть. Немцы в равной мере со всем народом хлебнули лиха по печально известной статье 58-й пункт 10 Уголовного кодекса (УК) за антисоветскую агитацию. Но были и особенности. На втором месте после антисоветской агитации, например, у китайцев и корейцев шли обвинения в шпионаже, у поляков – шпионаже и создании шпионско-повстанческих организаций, а у немцев – связи с зарубежными фашистскими организациями и помощь им в борьбе против СССР, в войну – подготовка вооруженного восстания с целью свержения советской власти (особенно в лагерях), в послевоенное время – измена Родине в годы войны. Также в обвинениях, предъявляемых немцам, непременно присутствовали эпитеты «фашист», «фашистская». Если организация – то только фашистская.

Крымские немцы попали на север, в основном, как раскулаченные в 1929–1930 гг. Их направляли в Приморский и Плесецкий районы. За неимением жилья в Приморском районе они размещались в Пертоминском монастыре, бывшем в 20-е гг. концлагерем. Спецкомендатура размещалась там же.

Значительная часть выселенных из Бьюконларского, Тотокайского, Джанкойского и Феодосийского районов жили в спецпоселке Кега на о. Жижгин, здесь же работали на йодно-водорослевом заводе. Обстановка была, прямо сказать, драконовская. За одно слово недовольства следовал арест. Владимир Губер, 32 лет, счетовод, высказавшийся по поводу условий труда и быта в поселке, в мае 1931 г. осужден на пять лет концлагеря.

Жили семьями, работали семьями, семьями и в тюрьму попадали. Так, трое из четверых братьев Бенц: Давид – 27 лет, Отто – 33 года и Эмиль – 35 лет, счетоводы завода, арестованы в августе 1937 г. за антисоветскую агитацию и отправлены в лагерь на десять лет.

В Плесецком районе выселенные из Сейтлерского сельсовета Феодосийского района, а также и Франгеровского, Бююконларского и Фрондарского районов обживали 13 спецпоселков – Сосновка, Малиновка, Касское, Дубровка, Водопад и др.

Летом 1933 г. в спецпоселке Касское прокатилась волна арестов. Первым 26 июля взяли учителя, Вильгельма Ландиса, 32 лет, а через два дня – еще пятерых: Фердинанда Дубса, 40 лет, старосту поселка, его брата Альберта, 50 лет, а также Генриха Шварца, 35 лет, Рейнгольда Маргинталлера, 43 лет, и Вольдемара Нефа, 31 года. Учитель и староста обвинены в том, что сплотили вокруг себя контрреволюционно настроенных немцев, проводили антисоветскую агитацию. Учитель якобы направлял меннонитским общественным деятелям сведения с целью дискредитации советской власти (на самом-то деле обращался с просьбами о помощи голодающим). Остальные обвинены в участии в немецкой националистической группировке и проведении антисоветской агитации. Всех отправили в концлагерь на 3 года.

Проживавшие в спецпоселках Сосновка и Волчаница работали в Волчаницком лесопункте лесорубами, грузчиками леса, рабочими по ремонту железнодорожной ветки (разъезд Летнерзерский), а также на сельхозработах. Половина из 18 арестованных в 1935–1938 гг. обвинена в оказании помощи международной буржуазии и осуществлении враждебной против СССР деятельности – ст. 58 п. 4 УК. Например, супруги Теофил Рапп, 43 лет, и Розалия Рапп, 25 лет, арестованные 1 января 1935 г., обвинены: она – в связях с немецкой фирмой ФАСТ и получении от нее валютной помощи голодающим и агитацию за получение такой помощи, он – за связь с лицами, живущими в Германии, Эстонии, Америке, систематическое получение такой помощи. Оба получили по 5 лет лагерей.

Валютная помощь была небольшой, от четырех до десяти рублей, но все же это была помощь. Условия жизни в стране были тяжелые, карточная система практически никогда не отменялась. Достаточно отметить, что в 1934 г. в Северном крае в структуре товарооборота хлеб составлял 17%, мясо – 0,7%, масло – 1%, винно-водочные изделия – 15,7%.

А каково было спецпоселенцам – без жилья, карточек, имущества, продуктов и одежды? Не удивительно, что они стучались во все адреса, в том числе иностранные. Реакция советского госу-

дарства на это была однозначной – сажать. В марте 1933 г. за это расстреляно шестеро. В феврале 1935 г. по 5 лет лагерей получили Вольдемар Фольц, 46 лет, не работавший по инвалидности и имевший на иждивении жену и трех дочерей, Эдуард Пфайфер, 49 лет, сельхозрабочий с тем же числом иждивенцев, и Матвей Раппа, 39 лет, ремонтный рабочий (жена и трое сыновей).

Александр Штоль, 42 лет, ремонтный рабочий, арестован в апреле 1936 г. за то, что в 1933–1935 гг. написал за границу разным лицам до 50 писем, в которых сообщал «провокационные» сведения об СССР, получая в ответ деньги и посылки.

По мнению следствия, сообщая о голоде и тяжелой жизни, люди клеветали на СССР, провоцировали Запад на развязывание клеветнической кампании.

В спецпоселке Ломовое Яков Янцен, 40 лет, возчик по вывозке леса, женат, пятеро детей, в январе 1933 г. пошумел, возмущаясь трудонормой, и тут же был арестован за агитацию по срыву производственных заданий (5 лет лагерей).

В спецпоселке Перекоп рабочий колхоза Иосиф Гекк, 32 лет, в октябре 1937 г. за участие в контрреволюционной фашистской организации и контрреволюционную агитацию заключен в ИТЛ на 10 лет. Отбыл срок, вернулся к семье и был вторично арестован по этому же обвинению десятилетней давности. В мае 1949 г. сослан на вечное поселение в Красноярский край. Аналогичные повторные аресты и ссылки по старому обвинению производились повсеместно по специальному указанию Министерства государственной безопасности (МГБ) – в Сибири требовались рабочие руки.

В июле 1938 г. за участие в контрреволюционной фашистской шпионско-повстанческой организации и контрреволюционную фашистскую агитацию в спецпоселке Дубровка расстреляно сразу пятеро: Михаил Гнайдер, 55 лет, Яков Дик, 40 лет, Натанаил Шеррюбле, 47 лет, Бергардт Шербюле, 54 лет, рабочие сельхозартели, и Альберт Гаар, 42-летний консультант стеклосбыта.

Немцы Поволжья проживали в Сольвычегорске, Котласе и Котласском районе, Архангельское, Коневе и спецпоселке Ледня Литвиново-Ленского района, Карасово, Белое Озеро, Красный Бор – Плесецкого, Ягрыш-Черевковского районов, Рочево – Пинежского, Малошуйка – Онежского районов.

В голодные 1932–1935 гг. призывы о помощи шли и из этих мест. В Архангельске в 1934 г. за помощь со стороны международной буржуазии отправлено в лагеря трое, в 1936 г. – еще трое ушли в лагерь из спецпоселка Ледня.

В спецпоселке Красный Бор в августе 1934 г. рабочий сельхозартели Давид Шнехт, 54 лет, арестован как шпион, имевший

систематическую связь с зарубежными фашистскими организациями. Через два месяца освобожден за недоказанностью шпионской деятельности. А еще через пять месяцев арестован вновь, но уже по ст. 58 п.4 УК, поскольку его письма в эти организации были «провокационного характера о трудной и тяжелой жизни» (шесть лет ИТЛ).

Частыми были побеги с мест, к сожалению, обычно неудачные.

Альбина Хаук, 29 лет, Иосиф Лисин, 47 лет, в 1930 г. бежали, даже не успев прибыть в назначенный им пункт проживания. Так они и пошли в лагерь на три года каждый как не имевшие места жительства и работы. За групповой побег раскулаченных в 1930 г. из Сольвычегорска приговорен к расстрелу 60-летний Генрих Бальц.

Карались не только побеги, но и любое желание получше устроиться, наладить жизнь, если это было сделано без ведома коменданта.

В том же 1930-м, в порядке раскулачивания прибыл в спецпоселок Ледня 30-летний Андрей Цытнер. Оттуда ему удалось с женой и тремя детьми перебраться в Котлас и устроиться рабочим лесобиржи, что давало возможность заработка. Однако 27 февраля 1938 г. он был арестован. Более года длилось разбирательство, выяснялось, как он посмел самовольничать, и 6 октября 1939 г. он был осужден за побег с места поселения на 3 года лишения свободы.

Но и те, кто не просил помощи, кто не бежал, а потихоньку поругивал власти, отводя душу, тоже оказывались в тюрьме, обвиненные в антисоветской агитации.

Петр Полусьмак, 36 лет, женат, шестеро детей, чернорабочий на лесозаводе № 29 в Архангельске, в июле 1941 г. получил за антисоветскую агитацию 5 лет лагеря.

А Алексей Полусьмак, 35 лет, рабочий СМЗ Архангельска, поплатился за «разговоры» жизнью – расстрелян 25 января 1938 г. По аналогичным обвинениям в 1937 г. расстреляны разнорабочий лесобиржи Болтинка Адам Рооз, 62 лет, восемь детей; спецпоселенец из Сольвычегорска Балтазар Фрец, 66 лет, пять детей, один внук; Петр Реймер, 48 лет, чернорабочий городской больницы.

В том же 1937-м расстреляны девять немцев из спецпоселка Тесовая – Филипп Гринвальд, 64 лет, Петр Гринвальд, 60 лет, Андрей Грунбергер, 53 лет, Иван Шаерман, 62 лет, Иван Сандер, 53 лет, Егор Штрейх, 54 лет, Иван Пеннер, 48 лет, Артур Гарбе, 56 лет, Эдуард Гирнвальд, 35 лет. Еще шестеро ушли в лагеря. Все обвинялись в антисоветской агитации и участии в антисоветской фашистской организации. В действительности, как установ-

лено проверкой в 1956 г., никакой контрреволюционной организации в поселке не было, никто из осужденных контрреволюционной деятельностью не занимался. Показания были выбиты как у осужденных, так и у свидетелей, а самый главный свидетель, уличавший всех, сотрудничал в тот период с органами НКВД.

В поселке Холмолеево в марте 1938 г. арестовано 70 спецпоселенцев из Куйбышевской области. Обвинение точно такое же, 22 человека осуждены к лишению свободы, остальные расстреляны. А при проверке в 1966 г. выявилось, что никакими объективными доказательствами следствие не располагало. Никто и не знал о существовании в поселке контрреволюционной организации немцев, свидетели подписали ложные показания по принуждению допрашивавших их лиц. И вся «вина» осужденных – высказывание недовольства выселением на Север и трудностями материальной жизни в поселке.

В 1946 г. приговорена к расстрелу лаборантка Архбумкомбината Лили Рудди, 22 лет, уроженка Саратовской области. Ее арестовали за изготовление в 1939 г. в возрасте 15 лет антисоветских листовок. Обжалование не помогло, приговор о расстреле оставили в силе. И удивляться тут нечему – расстрел несовершеннолетних был тогда делом узаконенным: с 10 апреля 1935 г. уголовной ответственности, вплоть до расстрела, подлежали все граждане страны, начиная с 12-летнего возраста.

У трудармейцев, помимо общих, были свои трудности. Федор Пенцлер, 26 лет, арестован в конце 1932 г. за контрреволюционный саботаж, отказы от работы. Через два месяца обвинение было снято Прокуратурой СССР, указавшей, что Пенцлер по состоянию здоровья не мог исполнять тяжелые физические работы. Однако еще год его держали в тюрьме, а затем отправили в лагерь на восемь лет по ст. 59 п.6 УК за уклонение от трудовой повинности. После отбытия наказания на основании распоряжения ГУЛАГа № 42/145520 от 29 августа 1942 г. его выслали обратно на место поселения в спецпоселок Ледня. И такие случаи не единичны.

Выселенные в 1930 г. в порядке раскулачивания из 11 районов Одесской области – Березовского (с.Кривое Озеро, Кузницкий, Волково), Карл-Либкнехтовского (с.Рорбах, Ландау, Ватерлоо, Зульп, Калиноватка), Овидиопольского (с.Францфельд), Коминтерновского (д.Волково), Беляевского (с.Выгоды), Спартаковского (с.Клейн-Либенталь), Теуло-Березанского, Цебриковского (с.Цебриково, Тарасово), Разделянского (с.Бриковка, Сельское), Захарьевского (с.Карменово, Захарьево, Дисинорово), Ново-Миргородского (с.Коробчино) – здесь, на Севере, были расселены в Архангельске и спецпоселках Лоцваж, Согзар Кега-Примор-

ского района и спецпоселках Дубровка, Перекоп, Кочмас, Ижошка Плесецкого районов. Положение в этих поселках ничем не отличалось от других. Та же борьба за выживание, то же голодное отчаяние и те же просьбы о помощи. И такой же финал – срок в лагере.

В спецпоселке Лоцваж в январе 1935 г. за оказание помощи международной буржуазии арестовано четверо: Павел Штоль, 65 лет, Генрих Маузер, 47 лет, Георгий Гейер, 51 года, Лаврентий Адлер, 60 лет.

Теодор Ротенбергер, 32 лет, плотник стадиона «Динамо» в Архангельске, арестован в последний день 1934 г. за связь с иностранцами. В мае 1935 г. ему определено 5 лет ИТЛ по ст. 58 п.4 УК: переписывался с заграницей, среди немцев распространял заграничные адреса, в сентябре 1933 г. «лично ходил к иностранному консулу по вопросу связи с заграницей, чтобы быстрее получить материальную помощь».

У одесситов, как и у прочих, были свои «антисоветчики», свои «беглецы».

Антисоветчицами, к примеру, оказались Роза Бахман, 60 лет, уборщица из спецпоселка Кега, расстрелянная 8 октября 1938 г. за антисоветскую агитацию, Дора Гейзер, 58 лет, уборщица из спецпоселка Перекоп, расстрелянная 18 ноября 1938 г., Роза Яраус, 42 лет, мать двоих детей, уборщица на кирпичном заводе в Архангельске и др.

Елизавета Шмель, 26 лет, высланная в феврале 1930 г., после побега проживала на родине, в Березовском районе. Там арестована в сентябре того же года и осуждена на три года лагеря. В 1932 г. за побег из спецпоселка Кочмас осужден Бернгард Лейтам, 23 лет, высланный в 1930 г. как кулак.

У спецпоселенцев никакие семейные обстоятельства не признавались. В 1934 г. без разрешения выехал на родину Иосиф Куппер, 43 лет. Дома он устроил одного малолетнего сына в детдом в Одессе, второго – в детдом в области, а с дочерью 11 лет и сыном 14 лет вернулся обратно. Работал конюхом в спецпоселке Перекоп. Через три года арестован «за побег вместе с другими кулаками в 1934 г.» и 16 сентября 1937 г. расстрелян как социально опасный элемент.

Вторая половина бывших жителей Одесской области – это репатрианты. Местом жительства на Севере им были определены спецпоселки Архбума, Ильма и Орлецы Холмогорского, Падун, Кодино – Онежского, Павлово-Черековского, Икса и Солюга – Няндомского, Волошка – Коношского, Четпаж, Пантый – Литвиново-Ленского, Кивер – Вилегорского, Нондурс – Виноградовского, Лименда – Котласского и Нюхмиж Верхнетоймского районов.

Репатрианты, как и раскулаченные, пытались бежать, особенно молодежь. Николай Голдаде, 18 лет, в мае 1947 г. осужден на 3 года ИТЛ за побег из спецпоселка Онеги. Аналогичный срок определен в мае 1948 г. Мете Мейлс, 22 лет, рабочей Архбума. А в конце 1948 г. Оскарт Бич, 23 лет, за побег получил уже 20 лет каторжных работ. Его спасла смерть Сталина. В 1953 г. всем беглецам снизили сроки до 5 лет и освободили по амнистии.

Определив вывезенных из Германии советских немцев в спецпоселки, МГБ деятельно принялось оформлять следственные дела об их измене Родине. К измене приплюсовали антисоветскую агитацию за период жизни в спецпоселке. В итоге 43 жителя 14 районов и 31 села из-под Одессы были ложно обвинены. В 1946 г. по 25 лет каторжных работ получили за измену пять женщин из Архбума, в 1953 г. – семь женщин из спецпоселка Икса, в 1952 г. – десять из спецпоселка Рочегда. Осуждались и группами, и поодиночке.

Бывшие жительницы Днепропетровской, Одесской, Запорожской и Херсонской областей обвинены в том, что осенью 1943 г. вместе с отступающими гитлеровцами бежали на территорию Польши, где в разное время приняли германское подданство, и в январе 1945 г. бежали в Германию, где и были захвачены советскими войсками, а затем репатриированы в СССР. Проживая в спецпоселке Рочегда, в 1949 г. вступили в нелегальную группу меннонитов и под видом отправления религиозных обрядов проводили антисоветскую агитацию и занимались антисоветской деятельностью: собирались вместе, слушали проповеди антисоветского характера, изучали антисоветскую литературу, пели песни антисоветского содержания и т.д.

В судебных решениях о реабилитации указывалось, что выезд женщин с семьями на территорию Польши не был добровольным, бегством за границу этот выезд не является, поскольку в условиях войны и оккупации они отнюдь не добровольно оказались за пределами советского государства. Не является переходом на сторону врага и принятие ими германского подданства, поскольку никем из них не было совершено действий в ущерб СССР. Участие в религиозной секте баптистов-меннонитов так же необоснованно было расценено, как антисоветская деятельность.

А вот что происходило с немцами в лагерях.

В Соловецком лагере особого назначения (СЛОН): Георгий Кригер из с. Щук Франкского кантона РНП, колхозник, в лагере с 14 февраля 1931 г., за антисоветскую агитацию 17 февраля 1938 г. был расстрелян. В тот же день расстреляны за нарушения режима содержания Иван Штандельман, 45 лет, и его сын, 23-летний Александр Штандельман, попавшие в лагерь из того же

с. Щук как «активные члены контрреволюционной повстанческой организации, ставившей своей целью вооруженным путем свергнуть советскую власть».

Франц Рау, ксендз из с. Памятное Франкского кантона РНП, в 1930 г. оказался в лагере за систематическую антисоветскую агитацию среди немецкого населения и оказание противодействия мероприятиям советской власти. Расстрелян 1 ноября 1937 г. «как непримиримо враждебный к советской власти». Людмила Штоль, 33 лет, из Херсонской области, содержалась в Соловецкой тюрьме, служила поваром для администрации СЛОНа. Подкармливала мужа, Альфреда Штоль, крымского немца, 37 лет, также заключенного соловецкой тюрьмы. Как только это выяснилось, обоих расстреляли 17 февраля 1938 г., даже не сформулировав обвинение.

В Архангельской исправительно-трудовой колонии 21 декабря 1937 г. расстрелян Кондратий Фикс, 26 лет, отбывавший срок за побег из спецпоселка. В лагере обвинен во вредительстве – систематически не выходил на работу, вывел из строя станок, работая на погрузке, не догружал вагоны.

Герард Келлер, в 17 лет осужденный за антисоветскую агитацию в 1940 г., в Севдвинлаге 22 июня 1942 г. в 19 лет осуждается за отказ от работы на 10 лет ИТЛ, а буквально через полгода, 10 марта 1943 г., за отказы от работы приговаривается к расстрелу, приговор приведен в исполнение 14 марта 1943 г.

Федор Эбер, попавший в лагерь в 1938 г. в 19-летнем возрасте за контрреволюционную деятельность, 17 января 1942 г. приговаривается к расстрелу за контрреволюционный саботаж: неоднократно занимался членовредительством и причинял себе увечья, в результате не мог работать, тем самым «подрывал» социалистическое строительство.

В 1941–1942 гг. обвинения у всех репрессированных немцев практически одинаковы: антисоветская фашистская агитация, участие в антисоветской фашистской организации заключенных. Организация – это группа. Группы были разными. Например, в Севдвинлаге в 1942 г. расстреляны: 5 января – пять человек, шестой, Валентин Брем, 36 лет, умер от истощения до расстрела; 31 января – пять человек, Рейнгольд Шандер умер от истощения до суда; 11 сентября – девять человек; 16 сентября – семь человек.

Выявить группу было несложно – земляки тянулись друг к другу. Остальное – назвать такую группу антисоветской организацией, фашистской, раз в нее входили немцы, выбить признательные показания, найти подставных свидетелей – было делом техники.

В Обозерском отделении Кулойлага 6 декабря 1942 г. расстреляны Людвиг Пиллупс, 49 лет, и Соломон Штоппель, 36-летний немец из РНП, за антисоветскую агитацию и участие в антисоветской фашистской организации. Третий участник группы, 42-летний Адольф Шульц из Киевской области, умер до суда. Обвинение строилось на показаниях умершего и двух свидетелей. Пиллупс и Штоппель вины не признавали, ссылались на свидетелей, которым умерший «их соучастник» рассказывал, что дал признательные показания, так как не в силах был вынести обстановку следствия. Свидетелей этих не вызывали. Зато допросили двух других, которые подробно расписывали разговоры с ними и Пиллупса, и Штоппеля. Но эти свидетели, не знавшие немецкого языка, оказались секретными сотрудниками НКВД, заявившими в суде, что поддерживали разговоры с целью доноса. А другие свидетели говорили о том, что Пиллупс и Штоппель общались только между собой, разговоры вели на немецком языке, русским владели плохо (на следствии и суде их допрашивали через переводчика), так что необоснованность обвинения более чем очевидна. К тому же, те высказывания «виновных», как они были изложены уличающими свидетелями, не содержали призывов к подрыву, свержению или ослаблению советской власти, без чего невозможно обвинение в антисоветской агитации.

И последнее – о судьбе Екатерины Энклерт, 45 лет, из Херсонской области. С 1937 г. она отбывала срок за контрреволюционную деятельность. Десять лет ИТЛ. Арестована в октябре 1941 г. в Котласском пересыльном пункте ГУЛАГа. Расстреляли ее 4 февраля 1942 г. за пораженческие настроения и клевету на советскую армию, НКВД и места лишения свободы.

Здесь рассказано о многих, названо немало имен. Но, конечно же, история этнических немцев на Севере этими судьбами не исчерпывается. Думается, что остальные также следует извлекать из небытия.

Религиозные преследования

О. Лиценбергер, *Саратов*

Репрессии против лютеранских и католических священнослужителей в СССР

Политика советского государства по отношению к традиционным немецким конфессиям – протестантизму и католицизму – проводилась в рамках антирелигиозных мероприятий большевистского правительства. Она не носила ярко выраженного антикатолического или антилютеранского характера, а являлась частью борьбы с церковью в целом. В первые месяцы Советской власти антирелигиозная политика по отношению к немецким конфессиям не отличалась применением таких жестких мер, как, например, к православию. Различное отношение государства к религиозным конфессиям диктовалось не особыми симпатиями к протестантизму и католицизму. Напротив, эти конфессии являлись религией немцев – представителей основного военного врага России в первой мировой войне и иностранной интервенции. Но за понятием «лютеране» и «католики» стояло национальное меньшинство, поэтому для привлечения его на сторону революции в первое время невыгодно было провоцировать конфликт, тем более на религиозной почве.

Только, когда в середине 1918 г. в специальной инструкции ВЦИК было особо отмечено, что католическая, протестантская церковь и ее исповедания подходят под действие Декрета об отделении церкви от государства и усилилось наступление на религию, руководство немецких церквей наконец поняло всю серьезность создавшегося положения. Осенью 1918 г. лютеранская церковь предприняла ряд обращений в СНК с требованием о приостановке проведения декрета в отношении нее, ссылаясь на Брестский мир и дополнительный договор к нему. А католическая церковь выступила с меморандумом к советскому правительству, в котором отказывалась признать национализацию церковного имущества. Примерно с этого момента и начинаются репрессивные действия советской власти по отношению к немецкому духовенству.

Произошедшая в стране революция и последовавшая за ней гражданская война, осуществление нового антирелигиозного законодательства привели к значительным изменениям в правовом положении священнослужителей и повлекли за собой резкое умень-

шение их числа. Несомненно, определенная часть немецкого духовенства с неодобрением встретила приход большевиков, с недоверием отнеслась к деятельности советского правительства. Пик эмиграции немецких священнослужителей из России пришелся на 1918 г. Особенно значительной была эмиграция из тех областей, где шла гражданская война. Ее жертвами стали несколько немецких пасторов и патеров, убитых в ходе военных действий или подвергшихся репрессиям (их обвиняли в поддержке белого движения и контрреволюционных мятежей).

5 сентября 1918 г. советское руководство объявило о введении красного террора, придав ВЧК неограниченные полномочия и восстановив в стране с июня 1918 г. смертную казнь. Нелегко сложилась в эти годы судьба многих проповедников. Во время Чернодольского восстания алтайского крестьянства против Колчака пастор Штах, занесенный восставшими в список «смертников», бежал из захваченного крестьянами Славгорода в Семипалатинск. В 1919 г. близ Одессы махновцами был убит пастор колонии Грюнау И.Гохлох, в 1918 г. в Перми расстрелян пастор Г.Блюменбах, в августе 1919 г. на Кавказе убит пастор С.Вухерер, в 1920 г. в Смоленске убит пастор Э.Буш.

Патер Г. Бератц, более известный под литературным псевдонимом фон Гебель, автор работы «Немецкие колонии на нижней Волге в период их возникновения и развития», был расстрелян по подозрению в причастности к крестьянскому восстанию 1921 г. в колониях Марксштадтского уезда. Выездная сессия ревтрибунала, вынесшая по селам уезда 286 смертных приговоров, приговорила патера, как одного из руководителей восстания, к расстрелу. Просьба Бератца о помиловании в кассационный трибунал при ВЦИК была удовлетворена, но местный ревтрибунал, не считаясь с постановлением верховной инстанции, привел приговор в исполнение. Патер К.Вейсенбургер в 1919 г. был приговорен к высшей мере наказания за причастность к крестьянскому восстанию в колонии Зельц на Украине и расстрелян вместе со 107 колонистами, после того как прочитал прихожанам последнюю предсмертную молитву.

Летом 1918 г. Ленин предписывал Пензенскому губисполкому подавить восстание крестьян и «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»[1]. Указание Ленина послужило основой для проведения террора и в других районах страны. К каким потерям среди священнослужителей приводила гражданская война, свидетельствуют следующие данные: из 28 пасторов, несших службу на территории Украины и Юге страны (Одесская и Екатеринославская губернии, Крым и Дон),

захваченной армией Деникина, где находилось более 400 евангелических общин, объединенных в 48 приходов, в годы гражданской войны 11 пасторов эмигрировали, двое были убиты и 11 были вынуждены перейти в другие приходы. Во многих общинах в течение нескольких месяцев и даже лет не было священнослужителей.

Проводя борьбу с религией, советское правительство считало все эти меры вполне обоснованными и законными. В ответ на запрос римского кардинала П.Гаспарри от 12 марта 1919 г. Г.В.Чичерин передал Ватикану некоторые сведения об арестованных в СССР католиках. Отношения советского правительства с католической церковью осложнились после того, как эта информация была опубликована 2 апреля 1919 г. в римской газете «Оссерваторе романо». Ватикан выступил с требованием прекратить гонения на священнослужителей, а Наркомат иностранных дел, по указанию Ленина, заявил об отсутствии религиозных гонений в России.

Параграф 3-й циркуляра Наркомата юстиции от 3 января 1919 г. разрешал аресты и обыски служителей культов, «уличенных в контрреволюционном заговоре», даже во время богослужения. В 1920 г. из-за преследований был вынужден оставить семью и уехать на Кавказ пастор И. Финдайзен из Поволжья, от ареста скрывался пастор Л.Шмидт из Царицына. В компрометации советской власти был обвинен патер с. Клименсталь Ф.Кун, который во время голода начала 1920-х гг. писал письма «контрреволюционного содержания» в благотворительные комитеты Германии с просьбой о помощи. Был сослан в Сибирь пастор А.Шульц из Ставрополя, в 1923 г. на Урал сослан пастор Г.Кох из Самары. Благодаря своевременному побегу удалось избежать такой участи патерам П.Майеру и П.Шенроку.

Уголовно наказуемы были различные действия священнослужителей. В Уголовном Кодексе РСФСР 1922 г. существовало восемь статей, касающихся нарушения правил об отделении церкви от государства (ст.119-125, 227), которые предусматривали наказания вплоть до высшей меры за использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти и т.д. Советскими органами часто практиковались пожизненные высылки за пределы губерний, хотя циркуляр по отделению церкви от государства в декабре 1918 г. разъяснил, что «пересылка контрреволюционного духовенства из одной губернии в другую с точки зрения обезвреживания этих элементов не достигает цели, наделяя ими соседнюю губернию, с точки же зрения наказания ссылка, а тем более пожизненная, недопустима, ибо не соответствует революционному сознанию и не предусмотрена в числе наказаний ни одним декретом Советского правительства»[2].

Изощряясь в применении к священнослужителям различных штрафов и наказаний, местные власти даже привлекали их к принудительным черновым работам, что противоречило постановлению правительства, которое не рекомендовало использовать духовенство «в виде особой кары... в очищении улиц, базарных площадей и др.»[3].

Репрессиям подвергались члены церковных советов, просто верующие и, конечно, рядовые церковные служащие. При определении статуса церковных служащих постановление постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК причислило кюстеров (церковных служащих низшей степени церковной иерархии в евангелическо-лютеранской и римско-католической церкви) к числу служащих религиозных культов, лишенных избирательных прав[4].

Но, несомненно, больше всех репрессиям подвергалось высшее духовенство. Ленин еще в конце 1917 г. дал указание: «Всегда ставить в ответственность самых высоких лиц церкви, хорошо помня, что низшее духовенство и особенно паства являются орудием в их руках и часто совершенно неответственны за то, что делает высшее церковное управление и главари его»[5].

19 сентября 1919 г. в тюрьме в состоянии душевной болезни покончил жизнь самоубийством вице-президент и генеральный суперинтендент Московской консистории Пауль Виллигероде. (По другой версии он не совершал самоубийства, а умер в заключении после ареста.) К пяти годам и четырем месяцам тюремного заключения был приговорен в 1922 г. 60-летний пробст (старший пастор. – *Ред.*) Поволжских приходов Н.Гептнер. В 1924 г. он был амнистирован в связи с образованием АССР немцев Поволжья. Постановление ЦИК от 10 июля 1924 г. гласило: «В отношении заключенного Гептнера Нафанаила Эмильевича принять во внимание, что на суровость приговора Обревтриба в сравнении с фактически содеянным бывшим пробстом Гептнером значительно влияла политическая обстановка 1921/22 голодного года, когда необходимо было пасторам указать на их место в своих связях с представителями иностранной помощи, и что Гептнер в своем заявлении чистосердечно признал свою вину и объявил себя сторонником Советской власти, что должно быть целиком использовано в политическом отношении»[6]. Однако уже в 1929 г. 67-летний пробст Н.Гептнер был вновь приговорен к 10 годам лишения свободы и сослан в лагерь на реке Лене, где умер в марте 1933 г.

В начале 1920-х гг. репрессиям подверглось руководство католической церкви. Архиепископ Могилевской епархии барон Эдуард фон Ропп был арестован в апреле 1919 г., но по просьбе Ватикана и папского нунция Ратти в октябре 1919 г. его обменяли

на арестованного в Польше большевика. Католическая церковь после революции 1917 г. отказалась признать национализацию церковных зданий, имущества и отмену религиозного обучения. В то время как в 1921 г. проходила акция помощи Ватикана голодающим СССР, советская власть не принимала кардинальных репрессивных мер, однако после официального завершения этой акции был арестован ряд католических священнослужителей. Руководство Тираспольской католической епархии, находившейся в Саратове, было вынуждено управлять епархией из эмиграции.

В марте 1923 г. Коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело контрреволюционной организации 15 петроградских католических священников немецкого и польского происхождения, которую возглавляли епископ Цепляк и прелат Буткевич. Им в вину ставилось противодействие осуществлению декрета об отделении церкви от государства и декрета об изъятии церковных ценностей, а также призывы к выступлению против советской власти. Г.В.Зиновьев, выступивший на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. с отчетом о политической деятельности, уделил большое внимание данному процессу: «Положение в Европе несколько заострилось против нас, в связи с небезызвестным вам судом над католическими попами. В связи с решением Верховного суда началась разнузданная антисоветская пропаганда за границей... Советское правительство дало должный отпор наглым попыткам империалистов вмешаться во внутренние дела страны... Сейчас происходит неслыханная свистопляска клеветы против нашей республики по случаю того, что мы позволили себе обезвредить шпионов, носивших поповскую рясу... Мы знаем из истории Парижской коммуны, что когда наши предшественники в интересах самообороны расстреляли пару попов, которые были шпионами версальцев, то в течение более 50 лет буржуазная пресса продолжает это помнить, злобствовать и клеветать на парижских коммунаров. Что касается Цепляка и Буткевича, то это дело не проживет 50 лет. Гораздо меньше времени пройдет и... [все] забудут об этом. (Как видите, Зиновьев здесь ошибался, прошло уже 65 лет, а мы обсуждаем эту тему. – *О.Л.*) У нас неприкосновенности для шпионов нет, это вам не Рур, это Советская Россия. Они должны знать, что у нас ...существует революционная власть, которая на нападение отвечает ударами... Не исключена возможность новой интервенции, но мы знаем, что если она будет, то из-за причин побольше, чем ряса господина Буткевича»[7]. Под давлением мировой общественности и Ватикана приговор о смертной казни двум католическим священнослужителям был заменен 10-летним заключением, однако Буткевич все же был расстрелян через пять дней

после вынесения приговора. Остальные 12 патеров были приговорены к различным срокам лишения свободы.

Пик репрессий по отношению к католическим и лютеранским пасторам приходится на конец 1920-х – 1930-е гг., когда борьба с религией в советской стране вступила в заключительную стадию. По городам и деревням прокатилась волна арестов священнослужителей, их высылок и этапирования в места заключения, где томились уже десятки проповедников всех конфессий. Только за 6 месяцев 1929 г. было арестовано восемь лютеранских пасторов.

К этому времени нарушения прав священнослужителей в СССР были закреплены законодательно: духовенство лишалось избирательных прав, права быть членами профсоюзов и коммунистической партии, возможности получения пенсии, социального страхования и дополнительного заработка. В январе 1930 г. было издано распоряжение о выселении священнослужителей из всех национализированных помещений. В 1933 г. вышло специальное постановление ЦИК о привлечении служителей культа к обязательной поставке мяса, молока и картофеля государству. Секретное Постановление Президиума ВЦИК «О налоговом обложении настоящих и бывших служителей культа за 1930–1931 гг.» разрешало превышение налога на священнослужителей по сравнению с налогом на крестьян до 100%.

Обвинения против пасторов и патеров в СССР чаще всего фальсифицировались. Они обвинялись в антисоветской и контрреволюционной деятельности только за то, что исповедовали свои религиозные убеждения. По ст. 119 (использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям) и ст.121 (преподавание малолетним или несовершеннолетним религиозных вероучений) УК РСФСР 1922 г. были осуждены многие лютеранские и католические священнослужители в различных регионах страны. В районах «сплошной коллективизации» «наступление на кулачество», провозглашенное ноябрьским Пленумом ЦК ВКП(б) 1929 г., сопровождалось обвинениями духовенства в срыве кампании по хлебозаготовкам.

Крымский пробст Ф.Гершельманн был обвинен в несдаче излишков зерна государству, хотя у него вообще не было поля для посева. Для верности ему было предъявлено обвинение в разжигании антисемитизма, и Ф.Гершельманн был осужден к шести годам ссылки, отбывая которую, он умер. Еще более строгому наказанию – высшей мере – подвергся его сын – пастор в Нойзатце (Крым). Осужденный вместе с отцом, по тем же статьям, он был впоследствии помилован и сослан на 10 лет на Соловки. «Контрреволюционную фашистскую группировку», разоблачен-

ную в 1934 г. в Сибири, возглавлял лютеранский кюстер Курц, который, «поддерживая связь с германским консульством, под прикрытием получения гитлеровской помощи, проводил работу по разложению колхозов».

В декабре 1929 г. почти все ленинградские пасторы были арестованы и сосланы в Соловецкий лагерь особого назначения на Белом море. Например, К.Мусс и Г.Ганзен были арестованы по обвинению в религиозном обучении подростков, кроме того, К.Муссу припомнили его участие в благотворительной деятельности Американской Ассоциации Помощи (АРА) во время голода начала 1920-х гг., а Г.Ганзену поставили в вину отказ подписать приветствие Советскому правительству на I Генеральном Синоде церкви в 1924 г.

В антисоветской деятельности были обвинены расстрелянный в 1930 г. после годичного заключения пастор Г.Швальбе и погибший в ссылке в 1929 г. екатериненштадтский пастор А.Клюк. На строительство Беломорканала отправлен одесский пастор А.Кох, оренбургский пастор Г.Кох после ареста в 1929 г. сослан на семь лет. После ареста в 1929 г. и освобождения без права работать проповедниками, оставили службу пастор Г.Штеррле и пробст Ф.Ваккер, осужденный на три года ссылки[8].

Нарушение права на свободное вероисповедание явилось одной из основных причин массовой эмиграции немцев в начале 1930-х гг. из Западной Сибири и Алтайского края в Германию и США. Поэтому ОГПУ обвиняло проповедников в руководстве эмиграционным движением. Омский пастор Мерц был арестован в 1930 г. за связь с эмигрантскими организациями Канады и Америки и осужден к 10 годам исправительных работ.

Декан Тираспольской католической епархии, последний патер саратовского кафедрального собора св. Климентия А. Баумтрог был арестован в 1930 г. по обвинению в шпионаже и получении денежных средств из-за границы (в 1928 г. он действительно получил через немецкое посольство 2100 немецких марок для поволжских католических священнослужителей). В октябре 1931 г. на судебном процессе в Москве А.Баумтрог был приговорен вместе с девятью другими католическими патерами к десяти годам лагерей с конфискацией имущества и отправлен в лагерь на Соловки, где и умер.

Религиозные гонения в СССР вызвали в 1930 г. протесты всего прогрессивного человечества и десятков церковных организаций. С протестом выступили генеральный суперинтендент евангелической церкви Германии, глава православной церкви в эмиграции митрополит Антоний, Женевская и Стокгольмская церковная конференции, архиепископ англиканской церкви, организация

Лютерринг и евангелический Генеральный Синод в Германии, центральный комитет мюнхенских католиков и др. Советские органы особенно возмутило письмо Папы Римского Пия XI генеральному викарию Рима, кардиналу Базилио Пампили, опубликованное 9 февраля 1930 г. в «Оссерваторе Романо». Советское правительство не хотело признавать факт религиозных преследований в стране и расценило папское послание как грубую клевету и вмешательство во внутренние дела страны. В начале февраля 1930 г. председатель СНК СССР В.Н.Рыков официально опроверг наличие религиозных преследований в России. Ряд религиозных деятелей под давлением советских органов и от страха перед репрессиями были вынуждены сделать то же самое. Так, 20 марта 1930 г. администратор Минской епархии католический патер Авоглу обвинил Папу Римского во враждебности по отношении к советскому государству, объявив гонения на католическую церковь в СССР выдумкой.

Министерство иностранных дел Германии в 1920–1930-е гг. внимательно наблюдало за положением в СССР священнослужителей традиционных немецких религий – евангелическо-лютеранской и католической. В 1931 г. министерство иностранных дел Германии обратилось к СССР с требованием предоставить данные обо всех арестованных и находящихся в лагерях и тюрьмах священнослужителях немецкого происхождения. В этом же году нарком иностранных дел СССР М.М.Литвинов передал немецкой стороне список на 65 священнослужителей – евангелическо-лютеранских пасторов (32) и католических патеров (33), арестованных и находившихся в заключении в СССР с указанием места их ссылки. Сотрудник немецкого посольства фон Диркзен встретился в апреле 1931 г. с Литвиновым для переговоров по поводу участи арестованного духовенства. По воспоминаниям немецкого посла, сам Литвинов был очень удивлен большим числом арестованных священнослужителей и пообещал оказать влияние на ГПУ для облегчения их участи.

Список Литвинова был сверен с уже имевшимися у немецкой стороны сведениями и дополнен еще 25 фамилиями лютеранских пасторов и семью фамилиями католических патеров. Органы ОГПУ либо не хотели разглашать секретную информацию, либо не имели точных данных. На начало 1931 г. в советских тюрьмах содержалось около 100 немецких священнослужителей, не считая тех, которые уже были выпущены из мест заключения или приговорены к высшей мере наказания. По сведениям кардинала Бертрама, президента епископской конференции Фульды, девять католических священнослужителей-немцев уже были расстреляны, не считая патеров польского происхождения. Осенью 1931 г.

МИД Германии составил список патеров, находившихся на Соловецких островах, таких на тот период насчитывалось 32 человека. МИД Германии не только обладал более полными данными об арестованных в России священнослужителях, но и совершенно точно знал адреса всех исправительно-трудовых лагерей в Сибири и даже номера бараков, где содержались пасторы, так как священнослужители регулярно получали из Германии посылки с продуктами и одеждой. Только в конце 1931 г. 27 пасторов и 29 патеров получили посылки с продуктами, мылом, одеждой. Посылки для шести католических патеров вернулись обратно и содержали приписки, что патеры не могут их получить и просили больше пакетов не посылать.

С начала 1930-х гг. значительную роль в осуждении священнослужителей играли обвинения в измене Родине (в 1934 г. вышел специальный Закон об измене Родине), шпионаже и диверсиях. В ноябре 1934 г. в Омске выездной сессией Спецколлегии Западно-Сибирского краевого суда был приговорен к расстрелу пастор Лорер, который якобы в одной из своих проповедей говорил о лжепророках, которые ведут людей по неверному пути, после чего 11 прихожан вышли из колхоза. Кроме того, Лорер был обвинен в приверженности к германскому фашизму, в объединении вокруг себя группы лиц, враждебно настроенных к советской власти. Когда в начале 1930-х гг. ряд районов страны (Украина, Северный Кавказ, Казахстан, Поволжье) поразил очередной голод, пасторы были обвинены в распространении адресов «фашистских благотворительных организаций», оказывавших материальную помощь. По такому обвинению были осуждены в 1933 г. пастор С.Клюдт (Харьков), председатель лютеранской общины Днепропетровска И.Янцен и другие.

С 1930 г. МИД Германии, внимательно следивший за положением церкви в стране, очень часто получал телеграммы с подробными сообщениями о новых арестах и осуждениях духовенства: 26 июня 1930 г. пастор Кох (Одесса) осужден к пяти годам ссылки, 10 февраля 1931 г. пробст Ваккер (Поволжье) сослан на три года в Восточную Сибирь, 28 февраля 1931 г. пастор Фелль (Грюнау) с 17 октября до 14 января находился в заключении в Сталино (похоже, ГПУ еще искало повод для его осуждения). 31 марта 1931 г. последовали новые аресты лютеранских пасторов Поволжья – Гарфф, Вагнер, Пфайффер, Айххорн, Эрбес, Гюнтер, Тринпель. 5 мая 1931 г. пасторы Венцель (Еленендорф) и Ройш (Анненфельд) переведены в тюрьму ГПУ в Баку; июнь 1931 г. пастор Штайнванд ослеп в тюрьме ГПУ в Ростове, но тем не менее сослан в Сибирь; 14 августа 1931 г. пастор Гейне (Катариненфельд) обвинен в создании «сети антисоветской агитации»,

вместе с ним пастор Ган и все кюстеры Грузии вовлечены в следственный процесс; оберпастор Майер (Тифлис) подписал на допросе признание в недружелюбных высказываниях в адрес советской власти во время проповеди; 29 ноября 1933 г. патер Шиндлер арестован в Мариенфельде за получение помощи из Германии; 13 декабря 1933 г. арестованы католические священнослужители Шуберт (Одесса) и Гатценбюлер (Айхвальд), причина ареста неизвестна; 21 декабря 1933 г. католический патер Или (Одесская обл.) арестован по обвинению в связях с украинским антисоветским движением[9].

Печальных биографий священнослужителей немало. Пастор Швальбе был расстрелян в Смоленске 30 сентября 1930 г., пастор Кауфманн расстрелян осенью 1930 г. на Северном Кавказе. Пастор Ф.Гершельманн убит в 1932 г. в лагере на лесоповале. Ряд немецких газет «Kölnische Zeitung», «Das evangelische Deutschland», французская «News Bureau» и американская «News Bulletin» поместили статьи с расследованием этого случая под заголовками «Странная смерть» и «Лагерь смерти». Вообще, в 1932 г. только в Германии около десяти немецких газет опубликовали статьи с такими названиями, как: «В аду Советов. 30 евангелических проповедников осуждены из-за веры в Бога», «Пытки немецких пасторов в России» и т. д.

В 1932 г. некоторые представители лютеранской церкви СССР были вовлечены в уголовный процесс, по приговору которого 20 человек были приговорены к смертной казни (из них 11 были впоследствии помилованы), 18 человек приговорены к 10 годам лишения свободы и 24 к меньшим срокам заключения. По делу проходили глава Петербургской консистории епископ А.Мальмгрен и его зять Берендтс, пастор прихода св. Петра. Суть дела заключалась в следующем: руководство Мурманской железной дороги незаконно продавало ворованные дрова для отопления. В числе покупателей был и пастор Берендтс, приобретавший дрова для церкви и познакомивший с расхитителями «социалистического имущества» епископа Мальмгрена, купившего дрова для семинарии.

По ходатайству тайного советника Криге и полпреда СССР в Германии Л.М.Хинчука епископ Мальмгрен не был привлечен к процессу. А пастор Берендтс был приговорен «в соответствии со строгой революционной законностью» к трем годам исправительно-трудовых работ в лагере с конфискацией имущества. После подачи кассационной жалобы, в которой пастор указал, что он не знал о том, что дрова краденные, Ленинградский суд вынес решение, что его имущество конфисковано не будет, но сам Берендтс был выселен из Ленинграда в Ташкент, где работал пас-

тором до 1937 г., пока вновь не был арестован вместе с женой Хедвиг – дочерью епископа Мальмгрена.

Враждебность по отношению к религии и духовенству, массовые закрытия церквей по всей стране привели к тому, что в январе 1934 г. председатель общесоюзной комиссии по вопросам культов П.Г.Смидович в записке в Президиум ЦИК СССР отметил «ненормальность» сложившегося в стране положения. Выход из этой ситуации он видел в создании нового органа союзного значения, отвечавшего бы за религиозную политику.

Напряженные отношения между двумя странами привели к тому, что все большее число верующих и пасторов обвинялось в создании фашистских группировок. Секретное сообщение немецкого посольства от 6 июля 1934 г. указывало на то, что в ряде случаев ГПУ заставляло давать такие показания с помощью шантажа и применения силы. Хотя посольству о таких группировках ничего известно не было, ГПУ на допросах настаивало на том, что немецкое посольство пыталось создать в СССР национал-социалистские группировки[10].

В 1934 г. руководство немецкими церквами понесло значительные потери. В этом году в стране было арестовано и осуждено 15 лютеранских пасторов, среди них пробст Бирт – значительная фигура в лютеранской церкви СССР; его обвинили во враждебном отношении к советской власти и шпионаже в пользу Германии и приговорили к 10 годам лагерей. В католической церкви Поволжья в этом году осталось служить всего четыре патера. В 1936 г. в СССР оставалось 11 лютеранских пасторов и 50 католических патеров. В 1937 г. не было уже ни одного лютеранского пастора и проповедовали лишь десять католических патеров, которые в следующем году были арестованы и осуждены.

Последние лютеранские пасторы в стране Пауль и Бруно Райхерт (Ленинград) были арестованы осенью 1937 г. П.Райхерт обвинялся в шпионаже и контрреволюционной деятельности, выражавшейся в том, что еще в 1934 г. он был завербован германским консулом в Ленинграде Зоммером и сотрудником консульства Бухгольцем с целью создания нелегальной национал-социалистской группы, существовавшей якобы при лютеранской церкви. Несмотря на то что обвинение было сфальсифицировано, 26 декабря 1937 г. по постановлению комиссии НКВД П.Райхерт был приговорен к высшей мере наказания, а уже 3 января 1938 г. расстрелян.

Всего за 20 лет советской власти из 350 лютеранских пасторов в СССР были репрессированы около 130 человек, из них более 90 отбыли длительные сроки заключения в лагерях, 22 умерли в заключении, 15 были расстреляны органами ГПУ, четверо пропали без вести. Более 100 эмигрировали из страны. Только 30 человек

умерли своей смертью в первые годы советской власти, избежав ужаса арестов и пыток. По различным причинам: вследствие ареста, запрещения властей или по собственному желанию, должности пасторов оставили примерно 20 человек[11]. Вполне возможно, что при наличии более подробных данных эти цифры бы значительно возросли, но примерно о 80 пасторах у автора нет практически никаких сведений. Привести точные данные по католикам гораздо сложнее, так как большинство из них были поляками.

Примечания:

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.50. С.143–144.
[2] Коммунистическая партия и советское правительство о религии и церкви: Сб. М., 1961. С.48.
[3] Там же. С.61.
[4] Государственный архив Российской Федерации. Ф.5263. Оп.1. Д.1. Л.22.
[5] Бонч-Бруевич В.Д. Роль духовенства в первые дни Октября // Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1965. С.185.
[6] Центр документации новейшей истории Саратовской области. Ф.1. Оп.1. Д.681. Л.41.
[7] XII съезд РКП(б): Стеногр. отчет, 17–25 апр. 1923 г. М., 1968. С.17–18.
[8] Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997.
[9] Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes (PAdAA). Bonn; Kult. Pol. VI A, R 61981.
[10] Ibid.
[11] Лиценбергер О.А. Указ. соч. С.215–216.

Е.Эйхельберг, *Тюмень*

Преследование по религиозным причинам немцев Тюменской области

Важнейшим направлением репрессивной политики советского режима по отношению к российским немцам в послевоенный период стала борьба с их религиозностью. Религия российских немцев не случайно была выбрана в качестве объекта преследований – в ней сосредоточилась основа их этнической культуры. Репрессии в этот период не были столь явно нацелены на уничтожение немецкой национальной группы, как в 1940-е гг., но они продолжались в более скрытой форме и были направлены на насильственную ассимиляцию. Их проведение в Тюменской области было типичным для послевоенного советского государства.

Немцы оказывали стихийное и сознательное сопротивление тоталитарному режиму. Многие ушли в религию. Несмотря на запреты, организовывали религиозные собрания, на которых

обсуждали и свою тяжелую жизнь. Например, мой дедушка – Я.Я.Эйхельберг, живший в то время на севере Пермской области, вместе с другими немцами проводил такие собрания на квартирах. Он не получил специального образования, но был с его четырьмя классами немецкой школы самым грамотным. Нередко на собраниях встречались представители разных вероисповеданий, чего раньше не могло быть. Вместе с дедушкой-лютеранином жила и участвовала в общих собраниях его жена – Е.К.Гиберт, которая тем не менее не переставала относить себя к меннонитам.

Религия была той духовной опорой, которая помогла многим немцам пережить депортацию, трудармию, спецпоселения. Немецкое население отличалось особой религиозностью и в послевоенное время. Несмотря на репрессии против немецких священников, отсутствие помещений, религиозных книг, немцы стали «одним из самых религиозных народов СССР. ...Без священников, без проповедников, в углу бараков и в землянках они читали друг другу шепотом то, что помнили. Богослужения проходили в очень узком кругу, часто в рамках одной семьи»[1]. Среди 28-тысячного немецкого населения в Тюменской области насчитывалось несколько тысяч верующих.

В середине 1950-х гг. тоталитарный режим взял курс на насильственную ассимиляцию немецкой национальной группы и подавление ее этнической культуры. В этих условиях массовая религиозность немцев считалась существенным препятствием на пути их вхождения в советский народ, и потому была достаточным основанием для репрессий против них. Основным объектом преследований, как и в 1920–1930-е гг., стали немецкие проповедники, а проводниками – коменданты, принуждавшие немцев к лжесвидетельствованию.

Так, лютеране из поселка Винзили рассказывали о том, как комендант заставлял прихожан говорить про своего проповедника, что он якобы призывал молиться за то, что Германия поможет им. Отказать коменданту в начале 1950-х гг. было очень тяжело. Верующих заставляли не только доносить на проповедника, но и вызывали на очную ставку, чтобы подтвердить эту неправду. У всех перед глазами маячили прошедшие репрессии и страх каторги. Для многих это было тяжелым испытанием. И не все смогли его пройти – двое все же не совладали со страхом и указали на своего проповедника, после чего его судили. В 1952 г. в областном центре прошел судебный процесс над лютеранскими проповедниками, и им дали срок.

До 1947 г., как сообщают документы КГБ, верующие немцы отправляли свои религиозные обряды в узком кругу и сильно не беспокоили советский режим. В 1947 г. стали возвращаться

из лагерей наряду с трудармейцами и проповедники. С этого времени жизнь верующих стала объектом пристального внимания КГБ и партийных органов. Все это документально отражено в архивах. Обратимся к сухим докладам, напоминающим скорее боевые сводки.

Они сообщали, в частности, что в Исетский район к своим родственникам, высланным из Аркадакского района Саратовской области, «прибыли активные меннониты Паульс Дмитрий Дмитриевич, Фрезе Иван Яковлевич и Фрезе Яков Яковлевич, после чего деятельность сектантской группы значительно активизировалась. Под руководством Паульса Д.Д. в совхозе «Коммунар» и в селе Верх-Бешкиль проводились нелегальные сектантские сборища, на которых верующие обрабатывались в антисоветском духе. В 1952 г. в связи с повторным арестом Паульса за антисоветскую агитацию деятельность этой группы прекратилась»[2]. Больной Д.Д.Паульс спустя четыре года после десятилетнего заключения в апреле 1952 г. вновь был осужден по ст.58 п.10 ч.II и ст.58 п.11 УК РСФСР на 25 лет исправительно-трудовых лагерей. В деле Марии Корнеевны Паульс сохранился перевод ее письма: «Моего мужа обвиняют в том, что он в нашем совхозе был старшим учителем по слову божьему и одновременно проводил вредительскую работу. Ему очень тяжело страдать несправедливо».

Несмотря на преследования проповедников, к 1956 г. общины меннонитов насчитывали в селе Верх-Бешкиль 14 членов, в селе Слобо-Бешкильское – 28, в селе Исетское – 34 и в совхозе «Коммунар» – 49 членов, а к концу 1958 г. в Исетском районе организационно оформилась нелегальная сектантская община, насчитывающая до 140 членов, включающая в себя сектантов двух направлений: «церковных меннонитов» и «братских меннонитов», блокирующихся между собой и проводящих совместную деятельность. Ведущую роль в деятельности общины, как указывалось в отчетах КГБ, играли «братские меннониты», которые в целях прикрытия часто называют себя «баптистами». (Секта меннонитов в силу ряда положений религиозной догматики, в частности требования отказа от службы в армии и характера проводимой деятельности, в Советском Союзе вообще не регистрируется и считается антигосударственной сектой»[3].

Теперь трудно восстановить содержание бесед, которые вели между собой меннониты, но по приводимым из справок КГБ цитатам можно отчасти их восстановить. Они говорили о том, «что государству и общественности нет никакого дела до того, как они воспитывают своих детей», что «верующие должны с детства готовить детей к загробной жизни», что «советская власть устраивает на них гонения», «запрещает им свободно молиться лишь только

потому, что они немцы», «немцам закрыты все пути к лучшей жизни и их удел только молиться», что в одном из лагерей Пермской области незаконно содержится большое число немцев, потерявших в результате выселения связь со своими родственниками[4].

В конце 1950-х гг. в стране началась большая антирелигиозная кампания. Не обошла она и Тюменскую область. Верующие (это были не только немцы, но и представители других национальностей) постоянно находились в центре внимания КГБ и служили объектом для оперативных мероприятий. Так, в 1959 г. аппарат уполномоченного УКГБ в г. Ишим извещал о непорядках на животноводческих фермах совхоза им.Ленина, где «нелегальные группы сектантов лютеранского направления, так называемых «бет-брудеров» («молящихся братьев»)» возглавляли К.Я.Рейн, А.Я.Юкерт, К.П.Шмидт и Ф.Я.Фендель. Они «обычно по субботам и воскресеньям проводили нелегальные сектантские сборища, на которых присутствовало от 10 до 15–20 человек»[5]. В том же году сообщалось о сектантской группе на ферме Майка Майского совхоза Арбатского района[6].

Борьба с верующими немцами велась испытанными средствами: публикация разоблачающих статей, обсуждение на партийном собрании совхоза, на собраниях учителей школ, на собраниях рабочих ферм совхоза. В результате верующие, по сводкам КГБ, прекращали свои собрания.

В разоблачительных статьях верующие немцы представлялись жестокими, коварными и алчными мракобесами. Вот что говорилось о рабочих из Пышминского лесокомбината и Винзилевского участка райпромкомбината в статье «Гнусные проповеди и их проповедники». «Сегодня настала очередь Фрис Шарлотты. У нее с раннего вечера собрались лютеране – «молящиеся братья и сестры». Среди них Андрей Маркер, Андрей Роммель, Яков Суппес, Л.Циглер, Марта Беккер и другие <...> Андрей Роммель, привычно орудуя смычком, извлекает из скрипки душераздирающие звуки, а «братья» и «сестры», покорно опустившись на колени и забыв все земное, усердно отбивают поклоны, обращаясь к всевышнему с просьбой снять грехи, накопившиеся у них за время жизни на «бренной земле». И так каждый вечер»[7]. В это же время «хитроумные и коварные сети плетут Иван Фрезе, Корней Паулюс, Петр Сименс и Давид Рempель – духовные чины незаконно существующей в Исетском районе общины христиан-меннонитов и баптистов», которые «ловят <...> живые человеческие души и деньги»[8].

Примерно то же самое говорилось и на собраниях трудовых коллективов. Вокруг верующих создавалась атмосфера нетерпимости. С проповедниками постоянно велись разъяснительные

беседы. Но не все отказывались от своих убеждений. Поэтому вслед за этой антирелигиозной кампанией по всей стране прошли судебные процессы над активистами религиозных движений немцев. В 1962 г. были осуждены А.Я.Юккерт, Я.Леонгардт, Ф.Я.Фендель.

Особое негодование у государственных органов вызывала благотворительная деятельность меннонитов и проведение рождественских праздников с вручением детям рождественских подарков. Нейтрализация меннонитов в Исетском районе прошла в 1960 г. посредством привлечения активных проповедников к административной и уголовной ответственности, прикреплением к верующей молодежи агитаторов, агитационной работы, проработок в газетах и на собраниях.

Несмотря на преследования, верующие не отказывались от своих убеждений. Начальник УКГБ докладывал в апреле 1962 г. секретарю обкома, что в Новозаимском, Тюменском, Упоровском и Велижанском районах, а также в городах Тюмени, Заводоуковске и Ханты-Мансийске продолжают собираться в частных домах «нелегальные группировки одной из наиболее реакционных лютеранских сект – "бет-брудеров"». Особенно большую обеспокоенность у партийных органов вызывали довольно многочисленные общины в Заводоуковске и Тюмени численностью в 40 человек. Поэтому работники КГБ совместно с работниками милиции и депутатами горсоветов «зафиксировали» верующих в местах их собраний. Проповедники, «которые ранее неоднократно предупреждались о незаконности проведения нелегальных сборищ»: в Тюмени – К.Ф.Роммель, К.Эрлих и А.Ф.Гиль, а в Заводоуковске – Ф.Р.Майер, Г.Р.Сихвардт и Гафнер, были привлечены к уголовной ответственности по ст. 142 УК РСФСР[9]. Идейным вдохновителем среди руководителей религиозных общин был признан Константин Эрлих, который был выслан в Тюмень еще в период раскулачивания[10].

Открытые судебные процессы над верующими немцами состоялись 28 мая 1962 г. в Народном суде Тюмени и 22 июня 1962 г. в Народном суде Ялуторского района. Они признали себя виновными, как отмечалось в газетах, поэтому суд был достаточно снисходителен к ним в отношении наказания, ограничившись денежным штрафом, а Гиль был осужден на один год исправительных работ с вычетом 20% из зарплаты[11]. Тюменской телестудией был снят короткометражный фильм о «зловредной секте» под красноречивым названием «За глухими ставнями», который в назидание показывался в кинотеатрах перед началом демонстрации фильмов.

Пробст Эрих Шахт позднее приводил в своих мемуарах, изданных в 1997 г. в Германии, воспоминания К.Эрлиха: «Как особо

опасных преступников, верующих охранял и сопровождал вооруженный конвой с собаками. В лагере они содержались под вооруженной охраной в специальных бараках. И только благодаря защите Бога верующие не подвергались нападениям лагерных бандитов»[12].

В лагере им устроили новое испытание на прочность их веры – за христианскую агитацию назначались наказания. Политический работник сказал К.Эрлиху: «Вам за Вашу религиозную контрреволюционную работу придется и дальше сидеть в лагере. Вам не хватает 25 лет? Вы хотите попасть еще в штрафной лагерь?» В ответ ему Эрлих ответил: «Если так угодно Богу. В штрафном лагере много молодых людей, которые еще не освободились от своих грехов, но если они придут к Иисусу, то они будут спасены для времени и вечности. Наша работа – помогать людям, чтобы они выбрались из нищеты грехов – воровства, убийств и насилия. Мы поем религиозные песни и молимся не только за них, но и за вас, потому что ваша жизнь всегда в опасности...»[13]

Осужденный проповедник прилежно работал в приусадебном хозяйстве лагеря, за что его ценило лагерное начальство. Несмотря на запреты, он и в лагере имел свой круг верующих и проводил богослужения. Начальник лагеря знал об этом и говорил ему: «Молитесь только тогда, когда я здесь»[14]. Эрлих пробыл в заключении свыше трех лет, после чего был освобожден по новому закону.

После своего возвращения в Тюмень, Эрлих продолжал активно проповедовать. «В первое же воскресенье община собралась в самом большом доме, потому что многие прибыли из деревень. В этот день служба проходила трижды – до позднего вечера. Во время вечернего богослужения дом был так переполнен, что многие люди стояли рядом с домом и ждали, когда они смогут попасть в помещение. В понедельник в 10 утра его вызвали в КГБ, где продержали 3 часа»[15].

По свидетельству Шахта, посетившего во второй половине 1960-х гг. вместе с Эрлихом многие лютеранские общины в Тюменской области, «в городе Тюмени было две лютеранских общины. В Заводоуковском районе были две общины с братьями Фридрихом Майером и Александром Гуксхаузеном, в деревне Кулаково с братом Давидом Суписом, в Сорокинском районе с братом Георгом Лакманном, в Упоровском районе с братом Отто Тросселем и в районе Мисса(?) с братом Конрадом Суппесом»[16]. Во многих местах люди просили их помочь в получении молитвенных домов.

По свидетельствам более позднего времени, в областном центре богослужения проходили в двух местах, куда собиралось

по 50–60 лютеран. Впоследствии из-за репрессий многие уже не являлись на коллективные богослужения, а собирались в воскресные и праздничные дни по 25–30 человек по своим квартирам и домам. В 1950-е–1960-е гг. за верующими велась неусыпная милицейская слежка. Часто милиционеры старались застать их на месте «преступления» – во время богослужения, и у верующих изымались «орудие их преступной деятельности» – Библия.

После свержения Хрущева в религиозной жизни произошли некоторые послабления, но они лишь незначительно изменили ситуацию. Данных о количестве арестованных и осужденных немецких проповедников до сих пор нет, но известно, что всего в Советском Союзе было арестовано и осуждено в 1961–1969 гг. 500 баптистов. Среди них было много немцев[17]. Как видно из приведенного выше перечня, в Тюменской области только в 1962–1965 гг. было осуждено примерно десять немецких проповедников – как меннонитов, баптистов, так и лютеран.

Однако главным орудием борьбы с религиозностью немцев было даже не заключение проповедников в лагеря, поскольку все они уже прошли лагеря, и их несгибаемость лишь еще более поднимала их авторитет среди верующих, а запугивание. Именно поэтому судебные процессы над проповедниками широко освещались в средствах массовой информации.

Несмотря на гонения, и проповедники-меннониты, и евангелическо-лютеранские проповедники, не получившие специального религиозного образования, но ставшие ими по зову судьбы, продолжали свою благородную деятельность. В Тюмени это уже умершие Константин Эрлин, Давид Суппес, Адольф Гиль, Андрей Пропп и др. Так же домашние богослужения проходили и в деревнях. Проповедник лютеранской общины из села Новоселезнево Елизавета Андреевна Давыд вспоминала, что верующие собирались 16 человек в одном доме, читали, молились Господу Богу, из этих 16 осталось двое.

Плотный партийный и чекистский контроль за религиозной жизнью немцев продолжался и в 1970-е–1980-е гг. С моим дедушкой, как одним из организаторов «религиозных сходок», люди в штатском регулярно проводили «воспитательные» беседы. Постоянно ощущая на себе давление, он, как и другие проповедники, старался не вовлекать детей в религиозную деятельность, чтобы и они не становились объектом травли. Отчасти именно этим объясняется прерывание религиозной традиции от старших поколений к младшим.

Некоторые верующие переходили из одной религиозной общины в другую – менее преследуемую. Среди немцев определенное распространение получил баптизм. Баптистами становились люди

разных национальностей – немцы, русские, украинцы. В Тюменской общине баптистов – официально зарегистрированной и обладавшей своим молитвенным домом – тоже появились гонимые немецкие проповедники. В сводке КГБ от 1960 г. среди активистов значился и Роберт Яковлевич Пропп, бывший ранее проповедником разогнанных сект «бет-брудеров» и «пятидесятников»[18]. В ноябре 1965 г. он был приговорен к пяти годам лишения свободы.

Были ли эти религиозные объединения действительно сектами, угрожавшими общественному здоровью, или это были обычные этнические общины верующих, которые сохраняли этнокультурные традиции, культивировали нравственность? Очевидно, что все, противоречившее коммунистической идеологии, признавалось сектантством, и, в лучшем случае, допускалась контролируемая православная церковь. Все остальные религиозные объединения, продолжавшие национальные традиции, ставились вне закона и всячески преследовались, как реакционные секты. Этот отпечаток гонимости остался в психологии многих немцев старшего поколения.

Точной информации об уровне религиозности немцев (доле среди них верующих) в послевоенный период нет. Отчасти ее можно обнаружить в архивах КГБ. Социологи нередко проводили, особенно «на местах», псевдонаучные опросы, которые в тех условиях скорее походили на допросы и носили репрессивно-идеологический характер. Неслучайно во всей Тюмени идеологи насчитывали, к примеру, лишь четырех баптистов в молодом возрасте, и только пожилые люди признавались в своей вере. Всего же в Западной Сибири в 1970-е гг. партийные органы насчитывали 10 тыс. баптистов, некоторую часть из которых составляли немцы, – в 20 раз меньше, чем в конце 1920-х гг. Из них в Тюменской области насчитывали, например, «несколько сот сектантов»[19]. Делались выводы о «кризисе сектантства», о том, что в сектах преобладают неграмотные и малограмотные пожилые женщины.

В действительности верующих немцев, особенно среди старшего поколения, было очень много. По некоторым оценкам, доля верующих среди немецкого населения составляла 20–25%[20], т.е. намного больше, чем среди других национальных групп (в среднем соотношение верующих к атеистам в СССР можно оценить примерно как 1 к 10). Наибольшую долю среди них представляли лютеране. В Тюменской области до 1990 г. действовали, по относительно достоверным данным Совета по делам религий, шесть лютеранских общин (включая незарегистрированные)[21].

Последняя кампания борьбы с религиозностью немцев относится к 1987 г., когда административные органы занимались несанкцио-

нированными собраниями в Исетском районе на квартире Я. Классена. Они требовали от проповедника регистрации общины[22].

Долгие годы немцы, как правило, не имея специальных помещений, собирались на своих квартирах и вели богослужение. Им вера служила прежде всего нравственным утешением и, конечно же, была психологической подготовкой к смерти. Неслучайно наиболее сильно лютеранские (как и католические, меннонитские) обычаи и традиции проявлялись в погребальных обрядах. И до сих пор многие еще оставшиеся в живых старушки и реже старики по воскресеньям ходят друг к другу в гости и поют псалмы на немецком языке. Для многих верующих Библия, которую они привезли еще из дома и хранили все годы ссылки, остается самой ценной семейной реликвией.

Бывшая долгие годы проповедником, Елизавета Андреевна Давыд так проникновенно говорила об этом: «Эта Библия, я считаю, золото. Читаю ее и буду Богу молиться. Без этого не жить. Как растение не может жить без воздуха, так и мы без Господа Бога не можем жить. Вот так. Так же и песенник. Эти две книги меня спасли». Библия стала для многих не только нравственной опорой, но и букварем, по которому они научились читать, учебником жизни. Елизавета Егоровна Руф рассказывала: «Я целый день читала молитву – училась читать». Так и обучилась грамоте.

Религиозность немцев в средствах коммунистической пропаганды выглядела как выражение самых зловредных качеств – фанатизма, античеловечности, мракобесия, алчности. Но в действительности она была средством сохранения нравственности, культуры. В отсутствие религии нередко приходила антикультура, пьянство, хулиганство – качества, встречавшиеся ранее среди немцев крайне редко.

Тяжелый рабский труд, крайне стесненные жилищные условия, преследования религии, разрушение семей сопровождали насильственную ассимиляцию немцев в местах выселения. Все это приводило к подрыву их этнических устоев. Среди части немцев стали появляться такие невиданные раньше явления, как алкоголизм. Лидия Федоровна (урожденная Цисман) вспоминает, что после переезда из Успенки в район ДОКа (деревообрабатывающего комбината) г. Тюмень в начале 1960-х гг. ее поразило, как много среди здешних немцев пьющих людей в отличие от тех, которые жили в селе. Таким образом, на место вытесненных в результате насильственной ассимиляции этнокультурных ценностей приходили худшие образцы советской культуры.

Одно из направлений репрессивной политики советского режима – преследование немцев по религиозным причинам – характеризует весь послевоенный советский период в истории российских немцев.

Примечания:

[1] Вебер В. Советские немцы : Сохранить веру вопреки судьбе // На пути к свободе совести. М., 1989. С.373.

[2] Центр документации новейшей истории Тюменской области (ЦДНИТюО). Ф.124. Оп.150. Д.86. Л.149.

[3] Там же. Л.150, 151.

[4] Там же. Л.152–153.

[5] Там же. Д.85. Л.25.

[6] Там же. Л.28.

[7] Шорохов К. Гнусные проповеди и их проповедники // Сектантские сети. Тюмень, 1959. С.26.

[8] Там же.

[9] ЦДНИТюО. Ф.3894. Оп.2. Д.41. Л.48.

[10] Schacht E. In Russland erlebt mit Jesus.Lahr, 1997. S.150.

[11] ЦДНИТюО. Ф.3894. Оп.2. Д.41. Л.49.

[12] Schacht E. In Russland erlebt mit Jesus.Lahr, 1997. S.150.

[13] Ibid. S.151.

[14] Ibid. S.152.

[15] Ibid. S.153.

[16] Ibid.

[17] Pinkus B., Fleischhauer I. Die Deutschen in der Sowjetunion : Geschichte einen nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. Baden-Baden, 1987. S.463.

[18] ЦДНИТюО. Ф.3894. Оп.2. Д.41. Л.163.

[19] Андреев А. Крах иллюзий баптизма // Блокнот агитатора. 1975. № 6.

[20] Pinkus B., Fleischhauer I. Die Deutschen in der Sowjetunion : Geschichte einen nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. Baden-Baden, 1987. S. 465.

[21] Krindatsch A. D. Protestanten und Lutheraner in Russland – gestern und heute // Osteuropa : Zeitschrift fur Gegenwaertsfragen des Ostens. 1995. Heft 7. S.655.

[22] Замятин Н. Нет прав без обязанностей // Тюмен. правда. 1987. 4 сент.

Последствия депортации

Н.Смольникова, Москва

Национальные репрессии и их влияние на современные этнополитические проблемы немцев Поволжья

Особенности советской национальной политики в отношении российских немцев во многом определили как историческую судьбу этого народа, так и его современное положение. Очевидно, корни сложнейших современных этнополитических проблем российских немцев следует искать в зачастую непоследовательном, произвольном политическом курсе советского руководства, в его репрессивной политике периода Великой Отечественной войны.

Для исследования поставленных проблем нами избрана немецкая диаспора Поволжья, относящаяся к числу наиболее ранних по времени формирования групп российских немцев во внутренних регионах страны. Местная диаспора сложилась после издания в 1762–1763 гг. императрицей Екатериной II так называемых колонизационных манифестов, приглашавших иностранцев селиться в России. Иностранным поселенцам был предоставлен ряд привилегий и льгот при обустройстве в империи. В результате такой политики в 60-х гг. XVIII в. на Нижней Волге было образовано более ста немецких колоний. Немецкая диаспора составила одну из наиболее крупных этнических общностей Нижнего Поволжья и вместе с тем одну из самых многочисленных региональных групп российских немцев.

Источниками для данной работы явились различные по характеру и содержанию материалы. Наиболее многочисленную и значимую группу образовали материалы экспедиционного этнологического исследования, проведенного автором среди немцев Волгоградской области в 1994–1997 гг. В ходе интервьюирования фиксировались воспоминания немцев о депортации, трудармии и возвращении в Поволжье, выявлялись особенности современного положения немецкой диаспоры. Источниками послужили также опубликованные воспоминания, документы и статистические сведения.

История исследуемой поволжской диаспоры складывалась в советский период весьма драматично. Декретом СНК РСФСР от 19 октября 1918 г. была образована Автономная область (Трудовая коммуна) немцев Поволжья, в состав которой вошло четыре

уезда Самарской и Саратовской губерний. В 1922 г. территория немецкой автономии была «округлена» путем включения прилегающих к ней районов. В 1924 г. статус немецкой автономии существенно вырос: область была преобразована в АССР немцев Поволжья.

Вплоть до начала 1940-х гг. местная немецкая диаспора оставалась одной из крупнейших в СССР. По данным переписи 1939 г., в АССР немцев Поволжья проживало 366 685 немцев, составлявших 60,4% населения республики. В Саратовской области насчитывалось 42 970 немцев (2,4% жителей), в Сталинградской – 23 751 (1% жителей)[1].

В 1941 г., после начала Великой Отечественной войны, судьба поволжской диаспоры кардинально изменилась. Лояльность немцев к советской власти была поставлена под сомнение. 26 августа СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление, предусматривавшее переселение всех немцев из поволжской автономии, Саратовской и Сталинградской областей в восточные регионы РСФСР и Казахскую ССР. Постановление содержало перечень краев и областей расселения, а также квоты размещения депортированных немцев. Всего предполагалось переселить 433 тыс. человек. В постановлении указывались меры по проведению этой операции, которую следовало завершить 20 сентября 1941 г.[2]

Приказом НКВД от 27 августа в Республику немцев Поволжья направлялись сотрудники этого ведомства, работники милиции и красноармейцы. На каждую немецкую семью составлялись учетные карточки. Иногда перепись поручали самим немцам: с присущей им аккуратностью жители сел составляли списки, не зная их предназначения[3].

Официально объявил о предстоящей депортации Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Немцы были обвинены в сокрытии в своих рядах шпионов и диверсантов. Правительство решило переселить всех немцев из Поволжья в Новосибирскую, Омскую области, Алтайский край, Казахстан и соседние местности и наделить переселенцев землей и угодьями в новых районах[4].

Очевидно, что обвинения немцев в сотрудничестве с фашистской Германией были лишены всякого смысла. Такое сотрудничество было невозможно по идеологическим причинам[5]. Выселение немцев носило превентивный характер и было, по выражению исследователя Р.Конквеста, «более предостережением, чем наказанием»[6].

Операция по выселению немцев из Поволжья началась 30 августа. Как показали проведенные автором опросы, трагические события, связанные с депортацией, прочно сохранились в памяти

людей. По воспоминаниям респондентов, выселение проводилось в спешке, часто не хватало транспорта, немецким семьям позволяли брать с собой минимум вещей.

В качестве иллюстрации приведем сведения о депортации из села Галка поволжской автономии, сообщенные одним из респондентов. По его словам, в то время как часть жителей уже была выселена, остальные вынуждены были ждать транспорта трое суток. Однако в итоге из-за нехватки транспорта основная масса немецких семей добралась до железной дороги в городе Камышине пешком, преодолев более 40 км.

В места нового расселения немецкие семьи отправляли железнодорожным транспортом. По свидетельству опрошенных, в грузовых вагонах нередко размещали в три-четыре раза больше допустимого числа людей.

Согласно данным НКВД, операция по выселению немцев из поволжской автономии была завершена 20 сентября 1941 г., из Сталинградской и Саратовской областей – 12 и 18 сентября[7]. АССР немцев Поволжья была ликвидирована, семь ее кантонов вошли в состав Сталинградской (современной Волгоградской) области, остальные 15 – в состав Саратовской.

В новых местах проживания депортированные немцы вынуждены были налаживать жизнь заново. Зачастую не хватало жилья, и в одном доме размещали несколько семей. Так, по воспоминаниям респондентов, в Армизонском районе Омской (ныне Тюменской) области в один дом селили по пять немецких семей. В условиях нехватки продовольствия переселенцам нередко приходилось вести полуголодное существование.

С благодарностью вспоминают многие немцы о тех людях, которые сочувствовали им и оказывали помощь в самое сложное время. Например, одна из опрошенных женщин сообщила, что ее семья была депортирована в Восточный Казахстан и хозяин дома, в котором они жили, отнесся к ним с пониманием. Он поселил у себя всех членов многочисленной семьи (девять человек) и нашел им работу.

Репрессивная политика в отношении немцев, начавшаяся с депортации, нашла свое продолжение в последующих мерах.

В 1942 г. началась мобилизация немцев в рабочие колонны (трудовую армию). 10 января было принято постановление Государственного комитета обороны о мобилизации в рабочие колонны всех мужчин-немцев в возрасте от 17 до 50 лет, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края, а также в Казахскую ССР. Мобилизованных предписывалось направить на лесозаготовки, строительство Бакальского и Богословского заводов и железных дорог[8]. 7 октября 1942 г. вышло

новое постановление. Оно предусматривало мобилизацию в рабочие колонны всех мужчин-немцев в возрасте 15–16 и 51–55 лет включительно, в том числе переселенных из центральных областей СССР и Республики немцев Поволжья в Казахскую ССР и восточные области РСФСР, и женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет включительно. Их надлежало отправить на предприятия Наркомугля и Наркомнефти[9].

В 1943 г. набор в трудармию был продолжен. 19 августа было принято постановление, предписывавшее мобилизовать и направить в угольную промышленность немцев – мужчин и женщин – численностью семь тысяч человек в пределах Казахской ССР, Алтайского и Красноярского краев, Омской, Новосибирской и Кемеровской областей[10].

География трудармейских лагерей была довольно широкой – от Коми АССР до бухты Ванино на Дальнем Востоке. Трудармейские формирования имелись даже на территории Монголии[11]. По словам опрошенных автором немцев, побывавших в трудармии, они были заняты на строительстве заводов и шахт, на лесозаготовках и добыче угля и других полезных ископаемых на Урале, в Сибири и Казахстане.

Распорядок жизни в трудармейских лагерях был строго регламентирован. Фактически положение мобилизованных немцев ничем не отличалось от положения заключенных. Трудармейцев водили строем под усиленной охраной и размещали в бараках, окруженных колючей проволокой.

Тяжелые условия жизни и непомерная физическая работа приводили к смертности, порой достигавшей значительных масштабов. По воспоминаниям бывшего трудармейца, из более 19 тыс. немцев, привезенных на строительство Богословского алюминиевого завода, осталось в живых 4 тыс. человек[12].

Проведенные автором опросы свидетельствуют о том, что особенно сложно приходилось в трудармии женщинам. Так, одну из опрошенных, депортированную в Сибирь, мобилизовали в рабочие колонны, как только ей исполнилось 16. Пять лет эта женщина проработала в Нижнем Тагиле Свердловской области. Вот что она рассказала о трудармии: «Первое время посылали куда хотели – на стройку, на цемент, копать ямы, столбы ставить в зимнее время, таскать кирпичи и носилки. А мы же молодые были, нам это все трудно было. Я все время плакала. Я плакала целый год, пока привыкала к людям». Другая опрошенная женщина была призвана в рабочие колонны в декабре 1942 г. в возрасте 20 лет. Там же оказались ее сестра и брат. Однажды мобилизованных пообещали освободить, но вместо этого отправили на шахты Казахстана. Всего же эта женщина провела в трудармии пять лет.

Трудармейцы нередко были вынуждены оставаться на предприятиях, стройках, шахтах и после окончания войны. Так, в декабре 1945 г. немцы были закреплены за предприятиями Наркомнефти[13]. По данным на 13 августа 1946 г., наибольшее число мобилизованных немцев находилось в распоряжении двух министерств угольной промышленности – всего более 55 тыс. человек[14].

В новых регионах проживания немцев был введен режим спецпоселения. Все немцы были поставлены на учет в спецкомендатуру. Главы семей должны были в трехдневный срок сообщать обо всех изменениях в составе семьи в спецкомендатуру. Без разрешения коменданта немцы не имели права отлучаться за пределы района расселения. В 1948 г. было объявлено, что выселение немцев и ряда других народов осуществлено навечно, и за самовольный выезд (побег) было введено уголовное наказание в виде 20 лет каторжных работ[15].

Режим спецпоселения был отменен в 1955 г. Однако по-прежнему действовал запрет на возвращение немцев в родные места.

В 1964 г. указом Президиума Верховного Совета СССР немцы были реабилитированы. Через восемь лет, в 1972 г. с них были сняты ограничения в выборе места жительства. Часть немцев вернулась в Поволжье.

Вместе с тем, как показали проведенные автором опросы, некоторым немецким семьям удалось вернуться на Волгу еще в 1950–1960-х гг., несмотря на запреты. Если в селах Саратовской области в конце 1950-х гг. прописку немцам не предоставляли, то соседняя Волгоградская область вследствие нехватки рабочей силы активно принимала немецкие семьи[16].

Однако даже в Волгоградской области в 1950-х гг. свободный прием немцев осуществлялся далеко не повсеместно. Как сообщили автору респонденты, порой местные власти отказывались предоставлять прописку немецким семьям в тех селах, из которых они были депортированы, руководствуясь при этом положением указа 1955 г. Этим объясняется тот факт, что прибывавшие на Волгу немцы первоначально нередко обустраивались в других селах, как правило, расположенных неподалеку от родных мест. Одним из результатов этого стало сосредоточение большого числа немецких семей в тех поселениях, где в додепортационный период немцы практически не проживали. Таковы, к примеру, обследованные автором села Дворянское и Лебяжье Камышинского района, где до сих пор значительная часть населения – немцы.

Законодательным снятием ограничений в выборе места жительства в 1972 г. в основном завершилась начатая в военный период

репрессивная политика в отношении поволжской диаспоры и российских немцев в целом. Рассмотренный выше фактический материал подводит нас к вопросу о причинах и последствиях репрессий этого времени.

Не претендуя на детальный и исчерпывающий анализ причин сложного и многообразного феномена репрессий против российских немцев, хотелось бы вместе с тем выделить наиболее важные, на наш взгляд, моменты. С одной стороны, направленность репрессивных мер против данного народа, безусловно, дает возможность говорить об этнических (национальных) мотивах подобной политики. С другой стороны, действовали, очевидно, и определенные внутриполитические и идеологические факторы, на которые уже указывали многие историки[17].

К совокупности этнополитических факторов, на наш взгляд, следует добавить и еще один – международный, значимость которого достаточно велика. Международный фактор, в его проекции на национальную политику, способен оказывать существенное влияние на исторические судьбы целых народов. В этом смысле репрессивные меры, предпринятые против поволжской диаспоры и российских немцев в целом, можно в значительной мере объяснить спецификой отношения советского государства к этническим группам, находившимся на положении национальных меньшинств.

В рассматриваемый нами период немецкая диаспора Поволжья составляла национальное меньшинство, будучи одной из диаспор крупного этноса, имеющего свое государственное образование – влиятельную международную державу. В представлении советского руководства российские немцы были связаны со своей исторической родиной. По этой причине судьба немецкой диаспоры непосредственно зависела от развития отношений СССР с Германией. В кризисные периоды советско-германских отношений эта этническая группа непременно оказывалась в положении «внутреннего врага» и подвергалась дискриминационным и репрессивным мерам.

Репрессии против поволжской диаспоры в период Великой Отечественной войны явились продолжением курса, проводившегося еще в Российской империи. Как известно, подобная политика в отношении российских немцев, в том числе поволжской группы, осуществлялась во время первой мировой войны. Тогда в условиях шовинистической кампании был запрещен немецкий язык в школах и церквах, прекратился выпуск газет на этом языке[18]. В 1915 г. все немецкие поселения на Волге получили русские названия. В феврале 1917 г. Николай II санкционировал применение к немцам Поволжья закона об экспроприации земельных вла-

дений. С весны 1917 г. планировалось начать выселение немцев с Волги в Сибирь[19]. Только Февральская революция и свержение Николая II помешали осуществлению этих мер.

Сложившаяся в период первой мировой войны практика репрессий против немецкого национального меньшинства была продолжена во время Великой Отечественной войны. Проведенные тогда депортация немцев из Поволжья и ликвидация их автономии нарушили естественный ход этнических процессов.

Одним из последствий репрессивной политики стало существенное изменение содержания и характера этнодемографических процессов в среде исследуемой диаспоры. В результате депортации немецкое население было перемещено в восточные регионы СССР. Процесс возвращения на Волгу затронул лишь часть представителей прежней местной диаспоры, и значительная доля немецких семей осталась в местах бывшего спецпоселения.

По этой причине в послевоенный период численность немцев Нижнего Поволжья оказалась значительно ниже, чем до депортации. В 1970 г., по данным переписи населения, в Волгоградской и Саратовской областях проживало в общей сложности около 25 тыс. немцев. К 1979 г. немецкое население двух областей увеличилось, составив около 38 тыс. человек. По данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., в рассматриваемых областях проживало немногим более 45 тыс. немцев: 28 008 – в Волгоградской и 17 068 – в Саратовской[20].

По сравнению с довоенным периодом существенно сократилась и доля немцев в общей численности населения поволжских областей. Это во многом связано с миграционными процессами военного времени, когда на территорию бывшей автономии перемещали в основном эвакуированное население. Значительный приток иноэтнического населения в Нижнее Поволжье происходил и в послевоенный период в связи с социально-экономическим освоением этого края.

Современный этнический состав жителей поволжских областей характеризуют материалы переписи 1989 г. В рассматриваемых областях наиболее многочисленно русское население, насчитывавшее 89,1% в Волгоградской области и 85,6% – в Саратовской. Значительна также доля украинцев, казахов, татар. Немецкая диаспора, хотя и принадлежит к числу наиболее крупных этнических групп этих областей, вместе с тем имеет сравнительно невысокий удельный вес в общей численности населения: в 1989 г. в Волгоградской области немцы составили 1,1% жителей, в Саратовской – 0,6%[21].

Наблюдающаяся в последнее десятилетие активная эмиграция немецких семей в Германию способствует изменению этнического

состава региона. Это выражается в тенденции к сокращению численности и удельного веса немецкой диаспоры среди местных жителей.

Послевоенный период был отмечен изменениями в системе территориального размещения немецкой диаспоры Нижнего Поволжья. Вплоть до начала 1940-х гг. доминировали черты компактного расселения, сложившегося еще в период освоения этого региона немецкими колонистами.

Процесс территориального размещения возвращавшихся в Поволжье немцев развивался под влиянием двух противоположных тенденций. Приезжавшие на Волгу немецкие семьи стремились обустроиться в прежних местах проживания, главным образом в районах, ранее входивших в состав автономии. Это способствовало восстановлению компактной формы расселения поволжской диаспоры. Вместе с тем ряд факторов – существовавшие ограничения в прописке немецких семей в родных селах, усиление миграционной активности немцев, увеличение доли городских жителей среди местной диаспоры – способствовал развитию тенденций дисперсного (рассеянного) расселения. Из этих двух отмеченных тенденций в послевоенный период возобладала первая.

В результате к концу 1980-х гг. форма расселения представителей поволжской диаспоры имела отчетливые черты компактности. Ярко иллюстрирует эту ситуацию картина расселения немцев в Волгоградской области в 1989 г. По данным проведенной тогда переписи, в пяти северных районах Волгоградской области, прежде входивших в состав автономии, было сосредоточено 62,1% немецкого населения. В Камышинском районе проживало 25,5% немцев области, в Палласовском – 10,2%, в Жирновском – 9,3%, в Котовском – 8,6%, в Старополтавском – 8,5%[22]. В ходе переписи был зафиксирован ряд сельских поселений, в которых немцы составляли от 38% до 56% жителей[23].

Однако в последнее десятилетие значительно усилились тенденции дисперсного размещения немецкой диаспоры. Проведенное автором исследование в Волгоградской области показало существенное снижение за этот период удельного веса немцев среди жителей многих сельских поселений. Для городской местности характерно дисперсное расселение немцев.

К столь же серьезным последствиям, что и в этнодемографическом развитии, репрессивные меры военного периода привели в сфере традиционной культуры и языка немцев Поволжья. Проживание в регионах с численно доминирующим иноэтническим населением, резкое понижение социального статуса немцев, длительные запреты на функционирование национально-культурных институтов, – все это вело к разрушению традиционного бытового уклада исследуемой диаспоры.

Несмотря на то, что в послевоенный период были восстановлены пресса на немецком языке и элементы национальной школы, появились немецкие католические и протестантские общины, все эти меры носили ограниченный характер и не могли существенно повлиять на ситуацию в национально-культурной сфере. Кроме того, созданные культурные объединения в своей деятельности нередко сталкивались с негативным отношением местных властей. Как показали проведенные автором опросы, это особенно ощущали на себе члены религиозных общин.

Репрессивные меры военного периода и сохранявшиеся долгое время ограничения в национально-культурной жизни способствовали расширению межэтнических контактов и развитию процесса ассимиляции в немецкой среде. Вплоть до начала 1940-х гг. этому препятствовало преимущественно компактное расселение немцев на Волге, функционирование национально-культурных институтов и значительная доля сельских жителей, приверженных традиционному укладу.

В военный период условия сохранения этнической самобытности поволжской диаспоры были разрушены и произошло резкое ускорение темпов ассимиляции. В то же время ассимиляции способствовали и общие для большинства советских народов факторы этнонационального развития послевоенного периода: увеличение доли смешанных браков, перемещение из сел в города, усиление миграционной подвижности, быстрое распространение стандартных форм культуры.

Именно ассимиляция стала доминирующей в этнических процессах, протекающих в поволжской диаспоре. Это выражается в утрате элементов традиционной культуры и языка немцев и восприятии культурно-языкового комплекса иноэтнического окружения, главным образом русских.

Получившая широкое распространение ассимиляция в неодинаковой степени затронула разные сферы традиционно-бытовой культуры поволжской диаспоры. В наибольшей степени результаты ассимиляции заметны в материальной культуре. В сфере духовной культуры вплоть до настоящего времени продолжает сохраняться основная этническая специфика немецкой диаспоры[24].

Последствия репрессивной политики существенно сказались и на национальном языке немцев Поволжья.

Следует отметить, что изначально основу разговорного варианта немецкого языка этой группы составили диалекты. На Волге, за исключением меннонитских колоний, были представлены только средненемецкие говоры. Проводниками немецкого литературного языка прежде служили церковь, школа, печать. Но и этот вариант языка носил окраску диалекта[25].

Депортация немцев нанесла сильный удар по институтам, через которые передавались знания немецкого литературного языка. Запрещение церковных служб, упразднение национальных школ и прессы способствовали тому, что распространялся лишь разговорный вариант языка.

В то же время усиление межнационального взаимодействия немцев с другими этническими группами в последепортационный период вело к разрушению основ функционирования немецкого языка как средства общения. Следствием этого стало массовое распространение в поволжской диаспоре русского языка. По словам респондентов, к началу 1940-х гг. многие немцы слабо владели русским языком или не владели им вовсе.

К настоящему времени этноязыковая ситуация кардинально изменилась. Уровень языковой компетенции в сфере русского языка представителей всех возрастных групп поволжской диаспоры весьма высок, тогда как степень владения немецким языком существенно снизилась. Теперь знания немецкого языка сохраняются, главным образом, в старшем и среднем поколениях.

В послевоенный период в условиях перехода немцев к общению на русском языке сокращалась доля тех, кто считал своим родным языком немецкий. Как следует из табл. 1, этот процесс поразному развивался в Волгоградской и Саратовской областях. В Волгоградской области в 1970–1989 гг. указанная тенденция приобрела устойчивый характер. В Саратовской области в 1970–1979 гг. наблюдалась противоположная тенденция, которая объясняется, очевидно, массовым притоком туда немецкого населения в этот период. О современной ситуации свидетельствуют данные проведенного автором исследования 1994–1997 гг. в Волгоградской области: немецкий язык признали родным около половины опрошенных представителей местной диаспоры.

Из двух распространенных среди поволжской диаспоры языков гораздо большую роль в послевоенный период стал играть русский, являющийся средством межэтнического общения. Возросшее значение этого языка свидетельствует об активно развивающейся в языковой сфере ассимиляции, которая приобрела не менее широкие масштабы, чем в сфере традиционной культуры.

Таблица 1. **Динамика распределения немцев Волгоградской и Саратовской областей по родному немецкому языку (1970–1989 гг.), %**[26]

Область	1970	1979	1989
Волгоградская	65,7	53,4	50,5
Саратовская	36,4	45,8	44,5

Но, несмотря на интенсивный процесс ассимиляции, этническое самосознание немецкой диаспоры Поволжья отличается устойчивостью. Депортация немцев и последующие репрессивные меры не только не повлекли за собой утраты этнического самосознания этой группы, но и даже оказали существенное влияние на его стойкое сохранение.

В ходе экспедиционных обследований Волгоградской области автором была сделана попытка выявить структуру этнического самосознания поволжской диаспоры. Как показали опросы, основной и наиболее устойчивый элемент этнического самосознания этой группы составляет память об исторической судьбе народа, в особенности о депортации 1941 г., трудностях адаптации немецких семей в новых местах проживания и пребывании в трудармии. Именно этот признак абсолютное большинство респондентов сочли главным, определяя свою принадлежность к немецкой диаспоре. Другие признаки – общий язык, особенности поведения (национальный характер), обычаи и обряды, религия – имеют в структуре этнического самосознания меньшее значение.

Следует отметить, что репрессивные меры военного периода определили не только дальнейшее этническое развитие поволжской диаспоры, но и отразились на отношениях немцев с представителями других народов. Особую роль репрессивная политика сыграла в трансформации этнического стереотипа поволжских и в целом российских немцев. Под этническим стереотипом следует понимать относительно устойчивое, обобщенное, эмоционально окрашенное представление о каком-либо этносе (или об определенной этнической группе).

Стереотип поволжской диаспоры складывался не столько на основе практики межэтнического взаимодействия, сколько под влиянием международного фактора[27]. Осуществленные в период Великой Отечественной войны репрессивные меры и выдвинутые против поволжской диаспоры обвинения в сотрудничестве с фашистской Германией явились причиной того, что стереотип российских немцев получил существенную негативную эмоциональную окраску. Разумеется, это вело к трудностям в межэтническом общении.

В новых местах проживания немцы в полной мере испытали на себе действие отрицательного стереотипа. По словам опрошенных автором немцев, многие местные жители и не подозревали о наличии в СССР столь многочисленной немецкой диаспоры. Респонденты отмечали, что первое время после депортации их считали военнопленными и, следовательно, ответственными за события на фронте.

Опросы показывают, что непросто протекала адаптация немцев к иноэтническому окружению и после их возвращения в Поволжье. По словам опрошенных, первоначально они ощущали напряженное, а иногда и враждебное отношение к себе. Это особенно проявлялось в межличностных конфликтах, на бытовом уровне. Однако дальнейшее общение способствовало постепенному «затуханию» негативных черт в стереотипе немцев.

Таким образом, в результате репрессивных мер военного периода возникли серьезные этнические и межэтнические проблемы поволжской диаспоры, которые под влиянием международных факторов приобрели отчетливую политическую окраску. В послевоенный период сложилось два основных варианта решения этнополитических проблем.

Первый вариант выдвинуло Движение за восстановление немецкой автономии на Волге. Как известно, это движение сформировалось еще в 1960-х гг. В 1965 г. в Москве побывали две делегации представителей национального движения, которые поставили перед советским руководством вопрос о восстановлении поволжской республики, однако получили отрицательный ответ. Не принесла успеха и деятельность трех делегаций, посетивших Москву в 1988 г.

Возникшее в 1989 г. первое национальное объединение советских немцев – общество «Возрождение» («Wiedergeburt») – поставило своей главной задачей восстановление автономной республики в Поволжье. Для решения вопроса немецкой государственности была создана специальная Комиссия Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Однако эти планы вызвали в Нижнем Поволжье конфликтную ситуацию: часть местного населения выступила против воссоздания автономии.

Сложившаяся на рубеже 1980–1990-х гг. конфликтная ситуация была обусловлена рядом факторов, среди которых наиболее значимыми были, по всей вероятности, социально-психологические. Противники автономии вновь использовали еще живучее негативное отношение к немцам, восходящее к событиям Великой Отечественной войны.

Конфликт в Поволжье воспрепятствовал решению самой острой этнополитической проблемы, возникшей в результате репрессий военного периода. Это способствовало актуализации другого варианта развития немецкой диаспоры – эмиграции на историческую родину.

Следует отметить, что эмиграция немцев стала устойчивой тенденцией послевоенного периода. Память о дискриминационной политике военных лет, опасения дальнейших репрессий, резкое понижение социального статуса немцев, отсутствие равных прав

с представителями других народов вызывали желание уехать на историческую родину. Подавляющее большинство российских немцев в 1950-х – первой половине 1980-х гг. направлялось в ФРГ, поток эмигрантов в ГДР был незначительным[28]. Уровень выезда в ФРГ жестко ограничивался советскими властями, и эмиграционное движение представляло собой волнообразный процесс с периодическим возрастанием и снижением числа выезжающих немцев.

Во второй половине 1980-х гг. в развитии эмиграционного процесса произошли кардинальные изменения. Либерализация условий выезда из СССР способствовала увеличению потока эмигрантов в ФРГ[29]. Широкие масштабы приобрел выезд немецких семей из Поволжья.

Миграционную ситуацию последних лет иллюстрируют данные, предоставленные автору Волгоградским областным комитетом государственной статистики (см. табл. 2). Анализ этих данных показывает наличие устойчивой тенденции оттока немецкого населения из Волгоградской области, главным образом за счет выезда в ФРГ. Эту демографическую тенденцию может лишь отчасти компенсировать наблюдающийся в последние годы приток в область немцев-мигрантов из государств бывшего СССР, преимущественно из Средней Азии и Казахстана, поскольку немалая часть новоприбывших также настроена на эмиграцию.

Несмотря на то, что в последние годы уровень выезда немцев из Волгоградской области снижается (табл. 2), существенного ослабления эмиграционных настроений пока не наблюдается. Это свидетельствует о том, что снижение выездной активности носит внешний характер и, значит, проблема массовой эмиграции поволжской диаспоры продолжает сохранять свою актуальность и остроту.

Таблица 2. **Миграционно-эмиграционный оборот немцев в Волгоградской области (1993–1996 гг.)**

Год	Всего, человек			В том числе со странами дальнего зарубежья, человек*		
	прибыло	выбыло	сальдо миграции	прибыло	выбыло	сальдо миграции
1993	1529	4180	-2651	27	3482	-3455
1994	1649	4063	-2414	28	3263	-3235
1995	1219	3424	-2205	21	2670	-2649
1996	903	2454	-1551	33	1760	-1727

* Поскольку других вариантов эмиграции немецкой диаспоры, как показало проведенное автором исследование, не существует, то под «странами дальнего зарубежья» подразумевается ФРГ.

По данным проведенного автором исследования, доминируют экономические причины эмиграции немцев в ФРГ – стремление улучшить материальное положение семьи. Однако немаловажное значение имеют также этнические мотивы выезда, занявшие второе место по степени распространения. К их числу относится желание развивать национальную культуру, сохранить этническое самосознание. Этнические мотивы поддерживаются памятью об исторической судьбе российских немцев в советский период, и особенно о репрессиях и дискриминации военного времени.

Как показали опросы, проведенные среди потенциальных эмигрантов и уже выехавших в ФРГ российских немцев, в последние два с лишним десятилетия этнические факторы играли существенную роль среди причин эмиграции[30]. В среде поволжской диаспоры значимость этих мотивов выезда к настоящему времени несколько снизилась, поскольку для младшего поколения немцев сейчас более актуальны экономические и семейные (родственные) причины. Этническими же мотивами объясняют свои эмиграционные настроения люди преимущественно старшего и отчасти среднего поколений, пережившие репрессии военных лет.

Таким образом, анализ современных этнополитических проблем поволжской диаспоры показывает всю сложность феномена национальных репрессий. Являясь частью национальной политики, репрессивный курс оказывает существенное влияние практически на все стороны функционирования этнической группы, на ее культуру, язык и самосознание. Исследуя историю немецкой диаспоры Поволжья, можно заключить, что осуществляемые в государственном масштабе репрессии способны кардинально изменять ход этнических процессов, нарушая существующие тенденции и способствуя формированию сложнейших этнополитических проблем. Влияние репрессивной политики в таком случае носит устойчивый характер, определяя будущее этническое развитие.

Советская национальная политика в отношении немецкой диаспоры Поволжья ярко иллюстрирует некоторые общие особенности взаимоотношений государства и национальных меньшинств. Характер и содержание таких взаимоотношений, безусловно, в значительной мере зависят от степени демократичности общества, его политической ориентации. Вместе с тем существенное влияние на государственную политику оказывает международный фактор. История немцев Поволжья свидетельствует о том, что национальная политика во многом определяется развитием отношений с государством – исторической родиной меньшинства. Политика в отношении национальных меньшинств, тесно связанная с международной ситуацией, отличается нестабильностью.

Несмотря на сложность проблем поволжской диаспоры, на наш взгляд, все же следует считать реальной перспективу преодоления последствий репрессивной политики военного периода. Проведенный автором анализ современной ситуации в Нижнем Поволжье показывает необходимость комплексного подхода к решению данной проблемы. Наиболее целесообразны экономические программы поддержки немецкого населения и помощь в процессе обустройства на Волге немецких семей из государств бывшего СССР. Перспективными являются также поддержка движения национальной культуры и языка, активизация деятельности структур национально-культурной автономии. Такая автономия, рассматриваемая нередко как альтернативный способ решения проблем российских немцев, очевидно, должна стать одним из инструментов улучшения положения поволжской диаспоры. Представляется, что активная совместная российско-германская политика способна преодолеть последствия репрессивных мер военного периода и решить многие острые современные проблемы немцев Поволжья.

Примечания:

[1] Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основ. итоги / Сост. Ю.А.Поляков и др. М., 1992. С.64–65, 67.

[2] Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) // Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С.229-233.

[3] Вашкау Н.Э. Немцы в России: история и судьба: Учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград, 1994. С.49.

[4] Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» // Депортации народов СССР (1930-е–1950-е годы). Ч.2. Депортация немцев (сентябрь 1941–февраль 1942 г.) / Сост. О.Л.Милова. М., 1995. С.241–242.

[5] Герман А.А. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941. Ч.2. Автономная республика, 1924–1941. Саратов, 1994. С.294–295.

[6] Conquest R. The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities. New York, 1970. P.109.

[7] Справка о переселении граждан немецкой национальности // Депортации народов СССР (1930-е–1950-е годы). Ч.2. С.52.

[8] Постановление Государственного комитета обороны от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. В.А.Ауман, В.Г.Чеботарева. М., 1993. С.168–169.

[9] Постановление Государственного комитета обороны от 7 октября 1942 г. «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР» // Там же. С.172–173.

[10] Постановление Государственного комитета обороны «Разнарядка на мобилизацию трудпоселенцев (б[ывших] кулаков) и ссыльнопоселенцев в угольную промышленность из числа работающих в сельском хозяйстве, государственных артелях, гос[ударственных] учреждениях и [на] предприятиях необоронного значения» от 19 августа 1943 года № 3960сс // Там же. С.173.

[11] Дитц А. Живая боль. Очерк-воспоминание // Так это было: Национальные репрессии в СССР, 1919–1952 гг.: Документы, воспоминания, фольклор, публицистика, проза, поэзия, драматургия / Сост. С.У.Алиева. Т.1. Корейцы, курды, немцы, карачаевцы и прочие советские народы. М., 1993. С.146.

[12] Крюгер Ф. Отверженные: Воспоминания // Там же. С.241.

[13] См.: Постановление Совета народных комиссаров СССР «О закреплении мобилизованных немцев за предприятиями Наркомнефти» // И.Сталин – Л.Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф.Бугай. М., 1992. С.77.

[14] Подсчитано автором по: Angaben über die Zahl der mobilisierten Deutschen (Bürger der UdSSR), die in verschiedenen Industriezweigen eingesetzt sind (13. August 1946) // Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee : Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956 / Hrsg. v. A.Eisfeld und V.Herdt. Köln, 1996. S.293.

[15] См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). С.176.

[16] Малова Н.А. Возвращение поволжских немцев на Волгу в конце 1950-х гг. (по материалам историко-этнографических экспедиций в Поволжье 1995–1997 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. М., 1998. С.360–361.

[17] См., напр.: Pinkus B. Die Deutschen in der Sowjetunion beim Ausbruch des Zweiten Weltkrieges // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland 1973–1981. Stuttgart, 1981. S.19.

[18] Walth R.H. Strandgut der Weltgeschichte: Die Rußlanddeutschen zwischen Stalin und Hitler. Essen, 1994. S.34.

[19] Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С.35–36.

[20] Национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С.120, 122. (Общая численность немцев в двух областях в 1970, 1979, 1989 гг. подсчитана автором.)

[21] Там же. С.120–122.

[22] Национальный состав населения по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Т.2. Волгоград, 1990. С.269–270. (Общее число процентов подсчитано автором.)

[23] См.: Там же. Т.1. С.3.

[24] Подробнее об этнических процессах в сфере традиционно-бытовой культуры см.: Смольникова Н.В. Немцы Нижнего Поволжья: современная этнополитическая ситуация: Монография. Волгоград, 1998. С.52–59.

[25] Жирмунский В.М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // Сов. этнография. 1933. № 2. С.92–93.

[26] Национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С.342, 361. Показатели 1970 г. подсчитаны автором по кн.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т.4. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М., 1973. С.82, 116.

[27] Подробнее о формировании этнического стереотипа немцев Поволжья см.: Смольникова Н. Формирование и функционирование этнических стереотипов (на примере немцев Поволжья) // Социально-культурные и этнические стереотипы: Материалы науч. конф. молодых ученых и аспирантов, окт. 1996 г. / Отв. ред. Т.С.Гузенкова. М., 1998. С.49–51.

[28] Статистические данные по эмиграции см.: Кресс Э. Российские немцы или немецкие россияне на историческом перекрестке культур и языков. М., 1995. С.29; Heitman S. Eine Alternative zum Sprachschwund. Deutsche Auswanderung in komparativer Sicht // Die Deutschen in der UdSSR in Geschichte und Gegenwart: Ein internationaler Beitrag zur deutsch-sowjetischen Verständigung / Hrsg. von I.Fleischhauer, H.H.Jedig. Baden-Baden, 1990. S.267. Tabelle 1.

[29] См.: Кресс Э. Указ. соч. С.29.

[30] См., напр.: Общественное мнение о проблемах советских немцев / Отв. ред. В.Г.Бритвин. М., 1991. С.69; Dietz B., Hilkes P. Rußlanddeutsche. Unbekannte im Osten: Geschichte. Situation. Zukunftsperspektiven. München, 1993. S.116. Abb.1.; Schnurr J. Die Aussiedler aus dem sowjetischen Bereich // Die Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland: Forschungen der AWR Deutsche Sektion. I. Ergebnisbericht: Herkunft, Ausreise, Aufnahme / Hrsg. von W.Arnold. Wien, 1980. S.81.

Т.Иларионова, *Москва*

Реабилитация: трудный путь из тупика. Проблема российских немцев в советско-западногерманских переговорах 1957–1958 гг.

Советский период межнациональных отношений в России свидетельствует о том, что репрессии против тех или иных народов проще спланировать, чем потом выработать механизм их преодоления. Репрессии проще начать и осуществить, чем заставить людей их забыть.

Впрочем, и реабилитация по-советски мало чем отличалась от самих репрессий: решения о помиловании того или иного народа принимал узкий круг высших управленцев, эти решения проводились без широкой огласки и имели целью дальнейшее прославление «мудрой политики партии и правительства». Народы, чья реабилитация в виде восстановления государственности, возвращения на историческую родину, возрождения национальной культуры состоялась, все равно оставались жертвами, как и те, кто не дождался реабилитации.

I

Российские немцы – тот народ, который не дождался ни возвращения в места, откуда был выслан, ни восстановления государственности на Волге, где до войны была автономная республика, ни возрождения своей культуры. Народ-переселенец получил иную форму реабилитации, если так можно назвать последовавшее после десятилетий ссылки разрешение в конце 1980-х гг. покинуть пределы Советского Союза и выехать в Федеративную Республику Германия. Этот вариант выбирало не советское руко-

водство. Оно-то изо всех сил препятствовало распространению эмигрантских настроений, надеялось, что проблема немцев в СССР вообще забудется, уйдет из действующей политики, тем более из внешней политики страны. Выезд, как единственный способ реабилитации, выбирала Германия.

Проблемы находившихся на территории Советского Союза немцев стали предметом обсуждения при установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ. В ходе исторического визита канцлера К.Аденауэра в Москву с 9 по 13 сентября 1955 г. и его переговоров с советской правительственной делегацией, возглавляемой Председателем Совета Министров СССР Н.Булганиным, в которой, однако, решающее слово принадлежало Первому секретарю Президиума ЦК КПСС Н.Хрущеву, эта тема стала главной. Германская сторона поставила тогда решение вопроса о немцах в СССР впереди проблемы урегулирования отношений между обеими странами и преодоления раскола немецкого государства.

Обсуждение больной для обоих государств проблемы немцев в СССР было продолжено в июле 1957 г., когда в Москве начались двусторонние переговоры, один из вопросов повестки дня которых специально был посвящен репатриации. Полные драматизма, эти переговоры сегодня забыты большинством историков; в Советском Союзе и современной России о них фактически не было написано ни одного слова. Максимум того, что удается найти в открытых публикациях на русском языке, так это утверждения об исключительно торгово-экономическом характере прошедших тогда переговоров. Гуманитарный их аспект скрывался и скрывается от российской общественности.

К 1957 г. потребность в установлении экономических отношений с Западной Германией действительно стала насущной. Советский Союз, окруженный сателлитами социалистической ориентации, без сильных и надежных союзников, вступил в полосу системного кризиса, который сказался буквально на всех областях жизни страны: начались нехватки продовольствия, снизилась эффективность промышленности, мучительно шли поиски новых идейных ориентиров страны.

Германия во всех отношениях была самым предпочтительным торговым партнером. Традиционные связи, существенно, правда, подорванные войной, казались вполне восстановимыми, а схема товарообмена «сырье из СССР взамен машин и оборудования из ФРГ» выглядела более чем привлекательной для обеих сторон. Западная Германия нуждалась в подобного рода контактах с Советским Союзом. Канцлер Аденауэр, упорно проводивший в начале 1950-х гг. политику восстановления экономики своей страны,

тем не менее неоднократно говорил о таких ее бедах, как структурная безработица и нехватка сырья. Были, однако, и значительные моральные предпосылки восстановления хозяйственных связей с Советами: преодоление последствий войны, облегчение участи депортированных, расчет на возможное мирное объединение Германии.

Эти моральные обстоятельства не могли не сказаться на тактике возможных переговоров при заключении экономических соглашений с СССР: велик был искус поставить получение СССР материальных выгод благодаря торговле в зависимость от решения им проблем гуманитарного характера.

Репатриация находившихся на территории СССР немцев, начавшаяся после сентября 1955 г., проходила с переменным успехом: Советы то выпускали военнопленных и переселенцев по договору тысячами, то начинали затягивать выдачу разрешений на выезд в ФРГ. Эти меры проводились как бы в тени иных, более значимых событий на международной арене – бесплодном обсуждении вариантов заключения мирного договора стран-победительниц с Германией, раскола в стане победителей, наступательной политики СССР в Европе и на других континентах.

1957 г. начался с интенсивного обмена посланиями между высшими руководителями обеих стран. Наряду с прочими вопросами двусторонних отношений германские лидеры настойчиво ставили вопрос о репатриации находившихся на территории СССР немцев. Идя навстречу этому пожеланию, Булганин 5 февраля предлагает канцлеру начать переговоры по всему комплексу вопросов, включая и репатриацию. Аденауэр ответил на это предложение полным согласием.

Советское руководство, однако, не было едино в отношении этой проблемы. И в письме канцлеру Председатель Совета Министров СССР уже 18 марта красноречиво обходит молчанием вопрос о репатриации. Аденауэр настаивает на необходимости его обсуждения. 16 апреля 1957 г. германская сторона предлагает в своей ноте проект повестки дня двусторонних переговоров, где значится и вопрос о репатриации. СССР принимает это предложение[1].

Борьба вокруг повестки дня переговоров велась и дипломатическими методами. 9 января 1957 г. посол ФРГ в Москве В.Хаас был принят тогдашним советским министром иностранных дел Шепиловым и заявил, что «сейчас важно развивать не только экономические и культурные отношения, но надо также уделить внимание еще одной проблеме, которая серьезно препятствует созданию хороших настроений в отношении СССР. Речь идет о задержке немцев в Советском Союзе»[2]. Хаас пояснил, каких именно

людей он имеет в виду: лиц, которые сами себя считают немцами, которых ФРГ считает своими гражданами и которые не имеют советского гражданства.

Германская сторона регулярно передавала советской списки людей, желавших выехать в ФРГ. Советская сторона скрупулезно рассматривала каждую кандидатуру на выезд и лишь каждой третьей посчастливилось получить тогда разрешение на выезд[3].

Почему СССР так трудно отпускал из своих удушающих объятий людей, обреченных на бесправие и лишения? Ответ можно найти в письме канцлера Булганину от 27 февраля 1957 г. Он упомянул о двух обстоятельствах, представляющихся тяжелым препятствием для хороших отношений между странами. «Дело идет о вопросе восстановления государственного единства Германии и о вопросе возвращения на родину задержанных еще в Советском Союзе немцев»[4]. Подробно остановившись на проблеме объединения страны, он призвал Хрущева отказаться от поддержки ГДР: «Отпустите 17 миллионов немцев, господин Председатель, и Вы окажете дружескому сотрудничеству наших обеих стран чрезвычайно большую услугу». И далее в письме Аденауэр анализирует ситуацию с репатриацией: после переговоров 1955 г. в Москве на высшем уровне военнопленные не встречали препятствий для выезда; гражданские же лица, напротив, сталкивались с непреодолимыми трудностями.

Оба этих тезиса крайне важны для понимания всей последующей истории немцев Советского Союза: вопреки их желаниям судьба депортированных была напрямую связана с решением германского вопроса, т. е. с объединением страны. Выезд российских немцев мог стать фактом свободного волеизъявления людей в выборе места жительства только при условии, что с карты Европы исчезнет германо-германская граница. Эта граница разделяла не только живших по обе стороны рубежа. Она разделяла континент. Она пролегала по территории идей. Хрущев прекрасно понимал, что свободный выезд из СССР, объединение Германии – не просто уступка капитализму, это – гибель социализма. Вот почему его стараниями всего через несколько лет будет воздвигнута Берлинская стена. А ее падение станет в конце 1980-х гг. прологом тотального крушения социализма.

II

Подготовка переговоров весной 1957 г. вступила в практическую фазу. Начинают формироваться делегации обеих стран. В МИДе ФРГ не было полной ясности, кто именно из высших дипломатов поедет со столь ответственной миссией в Москву.

Посол Хаас был уверен, что эту работу доверят именно ему, в крайнем случае – одному из видных политиков, авторитетному для советской стороны. Однако внешнеполитическое ведомство рассудило иначе и назначило главой делегации посла по особым поручениям Лара – неспециалиста в советских делах и мало приятного самому Хаасу. Между обоими дипломатами с самого начала возникло соперничество, которое не было разрешено в ходе многомесячных переговоров. Депеши в Бонн так и подписывались двумя фамилиями – Хааса и Лара.

Советскую же делегацию возглавили два заместителя министров – иностранных дел В.Семенов и внешней торговли Кумыкин. Оба были как бы равноправны, но «более равноправным» был, конечно, Семенов. Такое «двоевластие» было создано совершенно по другим причинам. Москва намеренно, с самого начала разделила тем самым два комплекса вопросов: гуманитарный и торговый. Ясно давалось понять, что одни никак не будут увязываться с другими, и выгоды от достижения соглашения в области товарооборота не повлияют на уступки в деле репатриации. Это сразу было отмечено германскими партнерами по переговорам[5].

Переговоры открылись 23 июля 1957 г. Заранее согласованная повестка дня включала три вопроса: установление торгово-экономических отношений, подписание консульского соглашения, вопрос о репатриации. Днем раньше прибывшая в Москву германская делегация получила возможность в предварительной беседе обозначить наиболее важные для нее проблемы. Лар, как свидетельствует запись Семенова, остановился на проблеме репатриации, заявив, что она до глубины души затрагивает всех немцев. По этому поводу Лар сделал официальное заявление уже 27 июля. Он начал с того, что вопрос этот возник исторически, что для его разрешения обе страны еще до войны вступили в договорные отношения, благодаря которым немцы из Бессарабии, Северной Буковины, Латвии и Эстонии на добровольной основе смогли переселиться в Германию. Затем, уже после войны, когда произошли территориальные изменения, жители Кенигсберга и Мемеля были вывезены из СССР. Однако немало было и других немцев. Часть из них попала на территорию СССР в ходе советской оккупации Германии. «Если говорить просто, то хотелось бы сказать, что проблема заключается в том, чтобы нашим землякам, которые желают этого, была бы предоставлена возможность вернуться на родину».

И дальше Лар продолжил: «...Сложилось впечатление, что советская сторона подходит к этому вопросу по-иному. В советской прессе упоминалось, что в Советском Союзе имеется большое

число лиц немецкой национальности. Упоминалась цифра в 1 млн и даже полтора миллиона человек. Особо упоминалось о немцах Поволжья. Советская пресса спрашивала, хотят ли немцы получить обратно этих лиц? У нас, конечно, такого намерения нет. Речь идет исключительно о наших соотечественниках, которые ранее проживали в Германии и которые хотели бы вернуться обратно»[6].

Но вслед за этим тезисом последовал другой: «...Мы имеем в виду лиц, которые по германскому праву всегда имели германское гражданство или же в определенный момент своей жизни приобрели его и продолжают оставаться германскими гражданами. ...То обстоятельство, что они являются германскими гражданами, не исключает того, что они одновременно могут иметь и другое гражданство. ...Мы должны исходить из гуманных и демократических принципов, т.е. мы должны спросить отдельное лицо, затронутое этой проблемой, чего оно само хочет? ...При этом в каждом отдельном случае большую роль играет вопрос о принадлежности данного лица к определенной национальности, языку, его чувства принадлежности к родине, семье и т.д.»[7].

Советская сторона в секретном донесении в ЦК КПСС так описывала заседание 27 июля: «Делегация ФРГ передала проект соглашения, предусматривающего свободный выезд в Западную Германию для всех лиц, имевших к 8 мая 1945 г. согласно германскому законодательству германское гражданство, а также для их родственников (супругов, детей, родителей, братьев, сестер) независимо от того, имели они к 8 мая 1945 г. германское гражданство или нет...

Из заявления Лара следует, что правительство ФРГ ставит теперь вопрос не о репатриации из Советского Союза относящихся к ФРГ германских граждан, как это имело место при переговорах с Аденауэром в Москве в сентябре 1955 г., а гораздо шире – о предоставлении права оптации и выезда в Западную Германию ...немцев»[8]. Перечислялись три выше указанные категории людей (переселенцы по договору из Бессарабии, Северной Буковины, Прибалтики; бывшие жители Восточной Пруссии и Мемеля; административные переселенцы), которых ФРГ хотела освободить из СССР.

Советская сторона, как говорится в документе, «в острой форме отвела претензии ФРГ на репатриацию советских граждан немецкой национальности, вывезенных из Советского Союза гитлеровскими войсками с временно оккупированных советских территорий. Постановка этого вопроса была охарактеризована как оскорбительная для советской стороны».

Тут, безусловно, следует ответить на еще один важный вопрос: откуда Германия черпала информацию о немцах? Как составлялись списки тех, кто хотел уехать из СССР?

Во-первых, к тому времени более чем активны были германские родственники немцев, пропавших на территории СССР в ходе войны.

Во-вторых, вернувшиеся из советского плена бывшие солдаты вермахта информировали германские власти о том, кто еще отбывал вместе с ними сроки в лагерях и тюрьмах.

В-третьих, открывшееся в феврале 1956 г. в Москве посольство ФРГ начало в полной мере осуществлять меры по выявлению желающих переселиться. Через активистов, приезжавших с мест, распространялись соответствующие анкеты, которые давали основные сведения для последующей, в том числе и дипломатической, работы. В документах МИД СССР указывалось, что труд этих активистов оплачивался: так, некий Майер, попавший в мидовскую справку с грифом «Совершенно секретно», получал за каждую заполненную анкету по 10–15 рублей. «Житель Таджикской ССР Вайровский Владимир Антонович, получив в посольстве ФРГ 461 анкету, распродал их советским гражданам, немцам по национальности, на общую сумму 6915 рублей»[9].

Приступая к переговорам после проведенных репатриаций военных преступников, советская сторона выработала тактику своих действий: отпустить тех, кто лишен гражданства, а ранее имел германское и подал в установленном порядке прошение в органы милиции[10]. Потенциально их количество оценивалось в мае 1957 г. следующими цифрами: 1455 бывших германских граждан и 66 германских граждан, имеющих национальные паспорта (третьих стран). Кроме того, на территории СССР, по данным МВД, проживал также 4731 человек, претендующий на германское гражданство, но не имеющий доказательств о принадлежности их в прошлом к германскому гражданству[11].

Германская сторона оперировала совершенно иными цифрами. Так, в ходе своего визита в Москву К.Аденауэр вел речь о 130 тыс. написавших в Германию немцах, которые хотели бы переселиться из СССР. Всего же за два года, прошедших со времени того визита, ФРГ передала советской стороне списки, включавшие 7 тыс. фамилий. Результаты проверки показали, что из 5044 человек, указанных в этих списках, 3848 являются гражданами Советского Союза, причем 3001 из них были уроженцами СССР и вообще никогда не состояли в германском гражданстве. В списки попадали фамилии и тех людей, которые не имели вообще никакого отношения к немцам[12].

Об этом говорил на следующем заседании делегаций 30 июля 1957 г. Семенов: «Как известно, в Советском Союзе, наряду с лицами других национальностей, проживает немало лиц немецкой национальности. Но это не германские граждане, а постоянно проживающие в Советском Союзе граждане СССР. Естественно, не может быть и речи о каком-то соглашении с ФРГ о перемене гражданства в отношении этих лиц. ...Не может быть и речи о рассмотрении нами предложений, которые фактически оправдывают или признают правомерными преступления и чудовищные злодеяния гитлеровских оккупантов в Советском Союзе по отношению к советским гражданам. В выступлениях г-на посла Лара почему-то употреблялись на прошлом заседании такие выражения по отношению к гитлеровской армии, как «наши войска», «наша армия», а также имела место попытка обелить политику гитлеровских оккупационных властей на территории Советского Союза, по крайней мере, по отношению к советским гражданам немецкой национальности или так называемым «фольксдойче». Мы решительно отвергаем подобного рода попытки...»[13].

В ответном слове Лар заявил, «что он расценивает позицию советской делегации по вопросу о репатриации как совершенно негативную и что для него такая позиция явилась якобы неожиданностью». Он утверждал, что проблема репатриации является главной проблемой в отношениях между СССР и ФРГ и что отклонение советской стороной предложений правительства ФРГ по вопросу о репатриации, внесенных на настоящих переговорах, создает «мрачные перспективы» для этих переговоров[14].

На следующий день, 31 июля, министр иностранных дел СССР А.Громыко принял Лара для того, чтобы заявить ему: «Я вновь хочу подчеркнуть, что в Советском Союзе нет никаких германских граждан и что спекуляции на этот счет лишены всяких оснований»[15].

IV

Переговоры, не успев начаться, оказались, таким образом, под угрозой срыва. Хаас характеризовал позицию советской делегации как провокацию[16]. А пресса всего мира раструбила о том, что переговоры прерваны[17]. Лар вылетел в Бонн для личного доклада в министерстве иностранных дел ФРГ.

В этот момент внешнеполитическое ведомство Западной Германии принимает принципиальное решение: ни при каких обстоятельствах московские переговоры не будут сорваны по инициативе германской стороны[18].

Глава ведомства фон Брентано предпринял максимум усилий по предотвращению всяческих демаршей в отношении СССР,

которые, по его мнению, могли бы вызвать дополнительные нежелательные осложнения в решении столь деликатного вопроса, как репатриация. 5 августа 1957 г. он узнает, что министр по делам изгнанных, беженцев и пострадавших в войну Т.Оберлендер, воспользовавшись вынужденным перерывом в ходе переговоров в Москве, дал по этому поводу пространное интервью журналу «Шпигель», где не стеснялся в выражениях в адрес СССР. Фон Брентано был в ярости, и об этом свидетельствует его письмо Т.Оберлендеру с требованием немедленно изъять интервью из редакции и не допустить его опубликования[19].

9 августа Лар вернулся в Москву, а 12-го переговоры возобновились. В ходе заседания германский посол по особым поручениям в присутствии Громыко и Хааса передал Семенову вербальную ноту, в которой содержались следующие утверждения: «Федеральное правительство считает... необходимым указать вновь на то, что вопрос возвращения немцев на родину является проблемой гуманности, которой Федеральное правительство придает особенно важное значение. Речь при этом не идет о материальных ценностях, и Федеральное правительство намеревается вести эти переговоры исключительно с целью удовлетворить желание лиц, ставших жертвой трагического развития событий... Федеральное правительство открыто заявляет, что проблемы, касающиеся людей, ему ближе, чем экономические проблемы»[20].

Перерыв был на пользу и советской стороне, потому что на сей раз и ее представители воздержались от резких заявлений, а Семенов не повторил ни слова из того, что сказал по вопросу о репатриации ранее. Он подчеркнул: его правительство не хотело бы заключать особое соглашение по этому поводу, можно ограничиться практическими действиями СССР в отношении выезда подлежащих этому лиц, и сказал, что компетентные органы еще раз внимательно изучат уже переданные германской стороной списки[21].

На следующий день, 13 августа, Лар еще более доходчиво объяснил советским партнерам, почему вопрос о репатриации будет обсуждаться на переговорах: «...Он понимает, что советская сторона не может выполнить всех пожеланий правительства ФРГ так же, как делегация ФРГ не может выполнить всех пожеланий советской стороны, например, по вопросам торговли. Однако он не видит, как дальше можно было бы вести переговоры на такой базе, когда одна сторона заявляет, что не существует вопроса, который интересует другую сторону»[22].

16 августа прошло заседание обеих делегаций по консульским вопросам и вопросам репатриации. На нем германская сторона

избрала новую тактику: в своем заявлении Лар более конкретно обрисовал те категории людей, которые подлежали бы выезду в Германию в первую очередь: специалисты с германским гражданством, находящиеся после завершения сроков их трудовых контрактов в Сухуми, где они работали на секретном объекте; немцы из Кенигсберга и Мемеля; немцы из Эстонии, Латвии, Литвы, Волыни, Бессарабии и Северной Буковины.

И далее Лар заявил: «Я теперь подхожу к проблеме, трудность которой, как я сразу хотел бы подчеркнуть, полностью осознает Федеральное правительство. Речь идет о советских гражданах немецкой национальности, которые приобрели во время войны германское гражданство. ... Мы далеки от мысли делать какие-либо правовые выводы из факта нападения Гитлера на Советский Союз. Для Федерального правительства остается, однако, моральной обязанностью, которую оно не может снять с себя, – устранить последствия того времени, насколько это сейчас еще возможно»[23].

Этот момент в переговорах был одним из решающих, поскольку ставился принципиальный вопрос о том, как именно будет осуществляться репатриация: исходя из общих оснований в отношении всех подпадающих под обсуждение лиц или в индивидуальном порядке. Об этом Семенов прямо спросил Лара[24].

Лар вновь вылетел для консультаций в Бонн[25].

V

Переговоры были продолжены 26 августа. Но успех не сопутствовал им. Семенов настаивал на обсуждении только экономических и торговых вопросов[26]. Лар передал Семенову записку, в которой предлагал вновь прервать переговоры[27].

3 сентября 1957 г. советская сторона дала свой ответ, который не содержал ничего нового: «В ходе переговоров выяснилось, что делегация ФРГ хотела бы обсуждать не практические вопросы, которые могут возникать при осуществлении мероприятий по репатриации отдельных германских граждан из СССР... а пыталась выступить в роли стороны, предъявляющей какие-то права на советских граждан – немцев по национальности. Естественно, что советская делегация не пошла, да и не могла пойти на обсуждение с делегацией ФРГ подобных вопросов, касающихся советских граждан, ибо эти вопросы являются исключительно внутренним делом Советского Союза... Проблемы репатриации германских граждан из СССР в настоящее время уже не существует»[28].

В переговорах наступил вынужденный перерыв. Чтобы убить время, Лар осматривал достопримечательности Москвы и Подмос-

ковья, встречался с аккредитованными в советской столице дипломатами из других стран. Особенно откровенным был его разговор с послом США Томпсоном. Тот полагал, что «Советы никогда не отдадут так называемых поволжских немцев и административных переселенцев»[29]. Он даже не мог себе представить, чтобы по такому скользкому вопросу, как репатриация, СССР способен заключать соглашения с «капиталистами».

Лар и Хаас тем не менее упорно работали над составлением документов, в которых пытались найти новые и новые аргументы в защиту позиции ФРГ: исторические аналогии и текущая дипломатическая практика, логические умозаключения и поиски лазеек в материалах советской делегации, – все шло в ход для того, чтобы вернуть переговоры в русло нормальных обсуждений, пусть спорных, но все равно существующих и требующих своего решения проблем.

25 сентября германская делегация передает памятную записку, в которой вновь разъяснялась позиция правительства ФРГ[30]. Одновременно статс-секретарь министерства иностранных дел ФРГ Хальштейн встретился в Бонне с журналистами. Он, как бы в довершение к официальному документу, переданному Семенову Ларом, изложил иные, более эмоциональные основания для защиты точки зрения Федерального правительства на репатриацию. Западная Германия исходила, по его словам, из следующих принципов: гуманности; взаимности (взамен ФРГ готова была отправить в СССР пожелавших этого советских граждан и лиц без гражданства); добровольности; принадлежности к гражданству[31]. Характерно, что принцип принадлежности к германскому гражданству был поставлен в самый конец этого перечисления.

Тем временем один вхожий в посольство СССР боннский журналист был проинформирован в дружеской беседе первым секретарем посольства Славиным о том, что советская сторона оптимистически смотрит на перспективы переговоров в Москве, в том числе и по вопросу о репатриации[32].

16 октября последовал и официальный советский ответ на германское послание от 25 сентября. Настаивая на первоочередности установления экономических отношений, подписания консульского соглашения, советская сторона предполагала вернуться к изучению вопроса о выезде германских граждан из СССР[33]. Лар вновь вылетел для консультаций в Бонн.

В его отсутствие Хаас собрал пресс-конференцию, на которой довольно жестко критиковал советскую позицию по проблеме репатриации. Бонн и находившийся там Лар были вне себя от гнева по поводу самоуправства посла.

VI

Переговоры продолжились заседанием 12 ноября, когда Семенов прямо заявил: «Обе стороны должны иметь в виду, что советские эксперты не намерены заключать соглашения по репатриации». «Прошелся» он и по Хаасу, сказав, что все его выступления перед журналистами – курам на смех[34].

15 ноября германская сторона передала новый список с фамилиями желающих выехать в ФРГ немцев. Этот список «14 отдельных случаев» признавал тем самым, что советское предложение о рассмотрении выезда в рамках «отдельных случаев» принимается. В перечень вошли фамилии: имперского немца – германского гражданина; бывшего жителя Восточной Пруссии, мемельского немца; переселенца по договору (германо-латышский договор); имперского немца с двойным гражданством; бывшей жительницы Восточной Пруссии с двойным гражданством; двух мемельских немцев с двойным гражданством; четырех переселенцев по договору с двойным гражданством; мемельского немца с двойным гражданством в рамках воссоединения семей; административного переселенца с двойным гражданством[35].

Сам этот список показывал, какая огромная работа стоит за подготовкой требований о репатриации, какое дипломатическое искусство продемонстрировала германская сторона, чтобы максимально полно отразить категории людей, стремящихся выехать из СССР, а также тактическую хитрость, поскольку список должен был стать на этой стадии переговоров пробным камнем для выявления советской позиции по каждой из групп потенциальных мигрантов.

После того, как советская сторона приняла документ к рассмотрению, переговоры, в первую очередь по вопросам торговли и консульского соглашения, начали продвигаться с невиданным ранее динамизмом. В декабре германская сторона была уведомлена, что семь человек из 14 получат разрешение на выезд из СССР. Самый «интересный отдельный случай» – административный переселенец нуждался, по заявлению советской стороны, в дополнительной проверке[36]. В ответ был передан следующий список из 100 человек. Таким образом, всего к рассмотрению компетентными органами СССР поступило 214 «случаев».

Особым было заседание делегаций 17 декабря. Все вдруг почувствовали, как изменилась атмосфера переговоров. Значительно улучшали самочувствие дипломатов приближавшиеся Рождество и Новый год. Кроме того, многомесячное тесное общение русских и немцев сделало свое дело: возникли вполне объяснимые человеческие симпатии. Впервые обсуждение вопроса о репатриации

проходило по-деловому спокойно, а сам этот вопрос не вызвал никаких возражений у обеих сторон. «По большей части наши желания по репатриации «старых» германских граждан, включая жителей Восточной Пруссии, Мемеля и переселенцев по договору, а также административных переселенцев в рамках воссоединения семей, исполняются», – докладывали по инстанциям в Бонне руководители Лара и Хааса[37]. В переговорах был объявлен перерыв до 31 января 1958 г.

VII

Трудно дававшиеся переговоры по немецкой проблеме интенсифицировали репатриацию представителей многих других национальностей. Среди них были и поляки. В ходе беседы в советском МВД приехавший в это время с визитом министр внутренних дел ПНР В.Виха поднял вопрос о переезде в Польшу его соотечественников, находившихся на территории СССР. Он мотивировал свое обращение также и тем, что западные области его страны остаются мало заселенными после выезда оттуда немцев. Если советская сторона, подчеркнул он, затрудняется назвать, сколько поляков, имеющих право на репатриацию, находится в СССР (а по сведениям польской стороны таких людей было около 500 тыс.), то было бы, по его мнению, целесообразно провести репатриацию лиц, желающих выехать в Польшу (а таких лиц, по тем же источникам, было около 300 тыс.)[38]. К 1 января 1958 г. советские органы выдали разрешение на возвращение в Польшу 73 488 лицам польской и еврейской национальности; на рассмотрении находилось еще 24 262 заявления[39].

Возобновившиеся переговоры с немцами и им дали положительные ответы: из 214 человек, значившихся в списках, 127 получили разрешение на выезд. 113 кандидатур было отклонено[40]. А затем позиция СССР была уточнена: в Германию могут быть отпущены германские граждане, в первую очередь из Восточной Пруссии (около 1000 человек), еще 12 тыс. из Мемеля получат разрешение только после проверки, что они действительно немцы. 3000 переселенцев по договору должны подавать заявления только в рамках воссоединения семей[41]. Шансы этих последних на выезд более детально были охарактеризованы на заседании 10 марта 1958 г.: поскольку переселенные с 1939 по 1941 г. в Германию лица немецкой национальности родились по большей части в Советском Союзе, их запросы будут рассматриваться только в индивидуальном порядке[42].

В середине марта началась уже окончательная отработка соглашения о торговле и консульского соглашения. Наконец наступил важный момент парафирования документов. Если все остальные

акты, а именно: Соглашение об общих вопросах торговли и мореплавания, консульский договор, долгосрочное соглашение о товарообмене, Протокол о товарообмене на 1958 г., – были 8 апреля торжественно подписаны, как и полагается, руководителями обеих делегаций, то договоренность о репатриации подтверждалась устно. Заранее Семенов и Лар определили эту процедуру, столь необычную для дипломатического протокола, а затем в присутствии приглашенных ее осуществили. Сначала Семенов выступил с советским заявлением[43]. Затем это заявление после вступительного: «Я принял к сведению Ваше устное заявление, которое гласило», слово в слово было повторено Ларом. От имени Федеративной Республики Германия он сделал аналогичное заявление.

Это был большой успех миссии Лара. Внешнеполитическое ведомство ФРГ именно так оценивало результаты переговоров и в тот же день, 8 апреля, разослало циркулярное письмо во все свои представительства за рубежом[44].

На следующий день, 9 апреля, состоялся прием для обеих делегаций по случаю завершения переговоров. На нем присутствовали министры, дипломаты высокого ранга. Пришел и А.Микоян. Ему предстояло через две с половиной недели подписывать в Бонне соглашения, парафированные руководителями делегаций накануне. Он долго беседовал с Ларом, а затем сделал более чем примечательное заявление, поставив в зависимость решение проблемы воссоединения семей от всего комплекса отношений между Москвой и Бонном[45]. Немцы, однако, трезво оценивали ситуацию и полагали, что ждать от СССР разрешения на выезд многих из числа административных переселенцев, не приходится, но исходили из того, «что, как и в случае с военнопленными, Советы будут держать свое слово. Им должно быть ясно, что осуществление торгового соглашения и политический кредит находятся в теснейшей связи»[46].

VIII

Переговоры 1957–1958 гг. многое изменили в положении двух государств. Для российских же немцев они стали своего рода новым рубежом, за которым могла начаться реабилитация. Для Германии, которая добилась своего, это означало и возможность существенного прогресса в отношениях с СССР при решении таких проблем, как объединение страны.

Однако ни объединения, ни напрямую связанной с ним реабилитации немцев в Советском Союзе не последовало. Почему?

Ответ на этот вопрос мы найдем, должно быть, тогда, когда проясним иные, затрагивающие глубинные противоречия между

нашими странами проблемы. И среди них самой главной может быть такая: почему Федеративная Республика, как страна дипломатической инициативы, избрала для переговоров с СССР единственный вариант реабилитации немцев в Советском Союзе – выезд?

Сегодня, по прошествии четырех десятков лет после тех исторических переговоров Лара – Семенова мы знаем, что массовый выезд немцев из СССР состоялся. А реабилитация?

Примечания:

[1] Politisches Archiv des Auswaertiges Amtes (PAAA). Abt. 7. Aktengr. 704. Aktenzeich. 82.04. Bd. 487. Zeittafel.

[2] Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0757. 1957 г. Оп. 2. Папка 9. Д. 16. Л. 9.

[3] Там же. Л. 12.

[4] Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 64. Д. 953. Л. 137.

[5] PAAA. Abt. 7. Aktengr. 704. Aktenzeich. 82.04. Bd. 486. Telegramm aus Moskau vom 23.7.1957.

[6] АВП РФ. Ф. 0757. 1957 г. Оп. 2. Папка 10. Д. 17. Л. 44–45.

[7] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 955. Л. 47–49.

[8] АВП РФ. Ф. 0757. 1957 г. Оп. 2. Папка 10. Д. 17. Л. 71–72.

[9] Там же. Л. 19–20.

[10] Там же. Папка 9. Д. 16. Л. 44.

[11] Там же. Л. 52–53.

[12] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 955. Л. 60–61.

[13] Там же. Л. 55–56.

[14] АВП РФ. Ф. 0757. 1957 г. Оп. 2. Папка 10. Д. 17. Л. 87.

[15] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 955. Л. 73.

[16] PAAA. Abt. 7, Aktengr. 704. Aktenzeich. 82.04. Bd. 486. Telergamm aus Moskau vom 31. Juli 1957.

[17] Ibid. Telergamm aus Paris vom 1. August 1957.

[18] Ibid. Diplogerma Nr. 363 vom 1. August 1957.

[19] Ibid.

[20] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 955. Л. 98, 101.

[21] PAAA. Abt. 7. Aktengr. 704. Aktenzeich. 82.04. Bd. 486. Telegramm aus Moskau vom 12. August 1957.

[22] АВП РФ. Ф. 0757. 1957 г. Оп. 2. Папка 10. Д. 18. Л. 16.

[23] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 955. Л. 133 – 134.

[24] АВП РФ. Ф. 0757. 1957 г. Оп. 2. Папка 10. Д. 18. Л. 26.

[25] PAAA. Abt. 7. Aktengr. 704. Aktenzeich. 82.04. Bd. 486. Telegramm aus Moskau vom 18. August 1957.

[26] Ibid.Funktelegramm aus Moskau vom 26. August 1957.

[27] Ibid.

[28] Ibid. Bd. 487. Ferngespraech aus Moskau vom 3. September 1957 (русский текст приложен).

[29] Ibid. Bd. 486. Telegramm aus Moskau vom 4. September 1957.

[30] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 956. Л. 18–21.

[31] PAAA. Abt. 7. Aktengr. 704. Aktenzeich. 82.04. Bd. 487. Aufzeichnung Nr. 313-22.50/94.29-2174.

[32] Ibid. Aufzeichnung.
[33] Ibid. Delegationstelegramm vom 16. Oktober 1957.
[34] Ibid. Protokoll der Sitzung vom 12.November 1957. В немецком переводе высказывание Семенова звучит еще смешнее, чем по-русски: «Ueber das Verfahren von Herrn Haas haetten in der Sowjetunion die Huehner gelacht...»
[35] Ibid. Bd. 489d.
[36] Ibid. Bd. 487. Fernschreiben aus Moskau vom 15. Dezember 1957.
[37] Ibid.
[38] ЦХСД. Ф. 89. Перечень 67. Док. 2. Л. 5.
[39] Там же. Л. 1.
[40] PAAA. Abt. 7. Aktengr. 704. Aktenzeich. 82.04. Bd. 487. Fernschreiben aus Moskau vom 8. Februar 1958.
[41] Ibid. Bd. 489c. Fernschreiben aus Moskau vom 15. Februar 1958.
[42] Ibid. Aufzeichnung.
[43] Поскольку документ никогда не публиковался, а русский источник не обнаружен, скорее всего из-за того, что еще остается закрытым для исследователей, мы приводим его в переводе с немецкого: «В ходе переговоров между правительственными делегациями Союза Советских Социалистических Республик и Федеративной Республики Германия о вопросах развития отношений между обеими странами обсуждались также и вопросы, которые связаны, с одной стороны, с выездом к настоящему времени находящихся в Федеративной Республике советских граждан и, с другой стороны, с выездом немецких граждан из Советского Союза в Федеративную Республику в качестве отдельных случаев. Касающееся этих вопросов соглашение находит свое отражение в подготовленном для публикации коммюнике по итогам переговоров.

Кроме того, советская делегация уполномочена сделать устное заявление о том, что советская сторона будет проверять практические вопросы и выносить позитивные решения по просьбам германских граждан, которые обладали германским гражданством к 21 июня 1941 г., если таковые сегодня еще находятся на территории Советского Союза, о выезде со своими супругами и детьми из Советского Союза в Федеративную Республику в рамках отдельных случаев. Эти лица также должны обладать германским гражданством, полученным до 21 июня 1941 г. Это соглашение не затрагивает лиц не немецкой национальности, которые переселились в Мемельскую область после 1918 г. Выше сказанное не затрагивает тех лиц, которые на основании заключенных с 1939 по 1941 г. договоров переселились в Германию и имеют советское гражданство. Советская сторона при проверке запросов этих персон будет принимать во внимание следующее:

Советская сторона готова рассматривать позитивно просьбы этих лиц о выезде в Федеративную Республику в индивидуальном порядке в соответствии с советским законодательством. Это имеет отношение к тем лицам, которые имеют в Федеративной Республике семьи или ближайших родственников, а также к лицам, чьи семьи происходят из Германии. Для смешанных семей вопрос о выезде этих лиц будет рассматриваться с учетом конкретных обстоятельств с принятием во внимание интересов семьи или отдельных членов семьи. Настоящее соглашение не распространяется на лиц, находящихся на территории Советского Союза под судом или отбывающих наказание по приговору суда.

Советская делегация принимает к сведению заявление делегации Федеративной Республики Германия, сделанное в ходе переговоров, что, со своей стороны, Федеративная Республика Германия выражает готовность проверять и по возможности решать позитивно практические вопросы, возникающие в связи с запросами советских граждан о выезде из Федеративной Республики в Советский Союз, и то, что данное соглашение распространяется на всех советских граждан,

которые находятся на территории Федеративной Республики вследствие войны, а также их супругов и детей.

Обе стороны заявили в ходе переговоров, что они придерживаются принципа воссоединения разлученных в результате последней войны семей в случае, если обе стороны едины в том, что данное воссоединение соответствует их законодательству.

Обе стороны согласились также с тем, что сотрудничество обществ Красного Креста обеих стран будет продолжено» // Ibid. Bd. 488. Fernschreiben aus Moskau vom 8. April 1958.

[44] Ibid. Telegramm an alle diplomatischen Vertretungen vom 8. April 1958.

[45] Ibid. Fernschreiben aus Moskau vom 10. April 1958.

[46] Ibid. Aufzeichnung.

А.Паповян, Е.Паповян, Москва

«Проводить профилактическую, разъяснительную работу...» (КГБ перед проблемой немецкой эмиграции. Эпизод 1957 г.)

Публикуемые документы 1957 г. из фонда Генеральной прокуратуры СССР в ГАРФ[1] свидетельствуют о реакции властей на один из первых послевоенных всплесков несанкционированной «эмиграционной» активности советских немцев.

Переписка была инициирована письмом Красноярского УКГБ в краевую прокуратуру, в котором ставился вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности активистов, подготавливающих выезд немцев-репатриантов за рубеж. Согласно письму, желание переселиться в ФРГ выразили более тысячи человек.

Рост надежд российских немцев на выезд в Германию был вызван изменениями в политике советского руководства. В 1957 г. происходит смягчение внутриполитического курса, активно идет процесс пересмотра дел осужденных по политическим обвинениям. С немцев, высланных из европейской части СССР в 1941 г., снят режим спецпоселения. Властями высказана идея мирного сосуществования двух систем, налаживаются отношения с капиталистическими странами и уделяется большое внимание имиджу СССР за рубежом. В 1955 г. после визита в СССР канцлера Западной Германии начинается «потепление» советско-германских отношений.

Для карательных органов в этот период советские немцы являлись, с одной стороны, репрессированным ранее народом, «подозрительной» категорией, включавшей бывших спецпоселенцев

и заключенных, «пособников» и «фашистских агентов», отпущенных в связи с новыми веяниями на свободу. С другой стороны, это – советские граждане, обязанные быть лояльными к власти и жить в Советской стране.

До 1953 г. трудно представить себе ситуацию, в которой всевластные органы госбезопасности запрашивали бы разъяснения и указания у прокуратуры (хотя формально именно на прокуратуре лежала обязанность следить за соблюдением законов, а следовательно, и трактовать их). Более того, нам не известны случаи подобных обращений КГБ за разъяснениями в прокуратуру и в последующие годы.

По нашему мнению, столь необычный для КГБ шаг был вызван особым стечением обстоятельств лета 1957 г.

Письмо УКГБ датировано 18 июня 1957 г. В это время шла подготовка второго визита канцлера ФРГ в Москву, результатом которого должно было стать заключение договора о торгово-экономическом сотрудничестве. Немецкая сторона настаивала на обсуждении вопроса о разрешении эмиграции в ФРГ, шел торг относительно категорий, которым будет позволено выехать[2]. Немцы, о которых шла речь в письме УКГБ – это советские граждане, оказавшиеся в годы войны на оккупированных территориях и пожелавшие остаться в Германии. Часть из них получила тогда германское гражданство, т.е. на переговорах с ФРГ эта категория рассматривалась как довольно спорная (это не были граждане Германии, никогда не имевшие советского гражданства, но это были и не поволжские немцы, никогда не имевшие гражданства германского).

Глава Красноярского УКГБ А.И.Воронин[3] не мог не понимать, что передаваемые в посольство ФРГ списки желающих эмигрировать, скорее всего будут использованы на переговорах. Кроме того, в конце июля 1957 г. в Москве должен был состояться Международный молодежный фестиваль, и ограничить контакты советских немцев с их зарубежными соотечественниками было бы еще сложнее. Для УКГБ эмиграционная активность являлась в тот момент не только «враждебной», но и крайне несвоевременной. Сложилась ситуация, не реагировать на которую было невозможно, но как действовать – непонятно: неясно, считать ли этих немцев «нашими» или их вот-вот решат отпустить; можно ли арестовывать немцев накануне визита Аденауэра, следует ли вообще арестовывать за подобные действия. Во второй половине 1950-х гг. применение политических статей Уголовного кодекса (УК) было проблематичным. У властей еще не было четких представлений о том, в каком случае нужна «изоляция», а в каком «разъяснительная» работа, регламентация требовала времени.

Ситуация осложнялась конфликтом в руководстве страны (в июне 1957 из Президиума ЦК КПСС была выведена т.н. «антипартийная группа»). УКГБ нуждалось в инструкциях, но Воронин, очевидно, не хотел обращаться в это время в ЦК.

Мы не располагаем сведениями о переписке УКГБ со своим начальством, но можно предположить, что Воронин не хотел, чтобы ответственность за «попустительство враждебной деятельности» или «необоснованное осуждение советских людей»[4] в сочетании с «вредительством в области внешней политики»,– кто знает, как это расценят через месяц или полгода, – в какой-то степени лежала на его учреждении. Как «меру предосторожности», видимо, можно расценить и то, что письмо подписано заместителем Воронина[5] и адресовано местному прокурору, т.е. теперь «наверх» вынужден был обращаться прокурор области.

Действуя в духе времени (массовые процессы не практиковались), УКГБ предлагает арестовать лишь несколько человек, но сопровождает свое предложение невероятной фразой о том, что немцы совершают «контрреволюционное преступление», для которого нет статьи в УК. Стоит ли за этим стремление избежать упреков в неверной трактовке УК (читай: линии партии) или просто желание хоть как-то объяснить столь необычный шаг – обращение в прокуратуру?

Но и сотрудники прокуратуры не сочли нужным брать ответственность на себя.

Прокуратура Красноярского края переслала письмо в прокуратуру республики[6], а та, в свою очередь, в Прокуратуру СССР с сопроводительным письмом, несколько иначе описывающим события: вся эмиграционная активность названа следствием «провокационных действий» граждан ФРГ и, следовательно, проблемой не прокуратуры, а МИДа и КГБ.

Прокуратура СССР, судя по «Справке», подготовленной для заместителя Генпрокурора, обратилась за консультацией в союзный КГБ, представители которого заявили, что постановка вопроса о привлечении к уголовной ответственности активистов по выезду российских немцев в Германию является «по существу незаконной» и следует ограничиться «профилактической работой». Более того, соответствующие инструкции по их ведомству уже разосланы. Примечательно, что датированы они тем же 18 июня 1957 г., что и письмо Красноярского УКГБ.

Переговоры с Германией продолжались, и, возможно, поэтому Прокуратура СССР в ответе подчиненным выражается довольно обтекаемо: не судить за желание эмигрировать, если не совершено «антисоветских действий», поскольку подробные указания уже были даны союзным КГБ.

Приложение

Письмо заместителя начальника Управления КГБ по Красноярскому краю генерал-лейтенанта А.И.Воронина Прокурору Красноярского края Н.В.Боровкову[1]

[Штамп: СССР
Управление Комитета
государственной безопасности
при Совете Министров Союза ССР
по Красноярскому краю
отдел: шестой
18 июня 1957 г. № 11/2-532.
гор. Красноярск]

[Сов.секретно.
Литер «А»
Экз. № 1]

Прокурору Красноярского края
тов. Боровкову Н.В.

В судостроительном заводе имени Побежимова, а также на других предприятиях г.Красноярска работает значительное число немцев-репатриантов, направленных после окончания Отечественной войны на жительство в г.Красноярск.

Указанные немцы в основном являются уроженцами Одесской и Житомирской областей.

При оккупации этих областей немецко-фашистскими войсками в 1941 г., немецкое население, не успевшее или не пожелавшее эвакуироваться в восточные районы СССР, было учтено немецко-фашистскими властями, а позднее было вывезено в Польшу, а затем в Германию. В Польше и Германии часть лиц из указанных немцев работала в сельском хозяйстве, часть – в промышленности, некоторые лица были призваны на службу в немецко-фашистскую армию, причем большинство из них принимало германское гражданство.

В декабре 1945 г., в порядке репатриации, указанные немцы из Германии прибыли в г.Красноярск, где были трудоустроены, и часть из них беспрерывно, с 1945 г., работает и проживает в Красноярске.

В Краевое Управление КГБ поступают данные о том, что среди немцев-репатриантов за последнее время возбуждены вредные, массовые иммиграционные настроения. Свыше тысячи немцев изъявили желание выехать из Красноярска в Западную Германию, причем их заявления отправлены нелегально, через их представителей, в посольство Западной Германии в Москве.

Выясняя причины зарождения массовых иммиграционных настроений, нами установлено, что отдельные враждебно настроен-

ные немцы давно вынашивают такие настроения. Имея переписку с лицами, проживающими в Западной Германии, они в 1956 г. получили несколько провокационных писем, в которых давались практические указания на возбуждение среди немцев иммиграционных настроений и установление связи с посольством ФРГ в Москве, и распространили их среди немцев-репатриантов.

В одном из таких писем, полученном Бухгольцем Германом и Минихом Адольфом, говорилось:

«Для всех немцев, обиженных судьбой»
Германия, Пауль Шанбрунн 206
Вартгейм-Ганновер (англ. зона)
Эрих Эбествалл 14.

...Вы должны иметь мужество и надежду. Мы здесь думаем о Вас и не забудем, пока Вы не вернетесь домой. Скажите всем, что мы ничего не упустили, чтобы вернуть Вас... От Вас многое может зависеть. Посольство устроилось в Москве. Я советую Вам написать туда, и Вы получите все нужные бумаги, которые дадут Вам право на выезд из России в Германию. Пишите по адресу: Москва, Посольство ФРГ, доктору Гаас Виль...»

Указанные провокационные призывы были положительно восприняты отдельными немцами, которые в прошлом являлись активными немецко-фашистскими пособниками – Файст, Ригерт, Гипфнер. Последние предприняли практические организационные действия, направленные на осуществление провокационных указаний.

Свыше тысячи немцев поддались этой провокации и стали изъявлять желание выехать из СССР в Западную Германию.

С мая 1956 г. разновременно в Москву выезжал ряд лиц, делегированных немцами для переговоров с представителями посольства ФРГ в отношении возможности выезда в Западную Германию.

Возбуждение массовых иммиграционных намерений среди немцев-репатриантов (распространение провокационных писем, призывающих к иммиграции) и организационная деятельность отдельных немцев по установлению контакта с посольством буржуазного государства, сбора подписей лиц, вынашивающих иммиграционные настроения, доставка в посольство сведений о большой массе советских граждан, желающих иммигрировать за границу (нелегальная консульская деятельность) является, по нашему мнению, общественно-опасным действием, направленным на ослабление Советского государства – контрреволюционным преступлением. Однако это общественно-опасное действие прямо не предусмотрено Уголовным кодексом РСФСР.

В связи с вышеизложенным, просим Вас выяснить и сообщить, не являются ли действия инициаторов и организаторов возбуждения массовых иммиграционных намерений среди советских граждан незаконными и не подпадают ли они под соответствующие статьи существующего Советского законодательства.

Зам.[8] Начальник Управления КГБ при Совете Министров СССР
по Красноярскому краю
Генерал-лейтенант [*подпись*] (А.Воронин)

Фрагмент сопроводительного письма (к письму УКГБ) заместителю Генерального прокурора СССР Д.Е.Салину[9] *от заместителя Прокурора РСФСР Узунова. Документ датирован 17 июля 1957 г.*[10]

<...> около 1000 чел. граждан СССР немецкой национальности б.репатрианты, проживающие в г.Красноярске нелегально, подали заявления в посольство Федеративной Республики Германия в отношении выезда их из СССР в Западную Германию и принятия гражданства ФРГ.

Указанные действия, как сообщается в письме, явились следствием проведения провокационных действий со стороны отдельных немцев, проживающих в Западной Германии, и работников посольства ФРГ в г.Москва.

В связи с тем, что поставленный в письме вопрос может быть решен Министерством иностранных дел СССР и КГБ при СМ СССР, поэтому данное письмо направляю на Ваше разрешение.

<...>

[Резолюция Д.Е.Салина на письме Узунова][11]:

т. Самсонову

Выяснить в КГБ и подготовить соответствующий ответ. Кроме того, обсудить возможности информации МИД.

Справка, подготовленная сотрудником Отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР В.Самсоновым для Д.Е.Салина, датированная 3 августа 1957 г.[12]

Справка

По поводу письма УКГБ по Красноярскому краю говорил лично с начальниками отделов 2-го Главного Управления КГБ при СМ СССР тт.Ворониным[13] и Бескровным[14] и ознакомился с некоторыми документами, касающимися этого вопроса.

Товарищи Воронин и Бескровный заявили, что постановка вопроса, изложенная в письме УКГБ, о привлечении к уголовной ответственности «ходаков» [так в тексте] или «курьеров» из числа немцев является неправильной, да и по существу незаконной.

В письме КГБ при СМ СССР от 18.06.57 № 2/9 – 2558, направленном в 42 адреса, в т.ч. и начальнику УКГБ по Красноярскому краю, указывается, что среди немцев необходимо проводить профилактическую, разъяснительную работу, чтобы они не собирали анкеты и не посылали своих ходаков [так в тексте] в Москву в Посольство ФРГ.

Репатриированные немцы, проживающие в Красноярском крае, а также в других областях и республиках, являются гражданами СССР и согласно ряда нот Советского правительства правительству ФРГ эти немцы не подлежат выезду в ФРГ. Согласно существующего положения, в ФРГ могут выехать лишь те немцы, которые до 1939 г. проживали в Прибалтике, в Калининградской области и имели германское гражданство.

МИД СССР неоднократно информирован Комитетом Госбезопасности по этому вопросу.

3 августа 1957[15].

Фрагмент ответа Прокуратуры СССР заместителю Прокурора РСФСР Узунову, подписанного Д.Е.Салиным, 8 августа 1957 г., второй экземпляр[16]

<...>

Рассмотрев письмо начальника УКГБ при Совете Министров СССР по Красноярскому краю, Прокуратура СССР считает, что привлекать к уголовной ответственности лиц немецкой национальности за их желание выехать на жительство в ФРГ, при отсутствии какой-либо другой антисоветской деятельности с их стороны, оснований не имеется.

<...>

Примечания:

[1] ГАРФ – Государственный архив РФ.

[2] Визит К.Аденауэра состоялся в июле 1957 г. Переговоры продолжались до начала 1958 г. Подробнее см. статью Т.Илларионовой «Реабилитация: трудный путь из тупика», помещенную в настоящем сборнике.

[3] Воронин Александр Иванович, г.р.1908, в органах НКВД с 1937 г., в 1954–1958 гг. начальник УКГБ по Красноярскому краю, генерал-лейтенант.

[4] В апреле 1957 г. заместитель Воронина, А.И. Лангфанг, был арестован, а в сентябре 1958 г. осужден на 15 лет лагерей по обвинению во «вредительстве» (репрессии против членов Коминтерна). Срок отбыл полностью.

[5] «Зам.» вписано от руки, а набранная машинописью фамилия «Воронин» оставлена. Впоследствии это вызвало некоторый разнобой: зам. прокурора РСФСР, пересылая красноярское письмо в Прокуратуру СССР, называет его письмом заместителя, а в ответе оно фигурирует как письмо начальника УКГБ. Далее переписка по этому вопросу между прокуратурами разного уровня идет на уровне заместителей.

[6] На письме УКГБ есть резолюция, вероятно, краевого прокурора:

«т. Бочилло!

Срочно запросить прокурора РСФСР.

21.IV.1957

[подпись]».

(Бочилло – заместитель прокурора Красноярского края.)

[7] ГАРФ. Ф.8131. Оп.32. Д.5390. Л.86–88.

[8] Рукописный текст дан курсивом.

[9] Салин Дмитрий Ефимович, г.р.1903, член КПСС с 1928 г., в органах прокуратуры с 1933 г., в 1954–1959 гг. начальник Отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР.

[10] ГАРФ. Ф.8131. Оп.32. Д.5390. Л.85.

[11] Там же.

[12] Там же. Л.89–89(об.). Рукопись.

[13] Однофамилец А.И. Воронина, начальника УКГБ по Красноярскому краю.

[14] Бескровный Тихон Николаевич, г.р.1918, в органах МГБ с 1946 г., в 1955–1957 гг. начальник 3-го отдела (контрразведывательная работа против Германии) 2-го главного управления КГБ при СМ СССР.

[15] На документе рукописная надпись, сделанная, видимо, тем же Самсоновым: «Доложено Д.Е. Салину. Он предложил подготовить ответ т. Узунову, а в МИД СССР не сообщать, т.к. КГБ при СМ СССР посылал туда много информаций по этому вопросу».

[16] ГАРФ. Ф.8131. Оп.32. Д.5390. Л.90.

Историография

Т.Чернова, Москва

Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии)

По меткому выражению Л.В.Малиновского, «репрессированные народы выпали из истории»[1]. Темой политических репрессий против российских немцев исследователи занялись только в горбачевскую эпоху гласности. И здесь предстояло стирание так называемых «белых пятен».

В условиях демократизации общества, на фоне глубоких изменений в самой исторической науке (отхода от устаревших стереотипов, выработки новых подходов и оценок), рассекречивания отдельных архивных фондов, открытия доступа к ним исследователей прежде запретная тема стала объектом пристального внимания ученых.

Перед исследователями стояла сложная задача реконструкции событий, их анализа и оценок, теоретических выводов и обобщений. Была проделана немалая работа по восстановлению объективной картины политических репрессий в отношении советских немцев с конца 1920-х до середины 1950-х гг. Определились основные направления в процессе исследования.

Вероятно, можно условно выделить два этапа. Первый – это конец 1980–начало 1990-х гг., наиболее эмоциональный, когда была поднята завеса многолетнего молчания над трагическими событиями, связанными с депортацией немцев и народов СССР. Хлынул поток многочисленных выступлений в периодической печати и научно-публицистических статей в исторических и других журналах[2].

Первой обратилась к трагедии немецкого народа публицистика, она «будила» общество, способствовала подъему национального самосознания. Несмотря на допускаемые в ряде статей неточности, на порой малообоснованные выводы, публицистика толкала ученых на исследовательский поиск.

Этому процессу способствовали организованные в апреле 1987 г. в Московском филиале Географического общества СССР, в июле 1989 г. – в ИМЛ «круглые столы» по теме принудительных миграций, где говорилось о депортации советских народов.

В русле общей дискуссии по вопросам национальной политики в СССР началось открытое обсуждение темы российских немцев. В мае 1988 г. в Алма-Ате на Республиканской научно-практической конференции по проблемам межнациональных отношений прозвучали страстные выступления (Г.Бельгера, Э.Айриха), осудившие преступления сталинского режима против советских немцев. В следующем году в Алма-Ате состоялась Республиканская конференция на тему: «Немцы в братской семье советских народов». В докладах М.Козыбаева, Э.Айриха были представлены конкретные сведения о депортации немцев в Казахстан, трудармии, спецпоселениях. М.Хассанаев сделал один из первых обзоров архивных материалов о немцах за 1941–1955 гг.[3]

В ноябре 1989 г. по инициативе ИМЛ, АН СССР и др. в Москве прошла конференция «Советские немцы: история и современность». В предисловии к опубликованным материалам отмечалось, что «это – первая в истории нашей страны научная конференция, посвященная советским немцам». Требуется уточнение – первая всесоюзная конференция (с учетом названной выше республиканской).

Среди многочисленных докладов по вопросам восстановления национальной государственности немцев (Н.Никитин, К.Видмайер, Р.Корн и др.), участия немцев в защите Отечества (В.Дайнес, И.Кроневальд и др.) отчетливо прозвучала тема депортации немцев и ее последствий (А.Дитц, Э.Айрих, П.Агарышев, Н.Бибарсова, М.Лайгер)[4].

Заметно расширялось изучение источниковедческой базы; в печати начали появляться подборки рассекреченных документов, исторически аргументированных публикаций. Тут можно выделить цикл статей В.Земскова, написанных на основе архивных документов отдела спецпоселений НКВД–МВД СССР в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Земсков приводит богатый статистический материал, в частности, он определяет цифру годового контингента немцев – узников ГУЛАГа с 1939 по 1947 г.; рассматривает юридическое и фактическое положение спецпоселенцев, географию спецпоселений[5]. Однако судьба немцев не стала для Земскова отдельным предметом исследования.

В рамках общей тематики ГУЛАГа Земсков и некоторые другие исследователи попытались определить численность отдельных «спецконтингентов», пользуясь материалами всесоюзных переписей[6].

Заявкой на обстоятельное изучение истории депортаций народов СССР стали статьи Н.Бугая. Однако они базировались на впервые публикуемых, ранее засекреченных документах,

в частности, на материалах «особой папки Сталина». Бугаем также публиковались отдельные подборки архивных материалов, сопровождавшиеся научными комментариями[7]. Тем самым освещение проблемы депортации советских немцев и ее последствий приобретало качественно новый уровень. Исследование темы продолжили А.Кичихин, Н.Вашкау, К.Исаков, И.Шлейхер и другие[8].

Начатая исследователями работа по формированию широкодоступной документальной базы дала результаты. Были опубликованы сборники документов, в частности по истории политических репрессий и реабилитации немецких граждан. Достаточно назвать «Историю российских немцев в документах», сборник «И.Сталин – Л.Берия: "Их надо депортировать..."», подборку документов ГАРФ, ч.2 «Депортация немцев (сентябрь 1941–февраль 1942)». Были широко представлены документы партийных, государственных, правоохранительных органов; материалы по переселению немцев, хроника событий на местах. Появляются и первые научные источниковедческие обзоры[9]. Исследования, как правило, дополняются солидными приложениями в виде подборок документов. Возникает жанр хроникально-документального повествования, например, «История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах»[10].

Особое место в историографии занимают публикации мемуаров, свидетельств, воспоминаний, писем очевидцев. Это ныне переизданная, дополненная книга Г.Вольтера; это Коллективная исповедь в письмах; это Книга памяти жертв политических репрессий – научно-публицистическое издание, включающее наряду с документами мемуары и списки узников лагерей; это документальные повествования В.Гергерта, В.Фукса и др.[11] Свидетельства репрессированных трудно переоценить, даже если относиться к этому источнику с известной долей осторожности. Во-первых, они во многих случаях дополняют документы. Во-вторых, они разоблачают миф о том, что тотальное выселение немцев в глубь страны было необходимой превентивной мерой, показывают беспочвенность обвинений, выдвигаемых против целого народа.

На наш взгляд, стимулами к столь активному изучению данной проблематики, наряду с пробудившимся интересом к собственной истории, с частично открывшимся доступом в архивы, явились также следующие факторы:

1. Подъем общественно-политического движения немцев, создание общества «Видергебурт», публикация материалов о его текущей деятельности, проведение международной конференции «Будущее российских немцев» (в октябре 1994 г.); создание Конфедерации репрессированных народов РФ, ее координационно-публикаторская деятельность и т.д.;

2. Принятие законодательных и нормативных актов по дальнейшей реабилитации репрессированных народов СССР и жертв политических репрессий;

3. Налаживание координации научного поиска, расширение самой возможности публикации результатов исследований, обмен мнениями. Заметную роль в этом сыграло проведение с 1993 г. ежегодных научных конференций – как региональных, так и международных – по проблемам истории и культуры российских немцев, где были представлены и отдельные фрагменты из истории политических репрессий в СССР (Москва, Анапа, Саратов, Элиста, Оренбург, Нижний Тагил, Екатеринбург, Омск, Архангельск). Наконец, это создание в 1995 г. Международной ассоциации исследователей по истории и культуре российских немцев.

Заметным явлением в научном освещении проблемы стало появление к середине 1990-х гг. ряда солидных монографических исследований, таких, как история немецкой автономии на Волге (А.Герман), история немцев в Западной Сибири (В.Бруль), судьбы немецкой деревни в Сибири в эпоху «большого террора» (Л.Белковец)[12]. В них освещается история конфронтации немцев с коммунистическим режимом, раскрываются причины, характер, формы и региональная специфика политических репрессий с конца 1920-х гг.: будь то подавление волны эмиграции, проведение хлебозаготовок или «раскулачивание», лишение избирательных прав или закрытие кирх, преследование «оппозиционеров» в партийных и государственных органах или «членов» вымышленных «шпионско-диверсионных центров и организаций» – вплоть до ликвидации немецких национальных районов, локальных и тотальной депортаций.

Определилось и такое направление в историографии, как «история повседневности», когда в научный обиход вводятся конкретное описание событий, масса исторических материалов из местных архивов, наряду с воспоминаниями очевидцев.

Появляются научно-популярные очерки, затрагивающие тему репрессий, и, в частности, первое учебное пособие по истории российских немцев; публикуется история отдельных сел[13], и тем самым создается основа для более глубокого осмысления данной проблематики.

Примером добротного критического анализа новой документальной базы стала работа А.Германа по истории АССР немцев Поволжья, переросшая в докторскую диссертацию. Поднявшись над фактологией, автор уходит от традиционной интерпретации, раскрывает сущность и особенности национальной политики большевиков в 1930-е гг., правовой беспредел в процессе ликвидации Автономной республики и тотальной депортации ее немецкого

населения. «Эти два политических акта, совершенных сталинским режимом, лишь показывают истинную цену большевистским рассуждениям о "правах наций"» – таков вывод автора[14].

Итак, очевидная с начала 1990-х гг. потребность в научном обеспечении проблемы, наряду с созданием документальной базы, смогла реализоваться довольно быстро. Трудно провести четкий водораздел между этапами становления историографии. Идея взять за точку отсчета дату образования РФ кажется нам несостоятельной. Поэтому, говоря весьма условно о втором этапе, следует отметить, что это скорее качественно новый этап, характеризующийся высоким научным уровнем публикаций, успешной защитой целого ряда диссертаций, налаживанием международных контактов и информационных связей ученых (с выпуском Международным союзом немецкой культуры с 1995 г. в Москве «Научно-информационного бюллетеня» – российско-германский проект). Налицо достижение того уровня, когда твердо можно заявить о создании новой ветви в российской историографии.

Если в начале шло накопление богатого эмпирического материала, захватывала новизна, открытие первоисточников, то последующие публикации отличаются более объективным и взвешенным тоном изложения, широтой охвата материала, стремлением к обобщениям и выводам, уточнением статистики, хронологии событий, дат, терминологии и т.п. Правда, многие исследования носят региональный характер.

К приоритетным направлениям исследований относится выявление сути и характера государственной репрессивной политики как части национальной политики, ее идеологическое обеспечение и практика. Анализируются причины, ход и формы репрессивных акций, функции репрессий и их исторические этапы. Очевидно, что основным фактором, определявшим механизм репрессий, их направленность, методы, масштабы и т.д., являлся тоталитарный режим. Учитывается в работах и роль внешнего фактора, в частности при оценке причин депортаций, – обострение международной обстановки (война в Европе с 1939 г.).

В вопрос о периодизации и характере репрессий вносятся некоторые уточнения, с учетом региональной специфики. Так, О.Гербер считает, что «раскулачивание» немецкой деревни в Западной Сибири хронологически сдвигается в конец 1934–начало 1935 г. «Чистки» «чуждых кулацких элементов» и «довыявления» таковых определяются ею, как «этническая чистка» и начало поисков «пятой колонны» в лице немцев. К выводу о том, что в 1934–1938 гг. в немецких деревнях Сибири и Алтайского края шла этническая чистка, приходят независимо друг от друга Л.Белковец

и В.Бруль[15]. Вызывает интерес публикация Ф.Ишбулаева, основанная на документах о судьбах репрессированных немцев Оренбуржья, однако, к сожалению, фактология вытесняет научный анализ приведенных архивных данных Информационного центра Управления внутренних дел области[16]. В целом же необходимо уточнение численности и списков жертв репрессий (иногда приводимых в конце публикаций), пик которых падает на 1937–1938 гг., и создание банка данных. Пока в этом направлении работа ведется только в Нижнем Тагиле[17].

Тема «раскулачивания» и репрессий 1930-х гг. против немцев сравнительно глубоко изучена по регионам, однако нет пока обобщающей работы, слабо изучены ареалы поселения спецвыселенцев, их положение. Только из АССР немцев Поволжья, по данным А.Германа, в 1930–1931 гг. было выселено 24 202 немца-«кулака» (разорено 3,7% общего числа хозяйств)[18]. Еще предстоит изучить, каковы были судьбы этих немцев, разбросанных по всей стране.

Как отдельное направление в исследованиях следует выделить рассмотрение в общем контексте антирелигиозной кампании в стране и репрессивной политики в отношении немцев вопроса о поэтапном наступлении на их духовную религиозную жизнь путем атеистической пропаганды, изъятия ценностей и закрытия церквей, преследований священнослужителей. Положение немцев-лютеран подробно рассмотрено в кандидатских диссертациях О.Курило и О.Лиценбергер, в ряде других работ. Особо следует отметить сборник документов и материалов из 13 архивов страны, отражающих историю отношений советской власти и лютеранской церкви в 1918–1950-е гг.[19] Унифицированная государственная политика по отношению к кирхе, религиозным верованиям немецкого населения Сибири в 1920–1930-е гг. отражена в статьях М.Колоткина, Н.Неживых, И.Эйгорна, Д.Савина[20]. Но мало внимания пока уделено в этом плане немцам других конфессий, меннонитам например.

Ряд авторов: А.Герман, Л.Белковец, А.Савин, В.Чеботарева исследовали вопрос борьбы с религией и последствиями этого для национального образования. Запрет преподавания закона Божьего вел к разрушению вековой традиции, к ликвидации конфессиональных и региональных особенностей немецкой национальной школы. Свою роль сыграли массовые чистки и репрессии против учителей. Исследователи подчеркивали роль партийных и государственных органов в закрытии национальных школ в 1938 г.

Особенно подробно судьба немецкой национальной школы в годы советской власти в Сибири рассмотрена в диссертации И.Черказьяновой[21].

В сложном вопросе о характере дискриминационной политики в отношении советских немцев, о причинах репрессий в 1930–1940-е гг. по-разному расставляются акценты. Какова направленность акций – по классовому, религиозному или национальному признаку? Ведь вместе с «раскулачиванием» шло разрушение немецкой религиозной общины и национальной школы, а такие официальные установки ЦК ВКП(б), как, например, постановление от 5 ноября 1934 г., нацеливали на ужесточение мер, применяемых сначала к «активным контрреволюционно и антисоветски настроенным элементам», «кулацким националистам», позже – «пособникам» и «агентам германского фашизма» среди немецкого населения. В начале 1990-х гг. в публикациях отстаивалась «особая линия» в отношении советских немцев. Так, по мнению В.Бруля, политика в отношении немцев «была предопределена самим фактом их существования... Да, все народы в СССР преследовались по религиозному и классовому признаку. Но российских немцев притесняли еще и по национальному принципу»[22].

В этом плане интересны выводы П.Поляна, сделанные в докторской диссертации: «Вопреки декларациям, в СССР наблюдалась поразительная эволюция от классового к этническому критерию репрессий: государство с неустанно проповедуемым интернационализмом и классовым подходом на практике тяготеет к сугубо националистическим целям и методам»[23]. Существует и такая точка зрения, изложенная в диссертации И.Алферовой: репрессии, обрушившиеся с середины 1930-х гг., «в равной степени затронули все регионы и национальности страны. Репрессивная политика имела под собой не националистические, а, прежде всего, идеологические и политические основания». Показав всеохватность и масштабность этих акций, автор утверждает: «Неправильно было бы видеть в депортациях проявление шовинизма, направленного против каких-то отдельных народов». При этом отмечается, что значительную роль в ужесточении внутреннего режима сыграла «сложная международная обстановка»[24].

П.Полян определяет депортации (насильственные миграции) как одну из специфических форм политических репрессий. Раскрывая их особенности (административный, т. е. внесудебный характер, списочность, масштабность и др.), давая подробную классификацию, выделяя тотальные депортации в годы войны – превентивные или по принципу «возмездия», – он характеризует превентивное переселение советских немцев «как самый массовый прецедент» (с учетом демобилизованных из армии – более 1 млн человек)[25]. Определенную новизну исследованию П.Поляна придает рассмотрение внутренних депортаций в совокупности с внеш-

ними. Он исследует депортации советским режимом не только своих, но и «чужих» граждан, ввоз их в СССР с целью использования их труда.

К середине 1990-х гг., когда складывается историография по истории депортаций других народов, относятся и первые попытки сравнительных характеристик, более комплексного рассмотрения столь сложной проблемы, обобщения исторического опыта по регионам. Внимания заслуживает книга Н.Бугая, представившего на базе секретных архивных материалов ход депортаций разных национальных групп, этносов и документальную основу их реабилитации. Их изучение и сопоставление позволило автору констатировать, что депортациям в СССР с 1930-х до начала 1950-х гг. подверглись более 40 групп населения и полностью 15 народов[26].

Тема депортации немцев из европейской части СССР подробно освещена в монографиях А.Германа, Н.Бугая, В.Бруля, раскрывших механизм подготовки и осуществления этой чудовищной акции, ее идеологическую подоплеку. Этой же теме посвящен ряд выступлений на научных конференциях (В.Ауман, А.Герман, Ф.Надь, Т.Чебыкина и др.)[27]. В последние годы заметно расширены научные представления о поэтапном ходе депортации немцев с территории Северного Кавказа в Казахстан. Это диссертационные исследования А.Хунагова, А.Гонова (1998 г.), работы Т.Плохотнюк, В.Котова[28]. Однако практически не затронут вопрос эвакуации свыше 50 тыс. немцев из Крыма на Ставрополье (и 3 тыс. – в Ростовскую область) и уже оттуда – в глубь страны.

В свете имеющихся публикаций трудно согласиться с выводом А.Шадта, что депортация немцев в годы войны «до сих пор является малоизученной проблемой». Процесс депортации имеет два аспекта: насильственное выселение и вселение. Второй аспект действительно изучен слабее. А.Шадт, В.Бруль пытаются определить ареалы расселения, рассматривают условия приема спецпереселенцев в Западной Сибири, их правовой и социальный статус, принудительную внутреннюю миграцию и т.д.[29] К сожалению, развитие этой темы объективно затруднено на сегодня тем, что россиянам менее доступны архивы Казахстана.

В статьях В.Бруля, Л.Белковец нашли отражение события повторной депортации немцев из Сибири на работы в районы Крайнего Севера: в 1942 г. – из Новосибирской области в Нарым, на Таймыр, из Омской области, Красноярского края в Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский округа[30]. Заметное внимание исследователей привлек вопрос трудоиспользования немцев, включая послевоенное время, в частности, мобилизация их с января 1942 г. (с конца 1941 г. и демобилизованных из армии) на прину-

дительные работы в ведение НКВД и других наркоматов в трудармию. Это позволило глубже осветить и социально-экономические аспекты проблемы депортаций. В изучении этого исторического феномена сделан существенный прорыв: от тезисов и статей фрагментарного характера к более подробным исследованиям: «трудармейцы» на предприятиях Урала, в угольной промышленности Кузбасса, в Сибири и Оренбуржье (Н.Вашкау, Е.Казаков, Н.Бугай, Е.Чупина, А.Федорова и др.)[31]. Статьи А.Суслова, В.Кириллова, Н.Климовой, Н.Морозова глубоко раскрывают положение спецконтингента «мобилизованные немцы» в отдельных лагерях Уральского региона и Республики Коми; интересны работы источниковедческого плана (О.Гербер, П.Ремпель, Р.Бикматов, К.Заболотская и др.)[32]. Появились глубокие комплексные диссертационные исследования. Так, А.Курочкин впервые попытался дать научное определение «трудармии» как рабочих формирований, сочетавших в себе элементы военной организации, производственной сферы и лагерного режима содержания; четко выделил хронологические рамки и рассмотрел четыре этапа в истории ее существования; организацию и места размещения, режим содержания и условия жизни трудармейцев. Выявив «отсутствие острой необходимости в жестко-принудительном использовании их труда» (немцы составляли 11% трудового контингента НКВД и других наркоматов), автор делает вывод о «неадекватной перестраховке» режима в стремлении избежать нежелательных эксцессов при взрывоопасной ситуации в местах скопления тысяч переселенцев (развивая тезис, выдвинутый А.Германом)[33]. На большом фактическом и документальном материале, под углом зрения комплектования трудармии из представителей «провинившихся» народов, эти же вопросы: характер трудовой деятельности, социально-психологический и политический портрет немца-трудармейца, вклад его в общую Победу – впервые комплексно раскрываются в монографии А.Германа и А.Курочкина[34].

Бесспорно заслуживает внимания исследователей еще один недавно вышедший сборник – систематизированная подборка документов по проблематике депортаций: принудительных мобилизаций немецкого населения в 1940-е гг. в рабочие колонны и батальоны; регламентации условий работы и проживания на трудовом фронте: Урале, Сибири и Дальнем Востоке, Казахстане и Средней Азии; а также освобождения от трудовой повинности[35].

В региональном срезе тему трудмобилизованных НКВД и спецпоселенцев на Урале – на основе материалов центральных и местных архивов – рассматривает в кандидатской диссертации Г.Маламуд. По его данным, на 1 января 1944 г. по Уральскому региону наибольшее количество немцев в лагерях НКВД размещалось

на территории Молотовской, Свердловской и Челябинской областей – около 120 тыс. человек – 30% от численности по СССР[36].

При изучении сложной проблемы депортаций советских немцев затрагивается вопрос об их частичных переселениях в довоенное время («зачистка территорий»), просматривается аспект отношения оккупационных властей к этническим немцам, например, на Северном Кавказе – в кандидатской диссертации З.Бочкаревой, а также в работах Т.Плохотнюк и А.Хунагова[37]. А.Хунагов выделяет повторную волну депортации с Кавказских Минеральных Вод «фольксдойчей», обвиненных в пособничестве врагу.

Вопрос о выселении немцев с оккупированных территорий в Германию и их послевоенной репатриации в СССР, включая военнопленных-немцев (последних в Сибири оказалось более 23 тыс. человек), рассматривают П.Полян и Т.Иларионова на фоне послевоенных российско-германских отношений и проблемы «остарбайтеров». В.Бруль, упоминая около 200 тыс. репатриантов в Сибири с мая 1945 г., анализирует их расселение по областям[38].

Однако судьба этих российских немцев, их правовое положение мало исследованы. Понятна сложность темы, выходящей за рамки внутренней политики. Очевидно, что это требует дифференцированного взвешенного подхода, скажем, в оценке переселения немцев из Прибалтики в Германию и депортаций и репатриации вывезенных с Украины и других регионов.

Затронута в некоторых работах и тема выселения немцев из Калининградской области в послевоенные годы[39].

Ряд интересных обзорных и аналитических статей – П.Ремпеля, О.Гербер, А.Шадта, В.Бруля, А.Германа и др., представляющих и классифицирующих документы из центральных и областных архивов (по принципу комплектования – государственные, партийные и ведомственные), позволяют выделить источниковедение как сложившееся направление в исследовании проблемы. (В отличие от историографии, которая, несмотря на столь значительный объект исследования, только делает свои первые шаги.) Авторами рассмотрены особенности документов, характер источников, методологический подход в их систематизации. При этом, как отмечает А.Герман, наметились «тенденции явной недооценки исследователями бывших партийных архивов»[40].

Определенный вклад в развитие данного направления вносят обзоры отдельных архивных фондов, публикуемые в Научно-информационном бюллетене. Однако документальные материалы многих местных архивов еще ждут своих исследователей.

Послевоенная история политических репрессий и их последствий, тех изменений, которые произошли после 1955 г. в условиях либерализации режима, нашла своеобразное продолжение в осве-

щении вопроса о спецпоселениях и проблемы реабилитации репрессированных народов. Этому способствовали публикации законодательных и нормативных актов, полемика в печати, статьи, посвященные правовому положению репрессированных и их реабилитации (Н.Бугай, Б.Лазарев, К.Моргунов, Б.Цой)[41]. Проблема реабилитации народов рассматривается в работах А.Гонова, в материадах по вопросам общественно-политического немецкого движения[42].

Несмотря на отдельные реальные шаги по реабилитации тысяч невинно пострадавших немцев, в целом вопрос о полной реабилитации народа остается нерешенным. Это не может не отражаться на процессе исследования: в основном раскрывается юридическая сторона, показываются трудности социальной реабилитации российских немцев, подчеркивается значение национально-культурной автономии и сохранения памяти.

Таковы основные направления в развитии отечественной историографии по означенной проблеме.

В заключение несколько слов об отдельных подходах в ее изучении и терминологии. Речь идет, например, об употреблении понятия «геноцид». Прозвучавшее на волне эмоций и душевной боли в отдельных выступлениях, оно вошло в литературу, в научный обиход и оказалось весьма живучим, вплоть до введения его в «Закон о реабилитации репрессированных народов». Однако этот термин вызывает различные толкования среди российских ученых. Определенную ясность в этот вопрос вносит А.Герман, подчеркнувший необходимость подняться «над ненаучными эмоционально-субъективными представлениями о советском периоде истории российских немцев». Он четко высказался против попыток провести в некоторых публикациях «мысль о том, что у большевистского режима к советским немцам была особая ненависть ...проводилась особая политика геноцида». Также А.Хунагов попытался в диссертации показать различие важных исторических понятий – «геноцид» народов и «депортация», зачастую рассматриваемых как однозначные явления. По его мнению, это «не совсем правильно. Очевидно то, что понятие «геноцид» более емкое и включает проведение комплекса более жестких мер по отношению к народам и группам населения»[43]. Этой точки зрения придерживаются и Н.Бугай и А.Гонов, представившие в своей монографии периодизацию этапов реабилитации репрессированных граждан и ее правовую основу[44].

Однако понятие «геноцид» еще широко бытует в публикациях и выступлениях. Так, А.Курочкин отмечает, что война с Германией «трансформировала традиционную для сталинского режима политику жесткого подавления советских немцев в фактический,

хотя и непреднамеренный, геноцид против них». Встречаются термины «моральный» геноцид (этноцид), физический и духовный геноцид народа[45].

И хотя надо отметить, что за короткое время сделано немало, до сих пор история политических репрессий против советских немцев написана фрагментарно, несмотря на отдельные глубокие исследования по избранной проблеме или региону. Есть сложившиеся творческие контакты российских ученых с зарубежными коллегами и, кажется, есть достаточный творческий потенциал. Явно не хватает координирующего центра в РФ по разработке этой проблемы или единого исследовательского проекта, как связующего звена. Думается, назрело время говорить об этом, так как к этому нас обязывает память.

Примечания:

[1] Малиновский Л.В. История советских немцев в историографии ФРГ // Вопр. истории. 1991. № 2. С.240.

[2] Вебер Р. Чего ждут «приволжские немцы» // Дружба народов. 1988. № 11. С.238–244; Вормсбехер Г. Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 11. С.193–203; Чернышов В.В. Уроки по истории советских немцев // Нойес лебен. 1988. № 38; Чешко С.В. Время стирать «белые пятна» // Сов. этнография. 1988. № 6. С.3–15; Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6; Он же. За что переселялись народы? // Агитатор. 1989. № 11; Он же. Депортация народов с Украины (1930–1950-е годы) // Укр. ист. журн. 1990. № 10,11; Исаков К. Урок немецкого // Новое время. 1989. № 15; Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2; Хлевнюк О. 1937 год: противодействие репрессиям // Коммунист. 1989. № 18; Кичихин А. Советские немцы // Нойес лебен. 1990. № 37–50 и др.

[3] Воспитание культуры межнациональных отношений: Материалы Респ. науч.-практ. конф. – Алма-Ата, 1988; Die Deutschen in der Bruderfamilie der Sowjetvölker: Materialien der wissenschaftlich-praktischen Republikkonferenz, die am 16.-17. Juni 1989 in Alma-Ata stattfand. Alma-Ata: Kasachstan, 1991. S.7 ff, S.35 ff. Siehe; Chassanajew M. Die Archivalien über die Sowjetdeutsche während der Kriegs – und Nachkriegszeit (1941–1955). Eine Übersicht. S. 50–56.

[4] Советские немцы: история и современность: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф., Москва, 15-16 нояб. 1989 г. / ПМБ–ИМЛ–ЦК КПСС. М., 1990. С.168–184; 195–216; 266–271.

[5] Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД–МВД СССР) // СОЦИС. 1990. № 11. С. 5–57; Он же. Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954–1956 гг.) // СОЦИС. 1991. № 1. С.5–26; Он же. Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С.151–155; Он же. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социол. исследования. 1991. № 6. С.17, 26.

[6] Поляков Ю.А. и др. Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения. 1937 г. // СОЦИС. 1990. № 6–8; Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937–1939 гг.// Социол. исследования. 1991. № 2. С.79–81; Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. науч. тр. М., 1994.

[7] Бугай Н.Ф. Документы из архива: Депортация: Берия докладывает Сталину // Коммунист. 1991. № 3. С.91–98; Он же. «Погружены в эшелоны и отправлены в места поселений...»: Л.Берия – И.Сталину // История СССР. 1991. № 1. С.143–165; Он же. «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // Там же. 1991. № 2. С.172–180; Он же. 40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) / Сост. Н.Ф.Бугай // Там же. 1992. № 1; Он же. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // Там же. 1992. № 2; Он же. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отеч. история. 1992. № 4. С.37-49; Он же. 20–50-е годы: принудительное переселение народов // Обозреватель. 1993. № 11(15); Он же. Депортация народов (конец 30-х–начало 40-х годов) // Россия в XX веке. М., 1994. С.475 и др.

[8] Исаков К. 1941: другие немцы: Была ли в Поволжье «пятая колонна»? // Новое время. 1990. № 17; Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Воен.-ист. журн., 1990. № 9. С.22–38; Шлейхер И. Насыпки отечества? // Отечество. Вып.3. М., 1992; Вашкау Н.Э. Депортация российских немцев в 1941 году // Проблемы отечественной истории. Волгоград, 1994; Она же. Немцы в России: история и судьбы. Волгоград, 1994. С.48–55; Бибикова О. Репрессии длиною в жизнь // Азия и Африка сегодня. М., 1995. № 1. С.2–9; Вылцан М. А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этногр. обозрение. 1995. № 3.

[9] И.Сталин – Л.Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, коммент. / Вступ. ст., сост., посл. Н.Ф.Бугай. М., 1992; Павлова Т.Ф. Документы ЦГАОР СССР по истории депортации народов в 40–50-е годы // Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации, 1990–1992 годы: Документы и материалы. М., 1993. С.64–77; История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. В.А.Ауман, В.Г.Чеботарева. Т.1 (разд.4). М., 1993. Т.2. М., 1994; «Особая папка» И.В.Сталина: Из материалов секретариата НКВД–МВД СССР, 1944–1953 гг.: Каталог документов // Архив новейшей истории России. Т.1. М., 1994; Ямпольский В. «Надо выселить с треском»: Новые документы о трагедии советских немцев // Новое время. 1994. № 23. С.36–37; Депортации народов СССР (1930-е–1950-е годы). Ч.2. Депортация немцев (сентябрь 1941–февраль 1942 гг.) / Сост. О.Милова. М., 1995. (Материалы к сер. «Народы и культура»).

[10] Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика, 1996.

[11] Роковые дороги поволжских немцев, 1763–1993 гг. / Авт. и сост. В.Г.Фукс. Красноярск, 1993; Судьба российских немцев: Коллективная исповедь в письмах / Сост. и ред. Т.Илларионова. М.,1993; Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий (20-е–80-е гг.). Вып.5 / Сост. Т.Тигонен, В.Видерт. СПб., 1993; Гергерт В.Э. Мечта и грешная земля: Документ. повествование. Пермь, 1994; Книга памяти / Сост. и вступ. ст. В.М.Кириллова. В 2 ч. Екатеринбург, 1994; Мы дети российских немцев (воспоминания и документы). Вып.1 / Сост. Г.Бернер и др. СПб.: Петро-РИФ, 1995; Вольтер Г.А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее: Свидетельства очевидцев. Изд. 2-е, доп. и испр. / Под ред. В.Ф. Дизендорфа. М., 1998; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т.1. 1919–1930. Барнаул, 1998; Немцы в Республике Коми. Сыктывкар, 1998. С.31–77 и др.

[12] Герман А.А. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941. Ч.1. Автономная область, 1918–1924. Саратов, 1992; Ч.2. Автономная республика, 1924–1941. Саратов, 1994; Белковец. Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х–1930-е годы). М., 1995; Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч.1–2. Топчиха, 1995.

[13] Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае: Попул.-ист. очерки. Барнаул, 1995; Он же. История немцев в России: Учеб. пособие. Барнаул, 1996; Матис В.И. Немцы Алтая: Науч.-попул. очерки. Барнаул, 1996; Шелленберг И. История села Орлово. М.: Готика, 1996.

[14] Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч.2. С.330; Он же. Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918–1941): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1995.

[15] Белковец Л.П. «Большой террор» в немецких селах Западно-Сибирского края // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современное положение: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 20–25 сент. 1995 г. М.: Готика, 1996. С.452–456; Бруль В.И. Из исторического наследия и этнического прошлого алтайских немцев // Там же. С. 446–451; Гербер О.А. Этническая чистка в Сибири (1934–1935 гг.) // Из прошлого Сибири: Межвуз. сб. тр. Вып.2. Ч.2. Новосибирск, 1996. С.112–113.

[16] Ишибулаев Ф.А. Судьбы репрессированных немцев Оренбуржья // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура: Материалы науч.-практ. конф. «Многонац. мир Оренбуржья». Вып.11. Оренбург, 1998. С.54–96.

[17] Кириллов В.М. Узники Тагиллага НКВД (Принципы комплектования базы банка данных) // Круг идей: Развитие исторической информатики: Тр. 2-й конф. Ассоциации «История и компьютер». М., 1995. С.46–53; Он же. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в середине 1920– нач. 1950-х гг. Ч.1. Репрессии 20–30-х гг. Ч.2. Тагиллаг 1940–нач. 1950-х гг. Н.Тагил, 1996; Он же. Спецпереселенцы в Нижнетагильском регионе (проблемы создания банка данных) // История России первой трети XX в.: Историография, источниковедение: Сб. науч. тр. участников науч. конф., Екатеринбург, 1996. С.65–67; Он же. Репрессированные в Нижнетагильском регионе Урала (проблемы формирования банка данных) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1918–1980-е годы): Сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале», Н.Тагил, 10–12 нояб. 1997. Н.Тагил, 1997. С.16–28.

[18] Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч.2. С.110.

[19] Курило О.В. Лютеране в России (XVI–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь св. Марии в Саратове (1770–1935). Саратов, 1995. С.55–64; Она же. Лютеранская церковь в Саратовском Поволжье в годы советской власти // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы Рос.-герм. науч. конф., Анапа, 22–26 сент. 1994 г. М., 1995. С.275–281; Она же. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство 1917–1938 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997; Лютеранская церковь в Советской России (1918–1950 гг.): Документы и материалы / Сост. О.В. Курило. М., ИЭА РАН, 1997; Михайлов С.С., Мешков К.Ю. Из истории взаимоотношений религиозных общин и государства в Москве и Московской области // Там же. С.172–177.

[20] Савин А.И. Меннонитские общины Сибири в 20-е годы // Немцы Сибири: история и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Ч.2. Омск, 1995. С.19–22; Колоткин М.Н. Конфессиональный фактор у немцев Сибири в 1920–1930-е годы // Протестантизм в Сибири: история и современность: Материалы междунар. науч. конф. «Протестантизм в Сибири», Омск, 26–28 мая 1998 г. Омск, 1998. С.43–47; Неживых Н.А. Отношение советской власти к протестантским организациям в 1919–1925 гг. // Там же. С.91–95; Эйнгорн И.Д. Протестантизм в Сибири 1920–1930 гг. // Там же. С.188–191.

[21] Чеботарева В.Г. Полицейщина в национальной школе: Насильственное насаждение русского языка в АССР немцев Поволжья (1937–1941 гг.) // Немцы Сибири: история и культура. Омск, 1993. С.23–27; Белковец Л.П. Политика советской

власти в отношении немецкой национальной школы в Сибири в 20-е гг. // Российские немцы: Проблемы культуры и образования. Новосибирск, 1996. С.89–105; Савин А.И. Борьба за будущее: Немецкие школы Сибири и политика советизации колоний в 1920-е годы // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современное положение. Материалы... С.406–421; Черказьянова И.В. Закрытие немецких национальных школ в Сибири как следствие усиления репрессивной политики государства в 1930-е годы // Музей и общество на пороге XXI века: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 120-летию ОГИК музея. Омск, 1998. С.125–128; Она же. Немецкая национальная школа в Сибири (конец XIX в.–1938 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998.

[22] Дитц А. Особая линия: От репрессий по признаку крови к геноциду... // Советские немцы: история и современность: Материалы... С.169-184; Бруль В.И. Особая линия в политике по отношению к российским немцам (на примере Немецкого района Алтая) // Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы науч. конф., Москва, июнь 1993 г. С.67–72.

[23] Полян П.М. География принудительных миграций в СССР: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1998. С.14.

[24] Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х–50-е годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С.15.

[25] Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С.5; Полян П.М. Указ. соч. С.18.

[26] Бугай Н.Ф. Депортация народов в СССР: история и современность // Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации, 1990–1992: Документы и материалы. М., 1993. С.30–63.

[27] Ауман В.А. Депортация российских немцев в восточные районы СССР (1941 г.) // Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы... С.77–84; Алферова И.В. Указ. соч.; Надь Ф.К. Трагедия советских немцев // Немцы Сибири: история и современность: Материалы... Ч.1. С. 83–86; Чебыкина Т.В. Депортация немецкого населения в Новосибирскую область // Там же. Ч.2. С.57–60; Герман А.А. Депортация немецкого населения из Саратова, Саратовской и Волгоградской областей // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. М.: Готика, 1998. С.277–283 и др.

[28] Бугай Н.Ф. Депортация немцев с юга России в 40-е годы: причины, ход, последствия // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы... С.40–52; Котов В.И. Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С.193–209; Плохотнюк Т.Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII–середина XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1996; Она же. Российские немцы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // История и культура российских немцев. Вып.3. Ч.2. Саратов, 1996. С.78–98; Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е гг. XX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1998; Хунагов А.С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья (20-е–50-е годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Он же. К вопросу о причинах депортации народов и групп населения в 20–50-е годы // Вестн. науки и образования. 1997. № 5.

[29] Бруль В.И. Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940–1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы... С.338-349; Шадт А.А. Прием и расселение спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941–1942 гг.) // Там же. С.314–322; см. также: Вольхин А.И., Мот-

ревич В.П. Деятельность органов НКВД по пресечению побегов спецпереселенцев с территории Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика... С.145–155.

[30] Бруль В.П. Немцы в Западной Сибири. Ч.2. Топчиха, 1995. С.101–107; Он же. Повторная депортация немцев в Нарым и в районы Крайнего Севера // Из прошлого Сибири. Вып. 2. Ч.2. Новосибирск, 1996. С.96–101; Белковец Л.П. Нарымская эпопея немцев Поволжья в 1941–1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы... С.284–313.

[31] Бугай Н.Ф. Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовая армия, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы... С.84–90; Вашкау Н.Э. Участие российских немцев в «трудармии» в годы Великой Отечественной войны // Немцы Сибири: история и современность: Материалы... Ч.1. Омск, 1995. С.33–38; Казаков Е.Э. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне: мобилизованные немцы // Там же. С.63–65; Мотревич В.П., Шефер Е.А. Немецкая «трудовая армия» в Свердловской области в 1940-е годы // Там же. С.81–83; Вашкау Н.Э., Алексеева Е.А. Российские немцы в трудармии // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма: Рос.-герм. конф. историков, Волгоград, май 1995 г. М., 1997. С.56–62; Федорова А.Ф. На работу в колонии НКВД // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Оренбург, 1997. С.18–23; Чупина Е.В. Немцы-спецпоселенцы в Свердловской области (за строками архивных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика... С.198–205; Суслов А.Б. Трудовая мобилизация советских немцев в годы Великой Отечественной войны (на примере Пермской области) // Там же. С.186–198; Немцы в Республике Коми (страницы истории репрессивной политики). Сыктывкар, 1998.

[32] Бикматов Р.П., Заболотская К.А. Трудармейцы-немцы на шахтах Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы... С.90–96; Кириллов В.М., Климова Н.В. Советские немцы и спецотряд № 18-74 // Книга памяти. Екатеринбург, 1994. С.87–98; Гербер О.А. Источники изучения проблемы использования принудительного труда мобилизованных немцев в угольной промышленности Кузбасса в 1940-е годы // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современное положение: Материалы... С.97–115; Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Там же. С.69–96; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Комикрае 1929–1956. Сыктывкар, 1997; Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953) // Годы террора: Книга памяти жертв полит. репрессий. Пермь, 1998. С.169–229.

[33] Курочкин А.Н. Создание военизированных формирований из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып.1. Саратов, 1997. С.91–99; Он же. «Трудармия»: историография и источники // Российские немцы: Историография и источниковедение: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 4–9 сент. 1996 г. М., 1997. С.126–133; Он же. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. С.2,11,18.

[34] Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «трудовой армии» (1941–1945). М.: Готика, 1998.

[35] «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И.Сталин»: Сб. документов (1940-е годы) / Сост., пред., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.Ф.Бугая. М.: Готика, 1998.

[36] Маламуд Г.Я. Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х–начале 50-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург,

1998; Он же. Использование труда мобилизованных советских немцев в промышленности Урала в 1940-х годах // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Ч.1. Екатеринбург, 24–25 февр. 1998 г. С.454–457.

[37] Бочкарева З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1992; Плохотнюк Т.Н. Политика германских оккупационных властей в отношении фольксдойче на Северном Кавказе (1941–1943 гг.) // Актуальные вопросы исторической и юридической науки: Сб. науч. тр. Ставрополь: СГПУ, 1994; Хунагов А.С. Указ. соч.

[38] Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан, 1944–1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С.26–41; Он же. Репатриация советских граждан и их судьбы // СОЦИС. 1995. № 5, 6; Полян П.М. «OSTы» – жертвы двух диктатур // Родина. 1994. № 2. С.51–57; Он же. Жертвы двух диктатур: Военнопленные и остарбайтеры в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; Бруль В.И. Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940–1955 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы... С.345; Иларионова Т.С. Желания и возможности: Проблема выезда немцев из СССР в контексте послевоенных советско-западногерманских отношений (1955–1964) // Там же. С.367–384.

[39] Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отеч. архивы. 1993. № 1. С.4–20.

[40] Герман А.А. Документы партийных архивов как источник изучения истории «советских» немцев: общеметодологический подход // Российские немцы: Историография и источниковедение: Материалы... С. 97; см. также: Павлова Т.Ф. Указ. соч.; Рempель П.Б. Указ. соч.; Белковец Л.П. Материалы о спецпереселенцах-немцах в архиве Управления внутренних дел Новосибирской области // Немцы Сибири: история и современность: Материалы... Ч.1. С.10–14; Черказьянова И.В. Следственные дела архива УФСК как массовый источник по изучению репрессивной политики советского государства (на примере Омской области) // Там же. Ч. 2. С.64–67; Бруль В.И. Материалы архивов Западной Сибири о судьбе немецкого населения региона в 1920–1950 гг. // Российские немцы: Историография и источниковедение: Материалы... С.284–292; Гербер О.А. «Раскулачивание» немецкой деревни в Западной Сибири, 1928–1934 гг.: Источники и состояние проблемы // Там же. С.293–302; Иларионова Т.С. Текущая документация организаций и обществ российских немцев: возникновение, состояние, проблемы систематизации // Там же. С.140–146; Шадт А.А. Материалы о немцах-спецпереселенцах в Государственном архиве Новосибирской области // Там же. С.118–125 и др.

[41] Бугай Н.Ф. «Закон о реабилитации репрессированных народов»: Два года спустя // Обозреватель. 1993. № 19; Дизендорф В. Закон РФ «О реабилитации репрессированных народов» и проблемы его выполнения / Содокл. зам. пред. о-ва рос. немцев «Видергебурт» // Конфедерация репрессированных народов... С.165–173; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Сост. Е.Х.Зайцев. М., 1993; Реабилитация народов и граждан, 1954–1994 гг.: Документы / Сост. И.Алиев. М., 1994; Моргунов К.А. Реабилитация российских немцев: Некоторые аспекты российского законодательства // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Оренбург, 1997. С.40–44; Лазарев Б.М. Правовые вопросы репрессированных народов // Государство и право. 1994. № 12; Цой Б.С. Социальные, экономические аспекты народов и граждан, репрессированных в СССР по политическим мотивам // Там же. № 12; Закон «О национально-культурной автономии» // Сов. Россия. 1991. 20 июля.

[42] Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации...; Он же. Северный Кавказ: Реабилитация репрессированных народов (20–90-е гг. XX в.). Нальчик, 1998; Дитц А. Социальная реабилитация российских немцев и память // Российские немцы и национальные меньшинства Европы: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Будущее российских немцев...», Москва, 19–21 окт. 1994 г. М., 1995. С.112–122, 192–193.

[43] Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч.2. С.33; Хупагов А.С. Указ. соч. С.18.

[44] Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. С.17,33,320.

[45] Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности... С.13; Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет: Судьбы российских немцев и наше национальное движение. Кн. 1. От национальной катастрофы к попытке возрождения. М., 1997. С.95–138; Вольтер Г. Зона полного покоя... 2-е изд. М., 1998. С.389–390.

Kurze Inhaltsangaben zu den Aufsätzen in diesem Buch

W. Schajdurow: Die Rußlanddeutschen. Tragödie eines Volkes

Der kurze Abriß der Geschichte der Rußlanddeutschen soll die Auffassung des Autors belegen, daß diese bereits seit über hundert Jahren in latentem Konflikt mit dem Staat leben. Dargestellt wird der permanente Druck der Staatsführung auf die Deutschen an den Reformen Alexanders II. und der von ihnen ausgelösten Emigrationswelle, an den tragischen Ereignissen von 1914 und an der nach 1917 einsetzenden Sowjetisierung der deutschen Bevölkerung durch die Gründung von nationalen Verwaltungseinheiten. Eine Lagebeschreibung deutscher Dörfer vor der Kollektivierung wird durch Zahlen ergänzt, die den hohen ökonomischen Entwicklungsstand wie auch den nachfolgenden wirtschaftlichen Einbruch widerspiegeln. Die dreißiger Jahre bedeuteten neue Repressionen. Der Aufsatz mündet in eine Untersuchung der gegenwärtigen Lage, speziell der aktuellen Polemik über die Bildung deutscher nationaler Rayons (Landkreise).

A. German: Repressionen als integraler Bestandteil der Rußlanddeutschen-Politik des politischen Regimes

Viele Jahrzehnte konnten die Rußlanddeutschen ihre Eigenart, zu der tiefe Religiosität, Disziplniertheit, außergewöhnliche Arbeitsamkeit und Ordnungsliebe gehören, bewahren. Mit diesen Charakerzügen mußten sie unweigerlich in Konflikt mit dem politischen Regime geraten. Doch wie die anderen Völker Rußlands glaubten auch die Deutschen an die Chance realer Autonomie. Der Aufsatz zeichnet detailliert nach, welche Wendung für sie die Autonomie sowjetischer Provenienz nahm. Dabei werden die Repressionen in den allgemeinen Zusammenhang der Nationalitätenpolitik des Sowjetstaats gestellt.

Für die Haltung der Sowjetmacht gegenüber der deutschen Bevölkerungsgruppe waren nach Auffassung des Autors neben der allgemeinen Repressionspolitik des Regimes auch die Anpassungsschwierigkeiten der Deutschen an das politische Regime und die Beziehungen zwischen der UdSSR und Deutschland verantwortlich. Letzere veranlaßten die sowjetische Führung zur «unangemessenen Rückversicherungspolitik» der Verschleppung der Rußlanddeutschen, ihrer Konzentration in Sonderansiedlungen und Einziehung zur Zwangsarbeit.

D. Brandes: Resistenz, Abwehr und Widerstand der Rußlanddeutschen 1917–1941

Thema des Aufsatzes ist die Reaktion der Rußlanddeutschen auf den Druck seitens der sowjetischen Führung, wobei der Autor auch mit Begriffen wie «Resistenz» und «Abwehr» arbeitet. Er behauptet einen hartnäckigen und ungebrochenen Widerstand gegen die Ideologie der Bolschewiki und besonders gegen die Verfolgung aus religösen Gründen. Ausführlich wird der Widerstand der mennonitischen Gemeinden dargestellt. Entschlossen war auch der Widerstand gegen die Kollektivierung und Entkulakisierung. Hier gab es Beispiele solidarischen Eintretens ganzer Gemeinschaften für einzelne Mitglieder. Ablehnend reagierten viele Deutsche auf die Einrichtung nationaler Verwaltungseinheiten und waren eher bereit, eine Unterscheidung nach ethnisch-religösen Gesichtspunkten zu akzeptieren.

N. Ochotin, A. Roginskij: Zur Geschichte der «deutschen Operation» des NKWD 1937/38

Die Autoren ordnen die Repressionen gegen die Rußlanddeutschen in den Jahren 1937 und 1938 in das Schema des «Großen Terrors» und anderer Operationen im Rahmen der sowjetischen Nationalitätenpolitik ein. Bei der Chronologie der Ereignisse und der Rekonstruktion der Entscheidungswege wurde Vollständigkeit zumindest angestrebt.

Das Modell für die Verhaftungen der Deutschen sehen die Autoren im NKWD-Befehl 00485, der ethnische Polen und polnische Staatsbürger betraf. Die Besonderheit der «deutschen Operation», die hier analysiert wird, ergab sich vor allem aus der Größenordnung der deutschen Bevölkerungsgruppe in der UdSSR sowie aus der Tatsache, daß sie über ein eigenes Staatsgebilde verfügte. Eine weitere Rolle spielten außenpolitische Aspekte.

Ausschlaggebend bei der Anwendung von Repressionen aus Gründen der Nationalität waren nach Auffassung der Autoren neben der Volkszugehörigkeit die Zugehörigkeit zu bestimmten Personenkategorien, die in verschiedenen NKWD-Befehlen erfaßt wurden, und die Beschäftigung in spezifischen Arbeitsbereichen. Außerdem spielten die soziale Zuordnung und der Wohnort eine Rolle.

Eine sorgfältige vergleichende Analyse statistischer Daten vermittelt eine Vorstellung vom Ausmaß der Verhaftungen und der Art der Verurteilungen.

W. Chaustow: Repressionen gegen die Rußlanddeutschen bis zum Beginn der Massenverhaftungen von 1937

Der Artikel behandelt im Detail sowohl Einzelfälle von Repressionen gegen Rußlanddeutsche, politische Emigranten aus Deutschland und deutsche

Staatsbürger als auch die allgemeine Richtung der Repressionspolitik in der ersten Hälfte der dreißiger Jahre.

Eindringlich stellt er dar, wie die Deutschen in wachsendem Maß mit der Furcht vor Spionen, mit Verdächtigungen und, nach der Machtergreifung der Nationalsozialisten in Deutschland, mit hochgespielten Anschuldigungen, faschistische Propaganda zu betreiben, konfrontiert wurden. Ab 1935 nahmen auch die Verhaftungen unter den politischen Emigranten zu. Dennoch kommt der Autor zu dem Schluß, daß sich die Repressionen zwischen 1932 und 1936, also vor Beginn der Massenverhaftungen des Großen Terrors", nicht speziell gegen die Deutschen richteten, sondern vorrangig politische oder soziale Gründe geltend machten.

N. Bugaj: Das autonome Staatsgebiet der Wolgadeutschen. Probleme der zerstörten Struktur und der Neuaneignung des Territoriums

Der Autor beschäftigt sich mit den Ursachen der Auflösung der Autonomen Sozalistischen Sowjetrepublik der Wolgadeutschen sowie der Deportation ihrer Bürger und analysiert den Prozeß der Aufhebung der Eigenstaatlichkeit der Deutschen im Detail. Er betont, daß gesonderte Untersuchungen zu diesem Thema bisher fehlen.

Die Auflösung der staatlichen Verfaßtheit des Gebiets der Rußlanddeutschen zog dessen ökonomischen Zusammenbruch nach sich. Es mußte neu besiedelt wie auch neu erschlossen werden. Gestützt auf Archivmaterialien der Hauptverwaltungen für Umsiedlungsfragen stellt N. Bugaj die unwiderrufliche Zerstörung der ökonomischen Infrastruktur des Gebiets der ehemaligen Autonomen Republik dar und zeigt die großen Probleme seiner Neubesiedlung. Der Aufsatz enthält viele Dokumente, die seine Schlußfolgerungen illustrieren.

V. Bruhl: Vertriebene Völker in Sibirien 1935–1965. Vergleichende Analyse des Schicksals von Polen, Kalmücken, Litauern, Esten, Letten und Rußlanddeutschen

Der Autor stellt die Vertreibungsgeschichte der Rußlanddeutschen in den größeren Zusammenhang der Deportation anderer Völker der UdSSR. Allerdings verweist er darauf, daß aufgrund der mangelnden Erforschung von Quellen kein umfassendes Bild entstehen kann. Ausgehend von der Auflösung der deutschen nationalen Rayons im Jahr 1935 unterscheidet er verschiedene Etappen der Vertreibung und verschiedene Vertriebenengruppen von unterschiedlicher sozialer Zusammensetzung. Letzteres betrifft vor allem die Deportation aus dem Baltikum, aus Moldawien und der Westuk-

raine. Verglichen werden die unterschiedliche demographische Entwicklung verschiedener vertriebener Bevölkerungsgruppen, ihre unterschiedliche Rechtslage, ihr Verhältnis zu den staatlichen Organen und die Wohn- und Lebensbedingungen. Aufmerksamkeit verdient die Darstellung des Verhältnisses der verschiedenen Vertriebenengruppen zueinander und zur eingesessenen Bevölkerung. Dargestellt werden außerdem die unterschiedlichen Formen, in denen die Rehabilitierung verlief.

T. Tschebykina: Die Vertreibung der deutschen Bevölkerungsgruppe aus der europäischen UdSSR nach Westsibierien 1941–1945

Der Aufsatz beschreibt detailliert, wie die Umsiedlung der Wolgadeutschen nach Westsibirien durchgeführt wurde. Er nennt die Instruktionen, charakterisiert das Handeln der Staatsorgane, führt an, wer die Listen zusammenstellte und an wen der Besitz ging, beschreibt die Ansiedlungsbedingungen der sogenannten Sonderumsiedler in den verschiedenen Regionen Westsibiriens und charakterisiert die Haltung der Deutschen zu ihrer Deportation. Von besonderem Interesse ist die Darstellung der Organisierung der sogenannten Arbeitsarmee und der extrem harten Lebensumstände ihrer Angehörigen. Weitere Themen sind die Siedlungsgebiete der Sonderumsiedler unter geographischen Gesichtspunkten sowie deren erneute Vertreibung im März 1942 aus dem Nowosibirsker Gebiet in den Landkreis von Narym.

G. Malamud: Die sowjetdeutschen «Arbeitsarmisten» im Ural 1942–1948

Der Aufsatz thematisiert eine der härtesten Seiten der Deportationsgeschichte der Rußlanddeutschen, die Umsetzung der Entschließung des Staatskomitees für Verteidigung von 1942, die die Erfassung aller Deutschen zwischen 15 und 55 Jahren in Arbeitskolonnen verfügte. Dargestellt werden die Lebensbedingungen der vom NKWD eingezogenen «Arbeitsarmisten» im Ural in den Gebieten Swerdlowsk, Tscheljabinsk und Molotow (heute Perm) in Untergliederungen der NKWD-Lager.

Diese Bedingungen unterschieden sich nicht im geringsten von denen der Straflager. Die Arbeit wurde faktisch nicht bezahlt; den wesentlichen Arbeitsanreiz bildete das sogenannte *kotlowka*-System, das die Essensration an den Grad der Erfüllung der Arbeitsnorm band.

Zum Alltag der Arbeitsarmisten gehörten Durchfall, hohe Sterblichkeit, katastrophale Lebensumstände, nicht selten die Unterbringung in Erdhütten, ständige Überwachung durch den KGB und Verhaftungen. Statistische Angaben über den Einsatz der Deutschen in der Industrie des Uralgebiets unter-

mauern die Schlußfolgerungen des Autors. Herausgearbeitet wird die ambivalente Situation der dienstverpflichteten Deutschen. Obwohl sie sich in nichts von der von Strafgefangenen unterschied, waren die Arbeitsarmisten der sowjetischen Propagandarhetorik im Stil der frühen dreißiger Jahre unterworfen; diese appellierte an ihren Enthusiasmus und stachelte zu ständig höheren Arbeitsleistungen an.

W. Kirillow: Rußlanddeutsche im Tagillag

Thema ist die Geschichte der deutschen Arbeitsarmisten im NKWD-Lager von Nishnij Tagil. Unter ihnen befanden sich bemerkenswert viele Wehrpflichtige der Roten Armee, die von der Front in den Ural abkommandiert worden waren. Etwa 15.000 Deutsche wurden durch diesen größten Lagerkomplex der Region geschleust. Der Autor beschreibt den Charakter der Arbeit und die Lebensbedingungen der Arbeitsarmisten und vergleicht Tagillag mit anderen Lagern des Swerdlowsker Gebiets.

T. Plochotnjuk: Die deutsche Bevölkerungsgruppe des Nordkaukasus unter dem totalitären System in den zwanziger und dreißiger Jahren

Anhand verschiedenster Dokumente aus den Archivzentren für Zeitgeschichte in Moskau und Stawropol sowie dem Staatsarchiv der Rußländischen Föderation zeichnet die Autorin das Schicksal der deutschen Siedlungen im Nordkaukasus bis zum Beginn des Zweiten Weltkriegs nach. Untersucht werden die Auswirkungen der Politik der zentralen wie der regionalen Parteiführungen auf die Lage der deutschen Bevölkerung. Als beste Zeit erwiesen sich hier die Jahre 1925-1927 mit der Gründung des später wieder aufgelösten deutschen nationalen Rayons. Doch die einsetzende Kollektivierung und der Hunger trafen auch die Deutschen im Nordkaukasus schwer. Schrittweise wurden die Möglichkeiten, Hungerhilfe aus Deutschland zu beziehen, beschnitten. Weitere Themen der Untersuchung sind die antideutsche Kampagne, die sich kontinuierlich intensivierte und jegliche Betonung deutscher Eigenart als deutschen Chauvinismus hinstellte, sowie die Ereignisse während der Massenrepressionen, als die Führung die deutsche Bevölkerung zunehmend als potentiellen Feind und berüchtigte «fünfte Kolonne» einstufte.

L. Belkowez: Die Sonderansiedlung der Deutschen in Westsibieren (1941–1955)

Der Aufsatz enthält eine detaillierte Analyse des Überwachungssystems in den Sonderansiedlungen der Deutschen in den vierziger Jahren in Sibirien.

Die ausführlichen Quellen aus den für die Sonderansiedlung zuständigen Behörden *(OSP)* stammen aus dem Archiv der Innenbehörde des Nowosibirsker Gebiets und waren bis vor kurzem absolut unzugänglich. Anhand der Dokumente lassen sich Einzelheiten des Überwachungssystems, seiner schrittsweisen Verschärfung und der Arbeitsweise der offiziellen sowie der verdeckt arbeitenden Überwachungsorgane rekonstruieren. Von besonderem Wert sind die sorgfältig kommentierten Materialien zum Meldesystem und zur Bespitzelung der sogenannten Sonderumsiedler, speziell die Beschreibung, wie unter den Deportierten selber ein Netz von Informanten aufgebaut wurde und wie es funkionierte.

L. Burgart: Das Schicksal des Einzelnen und seines Volkes. Die Personalakten der Sonderumsiedler als Quellen zu Deportation und Sonderansiedlung

Unter Verwendung von Archivmaterialien aus Ostkasachstan stellt der Autor die Funktionsweise des totalen Überwachungssystems über die Sonderumsiedler in den Jahren der Deportationen dar. In ihren Siedlungen wurden Sonderkommandanturen eingerichtet und für jede Person eine Personalakte geführt. In einer ausführlichen Analyse wird der Charakter dieser Personalakten herausgearbeitet, werden die in ihnen enthaltenen Dokumente auf ihrer Aussagekraft und mögliche Erkenntnisse hin diskutiert. Vermittelt durch die Schicksale der Einzelnen in den Fängen der bürokratischen Maschinerie entsteht ein hinreichend klares Bild von deren Funktionsweise.

T. Saburowa: Rußlanddeutsche in Nordrußland

T. Saburowa arbeitet mit Strafverfolgungsakten repressierter Deutscher aus dem Archiv des Föderalen Sicherheitsdienstes *(FSB)* für das Gebiet Archangelsk. Die deutsche Bevölkerungsgruppe war in drei verschiedenen Strömen in dieses Gebiet gekommen. Die ersten waren deutsche Bauern aus dem Wolgagbiet, der Südukraine und der Krim, Opfer der Entkulakisierungskampagne. 1941 wurden, wenn auch nicht sehr zahlreich, Deutsche aus dem Wolgagebiet hierher verschleppt. Nach 1945 wurden aus Deutschland zurückkehrende Rußlanddeutsche hier angesiedelt.

Aus den Strafverfolgungakten geht hervor, daß es in den dreißiger und vierziger Jahren eine große Zahl von Verhaftungen unter den Deutschen im Gebiet Archangelsk gab. Der Aufsatz berichtet von tragischen Einzelschicksalen und macht statistische Angaben zu Verhaftungen, Verurteilungen und zu Todesurteilen.

Je. Ejchelberg: Die religiös motivierte Verfolgung der Deutschen im Gebiet Tjumen

Eine der wesentlichen Spielarten der fortgesetzten Repressionspolitik gegen die Deutschen ist nach Meinung des Autors die Verfolgung aus religiösen Gründen von den vierziger bis in die sechziger Jahre. Sie war weniger brutal als im vorangehenden Jahrzehnt, erfaßte jedoch konsequent jene Deutschen, die ihre religiöse Identität bewahren wollten und in ihren Gemeinden aktiv waren. An konkreten Schicksalen beleuchtet der Autor den Kampf gegen Mennoniten und Baptisten. Für die Deutschen beinhaltete ihr religiöses Engagement ganz offensichtlich sowohl ein Form des Widerstands als auch der Bewahrung ihrer Kultur, ungeachtet aller Versuche zwangsweiser Assimilierung. Die angeführten Archivmaterialien belegen die ständige Bespitzelung, die Verhaftungen und Prozesse, die von staatlichen Einrichtungen und dem KGB in Gang gesetzt wurden. All dies führte nach Meinung des Autors dazu, daß viele Deutsche und besonders die Angehörigen der jüngeren Generation sich von der Religion lossagten und auf diese Weise ihre Wurzeln und ihren ethisch-moralischen Halt verloren.

O. Linzenberger: Repressionen gegen lutherische und katholische Geistliche in der UdSSR

Dargestellt werden die Repressionsmaßnahmen gegen die katholische und die lutherische Geistlichkeit in den ersten zwanzig Jahren der Sowjetmacht. Die Autorin kommt zu dem Schluß, daß diese Maßnahmen nicht speziell auf die deutschen Glaubensrichtungen abzielten, sondern Teil der allgemeinen antireligiösen Politk der bolschewistischen Regierung waren. Unmittelbar nach ihrem Machtantritt griffen die Bolschewiki in erster Linie die orthodoxe Kirche an, doch schon ab Mitte 1918 unternahmen sie Schritte auch gegen deutsche Geistliche.

Der materialreiche Aufsatz dokumentiert die Verfolgung von Geistlichen zwischen 1918 und dem Ende der dreißiger Jahre; er stellt einzelne tragische Schicksale vor und berichtet über Gerichtsprozesse gegen Geistliche sowie über deren Situation in den Lagern.

N. Smolnikowa: Repressionen mit nationalem Hintergrund und ihre Bedeutung für die derzeitigen ethnopolitischen Probleme der Wolgadeutschen

Der Aufsatz enthält eine ernstzunehmende Analyse aktueller Probleme der neuen deutschen Diaspora an der Wolga als Folge der Repressionspolitik der sowjetischen Führung. Mit der Rekonstruktion der historischen Ereignisse

wird zugleich deren Einfluß auf die Nationalkultur, die Bewahrung der Sprache und das ethnische Selbstverständnis der Wolgadeutschen in den Blick genommen.

Außer auf statistische Angaben, die eine Vorstellung von den Migrationsprozessen innerhalb der deutschen Bevölkerungsgruppe vermitteln, stützt sich der Aufsatz auf Ergebnisse ethnologischer Feldforschung, auf von der Autorin selber durchgeführten Befragungen und auf schriftliche Quellen. Durch die Untersuchung der Geschichte der neuen deutschen Diaspora an der Wolga kommt die Autorin zur Überzeugung vom langanhaltenden Nachwirken der Repressionspolitik mit bestimmenden Folgen für das nationale Schicksal späterer Generationen.

T. Illarionowa: Rehabilitierung, ein schwieriger Weg aus einer ausweglosen Situation. Das Problem der Rußlanddeutschen in den sowjetisch-deutschen Verhandlungen 1957/58

In der sowjetisch-deutschen Geschichte sind die Verhandlungen von 1957/58 zur Normalisierung der Beziehungen zwischen der UdSSR und der Bundesrepublik Deutschland ein wenig bekanntes Kapitel. Der Aufsatz schildert die politischen Wechselfälle im Verlauf dieser Verhandlungen. Die deutsche Seite nutzte das Interesse der sowjetischen Seite an regulären Wirtschaftsbeziehungen, um die Frage einer möglichen Rückführung und Umsiedlung ehemaliger deutscher Staatsbürger und ethnischer Deutscher in die Bundesrepublik auf die Tagesordnung zu setzen. Nach Meinung der Autorin hätte es eine Chance gegeben, das Problem der Rehabilitierung der Sowjetdeutschen zu lösen, doch wurde sie nicht genutzt. Denn eine Lösung lag für die deutsche Seite ausschließlich darin, den Deutschen das Verlassen der Sowjetunion zu ermöglichen, während die sowjetische Seite dies nicht akzeptieren konnte. Das führte letztlich dazu, daß die Rußlanddeutschen nie mehr dorthin zurückkehrten, von wo sie verschleppt worden waren, und keine Eigenstaatlichkeit mehr erlangten.

A. Papowjan, E. Papowjan: «Vorbeugende Maßnahmen ergreifen, aufklären...» Der KGB und das Problem der deutschen Emigration im Jahr 1957

Anhand von Dokumenten der Generalstaatsanwaltschaft der UdSSR aus dem Staatsarchiv der Rußländischen Föderation zu einer Spezialfrage wird die Situation des Jahres 1957 beleuchtet. Es handelt sich um einen Schriftwechsel zwischen dem KGB und Einrichtungen der Staatsanwaltschaft, in dem es um Personen mit deutscher Staatsangehörigkeit geht, die nach Deutschland ausreisen möchten. Der gesamte Schriftwechsel trägt den Stem-

pel des beginnenden «Tauwetters»; die Strafverfolgungsorgane sind bereits unsicher und entscheidungsunfähig und beschließen am Ende, von der Verhaftung von Personen, die **für das Recht auf Ausreise** eintreten, abzusehen.

T. Tschernowa: Das Problem der politischen Repressionen gegen die deutsche Bevölkerungsgruppe in der UdSSR. Übersicht über die sowjetische und russische Geschichtsschreibung.

Ausführlich werden die Publikationen der letzten zehn Jahre zu den Sowjetdeutschen vorgestellt, und zwar mit dem Hinweis auf die besonderen Schwierigkeiten, mit denen das bis dahin verbotene Thema den Forscher konfrontierte.

Die Geschehnisse waren zu rekonstruieren, zu analysieren, zu bewerten, die Erkenntnisse daraus mußten theoretisch verarbeitet werden. Die Autorin zeichnet zwei Etappen der Annäherung an das Thema. Ende der achtziger, Anfang der neunziger Jahre ergoß sich eine Flut häufig publizistischer Arbeiten, denen es vor allem darum ging, die Öffentlichkeit auf das Problem der Rußlanddeutschen aufmerksamzu machen und Forschungen anzuregen. In dieser Zeit wurde zunehmend in Archiven gearbeitet und Faktenmaterial zusammengetragen. Ab Mitte der neunziger Jahre gewinnt die Forschung an Tiefe und bemüht sich um theoretische Schlußfolgerungen und Verallgemeinerungen.

Die Übersicht verzeichnet Arbeiten zu Einzelthemen wie Entkulakisierung, Verschleppung und Arbeitsarmee. Darüber hinaus diskutiert die Autorin die Frage, ob es berechtigt ist, für die Repressionen gegen die Rußlanddeutschen den von einigen Autoren benutzten Begriff Genozid anzuwenden.

Aus dem Russischen von Hartmute Trepper, Bremen

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

НАКАЗАННЫЙ НАРОД

Редактор Н.Н. Марцинковская
Корректор Л.В.Петрова
Художник А.Н.Афанасьев

ЛР № 040781 от 19.09.1996 г.
Гигиеническое заключение № 77 ФЦ 8.953.П.1.2.99
от 01.02.1999 г. Подписано в печать 19.11.99.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.
Тираж 2000 экз. (2 завод: 1000 экз.)

Отпечатано в ООО «Информполиграф»
с готовых диапозитивов. Заказ 558

Общество «Мемориал»
Россия 103051, Москва, Малый Каретный пер., д.12